

Г. Д. Алексеева

НАРОДНИЧЕСТВО
В
РОССИИ
В XX В.

Идейная эволюция

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

Г. Д. Алексеева

↔—————↔

**НАРОДНИЧЕСТВО
В
РОССИИ
В XX В.**

Идейная эволюция

Ответственный редактор
доктор исторических наук
К. В. Гусев

МОСКВА «НАУКА» 1990

ББК 63.3(2)521
А 47

Рецензенты:

доктор исторических наук
Л. И. Семенникова

кандидат исторических наук
Г. И. Щетинина

Алексеева Г. Д.

А 47 Народничество в России в XX в. (Идейная эволюция). —
М.: Наука, 1990. — 246 с.
ISBN 5-02-008515-4

На большом фактическом материале в книге анализируется идейная эволюция народнической доктрины, характер ее изменения, сокращение популярности, глубокий кризис после революции 1905—1907 гг., идейный крах в 1917 г. Автор рассматривает взгляды крупнейших представителей народничества по вопросам исторического процесса, классовой борьбы революции и социализма (Мякогина, Пешехонова, Чернова, Гопа, Русанова и др.) Впервые в истории советской историографии охватываются все течения народнической мысли XX в.

Для историков и всех интересующихся историей нашей Родины

А 0503020300-279 75-90, I полугодие
042(02)-90

ББК 63.3(2)521

ISBN 5-02-008515-4

© Издательство «Наука», 1990

ВВЕДЕНИЕ

Идейная эволюция народничества в начале XX в. в России — малоисследованная проблема в советской и зарубежной историографии. Однако она представляет большой научный и политический интерес и по-прежнему актуальна.

В 60—80-е годы народничество в России шло в авангарде освободительного движения, вписав замечательные, поистине героические страницы в историю борьбы против буржуазно-помещичьего строя, оказав заметное влияние на передовую демократическую культуру. Признавая за народничеством XIX в. важную роль в развитии революционного движения, в его противоборстве с царизмом, К. Маркс и Ф. Энгельс уделяли пристальное внимание этому идейному и политическому течению, анализу его теоретической платформы, практических действий и реальной роли в европейском революционном процессе.

К истории народничества XIX в., к истории освободительной мысли в России постоянно обращался В. И. Ленин при разработке вопросов теории, программы, тактики и организации революционной партии пролетариата. В работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме» (1920) В. И. Ленин писал: «Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей неслыханных мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире»¹. Одним из таких движений было народничество, отразившее в своем развитии и беззаветность исканий, и невиданный революционный героизм, и историческую ограниченность в условиях, когда на политической арене появился новый класс — пролетариат, с новым видением мира, перспектив революционной борьбы, путей и средств преобразования общества.

Всесторонний подход к истории идейной эволюции народничества предполагает рассмотрение большого круга вопросов, связанных с сущностью этого течения, его теоретико-методологических основ, социологической и исторической концепции, обусловленных классовой природой средних слоев. Мелкая буржуазия, будучи весьма сложным слоем, порождает соответствующий ей

тип идеологов, своеобразные социальные, экономические и политические доктрины, выявлявшие их противоречивое существование в буржуазном обществе — нестабильность и колебания между пролетариатом и буржуазией. В XIX и XX вв. русское народничество стало идеологией крестьянской демократии — самой многочисленной социальной силы дореволюционной России. Отражая сложный процесс эволюции мелкобуржуазной демократии со всеми ее положительными и отрицательными чертами, народничество получило широкое распространение, оказав своими идеями заметное влияние на развитие различных областей культуры: науку, литературу, искусство.

На рубеже XIX—XX вв. в социальных науках народнические идеи получили развитие в трудах историков-профессионалов: В. И. Семевского, В. Я. Богучарского, И. И. Игнатович²; в этнографии — А. Я. Ефименко, В. Г. Тан-Богораза³; в статистике — Н. Ф. Анненского, К. А. Вернера, В. Е. Постникова, Ф. А. Щербины; в социологии — П. А. Сорокина, С. И. Солнцева, К. М. Тахтарева⁴. Под воздействием народничества в русской художественной литературе сложилось целое направление, крупнейшими представителями которого стали В. Г. Короленко, Г. И. Успенский, Н. Г. Гарин-Михайловский; в поэзии — Н. К. Клюев, С. А. Есенин, отчасти А. А. Блок. В рамках народнического направления развивалась демократическая общественно-политическая периодика конца XIX—начала XX в. На страницах журналов «Былое», «Русское богатство», «Русская мысль» выступали талантливые публицисты, принадлежавшие к этому направлению. Н. С. Русанов, В. М. Чернов, Л. Э. Шишко, В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов и др. разоблачали самодержавно-помещичий строй, реакционный характер внутренней и внешней политики царизма, пропагандировали идеи социального равенства и справедливости, необходимости борьбы против царизма и деспотии. В истории русской национальной демократической культуры народничество стало целой эпохой, деятели которой впитали передовые устремления своего времени, прогресс духовной культуры, пропагандировали национальные традиции. Они защищали идеи служения народу, необходимости самоотверженной борьбы за его освобождение, показывали его выдающуюся роль в создании материальных и духовных ценностей, в защите национальной независимости.

Являясь идеологией крестьянской демократии, народничество объективно выражало классовые устремления и интересы мелких собственников, борющихся за освобождение от пут феодализма, сохранившихся в России вплоть до XX в. Однако эти реальные социальные интересы крестьянства, его заинтересованность в решении аграрного вопроса, в приобретении земли и свободы («земли и воли»), демократических прав народники облекали в форму определенной теоретической доктрины, представлявшую собой крестьянскую утопию. В. И. Ленин неоднократно отмечал это важное обстоятельство, в частности в статье «Две утопии», на-

писанной в 1912 г. «Утопия народников и трудовиков есть мечта-ние мелкого хозяйчика, который стоит посередке между капитали-стом и наемным рабочим, об уничтожении наемного рабства без классовой борьбы», — писал В. И. Ленин.

Призывая оценить народническую утопию с научных по-зиций, В. И. Ленин писал в той же статье: «Ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии *этот* демократизм есть *истина* той своеобразной историче-ски-обусловленной демократической борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобра-зования и условие его полной победы»⁵.

Деятельность народников как революционеров и демократов была направлена на решение задач буржуазно-демократической революции. Поэтому аграрный вопрос был центральным, а мелкий собственник — главной фигурой во всех теоретических построени-ях идеологов этого течения. В народнической теоретической до-ктрине все основные проблемы освободительного движения, со-циального прогресса и революции, государства, социализма решались с позиций мелкого собственника.

При всей популярности народничества в условиях России конца XIX—начала XX в., оно страдало ограниченностью, которая выявлялась все в большей степени по мере развития революци-онного процесса, особенно в XX в.

С появлением на политической арене России пролетариата, с которым связано начало нового, более высокого — пролетарско-го — этапа классовой борьбы, народничество в качестве теории освободительного движения отходит на второй план, уступая ведущую роль более передовой теории — марксизму. Это призна-вали и видные деятели народнического направления.

С середины 90-х годов начался новый этап в истории марксиз-ма, связанный с деятельностью выдающегося теоретика и лидера российского пролетариата В. И. Ленина. С первых шагов своей революционной деятельности В. И. Ленин уделял пристальное внимание изучению народничества, его идейной эволюции, классо-вой природе, степени популярности, оценке реальной роли в осво-бодительном движении. Это позволило создать научно обоснован-ную концепцию русского народничества, определить его историче-ское место в борьбе за демократию и социализм.

В условиях классовой борьбы начала XX в. заметно активизи-ровалась деятельность и идеологов народничества, которые стано-вятся лидерами различных политических партий, появившихся в то время на базе множества народнических кружков и организа-ций. Они заявляли о своем стремлении возглавить массовое рево-люционное движение. Все эти процессы совершались в крайне сложной обстановке. Под ударом марксизма, активно наступав-шего на позиции буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, по-теряв в конце XIX в. ведущую роль и революционном движении, народнические лидеры пытались вернуть ее, удержать прежние

позиции. С этой целью они вели активное наступление на марксизм, стремясь противопоставить пролетарскому социализму крестьянский социализм, теории классовой борьбы — социальную утопию классового мира, пролетарской стратегии и тактике борьбы — мелкобуржуазный авантюризм и экстремизм. Особенно острый характер эти столкновения приобрели в теоретической области. Они охватили все важнейшие проблемы, относящиеся к революционному процессу, организации классовых сил, выработке форм и средств борьбы, идейного обоснования путей преобразования общества на принципах демократии и социализма.

Еще в 90-е годы Ленин охарактеризовал народничество «в широком смысле — как теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы»⁶. В. И. Ленин постоянно указывал, что это одно из самых значительных идейных течений, на которое идеологи пролетариата должны обращать серьезное внимание. В. И. Ленин видел его опасность в неверных представлениях о капитализме, аграрном строе России, в оценках развития пролетариата и крестьянства. В. И. Ленин постоянно обращался к анализу народнических воззрений, который охватывал большое число вопросов, включая народнические трактовки роли народных масс и личности в истории, террора, общины, классовой борьбы и политических партий, характера революции и др. Только в 1914 г. В. И. Ленин написал статьи: «Народники и ликвидаторы в профессиональном движении», «Народники и „фракционное насилие“», «Народники о Н. К. Михайловском», «Народничество и класс наемных рабочих», «Народничество и ликвидаторство как элемент распада в рабочем движении», «Народничающая буржуазия и растерянное народничество». Уже после победы Октябрьской революции появились ленинские статьи «Памяти Прощьяна» и «В лакейской», которые содержат характеристику деятелей этого течения, эволюции идеологии народничества после победы диктатуры пролетариата.

В работе ставится задача — раскрыть содержание народнической доктрины начала XX в., ее исторические и гносеологические корни, ведущие тенденции и закономерности ее развития в условиях борьбы за победу пролетарской революции и утверждения идеологии марксизма. Это потребовало изучения марксистской концепции народничества в целом, а также ленинских взглядов на народничество этого времени. Ленинская концепция стала теоретико-методологическим базисом всей работы, определив ее структуру и содержание, классовые оценки ведущих идеологов и их выступлений по различным проблемам, включая борьбу против марксизма. Без рассмотрения последнего сюжета нельзя понять характера и остроты полемики, реальных результатов борьбы марксизма и народничества.

Идейно-теоретическую деятельность народников В. И. Ленин считал особенно опасной и вредной, ибо они активно выступали со своими схемами и теориями, противопоставляя их научной кон-

цепции общественного развития, внедряя свои взгляды в массовое общественное сознание. Именно это обстоятельство обусловило выступление В. И. Ленина в 90-е годы с критикой либерального народничества, когда «„Русское богатство“ открыло поход против социал-демократов»⁷. Это наступление на марксизм продолжалось и в XX в., когда особенно остро встал вопрос, под каким знаменем, т. е. руководствуясь какой теорией — марксистской или народнической — может победить в России народная революция, призванная освободить трудящихся от пут феодализма и буржуазной эксплуатации. Учет этого обстоятельства крайне важен в современных условиях, когда буржуазные историки и социологи пытаются утверждать, что народнические партии, в частности левые эсеры, были ликвидированы насильственным путем, а большевики во главе с В. И. Лениным руководствовались в этой борьбе лишь стремлением завоевать лидерство и сокрушить своих конкурентов⁸. Такой подход заметно упрощает ситуацию, сложившуюся в революционном движении России начала XX в., и с его позиций нельзя раскрыть всей сложности взаимоотношений между пролетарским и народническим направлениями, которые включали и борьбу, и объединение усилий в решении буржуазно-демократических и социалистических задач революции (коалиция с левыми эсерами).

Изучение этой темы позволяет показать, что народники, как и другие деятели мелкобуржуазной демократии (например, анархисты), не могли быть серьезными конкурентами пролетарским революционерам, ибо их программа и тактика основывались на утопических теориях и ошибочных оценках действительности. И рано или поздно сама жизнь должна была отвергнуть социологические схемы народников, показать их несостоятельность. Однако в условиях России начала XX в., многочисленности мелкой буржуазии идеология народничества стала весьма популярна среди интеллигенции, студенчества, средних слоев города и деревни. Стремление идеологов народничества внедрять свои воззрения в среду пролетариата, организовывать активные выступления против социал-демократии с целью «опровержения» учения о социализме и классовой борьбе побудило марксистов организовать широкую критику народничества. Особую остроту эта полемика приобрела в области теории и политики. В сфере политики она приобрела характер межпартийной борьбы, что достаточно обстоятельно изучено советскими историками. В области теории это противоборство носило не менее острый характер и выступало как столкновение двух идеологий — пролетарской и мелкобуржуазной. На это обстоятельство В. И. Ленин постоянно обращал внимание, призывая своих соратников критиковать общие, свойственные всему народничеству догмы, ставя на первое место их «теоретические посылки»⁹.

Следует отметить, что при всей остроте борьбы между марксистами и народниками в области теории, идеологи пролетариата объективно оценивали положительные стороны народников как

носителей крестьянской демократии, смелых революционеров, преданных делу освобождения масс¹⁰. Вместе с тем В. И. Ленин, партия большевиков упорно разъясняли опасность для массового революционного движения попыток «реставрировать народоличество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками»¹¹.

В. И. Ленин, большевики настойчиво разъясняли мелкобуржуазным демократам и революционерам важность прочных связей с рабочим классом, организации широких масс для революционной борьбы, необходимость выработки научной теории, программы и тактики¹², опасность и бессмысленность терроризма.

Борьба с народничеством, которую вела партия большевиков, на всех этапах носила весьма сложный и многогранный характер, охватывая все области: идеологию, политику, тактику. Это следует постоянно иметь в виду при изучении и оценке идейно-теоретической деятельности народников, а следовательно, и при решении проблемы краха народнической идеологии в XX в.

Главная цель работы и характер изученного материала определили структуру и содержание включенных в издание глав. Они охватывают все основные вопросы, стоявшие в центре идейно-теоретической борьбы в начале XX в. Принципиальное значение имеет анализ философских основ социологических и исторических воззрений народников, позволяющий показать коренное отличие мелкобуржуазной и марксистской теории общественного развития.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 8.

² См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 113—126.

³ Там же. С. 596—603.

⁴ Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX в. Л., 1979. С. 210—258.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 119, 120.

⁶ Там же. Т. 1. С. 351.

⁷ Там же. С. 129.

⁸ См.: Фельштинский Ю. Г. Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917—июль 1918 // На пути к однопартийной диктатуре. Париж, 1985. С. 260 и др.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 44.

¹⁰ См.: Там же. Т. 37. С. 384—385.

¹¹ Там же. Т. 7. С. 59.

¹² См.: Там же. С. 60, 63—64, 70, 71.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Первостепенное значение для разработки проблемы идейного краха народничества XX в. имеют труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, содержащие научную концепцию эволюции мелкобуржуазной демократии и ее идеологии в условиях, когда на исторической арене появился пролетариат, вооруженный передовой научной теорией в борьбе за социализм.

Глубокий научный анализ идеологии мелкой буржуазии, ее социального положения и роли в условиях развития капитализма позволил теоретикам пролетариата выработать четкую линию по отношению к этой социальной силе, выявить ее революционный потенциал, раскрыть ее двойственную природу, ее нестабильность и колебания между пролетариатом и буржуазией.

Важное место в марксистско-ленинской концепции народничества занимает определение важнейших, типичных черт мелкобуржуазных идеологов, объяснение причин их неспособности создать «определенное и цельное мировоззрение»¹, стоящее на уровне требований, предъявляемых борьбой масс за победу социализма в XX в. Объективная и всесторонняя оценка народничества XX в. позволила В. И. Ленину вскрыть его историческую ограниченность, проявившуюся в теории, программе, в стратегии и тактике революционной борьбы.

Поскольку в советской исторической литературе еще недостаточно освещена ленинская концепция народничества XX в., автор посвятил этому вопросу специальную главу.

Прежде чем переходить к оценке литературы, посвященной данной теме, необходимо остановиться на самих терминах «народничество» и «неонародничество», часто применяемых для характеристики народников XX в.

До конца XIX в. в немарксистской литературе понятие «народничество» отличалось большой неопределенностью. Это нашло отражение в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. В статье С. Венгерова отмечалось, что термин, возникший в 70-е годы, не имеет вполне точного значения и применяется как синоним демократизма. «Оживление» этого термина и его широкое распространение автор связывал с появлением марксизма и его спором с народничеством. Сам Венгерov, будучи неспособным охарактеризовать это идейное и политическое течение с классовых позиций, т. е. определить его социальное содержание, ограничился указанием на то, что «в лучшем своем смысле

Н. должно быть признано весьма знаменательным явлением нашей духовной жизни»².

В первом издании Большой Советской Энциклопедии автором статьи о народничестве был историк-марксист, выпускник ИКП, автор книг по истории рабочего движения и истории партии И. А. Меницкий. Народничество определялось им как мелкобуржуазное течение, возникшее в России в 60-е годы XIX в., как движение революционно настроенной разночинной интеллигенции, отражавшее в теории крестьянского социализма интересы мелкого производителя, мелкого буржуа. Это определение основывалось на ленинской характеристике народничества и в таком виде повторялось во всех последующих энциклопедических изданиях.

Меницкий отмечал наличие двух тенденций в народничестве, охарактеризовав народничество 70—80-х годов как революционное, а 90-х — либеральное. Народничество XX в. автор называл «неонародничеством», связывая его возрождение с массовым крестьянским движением. Неонародничество характеризовалось автором в виде суммы политических партий — эсеры, энесы, полуанархическая группа максималистов. «Программные документы, — писал Меницкий, — всех неонароднических организаций и партий представляли собой эклектическую смесь идей старого Н. и бернштейнианского оппортунизма в самой различной комбинации и пропорции». Заканчивалась статья описанием превращения неонародничества в контрреволюционную силу³. Подобная точка зрения имела весьма широкое распространение в 30—40-е годы, получив отражение и в справочной, учебной, научной литературе.

В изданиях 60—70-х годов эти характеристики были несколько видоизменены, приобрели большую четкость. Так, в «Советской исторической энциклопедии» народничество характеризовалось в виде идеологии и движения разночинной интеллигенции на буржуазно-демократическом этапе освободительной борьбы в России (1861—1895 гг.). В оценку народничества включалась и известная ленинская мысль о том, что это система взглядов крестьянской демократии. Как и в первом издании БСЭ, выделялись два течения народничества — либеральное и революционное. Однако в статье были и некоторые новые элементы. Это утверждение о том, что оно характерно для стран, поздно вставших на путь капиталистического развития, для аграрных стран с большим числом крестьян. А характеристика народничества начала XX в. была подменена определением, прочно и надолго вошедшим в справочные издания и научную литературу: «В начале XX века преемниками Н. стали социалисты-революционеры — эсеры, оформившиеся в партию в 1902 г. в результате объединения народнических групп и кружков»⁴. Позднее эти определения были воспроизведены в Большой Советской Энциклопедии, в Экономической энциклопедии⁵. Во все эти издания было включено положение о том, что в 90-е годы народничество исчерпало свою революционность и было идейно разгромлено марксизмом. В такой

подаче получается, что после 1895 г. в решении задач буржуазно-демократического этапа революции народничество потеряло значение, хотя и оставалось идеологией крестьянской демократии. Можно было бы и не обращать внимания на все эти тонкости, если бы это не была справочная литература.

Следовательно, для литературы 60-х—начала 80-х годов характерна явная недооценка того факта, что и в XX в. народничество России оставалось идеологией крестьянской демократии, отражая его борьбу за победу буржуазно-демократической революции в условиях нового, пролетарского этапа революционного движения и широкого распространения марксизма.

В советской исторической литературе проблема народничества и его места в развитии русского освободительного движения заняла заметное место уже в 20-е годы. Главное внимание уделялось изучению народников XIX в., тогда как истории этого идейного течения в XX в. посвящались в основном статьи общеполитического характера, поскольку оставалась еще актуальной борьба против пережитков и остатков народнической идеологии и их носителей — бывших членов народнических партий⁶.

Несомненным достоинством трудов историков 20—30-х годов был широкий подход к проблеме, понимание тесной связи истории народничества XIX и XX в., а также важности изучения этого идейно-политического течения с учетом всех этапов его развития — от возникновения до окончательной гибели. Это проявилось в работах Н. Л. Мещерякова, Э. Б. Генкиной, В. Ф. Малаховского, В. И. Невского и др.

Так, в работе Малаховского «На два фронта» эта проблема рассматривалась в плане борьбы марксистов с идеологией народничества. Большое внимание автор уделял показу теоретико-методологического значения ленинской концепции народничества, справедливо отмечая, что «установление В. И. Лениным действительной социальной сущности „старого русского крестьянского социализма“ было большим достижением в развитии русского марксизма». Заслугой В. И. Ленина, отмечал Малаховский, было и указание на двойственный характер русского крестьянства, мелкой буржуазии вообще, «идеологическим выражением которых явилось народничество».

Необходимо отметить, что одним из первых в советской литературе Малаховский попытался объяснить различия в критике народничества Г. В. Плехановым и В. И. Лениным. Малаховский решительно отвергал взгляд Плеханова на народничество, как на продолжение славянофильских идей, против чего постоянно выступали и сами народники⁷.

В этой же работе отмечалась научная несостоятельность и другого взгляда Плеханова, считавшего, что после теоретической борьбы марксистов с народниками в 80—90-е годы «народническая идеология ликвидирована и не может возродиться». Ошибка Плеханова в определении судьбы народовольчества была закономерной, ибо определялась его подходом к изучению и оценке

идеологических явлений. Этой точке зрения, писал Малаховский, противостоял ленинский взгляд, который прочно утвердился в марксистской литературе на рубеже 20—30-х годов. Его суть состояла в том, что, потерпев поражение, разбитая идейно, народническая идеология (включая и народовольчество) все же «не могла не возродиться в том или ином виде до тех пор, пока существовал и добивался реализации определенных претензий представляемый ею класс». Подобный взгляд на народничество позволял объяснить закономерность его оживления в начале XX в., в условиях приближения буржуазно-демократической революции. С этих позиций Малаховский и другие историки-марксисты 20—30-х годов критиковали меньшевистские взгляды на народничество, а также ошибки некоторых историков-марксистов того времени. Как считал Малаховский, они имели прямое отношение и к оценке всего народничества, и к критике эволюции его идейно-теоретических основ XX в.⁸

Уже в 20-е годы сложилась традиция изучения истории народничества по политическим партиям. Преимущественное внимание в этой литературе уделялось самой многочисленной народнической партии — социалистов-революционеров. Литература подобного типа заметно преобладала и в 60—70-е годы⁹. В ней рассматривался большой круг проблем историко-партийного характера — создание партии, ее состав, программа, принципы и характер организации, практическая деятельность. Для работ этого типа характерно освещение теоретических основ народнических партий, анализ программных вопросов, например аграрного, который был главным для народников. Этой проблеме посвящены монографии В. Н. Гинева и Е. В. Иллерицкой¹⁰.

Для книги В. Н. Гинева характерен широкий подход к теме, стремление осмыслить идейно-теоретические основы аграрных программ народнических партий, показать закономерность банкротства неонародничества. На большом фактическом материале автор сумел показать, что различные течения народничества имели общие теоретические и методологические основы, и что решение аграрного вопроса строилось на народнической концепции капитализма, на идеях мелкобуржуазного крестьянского социализма. Аграрные программы народнических партий рассматривались в тесной связи с их реальной политикой, которую они проводили в 1917 г. Раскрывая сложный характер классовой борьбы, поведение мелкобуржуазных партий на буржуазно-демократическом, а затем социалистическом этапе революции, Гинев показал их измену своим программам, переход на позиции буржуазии, что и привело их к банкротству — к потере влияния на массы, к полному политическому поражению.

Сравнительно-исторический анализ аграрных программ не proletарских, в том числе и народнических, партий осуществила Е. В. Иллерицкая. Она показала, с какими программами они пришли к Февральской революции, их политику в аграрном вопросе между февралем—октябрем 1917 г.; банкротство в ходе победы

социалистической революции и превращение в контрреволюционную силу в годы гражданской войны.

В 1984 г. в Москве под общей редакцией академика И. И. Минца вышла коллективная обобщающая монография — «Непролетарские партии России. Уроки истории». В ней впервые в советской историографии предпринята попытка дать картину возникновения и развития непролетарских партий с начала XX в. до их гибели в эмиграции. Во все главы этой монографии включены разделы о народнических партиях и их деятельности в период первой буржуазно-демократической революции, в годы реакции и первой мировой войны, в 1917 г. Главное внимание в этом издании уделяется политической деятельности народнических партий, их закономерному краху после победы пролетарской революции. Авторы правильно выделяют в народничестве две важнейшие тенденции — революционную и либеральную, роль которых менялась на различных этапах истории освободительного движения в России. Однако ряд положений этого труда вызывает возражение. Нуждается в серьезном обосновании сам термин «неонародничество», которым В. И. Ленин, как известно, никогда не пользовался применительно к народничеству начала XX в. Вызывает возражение и определение А. Д. Степанским эсеров как партии революционных народников¹¹. Оно также противоречит ленинской оценке социалистов-революционеров, называемых им «левонародниками»¹², тогда как народников 60—70-х годов В. И. Ленин всегда считал революционными народниками. И это не случайно, ибо между революционным народничеством XIX в. и социалистами-революционерами XX в. были серьезные отличия, проявлявшиеся и в теоретической доктрине, и в практических действиях. К тому же и условия их деятельности были различными, что необходимо учитывать при оценке этих явлений.

Углубленное рассмотрение партии эсеров как идеологов и политиков крестьянской демократии А. Д. Степанский подменяет весьма хлесткой и малосодержательной фразой, относящейся к партии эсеров. Он увидел в эсерах лишь «эпигонскую попытку возродить организационные формы „Народной Воли“ в других исторических условиях». В разделах о народнических партиях, написанных В. Н. Гиневым (гл. 2—4), уделено большое внимание анализу идейной платформы, программных документов этих партий. На основании их анализа автор сделал убедительный вывод о том, что эсеровский социализм явился «лишь подновленным вариантом старой народнической утопии, разновидностью мелкобуржуазного кооперативного социализма, проповедовавшегося в XIX—начале XX в. в разных странах»¹³.

Освещая раскол партии эсеров в годы первой русской революции, Гинев попытался показать различия между эсерами, энесами, максималистами, определить их социальную основу, что имеет важное значение для исследования народничества XX в. и его социальной базы.

Распад народнических партий в годы реакции Гинев связывает не только с отрывом от массового крестьянского движения, но и глубоким кризисом социологической концепции народников (в оценке общины, трудового хозяйства, перспектив борьбы за революцию)¹⁴.

Специальный раздел народничеству посвятил О. В. Волобуев в работе «Идейно-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг.» Он раскрыл отношение различных течений народничества к первой буржуазно-демократической революции в России, их неспособность осмыслить ее задачи, характер, движущие силы и итоги борьбы. Но с рядом утверждений автора трудно согласиться. Так, он пишет: «Народническая идеология в России на рубеже XIX—XX вв. смогла выжить и сохранить какие-то позиции в революционном движении только благодаря своей перестройке и модернизации». Сохранение народничества и его популярности объясняется не «модернизацией», а реальной социальной базой, которую народничество имело в России в лице крестьянства, интересы и идеалы которого оно отражало. Обновление не играло решающей роли, ибо новации были не настолько значительными, чтобы в корне изменить идейно-теоретические основы этого течения. Его сущность оставалась та же, что и в XIX в. На это неоднократно указывал В. И. Ленин, анализировавший идейно-теоретические основы народничества XX в.

Следует отметить и другое обстоятельство, не учитываемое автором при освещении проблемы. Это усиление элементов реформизма у эсеров, отказ от революции после поражения революции 1905—1907 гг. Боязнь массовых выступлений, свидетелями которых они стали, возможности радикальных революционных перемен — все это заставляло эсеров переходить на умеренные позиции, доказывать вслед за энесами, что мирный путь развития, реформы — самый приемлемый и желательный для России и ее народа, не способного якобы к высокой степени организации.

Трудно согласиться с упреком автора в адрес теоретиков народнического движения в том, что «ни одно политическое течение внутри неонародничества не могло правильно оценить те исторические перспективы, которые открыла перед Россией революция 1905—1907 гг. — генеральная репетиция как второй буржуазно-демократической революции, так и Великого Октября»¹⁵. Такой вывод народники при всем желании не могли сделать до 1917 г., ибо он стал возможным только в результате победы Октября, а автор рассматривает литературу вышедшую вскоре после 1905—1907 гг., т. е. до 1917 г. Здесь скорее уместен вывод другого содержания: о неспособности народников верно оценить даже буржуазно-демократическую революцию, т. е. ту революцию, за победу которой они объективно боролись как мелкобуржуазные демократы и социалисты.

Определенное значение для изучения избранной темы имеют труды советских философов и экономистов, посвященные критиче-

скому анализу теоретических народнических воззрений. Так, в обширной коллективной монографии о социологической мысли в России в последней трети XIX—начала XX в. обращает на себя внимание специально выделенный раздел, характеризующий основные этапы идейной эволюции народничества¹⁶. Его автор И. Г. Лиоренцевич дает определение народничества, характеризует его состав, социальную базу. Конкретным материалом иллюстрируется мысль В. И. Ленина, которой историки не уделяют внимания, об «особой манере мышления», свойственной народникам¹⁷. Автор видит ее в утопизме и иллюзиях, заменявших им научный анализ¹⁸. К народнической манере мышления автор относит и субъективизм, абстрактный, внеисторический взгляд на явления и события, неумение увидеть внутреннюю противоречивость социальной жизни. Думается, что субъективизм, который в широком смысле включает теорию и метод изучения явлений, принадлежит к основам народнического мировоззрения и детерминирован социальной природой этого идейного течения, а не манерой мышления его идеологов. С этим же пониманием связано, на наш взгляд, и другое утверждение автора, вызывающее возражение. «В социологии народничества, — пишет Лиоренцевич, — существовали различные направления, что было связано прежде всего с различными политическими взглядами народников». Далее автор правильно отмечает, что с момента возникновения в народничестве имелись две тенденции — революционная и либеральная¹⁹. Получается, что эти два направления (они имели место и в теории, и в политике) вызваны к жизни различными политическими взглядами. Автор, на наш взгляд, допускает ошибку, совершая подмену социального объяснения идеологическим, что, кстати сказать, нередко встречается в литературе о народничестве. Существование различных направлений в народничестве связано прежде всего с его социальной природой — неоднородностью и многослойностью класса мелкой буржуазии, различные слои которой по-разному влияют на идеологов, отражающих их интересы и устремления.

Развитие народнической социологической мысли в тесной связи с эволюцией всего народничества автор делит на ряд этапов: 1) с конца 60-х годов и до начала 80-х — время, когда «господствующей линией развития в народничестве было революционное направление»; 2) с середины 80-х годов, когда «революционное народничество исчерпало себя и определяющее место стала занимать либеральная ориентация, которая до этого не играла заметной роли». Когда на политической арене выступил пролетариат, либеральное народничество стало все отчетливее приобретать реакционные черты; 3) с конца 90-х годов «преемниками народнических идей стали социалисты-революционеры, оформившиеся в 1902 г. в самостоятельную партию»²⁰. С этими этапами эволюции народничества автор связывает развитие социологической мысли, которая является предметом его анализа. Хотя в целом эта периодизация принята в советской науке, различные авторы по-

разному объясняют или совсем не объясняют причины смены одного этапа другим (дискуссия по этому вопросу не входит в нашу задачу), тем не менее хотелось бы отметить, что применительно к последнему этапу она страдает серьезными изъянами, связанными, по-видимому, со слабой разработкой истории народничества XX в. Процесс развития народничества в России изображается так, словно его нет как течения, а единственный преемник — партия социалистов-революционеров. Тогда как в реальном историческом процессе XX в. народничество было весьма заметным явлением и в идейной и в политической жизни страны, где оно выступало в виде ряда политических организаций (энесов, левых эсеров, эсеров-максималистов и др.).

Определенная модернизация, обновление народнической доктрины не означало коренного изменения ее основ — ни социальных, ни идейно-политических. А главная трансформация народничества в XX в. в силу обострения и усложнения классовой борьбы проявилась в народнических партиях, возникших в это время.

Недооценка этого обстоятельства привела автора к тому, что народническая социология анализируется в этой главе только на материале идеологов XIX в., а теоретики, работавшие в XX в., лишь упоминаются (В. М. Чернов, М. Р. Гоц, Л. Э. Шишко). Такой подход привел к тому, что и взгляды эсера П. А. Сорокина рассматриваются в разделе о неопозитивизме, а о таких теоретиках, как А. Комов, А. Пешехонов, В. Мякотин, вообще не говорится. Вследствие этого народническая социологическая доктрина XX в. раскрыта в книге не полно, не показано ее реальное место в идейной жизни России начала XX в.

Рассмотрение степени разработки идейной эволюции народничества XX в. в советской историографии убеждает нас, во-первых, в слабой изученности этой темы как в целом, так и в ее важнейших аспектах; во-вторых, в освещении лишь ее отдельных сторон и вопросов без достаточной глубины и обоснованности; в-третьих, в наличии ошибок и неточностей, перерастающих порой в искажение истории народничества XX в. и его реального места в идейной борьбе накануне 1917 г.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 385.

² См.: Энцикл. словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1897. Т. 40. С. 586.

³ Большая Советская Энциклопедия. М., 1939. Т. 41. Ст. Народничество. С. 181, 182.

⁴ Советская историческая энциклопедия. М., 1966. Т. 9. С. 922, 930.

⁵ См.: БСЭ. М., 1974. Т. 17. С. 265; Экономическая энциклопедия. М., 1979. Т. 3. С. 22—25; Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 397.

⁶ См.: Луначарский А. В. Бывшие люди: Очерк истории партии эсеров. М., 1922; Мещеряков В. Партия социалистов-революционеров. М., 1922. Ч. 1—2; Попов Н. Н. Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924; Ярославский Е. Третья сила. М., 1932; и др.

⁷ Малаховский Вл. На два фронта: (К оценке народофильства). М., 1931. С. 16—17.

⁸ Там же. С. 10, 11, 47—49, 50—53.

- ⁹ См.: *Гусев К.* Крах партии левых эсеров. М., 1963; *Он же.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979; *Жуков А. Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; и др.
- ¹⁰ См.: *Гинев В. Н.* Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.: К истории банкротства неонародничества. Л., 1977; *Иллерицкая Е. В.* Аграрный вопрос: Провал аграрных программ и политики непролетарских партий в России. М., 1981.
- ¹¹ См.: *Непролетарские партии России: Уроки истории.* М., 1984. С. 27—28, 73, 170 и др.
- ¹² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 304—305.
- ¹³ *Непролетарские партии России.* С. 33, 71.
- ¹⁴ Там же. С. 76—77, 164, 167.
- ¹⁵ *Волобуев О. В.* Идеино-теоретическая борьба по вопросам истории революции 1905—1907 гг. М., 1984. С. 75, 100.
- ¹⁶ См.: *Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX—начала XX в.* Л., 1979.
- ¹⁷ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 539.
- ¹⁸ *Социологическая мысль в России.* С. 108.
- ¹⁹ Там же. С. 109.
- ²⁰ Там же.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

※

На всех этапах революционной борьбы идеологи пролетариата уделяли пристальное внимание вопросам истории, теории и практики классовой борьбы. Они изучали все классы и их политические организации, действовавшие на революционной арене, их участие в оппозиционном, освободительном и революционном движении всех стран, включая и Россию. Такой подход был обусловлен рядом причин. Среди них следует назвать понимание необходимости критического осмысления исторического опыта борьбы прошлых поколений для выработки научно обоснованной теории, стратегии и тактики классовой борьбы пролетариата. Это позволяло идеологам пролетариата объективно оценивать противников, попутчиков, союзников, выработать четкую классовую линию на всех этапах борьбы и в различных ситуациях, реально оценивать возможность заключения союзов, временных соглашений и компромиссов с целью обеспечения успеха в трудной борьбе в условиях России начала XX в.

Необходимо учитывать и такое немаловажное обстоятельство, как активное сопротивление распространению и упрочению в рабочем движении социалистической идеологии со стороны теоретиков и лидеров буржуазии и мелкой буржуазии, включая и народничество. Эти обстоятельства требовали от идеологов и политиков рабочего класса эффективного и последовательного наступления на позиции враждебных непролетарских идейных и политических течений, объяснения их социальной сущности и ограниченности, оценки их реальной роли в борьбе классов и перспектив развития. Все это обусловило пристальное внимание идеологов пролетариата к такому явлению, как народничество России. Оно являлось теоретической платформой и практикой революционеров, принадлежавших, по определению В. И. Ленина, ко второму этапу русского освободительного движения в России¹.

Освободительное движение в России К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали как реальную силу, способную противостоять самодержавию и реакции, как возможного союзника европейского пролетариата в борьбе за победу демократии и социализма.

В статье «Эмигрантская литература» (1874—1875) Ф. Энгельс писал, что «больше всего пользы от критики со стороны Запада, от взаимного международного воздействия различных западноевропейских движений на русское и обратно, от осуществляющегося, наконец, слияния русского движения с общеевропейским извлекут сами русские»².

В подходе К. Маркса и Ф. Энгельса к русскому революционному движению органически сочеталась активная поддержка всего истинно передового, революционного с беспощадной критикой утопического, реакционного и вульгарного, мешавшего упрочению научной теории и выработке подлинно революционной программы борьбы.

К. Маркс и Ф. Энгельс с большим уважением относились к деятельности Н. Г. Чернышевского, высоко ценили правдивое освещение пореформенной российской действительности Н. Флеровским (В. В. Берви), революционный героизм, самоотверженность, верность революционному долгу землевольцев, решимость русских революционеров бороться с самодержавием до полной победы³.

Будучи беззаветно преданными делу мировой революции, К. Маркс и Ф. Энгельс видели в лучшей части русских революционеров бескорыстие, бескомпромиссность, самоотверженность. В письме к М. К. Горбуновой Ф. Энгельс писал в 1880 г. о России, которая «находится накануне всемирно-исторического кризиса и которая создала революционную партию, обладающую неслыханной способностью к самопожертвованию и энергией»⁴. Вместе с тем они решительно отвергали все псевдореволюционное, ненаучное, имевшее место в теоретической доктрине и практических действиях крупнейших теоретиков народничества — П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина, П. Н. Ткачева. Они постоянно критиковали и разоблачали несостоятельность их философских позиций, эклектику, путаницу, подмену серьезной революционной теории фразерством, схоластикой, не имеющей ничего общего с научной революционной теорией⁵.

Во главу угла они ставили критический анализ взглядов народников по таким принципиальным вопросам, как развитие капитализма в России, перспективы эволюции русской общины в процессе перехода от капитализма к социализму, вопросы теории социальной и политической революции, их предпосылки, роль классов и революционных организаций в борьбе за победу социалистической революции, внеклассовая теория государства, решающая роль пролетариата как класса и главной силы в борьбе против угнетения. Критический анализ воззрений русских народников основывался Марксом и Энгельсом на объективном и всестороннем подходе к оценке всего содержания, всех сторон теоретической деятельности народников, ее реальной связи с определенными социальными силами, боровшимися за освобождение России от ига самодержавия. В условиях острой идейной борьбы конца XIX—начала XX в. важное методологическое значение имели оценки идеологами пролетариата характера социально-экономического развития России в середине XIX в.

Рассматривая капитализм как главную социальную основу для перехода человечества к социализму, К. Маркс и Ф. Энгельс решительно выступали против утопического социализма русских народников, пытавшихся изобразить общину в качестве главной

социально-экономической предпосылки социализма. Идеологи пролетариата отвергали идею народников, утверждавших, что якобы отсталость России, ее аграрный строй являются преимуществом России, обуславливающим ее «особый путь» к социализму. Вместе с тем К. Маркс и Ф. Энгельс не отрицали возможность использования общины и ее традиций в процессе перехода России к социализму. Однако этот тезис они не абсолютизировали, как это делал А. И. Герцен, а вслед за ним и народники. Отличие точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса в оценке русской общины от народнической определялось рядом черт. Во-первых, они видели реализацию этой возможности при одном непереносимом условии — в победе революции в России и на Западе, причем в победе пролетарской революции. Так, в 1882 г. Энгельс писал: «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития». Герцен же и народники усматривали в общине не средство перехода к социализму, а главную предпосылку нового общественного строя и общинные начала оценивали как «исконный социализм» русского крестьянства. Решительно отвергая эти воззрения, Ф. Энгельс убедительно доказывал, что «нигде и никогда аграрный коммунизм, сохранившийся от родового строя, не порождает из самого себя ничего иного, кроме собственного разложения»⁶. Во-вторых, К. Маркс и Ф. Энгельс в отличие от большинства народников постоянно акцентировали внимание на характере общины, подчеркивая, что ее основой является не общественное производство, а уравнилельное распределение земли, ее индивидуальная обработка и использование результатов труда. В России, писал Ф. Энгельс в 1875 г., «земля периодически переделяется между отдельными главами семей, и каждый обрабатывает свой участок для себя. Это создает возможность очень большого неравенства в благосостоянии отдельных членов общины, и это неравенство действительно существует»⁷. В этом был источник ее распада в условиях роста капиталистических отношений после отмены крепостного права, чего не хотели видеть народники, отрицая наличие капитализма в экономике России и его влияние на разложение общинных отношений. Тщательно изучая материалы, сравнивая и сопоставляя сведения различных источников, К. Маркс и Ф. Энгельс постоянно занимались разработкой этого вопроса, особенно интересуясь теми процессами, которые получали распространение в аграрном строе, в общине.

В 1880 г. в письме к М. К. Горбуновой Ф. Энгельс отмечал: «Ваши сообщения о начинающемся распаде общины и артелей подтверждают сведения, дошедшие к нам из других источников»⁸.

В 1889—1890 гг. Ф. Энгельс с убежденностью отмечал, что русская крестьянская община «подорвана в корне», что идет процесс «распада», «разложения» старокоммунистической крестьянской общины⁹.

К. Маркс и Ф. Энгельс категорически возражали против применявшегося народниками противопоставления западноевропейскому капитализму с его антагонистическими противоречиями России с ее специфическими особенностями с общинным началом, «исконным социализмом» крестьянства. Несмотря на то что в России общинная собственность уже давно прошла время своего расцвета, писал Ф. Энгельс в 1875 г., «тем не менее бесспорно существует возможность перевести эту общественную форму в высшую, если только она сохранится до тех пор, пока созреют условия для этого, и если она окажется способной к развитию в том смысле, что крестьяне станут обрабатывать землю уже не раздельно, а совместно»¹⁰.

Для К. Маркса и Ф. Энгельса община являлась предпосылкой и средством для создания нового аграрного строя социалистического типа; для народников — идеалом организации будущего социалистического строя.

Отсталость социально-экономических отношений в России, сохранение пережитков прошлого, включая общину и артели, К. Маркс и Ф. Энгельс оценивали как явление историческое, изживаемое в процессе капиталистического развития. «Преобладание этой формы в России, — писал Ф. Энгельс в 1875 г., — доказывает, конечно, наличие в русском народе сильного стремления к ассоциации, но вовсе еще не доказывает, что этот народ способен с помощью этого стремления прямо перескочить из артели в социалистический общественный строй». Исходя из этой оценки русской общины и ее возможной роли в будущем социалистическом обществе, Энгельс критиковал Герцена, который использовал общину и общинное землепользование крестьян для того, чтобы «изобразить русских крестьян как истинных носителей социализма, прирожденных коммунистов в противоположность рабочим стареющего, загнивающего европейского Запада, которым приходится лишь искусственно вымучивать из себя социализм. От Герцена эти сведения перешли к Бакунину, а от Бакунина к г-ну Ткачеву»¹¹.

В XX в. эти идеи крестьянского социализма получили дальнейшее развитие в социологии лидеров и теоретиков народничества, усматривавших в крестьянстве главную силу революционного процесса и социалистического строительства.

Большое внимание уделяли К. Маркс и Ф. Энгельс критике взглядов русских народников на предстоящую в России революцию и ее движущие силы. Отмечая различия в воззрениях Бакунина, Лаврова, Ткачева на революцию, они обращали внимание на ряд общих черт, в том числе и на такую, как абстрактная постановка вопроса о социальной революции, подмена классового анализа соотношения борющихся сил рассуждениями о народе и его «готовности» к революции. Так, оценивая спор Лаврова и Ткачева о революции в России, Ф. Энгельс писал о Лаврове, что в его рассуждениях революция становится «чем-то вроде девы Марии, теория — верой, участие в движении — культом, а все действие

разворачивается не на нашей грешной земле, а в заоблачных высотах общих фраз». В этих позициях народников отразилось стремление «растворить классовую борьбу пролетариата против его угнетателей во всеобщем братском союзе человечества». Это проявилось в попытках «свести на нет все европейское рабочее движение», в преувеличении роли крестьянства и его революционных возможностей.

Резко возражая против взглядов Ткачева на социальную революцию, Энгельс убедительно доказывал несостоятельность его тезиса о возможности легкой победы революции в России. Человек, писал Ф. Энгельс, «способный утверждать, что эту революцию легче провести в такой стране, где *хотя* нет пролетариата, но зато нет и буржуазии, доказывает лишь то, что ему нужно учиться еще азбуке социализма»¹².

Критикуя народническую концепцию социальной революции, в частности Ткачева, Ф. Энгельс отмечал отсутствие в ней четкости в постановке важнейших вопросов: какой будет революция и каковы ее возможные результаты. «Г-н Ткачев, — писал Ф. Энгельс, — говорит, что она будет социальной революцией. Это чистая тавтология. Всякая действительная революция есть социальная революция, поскольку она приводит к господству новый класс и дает ему возможность преобразовать общество по своему образу и подобию. Но г-н Ткачев хочет сказать, что революция будет социалистической, что она введет в России, прежде чем мы достигнем этого на Западе, ту общественную форму, к которой стремится западноевропейский социализм... И это возможно, мол, потому, что русские являются, так сказать, избранным народом социализма, обладая артелью и общинной собственностью на землю»¹³.

Туманным и нечетким, далеким от научного понимания сущности социальной революции и ее задач в России Ф. Энгельс противопоставлял последовательную, научно обоснованную концепцию социалистической революции: «Переворот, к которому стремится современный социализм, состоит, коротко говоря, в победе пролетариата над буржуазией и в создании новой организации общества путем уничтожения всяких классовых различий»¹⁴.

Если в народнической концепции социальная революция выростала из архаических форм хозяйства, из «коммунистической природы крестьянства», путем организации заговора, то в марксистской концепции революция возможна на основе высокой степени развития производительных сил, когда появляются реальные условия «поднять производство до такого уровня, чтобы отмена классовых различий стала действительным прогрессом»¹⁵.

Анализируя взгляды Ткачева на революцию, Энгельс отмечал непонимание народником задач политической и экономической революции.

К. Маркс и Ф. Энгельс резко критиковали народнические представления о ходе революции и формах революционной борьбы. Ткачев, в частности, считал, что организовав три-четыре

восстания в разных местах, можно обеспечить победу революции в стране. Называя подобные взгляды «сверхребяческими представлениями о ходе революции», Энгельс отмечал, что революции не делаются по заказу, что они не являются результатом заговора и что подобные представления о ходе революции и формах борьбы являются авантюризмом. В связи с этим Энгельс писал, что для победы революции нужна прочная революционная организация, способная последовательно бороться за претворение в жизнь принципов научного социализма, основанная на искренней солидарности ее членов¹⁶.

Доказывая научную несостоятельность народнической социальной доктрины, Маркс и Энгельс обращали внимание на такую проблему, как оценка классовой природы самодержавия, поскольку ближайшей задачей революции в России было свержение царизма. Народническим воззрениям на государство, внеклассовой концепции идеологи научного социализма противопоставили материалистическую трактовку его природы, разъясняя, что «не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм, вовсе не висит в воздухе, а является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий»¹⁷.

Противники марксизма до сих пор стремятся всячески извратить истинный смысл отношения идеологов пролетариата к крестьянскому утопическому социализму. С этой целью В. И. Ленин противопоставляется К. Марксу и Ф. Энгельсу; ленинизм как учение «выводится» из народничества; затушевываются принципиальные различия между ленинизмом и домарксистским утопическим социализмом; К. Маркс и Ф. Энгельс изображаются сторонниками крестьянского социализма¹⁸.

Подобного рода попытки требуют от советских историков серьезной разработки проблемы и создания фундаментального обобщающего труда, охватывающего все периоды и этапы развития народничества, — этого идейного и политического движения, существовавшего в России в XIX—начале XX в.

Важнейшее теоретическое и методологическое значение имеет ленинская концепция народничества, которую он начал создавать с первых шагов своей революционной деятельности — с середины 90-х годов XIX в. Уже в своих ранних работах, посвященных критике либерального народничества, В. И. Ленин дал научное определение этому сложному явлению в идейной и общественной жизни. В широком смысле В. И. Ленин характеризовал народничество как «крупнейшее течение нашей общественной мысли», как «теоретическую доктрину, определенно решающую важнейшие социологические и экономические вопросы»¹⁹, как систему взглядов, имевшую свою социальную базу, свои закономерности и тенденции развития.

В трудах 90-х годов («По поводу так называемого вопроса о рынках»; «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»; «Экономическое содержание народничества

и критика его в книге г. Струве»; «К характеристике экономического романтизма», «От какого наследства мы отказываемся?», «Развитие капитализма в России» и др.) В. И. Ленин дал всесторонний анализ либерально-народнических воззрений, показав, что они отражают классовое расслоение деревни, усиление роли кулаков и зажиточных аграриев, заинтересованных в развитии частнособственнических, т. е. капиталистических форм хозяйства.

Необходимость решительной и последовательной борьбы против либерального народничества определялась тем, что революционное движение России вступило в новую, третью стадию развития, которую В. И. Ленин охарактеризовал как пролетарский этап, пришедший на смену разночинскому периоду освободительного движения²⁰. Для этого этапа характерно бурное распространение марксизма в России, резкое обострение идейной борьбы. Либеральное народничество, заметно возобладавшее в 90-е годы над революционным, стало играть весьма активную роль в борьбе с марксизмом, проповедуя под маской утопического крестьянского социализма концепции совершенствования общества путем реформ, различных правительственных мероприятий в области аграрных отношений, направленных на поддержку крепких крестьянских хозяйств.

В условиях классовой борьбы начала XX в. крайне важным было дать четкое определение народничества, его реальной роли в освободительном и революционном движении России, сформулировать отношение к нему пролетарской партии. Это смог сделать В. И. Ленин, хорошо знавший и реально оценивавший предшествующий этап развития народничества и итоги борьбы с ним в 90-е годы.

В статье «О народничестве», опубликованной в «Правде» в январе 1913 г., В. И. Ленин писал: «Народничество есть идеология (система взглядов) крестьянской демократии в России. Поэтому всякий сознательный рабочий должен внимательно следить за тем, как изменяется эта идеология»²¹. Написанная по поводу статьи А. В. П. (А. В. Пешехонова) «Народный социализм и пролетариат» («Русское богатство». 1912. № 12), эта работа Ленина имеет важное методологическое значение. Здесь же В. И. Ленин говорит о том, что «народничество очень старо. Его родоначальниками считают Герцена и Чернышевского. Расцветом действенного народничества было „хождение в народ“ (в крестьянство) революционеров 70-х годов. Экономическую теорию народников разработали всего цельнее В. В. (Воронцов) и Николай — он (Даниельсон — Г. А.) в 80-х годах прошлого века. В начале XX века социалисты-революционеры выражали наиболее оформленно взгляды левых народников»²².

В статье «Две утопии» (1912) В. И. Ленин анализирует два важнейших элемента в идеологии народничества, отмечая, что «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»²³.

Эту статью В. И. Ленин завершает интересным абзацем, относящимся к историкам: «В старой марксистской литературе 80-х годов прошлого века можно найти систематически проведенное стремление выделять это ценное демократическое ядро. Когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название „большевизма“ в первое десятилетие XX века»²⁴. Изучение трудов В. И. Ленина, посвященных анализу народничества XIX и начала XX в., показывает, что народничество раннего и позднего периодов оставалось относительно единым идейно-политическим течением по своей социальной базе, составу, социально-политической доктрине, противостоявшее марксизму с середины 90-х годов.

В работах 1902—1918 гг. В. И. Ленин преимущественное внимание уделял анализу и критике народников начала XX в., относя к ним эсеров, энесов, трудовиков, максималистов, левых эсеров. Начиная со статей 1901 г. («Революционный авантюризм» и др.) и кончая статьей «Памяти Прошьяна», В. И. Ленин постоянно отмечал важность для марксистов, для пролетариата изучать, правильно оценивать и понимать народничество и его эволюцию как идеологию крестьянской демократии²⁵.

В трудах В. И. Ленина содержится ответ и на другие важные вопросы: в чем причина живучести таких идейных течений, как народничество, почему, показав свою полную теоретическую несостоятельность в XIX в. в качестве революционной доктрины, оно, вновь набирает силу, консолидируется в виде политических партий и получает распространение в начале XX в.?

Обычно в литературе обращают внимание на высказывание В. И. Ленина о том, что «отсталость России естественно объясняет большую прочность в нашей стране различных отсталых учений социализма»²⁶. В статье «Две утопии» (1913) В. И. Ленин вновь возвращается к этому вопросу: «Чем меньше свободы в стране, чем скуднее проявления открытой борьбы классов, тем ниже уровень просвещения масс, — тем легче возникают обыкновенно политические утопии и тем дольше они держатся»²⁷. В. И. Ленин связывает существование народничества, во-первых, с наличием в стране социальной базы в виде мелкобуржуазных слоев города и деревни, особенно крестьянства; и во-вторых, с отсталостью России, при этом не с экономической, как это утверждает В. Г. Хорос²⁸, а с отсутствием демократии и низким уровнем просвещения масс. Это важно для понимания не только степени популярности народничества в России, его распространения и живучести, но и для объяснения его краха и гибели, которые в конечном счете определялись победой пролетарской революции, изменениями в социальной структуре общества, утверждением марксизма в качестве господствующей идеологии.

В условиях острой классовой борьбы начала XX в. появилась настоятельная потребность освобождения рабочего движения от влияния мелкобуржуазной идеологии, в том числе и народнической утопии, препятствовавшей в силу значительного распростра-

нения и влияния соединению рабочего движения с социализмом. Немаловажное значение имело и то обстоятельство, что идеологи либерального народничества, понимая какую опасность для них представляет марксизм, завоевывавший одну позицию за другой, продолжали вести активное наступление на позиции пролетарской идеологии, особенно против основополагающих идей о классовой борьбе, роли пролетариата как класса-гегемона, буржуазно-демократической и социалистической революции, о предпосылках социализма в России и др. Это побудило партию большевиков продолжить борьбу, успешно начатую в 80—90-е годы Г. В. Плехановым, Н. Е. Федосеевым, Д. Благоевым.

В. И. Ленин дал уничтожающую критику либерального народничества по всем основным проблемам теории общественного развития, со всей убедительностью раскрыв ее научную несостоятельность, классовую сущность, псевдореволюционное содержание. Он назвал либеральное народничество 90-х годов «мизерными эпигонами» великих утопических социалистов²⁹. В. И. Ленин показал антинаучный характер философии субъективного идеализма, порочность субъективного метода, с обоснованием которого выступали крупнейшие теоретики народничества П. Лавров, Н. Михайловский и их последователи в XX в.

Важное место в критике В. И. Ленина заняли проблемы возникновения классов, смены общественно-экономических формаций, характера распределения и его зависимости от господствующих общественных отношений и форм собственности, развития товарно-денежных отношений, генезиса и развития капитализма в России вообще и в сельском хозяйстве в особенности, капиталистической эволюции и ее влияния на социальную структуру общества и др.

Всестороннему анализу подверг В. И. Ленин методологию теоретиков народничества — абстрактную постановку вопросов об обществе и законах его развития, игнорирование конкретных исторических условий, подмену диалектики метафизикой, неспособность выделить главные, определяющие факторы исторического процесса, объективно оценить итоги и перспективы социального прогресса.

Пристальное внимание В. И. Ленин уделял разоблачению мелкобуржуазной сущности народнической концепции толпы и героев, роли личности в истории, показывая, что она явилась основой авантюристической тактики, в том числе и террора.

Центральное место в ленинской критике социологической теории народничества занимали такие вопросы, как отрицание народниками капиталистического характера развития России после реформы 1861 г., преувеличение роли общины, изображение ее важнейшим элементом и главным условием социального прогресса и перехода страны к социализму. В. И. Ленин показал научную несостоятельность народнической концепции крестьянства, основанной на отрицании его социального разложения, защиту либе-

ральными народниками интересов кулачества — «крепкого хозяйственного мужика», эксплуатирующего чужой труд.

В. И. Ленин убедительно раскрыл несостоятельность народнических оценок государства как надклассовой организации и силы, защищающей якобы интересы всех слоев общества и способного обеспечить его прогресс эффективными и последовательно проведенными реформами.

В книге «Что такое „друзья народа“...», подводя итоги критическому анализу народнической социологии, В. И. Ленин отмечал несомненную потерю «кредита этой теорией». При этом В. И. Ленин обращал внимание на отношение марксистов к этому идейному течению: «...чем скорее русские социалисты поймут, что не может быть, при настоящем уровне знаний, революционной теории вне марксизма, чем скорее направят они все свои силы на приложение этой теории к России, в теоретическом и практическом отношении, — тем вернее и быстрее будет успех революционной работы»³⁰.

Выступая против либеральных народников, В. И. Ленин боролся за утверждение марксизма в качестве теории и практики революционного пролетариата, разоблачал мелкобуржуазную идеологию народнического типа.

1900 г. обозначил второй период борьбы В. И. Ленина с народничеством, вступившим в новый этап своего развития, завершившийся крахом. Обращение В. И. Ленина к критическому анализу народнической доктрины начала века было обусловлено рядом причин, в частности заметным оживлением народнической идеологии, попытками ее реставрации, которую предприняли социалисты-революционеры, создавшие в 1902 г. политическую партию. Определяя теоретические истоки идеологии эсеров, В. И. Ленин писал в 1905 г.: «Корень воззрений социалистов-революционеров есть старое русское народничество»³¹.

При этом эсеры стремились не просто реанимировать теоретическую концепцию предшествующего этапа русского освободительного движения, но и обновить, модернизировать ее путем пересмотра ряда положений и использования отдельных идей марксизма, что дало В. И. Ленину основание рассматривать народничество XX в. как чисто «эклектическое соединение народничества и марксизма при помощи „критики“»³².

С появлением партии эсеров, принадлежавшей к народническому идейному и политическому течению, В. И. Ленин внимательно следил за теми процессами, которые в ней происходили, стараясь определить закономерности, тенденции и перспективы идейно-теоретической и практической деятельности этой партии.

Определяя социальную базу и состав народничества XX в., В. И. Ленин выявлял его мелкобуржуазную природу. В статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905), вскрывая классовую природу эсеров, он писал, что марксисты видят в социалистах-революционерах идеологов мелкой буржуазии, которые проповедуют мелкобуржуазные иллюзии и народнические фанта-

зии относительно крестьянского движения, «путаются между старыми народническими и современными марксистскими воззрениями»³³.

В 900-е годы В. И. Ленин постоянно отмечал народнический характер воззрений социалистов-революционеров, энесов, эсеро-максималистов, трудовиков.

В. И. Ленин отмечал закономерность их появления в период приближения буржуазно-демократической революции в России. Он подчеркивал, что вопреки всем заверениям в приверженности социализму их взгляды имеют не социалистический, а революционно-демократический характер, т. е. являются воззрениями мелкобуржуазных демократов, социалистов, революционеров, со всеми присущими для них чертами. В то же время В. И. Ленин отличал социалистов-революционеров от классического народничества в «чистом виде»³⁴.

Важное методологическое значение имеют ленинские характеристики классовых основ (крестьянство, мелкая буржуазия города и деревни) и социального состава народнических партий — преимущественно интеллигенция, выступающая в роли идеолога крестьянской демократии и всей мелкой буржуазии.

Рассматривая народничество с классовых позиций революционного пролетариата, В. И. Ленин постоянно указывал на важность понимания разницы между народником интеллигентом, выступавшим в роли идеолога класса мелкой буржуазии, и крестьянином как социальным типом, как последовательным демократом. *«Интеллигенты-народники, — писал В. И. Ленин в 1913 г., — тяготеют к примирительной или „общечеловеческой“ фразе. В них всегда чувствуется либерал. Точка зрения классовой борьбы им органически чужда. Они резонеры* (курсив мой. — Г. А.). Они тянут демократическое крестьянство назад, от живой и непосредственной борьбы с его классовым врагом к туманной, вымученной, бессильной якобы социалистической фразе»³⁵.

Крестьяне-народники, по словам Ленина, — это «огонь, страсть. Они полны стремления к непосредственному и решительному действию. . . но против своего классового врага они поднимаются с такой прямоотой, непримиримостью, ненавистью, что вы *ощущаете* серьезнейшую общественную силу. . . они. . . искренние, горячие и сильные демократы». Тогда как народные социалисты и эсеры — народники-интеллигенты «из рук вон плохие социалисты и размагниченные демократы», их главная черта — «маниловщина, слащавые фразы, сентиментальная надклассовая точка зрения, пошлый „народный“ социализм».

Ленин весьма резко критиковал выступления народнических публицистов из «Русского богатства». Он, в частности, писал: «Кашица, преподносямая г. А. В. П. (Пешехонов. — Г. А.), как две капли воды, похожа на обычные во всех европейских странах возражения „гуманитарных буржуа“ против классовой борьбы и классового социализма». Задолго до 1917 г. Ленин предсказывал неизбежность поражения народнических лидеров как руково-

дителей крестьянского движения, ибо, по словам В. И. Ленина, «из фраз и резонерства исторического действия выйти не может. Импотентность такого народничества окончательная»³⁶.

Эти ленинские оценки позволяют четко разграничить теоретические построения народников от реальных демократических требований крестьян в их борьбе за решение аграрного вопроса и завоевание политических свобод. Думается, что эти ленинские характеристики не потеряли своей жизненности и в наше время. Многие выступления и народных депутатов, и публицистов, и лидеров различных неформальных объединений напоминают рассуждения демократов и радикалов начала XX в. Они созвучны прошлому не только своим содержанием, но и незнанием жизни и интересов народа, его различных слоев.

Следует сказать, что сами народники по-разному определяли свою социальную базу. Одни из них заявляли, что они отражают интересы всего трудового народа, другие — «рабочего класса», в который они включали крестьянство, пролетариат и интеллигенцию, третьи — «трудовое крестьянство». Четкое ленинское определение народничества как идеологии крестьянской демократии имело важное и теоретическое, и практическое значение, ибо позволяло определить реальную роль этого идейного и политического течения и отношение к нему пролетариата и его авангарда — партии большевиков. Характерными чертами народников Ленин считал недооценку ими серьезной теоретической работы, эклектику, беспринципность, непоследовательность, фразерство, маниловщину. В «Плане статьи против эсеров» (1903) В. И. Ленин, характеризуя идейную платформу эсеров, отмечал: «Теоретическая беспринципность: народнические предрассудки + западноевропейская оппортунистическая буржуазная „критика“. Отсутствие *сгедо*, затемнение сознания, игра в прятки. . .»³⁷

В. И. Ленин не только фиксировал эти черты эсерства как идейного течения народнического толка, но и объяснял его причины, среди которых называл неразвитость «классовых противоречий в эпоху демократической революции»³⁸.

В. И. Ленин постоянно отмечал опасность народнической идеологии и необходимость непримиримой борьбы с ней как явлением, враждебным воззрениям пролетариата. «Мелкобуржуазная идеология, — писал он в 1903 г., — развращает классовое сознание пролетариата, делает его негодным к самостоятельной позиции по отношению к буржуазной демократии»³⁹.

Все течения народничества, по мнению В. И. Ленина, имели общие черты, типичные для идеологии мелкой буржуазии. Так, критикуя теоретические статьи в журнале «Русское богатство», В. И. Ленин писал в 1913 г.: «Такого пустого набора слов, такого разгула уклончивой, голой фразы, такой мешанины взглядов (эклектизма) давненько уже мы не встречали в „руководящих“ статьях считающегося серьезным народнического журнала»⁴⁰.

В. И. Ленин объяснял живучесть, широкое распространение и популярность народнических воззрений большой прочностью «в нашей стране различных отсталых учений социализма»⁴¹.

Для ленинской концепции народничества характерен дифференцированный подход к оценке состава этого идейного направления и ведущих тенденций его развития. В. И. Ленин отмечал два взаимосвязанных процесса: продолжающийся распад основ народнической идеологии и выделение двух его ведущих течений: либерального народничества, идущего на сближение с либеральной буржуазией — кадетами, и левонародничества, главной тенденцией которого стало движение в направлении к марксизму. Этот процесс был весьма болезненным, сложным, противоречивым, медленным, тем не менее В. И. Ленин видел в нем ослабление позиций народнической доктрины, дальнейшее укрепление марксизма. В политической сфере это означало завоевание непролетарских слоев на сторону рабочего класса для успешного проведения буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции. Постоянно подчеркивая настоятельную необходимость борьбы с отсталыми теориями утопического социализма, включая и народничество, В. И. Ленин обращался к ее традициям и истокам. В 1905 г. он напоминал, что «вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом»⁴². Для марксистов это напоминание в условиях 1905 г. было призывом продолжить наступление на позиции мелкобуржуазной идеологии, наиболее опасного противника марксизма, выступавшего под флагом защиты интересов народа в форме яркой, цветистой социалистической фразеологии.

Сам В. И. Ленин дал блестящие образцы критики народнических воззрений. Он постоянно подчеркивал важность теоретической борьбы с противниками марксизма для революционной партии пролетариата. В «План брошюры против эсеров» (1903) В. И. Ленин включил такую задачу: «Особенное внимание должно быть обращено на теоретические, принципиальные разногласия»⁴³. Эта мысль проходит через все работы В. И. Ленина, написанные до 1917 г. и посвященные критике народнической доктрины. Последовательная борьба В. И. Ленина и партии большевиков обеспечила разгром народничества как идейного и политического течения, враждебного марксизму.

Критический анализ идейных основ народничества XX в., всех его течений позволил В. И. Ленину раскрыть научную несостоятельность теоретических воззрений мелкобуржуазных демократов как идеологов крестьянского утопического социализма. С четких, классовых позиций В. И. Ленин определил степень опасности мелкобуржуазной идеологии, характер и формы ее распространения, наметил пути и средства борьбы с ней по важнейшим и наиболее актуальным вопросам общественного развития.

В. И. Ленина интересовали прежде всего крупнейшие идеологи и теоретики народничества, а не случайные и маловлиятельные

деятели, выступавшие со своими рассуждениями и сомнениями на страницах народнической печати. Он анализировал и критиковал выступления таких народников XX в., как Н. К. Михайловский, М. Р. Гоц, В. М. Чернов, А. В. Пешехонов, Н. С. Русанов, П. А. Сорокин, С. С. Маслов, Н. Н. Ракитников, Н. В. Святицкий, Н. Н. Суханов и др.

В. И. Ленин уделял пристальное внимание анализу материалов ведущих периодических изданий народников XX в.: «Русское богатство», «Вестник русской революции», «Революционная Россия», «Революционная мысль», «Заветы», «Знамя труда», «Современные записки» и др.

Глубокий и всесторонний анализ теоретических основ народнической доктрины позволил В. И. Ленину четко определить основные задачи марксистов в виде тезисов:

«а) Теоретическая защита и развитие революционного марксизма.

б) Всемирное участие в международной идейной борьбе.

в) Развитие русского марксизма, применение его, борьба с либерально-народническим направлением, разоблачение рабочему классу его буржуазности и мелкобуржуазности»⁴⁴

Рассматривая идейные основы народнической доктрины, В. И. Ленин выявлял такую черту идеологов этого направления, как недооценка важности теоретической работы, обусловленная непониманием того, что главная цель партии — «выработка цельного революционного мирозерцания»⁴⁵. При этом В. И. Ленин постоянно обращался к опыту борьбы марксистов против идеологии либерального народничества 80—90-х годов XIX в. И в первую очередь это касалось таких сторон воззрений, как философские и экономические взгляды народников, ибо они не претерпели существенных изменений по сравнению с их позициями в XIX в. В. И. Ленин указывал, что субъективный идеализм в философии, субъективный метод в социологии по-прежнему оставались базисом всех теоретических воззрений народников.

В критическом анализе народнической теоретической доктрины в первую очередь В. И. Ленина интересовали вопросы, имевшие первостепенное значение для практики революционной борьбы, для определения научно обоснованного отношения пролетариата и его партии к непролетарским слоям трудящихся и их политическим организациям, для разъяснения массам опасности мелкобуржуазных иллюзий в борьбе за демократию и социализм.

Ленин дал четкие характеристики народническим партиям. Так, знесен он называл «оппортунистами гораздо хуже наших меньшевиков», «полукадетами»; «сколько-нибудь последовательными и решительными революционерами и республиканцами» считал только эсеров. Выделял В. И. Ленин и беспартийную «трудовую группу». Рассматривая вопрос о возможности заключения соглашения с ними в ходе избирательной кампании во вторую Государственную думу, В. И. Ленин писал: «Действительно они соединимы и соединяются? Соединимы безусловно, ибо мелкобуржуазный классовый базис один»⁴⁶.

Внеклассовым народническим оценкам теоретической и практической деятельности различных организаций В. И. Ленин противопоставлял строго классовые характеристики идейных течений и политических организаций, вскрывая и их объективную роль в борьбе социальных сил XX в. В статье «Выборы в Думу и тактика русской социал-демократии» (1907) В. И. Ленин писал: «Типичное партийно-политическое выражение находят буржуазно-демократическое революционное сознание крестьянства в партиях трудовиков, социалистов-революционеров и народных социалистов». Вместе с тем В. И. Ленин постоянно подчеркивал неспособность народников дать «классовый анализ разных партий», понять «классовую основу российской революции»⁴⁷.

Общность классового базиса всех народнических партий, функционировавших на политической арене России в начале XX в., позволяет применить к исследованию их идейных платформ метод типологии, т. е. сравнения и выявления их общих черт, однотипных взглядов, детерминированных их классовой природой, не игнорируя при этом имевшихся различий в их теоретических, программных и тактических установках.

Из всех народнических течений и группировок более всего внимания В. И. Ленин уделял в 1902—1917 гг. критике эсеровских воззрений. Это связано с тем, что эсеры были самой многочисленной и популярной партией мелкой буржуазии, выражавшей классовые стремления различных слоев крестьянства, его заинтересованность в радикальной буржуазно-демократической, аграрной и политической революции. В защите и развитии теоретических основ народнической доктрины эсеры были значительно активнее, чем энесы и трудовики. У них было больше теоретиков, они чаще выступали в прессе как хранители и защитники народнических традиций. По идейной эволюции эсеров можно было судить об изменениях в идеологии мелкобуржуазных радикалов, демократов и революционеров. Главную тенденцию в эволюции народников В. И. Ленин определял как движение от демократизма к социализму, от народничества к марксизму, видя в этом «победу марксизма над народничеством»⁴⁸.

Говоря о связи народничества XX в. с народнической доктриной XIX в., В. И. Ленин отмечал определенную преемственность и обращал внимание на те черты и явления, которые приобрели важное значение в новой исторической обстановке. Ленин считал учение старого народничества «до известной степени цельным и последовательным», которое отрицало господство капитализма в России, роль фабрично-заводских рабочих как передовых борцов всего пролетариата, значение политической революции и буржуазной политической свободы; проповедовало сразу социалистический переворот, исходящий из крестьянской общины с ее мелким сельским хозяйством. В народничестве начала XX в. от этого цельного учения, писал В. И. Ленин в 1905 г., «остались. . . только клочья»⁴⁹. Он обращал внимание и на то обстоятельство, что

социалисты-революционеры «позабыли даже многое из учения самих народников»⁵⁰.

В. И. Ленин постоянно вел полемику с народническими идеологами на всех этапах подготовки пролетариата и партии большевиков к социалистической революции, выделяя при этом следующие вопросы: 1) перспективы развития капитализма в России; 2) теоретическое обоснование социализма и его предпосылок в России; 3) анализ роли различных классов, их потенциальных возможностей в борьбе за демократию и социализм; 4) отношение народников к классовой борьбе, ее роли в жизни общества, в борьбе за социализм, ее особенностей в России; 5) задачи, характер и движущие силы революции в России; 6) решение аграрного вопроса как необходимого условия победы радикальной демократической революции; 7) роль политических партий в революционной борьбе классов; 8) программа, стратегия и тактика революционной борьбы; 9) отношение к марксизму и социал-демократии; 10) отношение к народничеству, к традициям революционного и освободительного движения XIX в.

Такие проблемы, как отношение к марксизму и его оппортунистической критике, к капитализму и его развитию в России, к «порождаемому этим капитализмом пролетариату»⁵¹, В. И. Ленин относил к числу основных программных вопросов, подчеркивая в статье «Вульгарный социализм и народничество, воскрешаемые социалистами-революционерами» (1902), что читатель должен хорошенько вдуматься в рассуждение эсеров и оценить их «теоретические посылки»⁵². Он постоянно подчеркивал, что в условиях XX в. для идеологов пролетариата важно дать правильную, научно обоснованную оценку социалистов-революционеров, «*всех* сторон деятельности (и всей сущности) этого направления»⁵³.

В. И. Ленин отмечал отход народников XX в. от традиционных воззрений, усматривая его в факте признания капитализма в России. Экономический прогресс заставил народников отказаться от прежних взглядов на самобытный характер развития России и признать закономерностью вступление страны на путь капитализма, достигшего в начале XX в. определенной степени зрелости и в городе и в деревне. В процессе отхода их от старых народнических догм В. И. Ленин видел «признание „творческой“ исторической работы капитализма, обобществляющего труд и создающего „социальную силу“, способную преобразовать общество, силу пролетариата, такое признание есть разрыв с народничеством и переход к марксизму. В основу теории социализма кладется объективное развитие экономики и классового деления»⁵⁴.

Однако это признание не было последовательным и безоговорочным, а сама концепция народников страдала примитивизмом, односторонностью, теоретической безграмотностью. «Чисто по-народнически, — писал В. И. Ленин, — упускается из виду тот факт, что капиталистическая эксплуатация в России приобретает особенно отвратительные формы вследствие переживания отношений „докапиталистических“. Поэтому, анализируя экономические

воззрения эсеров, В. И. Ленин обращал особое внимание на такую их черту, как «безграмотность в области экономической науки и теории развития капитализма».

Выдвигая требование *социализации земли* и введения уравни- тельного землепользования, эсеры не понимали того, что эти меры имеют буржуазный характер, ибо их следствием является «расчи- стка почвы для капитализма, уничтожение всяких средневековых и сословных перегородок на земле, создание *свободной арены для капитализма*»⁵⁵ (курсив мой. — Г. А.). Все меры по социализации земли расценивались эсерами как программа борьбы за социа- лизм, как аграрные изменения социалистического типа. В. И. Ле- нин показывал, что в этих позициях в полной мере проявилась классовая сущность мелкобуржуазных теоретиков, неспособных объективно оценить свои теоретические построения, понять их реальное социальное содержание, перспективы и возможные итоги борьбы.

Как пример несостоятельности народнических объяснений ка- питуалистической эволюции В. И. Ленин неоднократно приводил рассуждения о положительных и отрицательных сторонах разви- тия капитализма, к которым нередко прибегали теоретики эсеров. Так, в статье «От народничества к марксизму» В. И. Ленин, кри- тикуюя эти идеи, писал: «Возьмите главную общетеоретическую поправку: теорию благоприятного и неблагоприятного отношения между положительными и отрицательными сторонами капита- лизма». В. И. Ленин рассматривал эти рассуждения как «внесение в марксизм старого русского субъективизма»⁵⁶.

О половинчатом характере признания капитализма свидетел- ствовала программа левонародников и энесов в «Русском бо- гатстве», упомянутая В. И. Лениным в статье «Народничество и класс наемных» (1914). Ее содержание свидетельствовало о том, что она «до сих пор не решается признать Россию капита- листической страной»⁵⁷.

Для эсеров как типичных представителей народничества ХХ в. было характерно «непонимание реальных основ современного хозяйственного строя и его развития»⁵⁸, они отрицали законы и категории товарного производства применительно к русскому крестьянскому хозяйству.

Отсюда проистекало непонимание народниками ХХ в. характе- ра борьбы с остатками крепостничества и царизмом (задачи буржуазно-демократической революции) и борьбы против буржу- азии — за социализм (задачи социалистической революции).

В. И. Ленин постоянно обращал внимание на попытки обосно- вания самобытности России, видя в них повторение идей Н. Дани- ельсона и В. Воронцова «со всей его теорией об особых „судьбах капитализма в России“». Объясняя живучесть народнических теорий подобного типа, В. И. Ленин отмечал: «Отсталось России вообще и русского земледелия в особенности выступает уже не как отсталость *капитализма*, а как самобытность, оправдываю- щая отсталые теории»⁵⁹.

Объявляя себя социалистами, народники ХХ в. пытались дать теоретическое обоснование социализма, осмыслить пути, ведущие к нему. Они активно противопоставляли свои утопические, во многом реакционные воззрения на социализм научной концепции социализма, вели большую пропагандистскую работу среди крестьянства, пролетариата, интеллигенции, упорно распространяли свои далекие от науки идеи среди молодежи. Поэтому В. И. Ленин постоянно призывал своих единомышленников и соратников бороться с мелкобуржуазным пониманием социализма народниками, затушевывающими «пропасть между капиталом и трудом»⁶⁰.

Вопрос о социализме В. И. Ленин считал одним из центральных в споре марксистов и идеологов крестьянского утопического социализма. В задачу марксистов входило также объяснение неспособности мелкобуржуазных демократов создать научно обоснованную концепцию социализма, стоящую на уровне достижений общественных наук ХХ в., разоблачение псевдосоциалистической сущности народнических концепций социализма, служивших обоснованием программы и тактики мелкобуржуазных партий.

Народническим воззрениям на внеклассовый «общечеловеческий» характер борьбы за социализм В. И. Ленин противопоставлял научный социализм, в котором «Маркс связал преобразовательные стремления с борьбой определенного класса». «Внеклассовой борьбы, — писал В. И. Ленин в 1905 г., — социализм есть пустая фраза или наивное мечтание»⁶¹. Этого важнейшего положения народники так и не смогли понять, связывая борьбу за социализм с крестьянством и его стремлением к решению аграрного вопроса в интересах мелкого собственника⁶². Поэтому В. И. Ленин считал народничество одним из вариантов примитивного, крестьянского социализма, требовал «противопоставления научного социализма вульгарному»⁶³ и делал вывод о том, что «их социализм вовсе не революционен, а их революционность не имеет ничего общего с социализмом»⁶⁴. Всю систему взглядов народников ХХ в. В. И. Ленин считал революционно-демократической по своему объективному содержанию, а не социалистической, ибо социализм в этих теориях был мелкобуржуазный, вульгарный, крестьянский, утопический, облеченный в громкую революционную фразу, лишенный научного содержания⁶⁵. В. И. Ленин отмечал в 1906 г.: «... крестьянство облекает свои стремления в форму утопий, т. е. неосуществимых пожеланий, вроде уравнительности землепользования при сохранении господства капитала»⁶⁶.

На большом историческом, теоретическом и политическом материале В. И. Ленин показал реакционный характер народнического социализма. Это проявилось в обращении идеологов народничества к прошлому — к общине, в их апелляции к отсталости и патриархальности крестьянства. Назвав таких, как Пешехонов, «идейными выразителями реакционных сторон крестьянского хозяйчика»⁶⁷, В. И. Ленин иронически заме-

чал, что «поклонники Лаврова и Михайловского должны считаться с психологией забитой массы, а не с объективными условиями, преобразующими психологию борющейся массы»⁶⁸.

На основе мелкобуржуазных представлений о социализме народники XX в. делали выводы о возможности достижения социализма посредством кооперации. Они рассматривали кооперативное движение, осуществляемое при господстве частной земельной собственности, как путь к социализму. В. И. Ленин охарактеризовал эти идеи как «новую точку зрения» — «через кооперацию к социализму»⁶⁹. Эти взгляды взяли на вооружение русские народники XX в., используя их в борьбе против марксизма и научной концепции социализма.

Большое место в ленинской критике народничества XX в. заняли вопросы классовой борьбы, роли пролетариата, крестьянства и интеллигенции в грядущей революции в России. Как известно, по всем этим проблемам марксизм дал глубокий научный анализ на основе обобщения опыта революционного движения XIX—XX вв., роли различных социальных сил и партий, в том числе и мелкобуржуазных.

Не понимая и не признавая марксизма как научной теории, народники пытались противопоставить ему свои весьма примитивные, путаные, эклектические взгляды, построенные на мелкобуржуазных экономических и социологических концепциях. При этом свои главные усилия они сосредоточили не на разработке научной теории, а на активной и упорной борьбе с марксизмом, на его опровержении с позиций оппортунизма и реформизма⁷⁰. Марксистская концепция классов и классовой борьбы, трактовка роли пролетариата и мелкой буржуазии в революционных событиях XX в., характера приближавшейся в России революции стали главными объектами нападок теоретиков народничества — А. Пешехонова, В. Мякотина, В. Чернова, А. Комова, П. Сорокина и др. И это было закономерным явлением, ибо пролетарская концепция классовой борьбы с ее последовательностью, радикализмом, непримиримостью к буржуазным и мелкобуржуазным воззрениям не просто не «устраивала», «раздражала» идеологов крестьянской демократии, а вызывала в них резко враждебное отношение, стремление всеми силами и средствами противодействовать росту ее популярности и влияния. Это обстоятельство и обусловило столь пристальное внимание В. И. Ленина к народническим воззрениям, бескомпромиссность и последовательность, а подчас и резкость его критики.

В. И. Ленин подчеркивал, что народники не способны понять «классовой основы российской революции»⁷¹, расстановки социальных сил, борьбы партий, отражавшей борьбу классов, социальной основы «оппозиционного „либерализма“»⁷² и многое другое, без чего невозможно успешно бороться, а тем более победить.

Анализируя серию статей по программным вопросам, опубликованных в 1902 г. в органе социалистов-революционеров «Революционная Россия», В. И. Ленин в работе «Вульгарный социа-

лизм и народничество, воскрешаемое социалистами-революционерами» писал: «Искать основного отличительного признака различных классов общества в источнике дохода — значит выдвигать на первое место отношения распределения, которые на самом деле суть результат отношений производства. Ошибку эту давно указал Маркс, назвавший не видящих ее людей вульгарными социалистами». И далее В. И. Ленин объяснял: «Основной признак различия между классами — их место в общественном производстве, а следовательно, их отношение к средствам производства. Присвоение той или другой части общественных средств производства и обращение их на частное хозяйство, на хозяйство для продажи продукта — вот основное отличие одного класса современного общества (буржуазии) от пролетариата, который лишен средств производства и продает свою рабочую силу»⁷³. Отмечая, что объяснение наличия классов источником дохода является типичной ошибкой вульгарного социализма, В. И. Ленин указывал, что из этих воззрений вытекает непонимание того важного факта, что именно эксплуатация наемного труда является основой всего современного капиталистического строя, что она вызывает деление общества на непримиримые классы, «и только с точки зрения этой классовой борьбы можно последовательно оценить все остальные проявления эксплуатации, не впадая в расплывчатость и беспринципность»⁷⁴.

Отрицание классовой борьбы, роли пролетариата в ней было характерно и для левонародников, и для либеральных народников из «Русского богатства». И хотя классовая борьба XX в., в том числе и крестьянства, давала богатейший материал и еще раз подтверждала справедливость марксистского учения, тем не менее народники так и не поняли этого крайне важного явления, оставаясь на прежних позициях. Правда, воззрения народников не оставались неизменными, к тому же представители различных течений не одинаково оценивали значение классовой борьбы. Однако все они в теории были в меньшей степени революционеры, чем на практике. Левые группировки народничества были сторонниками крайне радикальных мер и форм борьбы (террор, немедленное вооруженное восстание и т. п.). Этот своеобразный разрыв между теорией и практикой революционной борьбы являлся типичной чертой в эволюции мелкобуржуазного революционизма, в котором реакционная теория и ультрареволюционная фразеология сочетались с непониманием истинного значения классовой борьбы, с экстремизмом и авантюризмом в практических действиях.

На это явление В. И. Ленин обращал внимание в 1902 г.: «Получается направление, очень революционное по его фразам и вовсе не революционное по его действительным воззрениям и связям с революционным классом, — революционное по резкости нападок на правительство и в то же время совершенно неспособное правильно оценить общую тактику этого правительства и дать правильный ответ на эту тактику»⁷⁵.

В. И. Ленин раскрывал ограниченность мелкобуржуазной революционности и демократизма, не имевших серьезной теоретической базы, которая подменялась общими фразами. Так, в статье «От народничества к марксизму» Ленин писал о теоретических воззрениях эсеров: «Во всем проекте употребляются без различия слова: трудящиеся, эксплуатируемые, рабочий класс, трудовая масса, класс эксплуатируемых, классы эксплуатируемых»⁷⁶. Пользуясь этими понятиями, эсеры, как и все народники, не вдумывались в их содержание, в их классовый смысл, что делало их теорию путаной, утопической, далекой от практики классовой борьбы.

В условиях острой классовой борьбы XX в. народники, являясь «непоколебимыми противниками марксизма», тем не менее вынуждены были считаться с ростом рабочего и крестьянского движения и с успехом марксистов, развивавших теорию классовой борьбы применительно к условиям России.

В противовес марксистской теории народники выдвинули свое объяснение классов и их борьбы. Их попытки сконструировать «рабочий класс» из интеллигенции, пролетариата и крестьянства В. И. Ленин охарактеризовал как «полное отрицание классовой борьбы»⁷⁷. Это искусственно созданное понятие, которое особенно упорно пропагандировали лидеры партии эсеров, включалось в общую концепцию революционной борьбы, выдавалось за нечто новое и весьма существенное в развитии социологической доктрины народников. Неслучайно на эти положения народнической социологии В. И. Ленин обратил внимание сразу же, как только на политической арене России появилась партия социалистов-революционеров. Материалы первых номеров эсеровских изданий «Вестника русской революции» и «Революционной России» были подвергнуты обстоятельной критике по всем важнейшим вопросам эсеровской программы, включая их трактовки классов и классовой борьбы.

Анализируя эсеровскую формулу «Интеллигенция + пролетариат + крестьянство» в «Плане брошюры против эсеров», В. И. Ленин с присущей ему глубиной отмечал главные черты этой схемы: «Смешение различных слоев. Свалить в кучу и интеллигентский социальный реформизм и революционаризм только демократический — и пролетарский социализм — и неразвитые крестьянские требования»⁷⁸.

В. И. Ленин показал реальные ошибки мелкобуржуазных идеологов, основанные на непонимании принципиальных различий между классами и социальными слоями, характером свойственной им революционности.

В. И. Ленин постоянно обращался к практике классовой борьбы, акцентируя внимание на том, что именно факты «показывают воочию всю нелепость и весь вред предпринимаемой социалистами-революционерами попытки реставрировать народовольчество со всеми его теоретическими и тактическими ошибками»⁷⁹. В статье «Новые события и старые вопросы» (1902) В. И. Ленин

критиковал стремление эсеров противопоставить массовому пролетарскому движению террористические акты, политические убийства, доказывая, что якобы эти «политические сенсации» способны оказывать на «массы» «агитирующее», «возбуждающее» действие. Подчеркивая значение массовых революционных выступлений, используя, в частности, факты ростовской стачки, происходившей 6 ноября 1902 г.⁸⁰, он писал: «Мы думаем, что целой сотне царубийств не произвести никогда такого возбуждающего и воспитывающего действия, как это одно участие десятков тысяч рабочего народа в собраниях, обсуждающих их насущные интересы и связь политики с этими интересами, — как это участие в борьбе, действительно *поднимающей* новые и новые „непочатые“ слои пролетариата к более сознательной жизни, к более широкой революционной борьбе»⁸¹.

В. И. Ленин резко критиковал попытки народников противопоставить пролетариату крестьянство, якобы самой активной, многочисленной силы современного революционного процесса.

Марксистским оценкам крестьянства как класса мелкобуржуазного по своему положению в капиталистическом обществе, по уровню сознания и реальной роли в революционной борьбе народники противопоставили свои взгляды, отрицавшие его мелкобуржуазную сущность. Они доказывали, что крестьянство как класс является трудовым, эксплуатируемым, что его идеал — социализм, а борьба отражает его устремление к социалистическому переустройству общества. Так, в программе-минимум эсеры ставили своей задачей «использовать в интересах социализма и борьбы против буржуазно-собственнических начал как общинные, так и вообще трудовые воззрения, традиции и формы жизни русского крестьянства, и в особенности взгляд на землю, как на общее достояние всех трудящихся». В. И. Ленин видел в этой программе «чисто академическое повторение давно отвергнутых и теорией и жизнью общинных утопий».

Революционная активность крестьянства в начале XX в. в сочетании с многочисленностью этого класса в России и во всем мире, с его ролью создателя ценностей породила у народников иллюзию о крестьянстве как классе, способном якобы привести народ к социализму. На обоснование и развитие этого тезиса и опровержение марксистской концепции мелкобуржуазной природы крестьянства направили теоретики народничества свои главные усилия⁸². В связи с этим В. И. Ленин обращался к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса о двойственном характере социальной сущности крестьянства — класса-собственника и класса-труженика, проявлявшейся в его позиции по отношению к буржуазии и пролетариату, в классовых интересах, в характере сознания, в партиях, выразивших его устремления. Это требовало от лидера и теоретика пролетариата, как и от всей партии большевиков, четкого ответа на вопросы, что такое крестьянское хозяйство в условиях капиталистической России XX в. и каковы важнейшие тенденции его развития, какие процессы происходят в крестьянст-

ве с его включением в систему капиталистических отношений В. И. Ленин тщательно анализировал характер и формы сохранявшихся пережитков крепостничества, их кабальный характер, уделял большое внимание изучению идеологии крестьянской демократии, ее реального содержания и значения в условиях классовой борьбы России начала XX в. Такой всесторонний подход позволил дать обоснованный ответ на все эти вопросы, раскрыть истинную роль крестьянства в борьбе за демократию и социализм, объективно оценить революционный потенциал всех слоев крестьянства в качестве союзника пролетариата на различных этапах борьбы. Все это имело неопределимое значение для развития марксистской теории классовой борьбы, обогащенной опытом России.

Четкое определение места мелкой буржуазии в революционном процессе позволило В. И. Ленину разработать программу по аграрному вопросу, нанести сокрушительный удар народническим воззрениям на крестьянство.

Критикуя взгляды народников на крестьянство, В. И. Ленин боролся против их попыток выдать демократическую по своему объективному содержанию борьбу за социалистическую. «Нелепо смешивать, — писал он в 1905 г. в статье «Социализм и крестьянство», — задачи и условия демократической и социалистической революции, которые разнородны, повторяем, и по характеру, и по составу участвующих в них социальных сил»⁸³.

Непонимание народниками роли крестьянства в революции В. И. Ленин объяснял их отношением к проблеме характера и сущности самой революции. Народники рассматривали ее как социалистическую, тогда как предстояло решить сначала задачи буржуазно-демократического характера, а затем переходить к социалистической революции. В подходе к этому вопросу В. И. Ленин отмечал коренную разницу во взглядах социал-демократов и социалистов-революционеров. Так, в статье «Мелкобуржуазный и пролетарский социализм» (1905) он писал по этому поводу: «... вот два противоположных взгляда, которые надо ясно понять всякому, желающему разобраться в принципиальной пропасти между социалистами-революционерами и социал-демократами. По одному взгляду крестьянское движение есть социалистическое, по другому — демократически-буржуазное движение».

В. И. Ленин давал классовую, научно обоснованную оценку позиций эсеров, что позволяло объективно оценить сущность происходивших споров, их значение в идеологической подготовке революции. «Марксисты, — писал В. И. Ленин, — именно потому и называют социалистов-революционеров стоящими на точке зрения мелкой буржуазии (идеологами мелкой буржуазии), что они не могут отделаться от мелкобуржуазных иллюзий, фантазий народничества в оценке крестьянского движения»⁸⁴.

Если у народников теоретическая работа развивалась в отрыве, а нередко и в противоречии с их революционной практикой, то для большевиков характерно органическое единство теоретическо-

го осмысления развивавшихся процессов с активным воздействием на их ход и итоги. Различая суть демократической и социалистической борьбы, Ленин писал: «Борьбу с чиновником и помещиком можно и должно вести вместе со всеми крестьянами, даже зажиточными и средними. А борьбу с буржуазией, а значит и с зажиточными крестьянами, можно вести надежным образом только вместе с сельским пролетариатом»⁸⁵.

Псевдореволюционным представлениям народников о возможности «сразу» уничтожить всякую эксплуатацию В. И. Ленин противопоставлял концепцию двух социальных войн, четко формулируя их классовое содержание. «Не видеть этих двух различных, разнородных социальных войн могут только люди, совсем не знакомые с политической экономией и с историей революций во всем мире. Закрывать глаза на разнородность этих войн посредством словечка „сразу“ значит прятать голову под крыло и отказываться от всякого анализа действительности».

Против народнической «идеализации демократического переворота» В. И. Ленин выдвигал четкое требование — «соединять чисто пролетарскую борьбу с общекрестьянской, но не смешивать их»⁸⁶. Из этого вытекал практический вывод для пролетариата и его партии — «поддерживать общедемократическую и общекрестьянскую борьбу», но не сливаясь с ней, не идеализируя ее, «не забывая ни на минуту об организации и городского и *сельского* пролетариата в совершенно самостоятельную классовую партию социал-демократии»⁸⁷.

В тесной связи с воззрениями народников на крестьянство рассматривал В. И. Ленин их взгляды на общину, кооперацию, артели, в которых мелкобуржуазные демократы усматривали путь к социализму, предпосылки социализма в деревне. При этом В. И. Ленин особо отмечал сходство буржуазно-собственных устремлений крестьянства и теоретических воззрений русских народников. В статье «От народничества к марксизму» В. И. Ленин писал: «Именно „буржуазно-собственное“ (и в то же время трудовое) крестьянство использовало уже в своих интересах социалистическую фразеологию народнической, демократической интеллигенции, которая своими артелями, кооперациями, травосеяниями, плужками, земскими складами, банками мнила поддерживать „трудовые традиции и формы жизни“, а поддерживала на деле развитие капитализма внутри общины. Русская экономическая история уже доказала таким образом то, что завтра будет доказано русской политической историей»⁸⁸.

Критика В. И. Лениным народнических воззрений на общину была продолжением той борьбы, которую К. Маркс и Ф. Энгельс вели в XIX в. Не отрицая возможности использования общины и ее устоев в качестве средства перехода к коллективным формам хозяйства в условиях проведения социалистических преобразований, В. И. Ленин выступал против ее идеализации и абсолютизации, как это делали народники XX в. и их предшественники.

Анализируя эволюцию русской общины в XX в., В. И. Ленин показал, что в условиях бурного развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве община разрушается и поэтому ее нельзя рассматривать в качестве предпосылки социализма⁸⁹.

В. И. Ленин доказывал, что крестьянство является союзником пролетариата в буржуазно-демократической революции, а в социалистическом перевороте пролетариат может рассчитывать на полную поддержку только сельских рабочих и бедноты⁹⁰.

И хотя теоретики левонародничества (эсеры, эсеры-максималисты) вынуждены были признать наличие в деревне кулака, а в понятие «трудового крестьянства», особенно после революции 1905—1907 гг., стали включать середняка и бедняка, однако это мало изменило их понимание движущих сил революции. Вместо того чтобы серьезно заняться изучением этого вопроса, народники тратили свои усилия на «опровержение» марксистской концепции крестьянства как класса мелкой буржуазии⁹¹. Они склонны были видеть в нем только труженика, игнорируя его двойственную природу, его частнособственнические интересы. В неспособности разобраться в социальной структуре российской деревни XX в., в классовой сущности кулака, середняка, бедняка, их роли в борьбе за демократию и социализм проявилась теоретическая ограниченность народников.

Ленинская концепция социальной структуры России начала XX в. была важна для понимания роли различных социальных групп в революционной борьбе, характера и движущих сил революции в России. В. И. Ленин постоянно подчеркивал, что народники XX в. недооценивают важность разработки теоретических проблем революции, не способны увидеть ее реальных классовых сил, ее объективного содержания⁹². Как игнорирование классовой точки зрения, глубины «классовых противоречий в России вообще и в русской деревне в особенности» рассматривал В. И. Ленин выступления представителей оппозиции и освободительного движения, включая и народников. В статье «Самодержавие и пролетариат» (1905) В. И. Ленин разъяснял: «Даже крайняя левая русской радикальной интеллигенции, партия социалистов-революционеров, грешит больше всего таким же игнорированием; стоит вспомнить ее обычные рассуждения о „трудовом крестьянстве“ или о том, что предстоит нам революция „не буржуазная, а демократическая“». Подобного рода рассуждения о революции В. И. Ленин называл «общедемократической фразой», «общенародными требованиями», лишенными реального классового содержания, постоянно указывая на важность для пролетариата и его партии «отделаться от всяких самообманов, от всяких миражей и иллюзий». В этой же статье В. И. Ленин убедительно показывал, что «русскому интеллигенту, — начиная от умереннейшего освобожденца и кончая самым крайним социалистом-революционером, — всегда кажется, что признать нашу революцию буржуазной значит обесцветить, принизить, опошлить ее»⁹³. Не понимая проблемы соотношения борьбы за демократию против

крепостничества и царизма и борьбы за социализм против буржуазии, народники ХХ в., объективно боровшиеся за победу буржуазно-демократической революции, изображали себя борцами за социализм⁹⁴. В этой позиции содержалась не только грубая теоретическая ошибка народников, но и их классовая природа как идеологов мелкой буржуазии, пытавшихся изобразить один из этапов борьбы за конечную цель⁹⁵. «Для пролетариата, — писал В. И. Ленин, — борьба за политическую свободу и демократическую республику в буржуазном обществе есть лишь один из необходимых этапов в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки»⁹⁶.

Крайне примитивным, путаным объяснениям народников В. И. Ленин, большевики противопоставили стройное, цельное, глубоко обоснованное учение о революции в России, об условиях ее осуществления и возможности перехода от буржуазно-демократического этапа к социалистическому. Непонимание народниками этих важных положений, точнее, неспособность подняться до уровня научной теории В. И. Ленин объяснял отсталостью этих теоретиков, связанной с неразвитостью экономических отношений, неразвитостью классовых противоречий. Это порождало, по мнению В. И. Ленина, «воскрешение в той или иной форме отсталых форм социализма, который является мелкобуржуазным социализмом, ибо идеализирует преобразования, не выходящие из рамок мелкобуржуазных отношений»⁹⁷.

Народники уделяли большое внимание решению аграрного вопроса в России, выражая устремления и интересы крестьянства. Это получило отражение в их теоретической доктрине, в пропагандистской и агитационной литературе, в практической работе среди крестьянства⁹⁸.

Анализируя народнические аграрные программы, В. И. Ленин обращал внимание на два взаимосвязанных друг с другом процесса: требования крестьян относительно решения аграрного вопроса в их интересах и деятельность идеологов народничества, формулировавших их. По этому поводу В. И. Ленин писал в 1906 г.: «...крестьянство облекает свои стремления в форму утопий, т. е. неосуществимых пожеланий, вроде уравнительности землепользования при сохранении господства капитала»; тогда как «гг. Пешехоновы и К⁰ подлаживаются к интересам хозяйственного мужичка, подделывают социализм под его интересы». В. И. Ленин называл подобного рода устремления «социализмом мелкого лавочника, цель которого «в угоду хозяйчику отодвинуть социализм в туманную „даль“, *признать* стремление хозяйчика *закрепить* свое хозяйское положение», прислужничеством «узкой корысти мелких хозяйчиков и лакейство перед их предрассудками»^{99*}.

Важное место в ленинской критике народничества ХХ в. занимали вопросы революционной тактики. В. И. Ленин раскрывал

* Как никогда актуально звучат эти ленинские оценки в современных условиях, особенно в свете недавних выступлений некоторых наших «демократов» — *Ред.*

связь террора, который народники рассматривали в качестве главного средства борьбы, с их субъективистской философией «революционного действия»¹⁰⁰. В тактике, строившейся на концепции «герои и толпа», проявлялась мелкобуржуазная псевдореволюционность, что представляло опасность для массового революционного движения. В связи с ростом массового рабочего движения (Обуховская оборона, Ростовская стачка, Батумская стачка и др.), убедительно показавшего несостоятельность тактики индивидуального террора, народники, и прежде всего эсеры, усилили свои нападки на пролетариат. С особым упорством эсеры доказывали, что массовые стачки рабочих не являются показателем степени развития классового сознания фабрично-заводского пролетариата, что они лишь свидетельство «первого пробуждения рабочих», акты «детски-незрелой фазы рабочего движения», «признак смутного первоначального брожения». Эсеры упрекали социал-демократов в преувеличении роли стачек и демонстраций, не видя в них предвестников революции, противопоставляя пролетарским формам борьбы террор¹⁰¹. Для народников в революционной борьбе были абсолютно равнозначны студенческие демонстрации, массовое крестьянское движение, «мирные стачки рабочих», переходящие «в прямое столкновение с силами правительства»¹⁰².

Следовательно, в народнической концепции революции в России не было четкого понимания задач и характера революции, ее движущих сил, роли в ней различных классов и партий, боровшихся за демократию и социализм. Сформулированные ими задачи (свержение самодержавия, решение аграрного вопроса и завоевание политических свобод) объективно отражали содержание и сущность буржуазно-демократического этапа революции. Поэтому в самый разгар революции, в ноябре 1905 г., В. И. Ленин писал: «Мы считаем по-прежнему воззрения социалистов-революционеров не социалистическими, а революционно-демократическими. Но для боевых целей мы обязаны идти вместе при полной партийной самостоятельности. . . Выгонять преданных и честных революционеров-демократов в такой момент, когда мы делаем именно демократическую революцию, было бы нелепостью и безумием»¹⁰³. Эта позиция определяла тактику большевиков по отношению к партиям мелкобуржуазной демократии. Вместе с тем В. И. Ленин указывал на важность правильного объяснения соотношения стихийного движения масс и сознательного руководства их действиями.

В. И. Ленин отмечал, что массовому стихийному движению недостает идеологов. Разъясняя роль сознательного элемента в развитии революционного движения, В. И. Ленин писал тогда же «„идеолог“ только тогда и заслуживает названия идеолога, когда идет *вперед* стихийного движения, указывая ему путь, когда он умеет раньше других разрешать все теоретические, политические, тактические и организационные вопросы, на которые „материальные элементы движения“ стихийно наталкивают-

ся». С этой точки зрения народники XX в. как лидеры крестьянского движения не способны были «поднимать стихийность до сознательности . . . связать стихийную эволюцию с сознательной революционной деятельностью»¹⁰⁴. Причиной этого была их мелкобуржуазная природа, ограничивавшая их возможности как в теоретической, так и в практической деятельности. В. И. Ленин постоянно выявлял и объяснял эту черту мелкобуржуазных демократов и радикалов, отмечая их слабые стороны, раскрывая их неспособность быть лидерами и теоретиками революционного движения XX в. в силу их классово-ограниченности.

В своих трудах В. И. Ленин постоянно проводил мысль о том, что народничество следует рассматривать как явление, характерное не только для России, но и для других стран. В. И. Ленин связывал это с рядом обстоятельств. Во-первых, с многочисленностью слоя мелкой буржуазии, которая играет адекватную роль в социальных системах различного типа, т. е. в странах развитого и недостаточно зрелого (среднего уровня) капитализма. Это порождало и соответствующие воззрения, систему взглядов «на это общество с точки зрения мелкого производителя». «Совершенно естественно, — писал Ленин, — что отсюда с полной неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелкобуржуазных идей и учений».

Во-вторых, В. И. Ленин обращал внимание на тот факт, что мелкобуржуазная социальная природа порождала соответствующие ей теоретические доктрины: субъективный идеализм, вульгарный социализм, теории трудового хозяйства, оппортунизм и реформизм.

В-третьих, В. И. Ленин рассматривал русское народничество как явление не только российского, но и международного значения. Об этом В. И. Ленин писал в 1903 г.: «Совершенно естественно, что русский „социалист-революционер“, всецело плененный идеями мелкобуржуазного народничества, оказывается „поневоле братом“ европейского реформиста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма»¹⁰⁵.

Ленин развернул широкий фронт борьбы как против русского народничества, так и против концепций, имевших место в других странах. Ссылаясь на известное положение Ф. Энгельса («Что неверно в формально-экономическом смысле может быть верно во всемирно-историческом смысле»)¹⁰⁶, В. И. Ленин в статье «Две утопии» писал: «Глубокое положение Энгельса необходимо помнить при оценке современной народнической или трудовой утопии в России (может быть, не в одной России, а в целом ряде азиатских государств, переживающих в XX веке буржуазные революции)». На основе научной оценки народничества как идейного и политического течения В. И. Ленин делал важные практические выводы о необходимости быть последовательным в борьбе со всякими утопиями, заботливо выделяя в то же время «из шелу-

хи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс»¹⁰⁷.

В подобном подходе к народничеству проявилась интернациональная сущность деятельности партии большевиков, доследовательно и бескомпромиссно выступавшей в защиту марксизма против всех попыток его ревизии, подмены научной теории эклектическими, псевдосоциалистическими концепциями и объяснениями проблем общественного развития. Этот принцип В. И. Ленин, партия большевиков систематически и целеустремленно проводили на всех этапах борьбы против мелкобуржуазного вулгарного утопического социализма, способствуя тем самым приближению идейного краха народничества в России.

Изучение марксистско-ленинской концепции народничества в России и его эволюции в XIX—начале XX в. убеждает в том, что только с позиций пролетарской идеологии можно всесторонне исследовать, проанализировать и оценить реальное содержание и историческое место этого сложного идейного и политического течения, выявить его сильные и слабые стороны, его реальную роль в освободительном движении и историческую ограниченность, обусловленную классовый природой.

Все стороны народнической доктрины получили объективную оценку в трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина, уделявших большое внимание критике философских, экономических и социологических основ идеологии мелкобуржуазных радикалов и демократов. Они активно функционировали на политической арене России в XIX в. как представители главного идейного течения освободительного движения, а в XX в. как идеологи крестьянской демократии, в которой российский пролетариат видел своего союзника в решении буржуазно-демократических задач революции

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 21. С. 259, 261.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 526.

³ Там же. Т. 22. С. 441—442; Т. 18. С. 522; Т. 16. С. 427—428; Т. 35. С. 147; Т. 19. С. 158.

⁴ Там же. Т. 34. С. 357.

⁵ См.: Там же. Т. 18. С. 518, 522, 524, 527—529 и др.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 58, 444.

⁷ Там же. Т. 18. С. 545.

⁸ Там же. Т. 34. С. 360.

⁹ Там же. Т. 22. С. 41, 263—264, 444 и др.

¹⁰ Там же. Т. 18. С. 545—546.

¹¹ Там же. С. 542, 543.

¹² Там же. С. 524, 525, 537, 538, 540—541.

¹³ Там же. С. 541.

¹⁴ Там же. С. 537.

¹⁵ Там же. С. 537.

¹⁶ См.: Там же. Т. 22. С. 457—460.

¹⁷ Там же. С. 543.

¹⁸ См.: Суслова Ф. М. Маркс, Энгельс, Ленин о народничестве и интерпретации преемственности ленинизма в буржуазной историографии // Критика буржуазных концепций истории и политики КПСС. Л., 1974. С. 92—122.

¹⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 352, 351.

²⁰ См.: Там же. Т. 21. С. 261.

- 21 Там же. Т. 22. С. 304.
 22 Там же. С. 304—305.
 23 Там же. С. 121.
 24 Там же.
 25 Там же.
 26 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 40.
 27 Там же. Т. 22. С. 117.
 28 См.: Хорос В. Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 20—21, 56 и др.
 29 Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 157
 30 Там же. С. 342.
 31 Там же. Т. 11. С. 285.
 32 Там же. С. 383.
 33 Там же. Т. 12. С. 42—43.
 34 Там же. С. 40.
 35 Там же. Т. 22. С. 363.
 36 Там же. С. 363—365, 368.
 37 Там же. Т. 7. С. 389.
 38 Там же. Т. 11. С. 416.
 39 Там же. Т. 7. С. 389.
 40 Там же. Т. 22. С. 304.
 41 Там же. Т. 12. С. 40.
 42 Там же.
 43 Там же. Т. 7. С. 381.
 44 Там же. С. 388.
 45 Там же. С. 312.
 46 Там же. Т. 14. С. 80, 81.
 47 Там же. Т. 15. С. 42, 49—52 и др.
 48 Там же. Т. 9. С. 191; Т. 11. С. 285 и др.
 49 Там же. Т. 12. С. 40.
 50 Там же. С. 45.
 51 Там же. Т. 7. С. 43—44.
 52 Там же. С. 44.
 53 Там же. С. 51.
 54 Там же. Т. 9. С. 192.
 55 Там же. Т. 9. С. 192; Т. 17. С. 268.
 56 Там же. С. 192.
 57 Там же. Т. 24. С. 322; Т. 8. С. 458.
 58 Там же. Т. 11. С. 58.
 59 Там же. Т. 9. С. 192.
 60 Там же. Т. 24. С. 61.
 61 Там же. Т. 12. С. 45.
 62 Там же. Т. 14. С. 101
 63 Там же. Т. 7. С. 385.
 64 Там же. С. 384—386; Т. 22. С. 304—305, 307 и др.
 65 См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 381—386, Т. 13. С. 404; Т. 15. С. 192; Т. 22. С. 307 и др.
 66 Там же. Т. 13. С. 144.
 67 Там же. С. 405.
 68 Там же. С. 404.
 69 Там же. Т. 7. С. 381.
 70 Там же. С. 381, 385, 389.
 71 Там же. Т. 15. С. 50.
 72 Там же. Т. 7. С. 384.
 73 Там же. С. 44—45.
 74 Там же. С. 45.
 75 Там же. С. 71.
 76 Там же. Т. 9. С. 192.
 77 Там же. Т. 7. С. 383.
 78 Там же. С. 383.
 79 Там же. С. 59.

- ⁸⁰ Там же. С. 59—60, 458
- ⁸¹ Там же. С. 60—61.
- ⁸² См.: *Чернов В.* Маркс и Энгельс о крестьянстве. М., 1906; *Он же.* Марксизм и аграрный вопрос: Историко-критический очерк. СПб., 1906. Ч. 1.
- ⁸³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 284
- ⁸⁴ Там же. Т. 12. С. 41—43.
- ⁸⁵ Там же. С. 44.
- ⁸⁶ Там же. С. 45
- ⁸⁷ Там же. С. 47—48.
- ⁸⁸ Там же. Т. 9. С. 194
- ⁸⁹ См.: Там же. Т. 7. С. 191.
- ⁹⁰ См.: Там же. Т. 12. С. 44
- ⁹¹ См.: *Чернов В. М.* Маркс и аграрный вопрос. М., 1907.
- ⁹² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 11. С. 283—285, 289—290; Т. 13. С. 397, Т. 12. С. 135 и др.
- ⁹³ Там же. Т. 9. С. 132, 131.
- ⁹⁴ См.: Там же. Т. 11. С. 290, 417 и др.
- ⁹⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 544.
- ⁹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 131.
- ⁹⁷ Там же. Т. 11. С. 284.
- ⁹⁸ См.: *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества, 1902—1914 гг. Л., 1983.
- ⁹⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 144—145, 401, 403.
- ¹⁰⁰ *Шестаков М. Г.* Борьба В. И. Ленина против идеалистической социологии эсеров. М., 1975. С. 17—25, 84—92 и др.
- ¹⁰¹ Рабочее движение и наши тактические задачи // Революционная Россия. 1902. № 10. С. 3—6.
- ¹⁰² По поводу Ростовских событий // Революционная Россия. 1902. № 15. С. 1—3.
- ¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 12. С. 65.
- ¹⁰⁴ Там же. Т. 5. С. 363.
- ¹⁰⁵ Там же. Т. 7. С. 212—214.
- ¹⁰⁶ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 184.
- ¹⁰⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 22. С. 120, 121.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАРОДНИКОВ

※

Важнейшим вопросом острой идейной борьбы между марксизмом и народничеством в области философии истории, как и в XIX в., оставалось объяснение сущности и движущих сил общественного развития. Идеологи русского народничества — от П. Лаврова и Н. Михайловского до В. Чернова, А. Комова, А. Пешехонова — решали его с позиций субъективного идеализма, руководствуясь в теоретических построениях основ социологической и исторической концепции субъективным методом. Сторонники и защитники народнической доктрины XX в. не внесли ничего принципиально нового своими философскими трудами в обоснование исторического прогресса и его познание по сравнению со своими предшественниками в России и на Западе. Это отмечал В. И. Ленин в своей фундаментальной работе «Материализм и эмпириокритицизм». Тем не менее их весьма заметная активность в области философии и социологии, стремление противопоставить материализму и монизму, и особенно марксизму, субъективный идеализм и эклектику представляли заметное явление в идейной жизни того времени. Они были популярны в силу многочисленности средних слоев среди значительного круга интеллигенции, революционно настроенной молодежи, части рабочих¹. Претензии лидеров и идеологов народничества на «владение умами», на руководящую роль в русском революционном движении XX в. вызывали ответную реакцию не только у представителей последовательного ортодоксального марксизма, но и у «легальных марксистов» (П. Струве, Н. Бердяева и др.), позднее у меньшевиков. Полемика сторонников материализма и монизма с защитниками идеализма и плюрализма вылилась в ожесточенные идейные столкновения по большому кругу вопросов, продолжавшиеся всю первую четверть XX в. На первый взгляд может показаться, что все эти споры носили абстрактный, оторванный от жизни характер, не влияя на решение политических проблем, на борьбу за «землю и волю». Против подобных мнений неоднократно выступал В. И. Ленин, утверждая мысль о тесной связи философских позиций с политическими. Еще в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), защищая идею о важности понимания связи материализма и диалектики с объяснением происходящих процессов и правильным формулированием лозунгов борьбы, он писал: «Усердно маршируя, но плохо руководя, они принижают материалистическое понимание истории своим игнорированием действительной, руководящей и на-

правляющей роли, которую могут и должны играть в истории партии, сознавшие материальные условия переворота и ставшие во главе передовых классов»².

Народнические концепции XX в. отражали прошлое, а не будущее революционного движения. Это поняли в конце XIX в. Г. В. Плеханов, Н. Е. Федосеев, В. И. Ленин, хотя по-разному оценивали итоги борьбы с народничеством в 90-е годы и перспективы его дальнейшего существования. Народнические лидеры оказались неспособными понять, что освободительное и революционное движение в России XX в. переросло теоретические и социологические концепции народников и основанные на них программы, которые отражали предшествующий этап развития. Концепции, подобные народническим, «при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастает их; тогда они становятся реакционными»³.

Критический анализ народнической литературы 1900—1917 гг. позволяет понять как истоки теоретической доктрины мелкобуржуазных демократов и радикалов XX в., характер их теоретической деятельности, так и причины их идейного краха, обусловленного факторами не только социального, но и гносеологического характера.

В многочисленных выступлениях левых народников В. Чернова, А. Комова, Н. Русанова, Е. Колосова, П. Сорокина и либеральных — А. Пешехонова, В. Мякотина, С. Южакова и др. по вопросам социологии и истории излагались важнейшие доводы представителей этого идейного течения, которые они использовали для защиты своего учения и противоборства с марксизмом. На ненаучной теоретической основе строилась программа и практическая деятельность народнических партий, стремившихся возглавить не только освободительное движение против самодержавно-помещичьего строя, но и революционное движение масс за социализм. Социологическая доктрина народников служила теоретическим обоснованием программ, путей и средств борьбы мелкобуржуазных слоев России в сложной обстановке начала XX в. Теоретики «позднего» народничества упорно защищали идейные устои своего мировоззрения от критики, от наступавшего на его позиции марксизма.

Следует отметить, что в литературе начала XX в. основоположником субъективного метода в народнической социологии одни считали П. Л. Лаврова, другие — Н. К. Михайловского⁴. Марксист С. П. Ранский убедительно доказывал, что «субъективный метод» был заимствован и Лавровым и Михайловским у основоположника позитивизма О. Конта⁵.

Как уже отмечалось, главным в своей теоретической деятельности в области истории и социологии идеологи позднего народничества сделали не углубленное изучение реальной действительности со всеми ее противоречиями и закономерностями развития, а создание всегда бесплодных «общих теорий», искусственных конструкций и схем с помощью субъективного метода,

а также борьбу против марксизма, особенно против материалистического монизма, научной теории познания, марксистской концепции классовой борьбы и ее роли в истории. Причем в этом походе против марксизма все народники — и либеральные и левые — стояли на общих позициях защиты субъективного метода и неприятия диалектического и исторического материализма. Поэтому и в начале XX в. не потеряла своего значения ленинская идея, высказанная в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», о том, что для понимания и оценки «отъявленных врагов социал-демократии» из «Русского богатства» следует присмотреться к этим «друзьям народа», к «их критике марксизма, к их идеям, к их тактике»⁶. Следовательно, для В. И. Ленина идеология народничества, критика им марксизма и тактика народничества являются единым целым.

Образцом такого подхода к народнической доктрине явились труды В. И. Ленина, написанные еще в середине 90-х годов. В них В. И. Ленин убедительно показал важность выступлений «против целой системы воззрений, а не против отдельных представителей ее», между которыми есть различия, и «иногда немалые», раскрыл научную несостоятельность народнической философии истории, основанной на субъективном методе⁷. Однако народники, отвергая критику марксистов, продолжали упорно отстаивать свои позиции.

Несмотря на то что народники XX в. уделяли защите «субъективного метода в социологии» большое внимание, тем не менее труднее всего им давалось определение его сущности и содержания. А обращение к Михайловскому завершалось, как правило, подобного рода заключениями: «Михайловский оперирует понятием субъективного метода спорадически и бессистемно, а главное не дает точного определения этого термина, довольствуясь в большинстве случаев доказательствами необходимости субъективного отношения к действительности»⁸. Обычно ссылались на цитату из исследования Михайловского «Что такое прогресс?» (1869). Субъективный метод в социологии, утверждал Михайловский, «объект которой — человек — тождествен с субъектом; может быть, вследствие этой тождественности мыслящий субъект только в таком случае может дойти до истины, когда вполне сольется с мыслимым объектом и ни на минуту не разлучится с ним, т. е. войдет в его интересы, переживет его жизнь, перемыслит его мысль, перечувствует его чувство, перестрадает его страдание, проплачет его слезами»⁹. Нетрудно увидеть, что подобного рода аргументы в защиту субъективного метода в познании социальных явлений были, как и раньше, в условиях XX в. не только малоубедительными, но и весьма примечательными, ибо теоретики народничества на протяжении десятилетий не смогли выдвинуть в обоснование своих позиций никаких новых и убедительных доводов. Понимая шаткость своих суждений, Колосов ссылался на громадную популярность этой статьи Михайловского: «Можно сказать без всякого преувеличения, что статья о прогрессе была

в свое время настоящим манифестом социально-революционного народничества 1870-х годов, во многих отношениях не устаревшим до сих пор». По утверждению Колосова, статья стала «руководящей социологической profession de foi тогдашнего общественного движения»¹⁰. Выдвинув это положение, Колосов вынужден был согласиться, что «в фактической оценке аргументации Михайловского мы встречаемся с такими очевидными ошибками, которые трудно и бесполезно затушевывать». Подобного рода признания были весьма показательны для защитников субъективного метода, вынужденных после смерти Михайловского отмечать, что многие из его критиков были правы, включая и Бердяева.

Особенно протестовали Колосов, Чернов и др. против обвинения Михайловского в том, что он «вообще не различал категории субъективного отношения к действительности и объективного изучения ее». Не вдаваясь в детали полемики между сторонниками и противниками субъективного метода, начавшейся еще в 70-е годы XIX в., отметим, что Колосов пытался свести спор к вопросу о том, является ли субъективный метод лишь приемом познания или он включает в себя и «категорию оценки». Колосов ограничивал его лишь первым признаком¹¹, разрывая тем самым связанные друг с другом элементы познания социальных явлений — получение знания, его описание и оценку. Называя субъективный метод научной теорией, Колосов предпринял попытку выявить его гносеологические корни и историческое значение, что представляет немаловажный для нас интерес.

Истоки субъективного метода Колосов справедливо усматривал в позитивизме. Однако заслуги Михайловского в области теории народникам XX в. виделись там, где их вообще не было, ибо в философии Михайловский сделал шаг назад по сравнению с Чернышевским и другими шестидесятниками. Колосов утверждал, что позитивизм Михайловского «отнюдь не был материализмом предшествующей эпохи», что, сохраняя «реалистические приемы мысли», характерные для 1860-х годов, «Михайловский решительно порвал, в чем его крупная заслуга в истории нашего общественно-го самосознания, с гегельянством. . . и философским материализмом „Современника“». П. Л. Лавров и Н. К. Михайловский, «Отечественные записки», утверждал автор, в противовес «Современнику» примкнули в области философии к таким принципам позитивизма, «которые отрицались раньше „Современником“, но ныне сделались основой научной философии»¹². Однако на самом деле в истории русской философской мысли это было попятное движение — от стихийного материализма к субъективному идеализму, проявившееся в распространении так называемого «субъективного метода в социологии».

Выступая защитником субъективного идеализма Михайловского, Колосов признавал и поддерживал его положения об ограниченности человеческого познания, о невозможности познания сущности явлений, об опытном происхождении всех знаний, о доступности знаний для человека только на эмпирическом уровне¹³.

Подобно Михайловскому, с позиций субъективного идеализма определяли народники типа Колосова и Чернова и предмет социологии. «Предмет социологии, — писал Колосов, — общественность, кооперация. Единственной же реальной носителем общности является человеческая личность. Стало быть, задача социологии и выразится в попытке установить исторические судьбы личности в разных типах кооперации». В другом месте Колосов объектом социальной науки называл общественную жизнь людей, законы кооперации, а критерием для ее построения считал «идеал всесторонне развитой человеческой личности. Но этот идеал не доступен во всем своем целом мыслящим силам современного классового общества»¹⁴. Подобное определение объекта социальной науки и главного критерия ее построения — идеала — привело к отказу от изучения реальной действительности, ее теоретического осмысления, к отрицанию объективного характера полученных знаний об обществе, ограничению возможности их практического использования с целью его революционно-го преобразования. В самом подходе народников к науке и ее объекту проявлялось стремление к подмене объективного научного теоретического знания субъективными, искусственными схемами, не имевшими ничего общего с процессом общественного развития и его познанием на основе научной методологии. Такой же характер имели все рассуждения народников о методологии и научных методах познания социальных процессов и явлений.

Трудным для теоретиков народничества оказалось и определение субъективного метода, хотя они постоянно твердили, что Михайловский делал это много раз, оставив после себя разработанную «теорию». Фактически вся эта «теория» ограничивалась большим количеством различных высказываний, разбросанных по отдельным работам. Сам Колосов давал такое определение: «Субъективный метод логически может быть противопоставлен объективному методу и только ему, а не индукции и дедукции, не опыту и наблюдению. Вместе с тем противопоставление субъективного объективному методу имеет не прямой, а условный характер, ибо субъективным методом отнюдь не устраняются требования опираться „на данные объективной науки“, от которой никто не может в своих исследованиях безнаказанно отворачиваться»¹⁵.

В конечном счете все проблемы, связанные с обоснованием и применением этого метода сводились к приемам мышления, к отрицанию возможности объективного познания социальных явлений. Как и во всех других случаях в подтверждение верности этого метода приводились одни и те же слова Михайловского: «Субъективным методом называется такой способ удовлетворения познавательной способности, когда наблюдатель ставит себя мысленно в положение наблюдаемого». В подтверждение научного значения этого метода выдвигалась идея о «теологическом характере человеческой истории, отличном от истории природы». Посредством введения идеи целесообразности и ссылкой на слова

К. Маркса «люди сами делают свою историю» народники пытались утвердить в социологии взгляд на историю как на «психологический процесс их [людей] деятельности»¹⁶, без учета его объективного содержания.

В индивидуализации и психологизации заключался главный порок народнической социологии и защищавшегося теоретиками этого идейного течения субъективного метода, основанного на идеализме. Это, однако, не мешало сторонникам субъективного метода доказывать, что «как социолог Михайловский дал в своих многочисленных статьях законченный образец объективного анализа явлений общественности, но освещенных с точки зрения вполне определенного идеала». Это Колосов подтверждал фактом установления Михайловским законов различных отношений между различными формами общечитий, которые он трактовал как смену «форм кооперации, конкретно выражавшуюся в разнообразных комбинациях двух основных типов сотрудничества: простого и сложного»¹⁷.

Другую сторону проблемы народнической социологии Колосов, следуя за Михайловским, усматривал в «анализе отношений форм общественности к судьбам личности», в концепции «борьбы за индивидуальность», в теории коллективной психологии. Оценивая эти заслуги Михайловского, Колосов заключал: «Каковы бы ни были наши представления о субъективизме и субъективном методе Михайловского, но ясно, что его собственные работы вполне отвечают тем требованиям, которые мы предъявляем к науке и ее представителям». Вопреки фактам Колосов утверждал, что Михайловский благодаря использованию субъективного метода пришел к положениям и выводам, «имеющим высокий теоретический интерес и громадное практическое значение»¹⁸. Такого рода аргументами народники обосновывали «право на существование» субъективного метода, а следовательно, научной ценности для XX в. всех трудов П. Лаврова и Н. Михайловского, основанных на применении этого метода к явлениям социальной жизни.

Однако народники не только упорно защищали субъективный метод от критики, особенно марксистской, они со свойственной им энергией и упорством проповедовали преимущества своих теоретико-методологических принципов в изучении истории и социологии. Так, Колосов пытался доказать, что при «субъективном методе (когда наблюдатель ставит себя мысленно на место наблюдаемого) само объективное изучение дает наибольшие в смысле научности результаты». В подтверждение этого тезиса давалась и практическая рекомендация такого рода: для того чтобы получить «истинно научное исследование рабочего вопроса», надо поставить себя в положение рабочих. «Такое требование глубоко субъективно, но оно отнюдь не противоречит объективному исследованию». Этот пример приводился Колосовым для того, чтобы доказать, что «субъективный метод сам по себе отнюдь еще не противоречит объективному анализу фактов», ибо «субъективный метод употребляется только при исследовании в области челове-

ских отношений». Очевидно, что реализация подобного рода предложений не может дать ничего существенного науке, и в первую очередь теории, поскольку полученные от такого познания наблюдения носят лишь конкретный, эмпирический, к тому же весьма субъективный характер.

В конечном счете все рассуждения народников о социологии сводились к защите субъективного идеализма. Субъективизм Михайловского, — писал Колосов, — это понятие более широкое, чем субъективный метод. «Исследование чужих мыслей в форме собственных есть субъективизм, и мы знаем, что от этого субъективизма ведет свое начало субъективный метод. Но с другой стороны, оценка действительности с точки зрения своих собственных, личных, субъективных идеалов есть тоже субъективизм, и от этого субъективизма ведет свое начало право нравственного суда над действительностью»¹⁹. Следовательно, главное в народнической социологии — не познание объективного процесса общественного развития, не выяснение ведущих тенденций и закономерностей с целью выработки научно обоснованных путей и средств освобождения трудящихся от эксплуатации, а обоснование права «нравственного суда над действительностью».

Таков конечный вывод из всех рассуждений народника Колосова о научном значении субъективного метода в социологии. Только до такого уровня мышления могли подняться социологи народничества — представители мелкобуржуазного социализма в России. С этих методологических позиций подходили народники к изучению исторического процесса, считая эту область особенно сложной для исследования. «В области познания социального, а также при воспроизведении исторической действительности, процесс комбинации предвзятого мнения с поправками, которые в него неизбежно вносят новые данные опыта или наблюдения, чрезвычайно сложен и с трудом разлагается на свои составные элементы»²⁰.

Сомневаясь в объективном характере полученных наукой знаний и выводов, народники упорно доказывали ссылками на Михайловского, что весь процесс познания носит субъективный, сугубо индивидуальный характер, поскольку человек всегда приступает к изучению предмета «с предвзятым мнением»²¹. Колосов без сомнения и какой-либо критики поддерживал идею Михайловского о том, что если нравственный уровень исследователя «достаточно высок, а предварительная умственная работа была достаточно сильна, то нет причины опасаться за состоятельность предвзятого мнения». Это утверждение Михайловского Колосов принимал как главное условие и абсолютную истину, признавая, что достаточно «двух чрезвычайно простых условий, чтобы вполне обеспечить правильность научных заключений и чистоту предшествующего им опыта»: быть «лично добросовестным человеком» и «обладать надлежащим запасом соответствующих фактов, обязательных для каждого исследователя».

Таким образом, успех познания зависел, по мнению народников, лишь от сугубо личных качеств познающего субъекта: «...высший критерий истинности наших понятий состоит в нормальном познании всесторонне развитой личности». Применительно к познанию социальных явлений народники вслед за Михайловским добавляли к этим условиям еще и «идеал справедливости и нравственности»²².

Под влиянием марксизма известное положение Михайловского о том, что общественное положение человека всегда заставляет его отражать интересы, выгодные для той социальной группы, к которой он принадлежит, народники ХХ в. стали трактовать по-своему, «В социологии, — писал Колосов, — предвзятое мнение, в отличие от других научных дисциплин, теряет свой резко индивидуальный характер, оно сводится к предвзятому мнению определенных общественных слоев, — „сословий, групп, классов, партий“, перед которыми меркнут другие различия». Признавая правильность этих рассуждений Михайловского, Колосов тем не менее считал нужным заметить, что все они «нуждаются как в теоретической, так и в чисто фактической проверке»²³.

Народники упорно стремились доказать тезис о том, что субъективизм также правомерен в науке, как все другие подходы, закономерно имеющие место в процессе познания общества²⁴. Лидер партии эсеров В. М. Чернов (1873—1952) защищал правомерность и научность субъективного метода в социологии путем рассуждений о том, что «истинных представлений о мире существует столько же, сколько различных типов психофизических организаций». С позиции эмпириокритицизма В. Чернов формулировал основную задачу науки — «объединить, систематизировать данные опыта», а процесс познания видел в приведении фактов в соответствие с «созданной системой».

Все основные понятия — об истине, познании, критериях истины, системе, методе общественных наук и др. — определяются Черновым и другими народниками с позиций субъективного идеализма, который они защищали, мобилизуя весь арсенал средств из русской и западноевропейской философии.

Соглашаясь с утверждениями Михайловского, что истина — это «специальный случай равновесия между субъектом и объектом», между человеком и окружающей средой, природой и другими людьми²⁵, Чернов давал, с его точки зрения, «исчерпывающее определение истинного». Он писал: «Истинно будет система взглядов, свободная от внутренних противоречий, объясняющая их с наибольшей экономией сил наиболее существенные данные опыта и обеспечивающая человечеству в его борьбе за существование достижения максимума равновесия между ним и окружающей средой»²⁶. Подобного рода рассуждения В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» характеризовал как «чистейший вздор», как попытку «под новым соусом проташить субъективный идеализм»²⁷.

Утверждая, что «наше познание направляется нашими потребностями», Чернов сводил эти потребности человека к явлениям сугубо индивидуального характера, игнорируя их социальную природу. Тогда как именно они в конечном счете определяют цели, характер и результаты познания общественных явлений. Однако в рассуждениях Чернова социальный аспект познания полностью отсутствовал. Он относил исследование общественных явлений к числу самых сложных, поэтому, по его мнению, в процессе познания социологических процессов возрастает роль «субъективного элемента».

Развивая идеи народников о выдающемся вкладе Лаврова и Михайловского в теорию социологического познания, Чернов писал, что считает своей важнейшей задачей «доказать, что современные теоретико-познавательные работы, которыми справедливо гордится западноевропейская философская мысль, во всех важнейших пунктах подтвердили учение о субъективном методе в социологии», что «в трудах названных русских социологов учение это развито не только по времени раньше, но и в гораздо более концентрированном и полном виде, чем у тех — преимущественно немецких авторов, которые в последнее время по частям выработали совершенно аналогичное учение о методе общественных наук»²⁸. Доказывая приоритет идеологов народничества в обосновании субъективного метода в социологии, Чернов тем самым относил себя и своих идейных учителей — Лаврова и Михайловского — к числу идеологов того направления философской мысли конца XIX—начала XX в., которое получило название махизма, эмпириокритицизма.

Из всех русских народников Чернов был особенно активен в отстаивании махистских позиций в теории познания, в борьбе против марксистской концепции. Поэтому неслучайно В. И. Ленин называл его «заклятым врагом марксизма», «горячим сторонником Авенариуса и врагом диалектического материализма». Все авторитеты Чернова, писал В. И. Ленин, — неокантианцы, которых Энгельс характеризовал как «теоретических *реакционеров*, пытающихся оживить труп давно отвергнутых учений Канта и Юма».

В. И. Ленин упрекал социалистов типа Чернова в «нежелании или неспособности» вдуматься в учение К. Маркса, в невежестве и безграмотности, в недостойных приемах борьбы против Ф. Энгельса, в извращении и фальсификации его взглядов по различным вопросам теории познания. «Г-н Чернов, — писал В. И. Ленин, — настолько сбит с толку теми реакционерами казенной философии, которых он взял себе в руководители, что он принялся шуметь и кричать против Энгельса. . .»

Критику теоретических воззрений махистов, включая и Чернова, В. И. Ленин завершал остроумной характеристикой: «Русские махисты окажутся скоро похожими на любителей моды, которые восторгаются изношенной уже буржуазными философами Европы шляпкой»²⁹.

Не проводя различий между объектом и предметом общественных наук, Чернов определял их задачу как познание жизни самого человека. Главную задачу «социологических построений» Чернов усматривал в том, чтобы «расчистить путь к торжеству общечеловеческой правды»³⁰. В подобном подходе к целям и задачам социологических исследований поиск «правды» и «справедливости» утверждался с ложных позиций, ибо игнорировался объективный процесс общественного развития. Объективное научное знание подменялось либо умозаключительными, искусственными конструкциями и схемами, либо субъективными мнениями, лишенными реального социального содержания, а потому оторванными от классовой борьбы и революционного преобразования мира, т. е. главной задачи революционной партии.

Называя субъективный метод в социологии «глубоко монистической теорией», хотя таковым у народников он не был, Чернов особенно много усилий тратил на защиту тезиса Михайловского о том, что истина является «частным случаем равновесия между познающим индивидуумом и окружающей средой».

Проблеме соотношения объективного и субъективного в процессе познания Чернов и др. уделяли особенно большое внимание, постоянно противопоставляя свои взгляды марксизму. Понятия субъективного и объективного, пытался доказать Чернов, относительны. «Между ними нет резкой грани, нет пропасти, которая бы отделяла субъективное от объективного». Защищая идею о слиянии субъективного и объективного, Чернов доказывал, что «высшая степень объективного не без основания обычно усматривается в общих логических законах мышления». И далее: «Всеобщее в субъективном и есть объективное». Следовательно, и объективное и субъективное в интерпретации Чернова — явления почти тождественные, связанные лишь с индивидуальной деятельностью человека. Все рассуждения об объективном и субъективном Чернов проводил на уровне восприятий отдельной личности (тепла, холода и т. п.), т. е. чувственного познания действительности³¹. С этих же позиций рассматривал Чернов вопросы социального познания, нередко обращаясь к проблемам исторического познания. С явным восторгом Чернов поддерживал идею Михайловского о том, что истина доступна мыслящему субъекту только в том случае, когда он «вполне сольется с мыслимым объектом»³². Особенно импонировали Чернову мысли философов-идеалистов В. Вундта, Г. Зиммеля и Н. Михайловского о зависимости результатов познавательной деятельности историка от характера его «натуры». В нее включались такие качества, как наследственность, индивидуальные наклонности, личный опыт, способность к «сочувственному опыту», т. е. способность ставить себя на место других, «переживать их жизнь». Исходя из этих идей, Чернов поддерживал утверждения западноевропейских философов-идеалистов о том, что все усилия историков в познании прошлого носят сугубо субъективный характер и зависят от типа или духовного склада «толкователя событий». Анализируя подобного

рода взгляды, В. И. Ленин отмечал: «Нелепость этой философии состоит в том, что она приводит к солипсизму, к признанию существующим одного только философствующего индивида»³³.

С позиций реакционного философского идеализма обрушивался Чернов на «объективизм экономического материализма», под которым подразумевался марксизм, материалистическое объяснение истории, научная теория познания социальных, в том числе и исторических явлений³⁴. Как и другие народники, Чернов приводил малоубедительные, а нередко и абсурдные доводы против марксизма, утверждая таким путем право субъективного метода на безграничное господство в социологии и истории. Так, Чернов писал, что исследование жизни народа видится ему как «ряд событий внешнего характера, подлежащих психологическому истолкованию». Это дает якобы возможность «верно представить себе индивидуальную психологию главных действующих личностей и коллективную психологию основных групп — политических партий, сословий, классов, религиозных сект, философских школ, литературных течений и т. п.»³⁵ Так, Чернову представлялся процесс исследования прошлого, в котором главным является не познание процесса исторического развития, где сочетается объективное и субъективное, а выяснение того, «как действующие лица сами понимали те свои действия, объективная сторона которых путем механического суммирования дала в итоге данное событие». Без «социальной телеологии», т. е. целесообразности, утверждал Чернов, «абсолютно невозможно само понимание исторических событий».

С этих же позиций обрушивался Чернов на материалистическое объяснение поступков людей их классовыми интересами и выявление объективных условий их реализации в истории. Утверждая, что возможность является якобы «чистой категорией мысли», Чернов пытался доказать, что существует несколько различных и даже противоположных возможностей «лишь для нашей головы, но вовсе не для реальной действительности; и для нашей головы существует тем больше возможностей, чем меньше мы знаем суть происходящего перед нами процесса». Таков был взгляд одного из крупнейших теоретиков народничества XX в. на проблему альтернатив в истории. Она трактовалась Черновым лишь как субъективный выбор, независимый от объективных условий развития, где альтернатива не существует.

Объяснение различных событий Чернов считал реальным лишь с точки зрения того, что «если бы такие-то и такие-то общественные группы отдавали себе правильный отчет в своих собственных побуждениях, проистекавших из глубочайших тайников их психофизической организации, из ее неосознанных и не формулированных, но стихийно и властно заявляющих о себе потребностей. Постановка этого вопроса необходима именно для того, чтобы разобраться в сети причин и условий различных событий»³⁶. По мнению Чернова, такой подход позволяет раскрыть «интимнейшие пружины исторического механизма». С этих по-

зиций крайнего субъективизма Чернов упрекал К. Маркса в чрезмерном увлечении групповыми вопросами и в «недооценке деятельности индивидуальных личностей», в стремлении растворить «индивидуальное во всеобщем, своеобразное в обычном, сложное в элементарном». Воюя с марксизмом, отрицая его, Чернов, как и другие народники, постоянно испытывал влияние материалистической концепции, в чем его неоднократно упрекали единомышленники.

И хотя все без исключения работы Чернова по вопросам теории и методологии истории пронизаны враждой, открытыми и завуалированными выпадами против марксизма и материалистической теории, тем не менее, учитывая популярность идеологов пролетариата, он вынужден был нередко и заигрывать с марксизмом. В одних случаях это признание заслуг или важности идей основоположников научного коммунизма; в других — это грубые сравнения его с различными теориями, в том числе с народничеством, либо использование авторитета и популярности марксизма в своих корыстных интересах. Например, Чернов истолковывал содержание «Капитала» К. Маркса так, словно идеи этого труда подтверждают черновскую точку зрения. В другом случае он уверенно твердил: «Я считаю социально-психологические исследования Михайловского о гармоничном развитии личности самым прямым дополнением исследований К. Маркса»³⁷. При рассмотрении этого вопроса В. И. Ленин не раз отмечал «желание подделаться под материализм (специальность русских махистов)», а также «самое бессвязное спутывание противоположных философских точек зрения». В результате таких операций создавалась «удобная теория, когда можно относить к ней и чисто идеалистические произведения и произвольно допущенные материалистические послылки!»³⁸.

Все свои рассуждения о познавательной деятельности личности в области социологии Чернов завершал выводом, весьма далеким от науки и принципов научного познания: «...теоретические идеи в последнем счете опираются на свидетельства внешних чувств, практические же — на голос элементарных эмоций». В связи с этим и научное представление характеризовалось как «целостное психическое переживание».

Все рассуждения Чернова теснейшим образом вписывались в социалистическую доктрину народничества, которая настойчиво по всем важнейшим вопросам противопоставлялась марксизму.

Излагая свои идеи об обществе будущего, он писал: «В представлении „высшего социального строя“ мы так стараемся скомбинировать данные, заимствованные из настоящего и прошлого нашей общественной жизни, чтобы устранить всякую возможность конфликтов и противоречий: царство идеала есть царство душевной гармонии, царство примирения и солидарности всех интересов, удовлетворения всех потребностей... только идеал должен и может быть верховным критерием всех человеческих оценок. Только его веления могут в качестве высших велений

противостоять голосу отдельных инстинктов, аффектов и расчетов»³⁹. Таким образом, свой труд, посвященный защите субъективного метода в социологии, Чернов завершал выводом об обществе, которое народникам виделось в будущем и за которое они призывали бороться в рядах своего идейного и политического течения.

Утверждая высшим критерием оценки социальных явлений идеал, народники тем самым доказывали, сколь последовательны они были в отстаивании своих принципов, в желании «утвердить свою близость аналогичным идейным течениям, существовавшим в то время на Западе. «Теория оценок, — писал Чернов, — на которую опирается „субъективная школа“ в социологии, вполне параллельна и аналогична эмпирической теории познания, составляя с нею одно целое: систему правды как правды-истины и правды-справедливости». Таков конечный вывод всех рассуждений Чернова о «субъективном методе в социологии», завершившийся известной идеей Михайловского, весьма популярной в философии истории народников XX в. Развитие этой теории совершалось по своеобразному замкнутому кругу, в котором все движение начиналось с утверждения о «правде-истине» и «правде-справедливости» как главной посылке исследования, и этим же завершалось. Здесь не было продвижения вперед, хотя в ходе теоретических рассуждений поднимались весьма важные вопросы (например, о нравственности в науке, о роли социального идеала и др.). Однако результаты всех этих рассуждений оказывались бесплодными из-за ложности целей исследования и путей к истине, которыми шли народники.

В теории познания Чернов проводил идею, направленную против марксизма, отстаивающего безграничность человеческого познания, утверждая концепции скептицизма и агностицизма. Он извращал взгляды Ф. Энгельса, его понимание «вещи в себе». Отрицая объективный характер полученных знаний, Чернов упорно доказывал, что «вещь в себе» — это не реальность, а лишь логическая условность категории сознания, что, рассматривая эту проблему, исследователь наталкивается на вопросы, «не только не решенные, но и на неразрешимые»⁴⁰. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин дал оценку этих выступлений Чернова против Ф. Энгельса. В. И. Ленин убедительно разъяснял, что, не понимая и извращая теорию познания, «г-н Чернов запутывает материалистический взгляд Энгельса на существование вещей независимо от нашего сознания». Это привело Чернова, как и других махистов, к отрицанию теории познания, «которая серьезно и решительно берет в основу всех своих рассуждений признание внешнего мира и отражения его в сознании людей»⁴¹.

Доказывая близость философии Михайловского воззрениям эмпириокритиков Маха и Авенариуса, Чернов писал, что учению Авенариуса якобы «принадлежит несомненное будущее», а русские социологи П. Миртов и Н. К. Михайловский «с самого на-

чала обнаружили решительное тяготение к этой точке зрения — к критически обоснованному позитивизму и эмпиризму»⁴².

Подобного рода высказывания теоретиков народничества свидетельствовали о том, что они связывали свои философские воззрения, и гордились этим, с одним из самых реакционных направлений XX в. — эмпириокритицизмом, махизмом, считая его высшим достижением русской и мировой науки. Они упорно проводили все основные догмы этого течения в своих теоретических и социологических трудах, выступая против материализма, материалистической теории познания.

С таких же позиций сторонниками субъективного метода рассматривался вопрос о критериях истины в научном познании. Если для марксистов главным критерием является социальная практика в ее самом широком понимании, то народники вслед за Михайловским объявляли таким критерием «познание нормального, целостного, всесторонне развитого человека, обладающего совокупностью всех черт, свойственных индивидууму». Это положение о критерии истины в общественной науке Михайловского Колосов дополняет требованием высокого нравственного уровня социолога как «гарантии объективности его познания». «Чем выше этот уровень, — рассуждал Колосов, — тем ближе социолог к возможности схватить смысл явлений общественной жизни». Следовательно, Колосов полностью принимал рассуждения Михайловского о критериях истины в научном познании, сводя их к чисто субъективному фактору.

Обращаясь к вопросу о границах познания, подобно Михайловскому, теоретики народничества начала XX в. сводили его к двум аспектам: во-первых, это «рамки человеческой природы»; во-вторых, это зависимость «от исторического хода вещей». Эти два обстоятельства делают сознание, по мнению Колосова, «групповым» и «субъективным». Когда же оно превращается в сознание «родовое», т. е. признается «человеческим родом», тогда наука социология обладает истиной, становится объективным знанием⁴³. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин обращал внимание на подобный подход, разъясняя, что субъективный идеализм «нельзя понимать таким образом, будто он игнорирует различие между единоличным и коллективным восприятием. Напротив, на этом различии он пытается строить критерий реальности»⁴⁴. Из рассуждений Колосова логически вытекало положение, что всякое другое знание является ложным, ибо только признанная человечеством истина является истинно научной. Таков конечный вывод и Колосова, и других народников, упорно защищавших свои позиции, приводя те же доводы, что и Михайловский. И уже чисто спекулятивный характер имели все рассуждения о том, что если наука хочет добиться истины, «она должна служить народу».

Возможность «правильного развития» научной социологии народники XX в. обуславливали временем, пока «борьба интересов не расчистит для нее почвы, сгладив общественные дифференцирова-

ния». В современных же условиях, по их мнению, научная мысль может идти «по общечеловеческому руслу» только благодаря наличию людей «с высоким нравственным уровнем». Выступая убежденными противниками научной теории познания, народнические авторы были непримиримыми противниками диалектики и ее материалистической интерпретации. «Диалектика, — утверждал Делевский, — один из тех элементов, которые так сильно вредят всему тому, что есть ценного в учении Маркса и Энгельса»⁴⁵.

Отвергая марксистское понимание классового характера социальных знаний, народники, вслед за Михайловским, первопричиной в различии взглядов на общество объявляли не только разделение труда на умственный и физический, но и индивидуальные особенности исследователей, их образованность, психический склад и нравственный уровень⁴⁶. Подобного рода позиция в вопросах социального познания сводила все результаты науки к сугубо индивидуальным идеям, наблюдениям, оценкам, лишенным большого общественного значения. Все теоретические построения народников страдали крайним субъективизмом и индивидуализмом, роль которых в процессе познания явно преувеличивалась и абсолютизировалась. Сложную проблему познания социальных процессов, истинности знаний и критериев их оценки, соотношения объективного и субъективного народники решали без учета социальной практики, исторического опыта предшествующих поколений, накопленных наукой знаний и традиций, ограничили вопросом о личности исследователя, ее индивидуальности и нравственности. Эта теоретическая доктрина и метод, которые народники утверждали в науке, обусловили соответствующую постановку и решение всех остальных вопросов: роль «толпы» и личности в истории, концепцию этического и кооперативного социализма, соотношение сознательности и стихийности в революционном движении, роль интеллигенции и др.

Классовая борьба и отношение к ней идеологов различных течений народничества заняла достаточно заметное место в теоретических трудах начала XX в. И это не случайно. Резкое обострение социальных противоречий, рост массовых выступлений, свидетельствовавших о приближении буржуазно-демократической революции, борьба пролетариата, бурное распространение марксизма и все растущая популярность учения о классовой борьбе, вытеснявшего народнические представления об обществе и путях его развития, заставляли идеологов этого направления уделять больше внимания этой сложной и важной социальной проблеме. Однако, как и в 90-е годы, они не считали нужным применять к русским экономическим отношениям «выработанные современной наукой понятия о различных общественных классах и их конфликтах»⁴⁷.

Изучение народнической литературы по вопросам социальных антагонизмов и классовой борьбы, появившейся до 1917 г., показывает, что теоретики мелкой буржуазии пытались дать свое решение этой проблемы, сконструировать свою схему, объясняв-

шую социальную структуру современного общества, механизм и факторы его развития. Этими вопросами в большей мере занимались лидеры эсеровской партии В. Чернов, А. Комов, П. Соколин. В трудах народников стало заметно превалировать стремление отстоять концепцию Михайловского; обновить прежнюю народническую доктрину некоторыми новыми идеями, отражавшими и учитывавшими развитие общества в начале XX в.; противопоставить марксизму нечто значительное и существенное, чтобы претендовать на фундаментальную научную теорию, опирающуюся якобы на все достижения мировой науки, в том числе и на марксизм. Эти попытки получили свое отражение в обширных фолиантах, вышедших в свет в 1906—1917 гг. и позднее как в России, так и за рубежом⁴⁸. Какими средствами это достигалось, можно проследить путем анализа обширного труда одного из видных теоретиков партии эсеров Я. Л. Юделевского, выступавшего под псевдонимами А. Комов, Ю. Делевский и др., вышедшего под названием «Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории». В ней автор поставил своей целью «дать теорию социальных антагонизмов в возможно полном историческом освещении и выявить место, занимаемое классовыми антагонизмами и классовую борьбу в общей системе антагонизмов и форм борьбы». И хотя автор заявлял, что его работа «имеет характер исключительно теоретико-научный» и что решение «каких-либо практических вопросов стоит вне ее задачи», тем не менее весь этот труд был теснейшим образом связан с реальной классовой борьбой — с идейным противоборством народничества с марксизмом, с попытками подвести теоретическую платформу под программу и практическую деятельность народников, и прежде всего партии эсеров.

К вопросу об антагонизмах Делевский подходил с точки зрения признания их существования и в природе (в физических явлениях и органическом мире), и в общественной жизни, где, по утверждению автора, «мы часто замечаем существование антагонизмов и борьбы»⁴⁹.

Этот подход, весьма распространенный в буржуазной социологии конца XIX—начала XX в., Делевский последовательно защищал и отстаивал во всех своих трудах. Руководствуясь полным отождествлением природы и общества, он давал определения антагонизма и борьбы, применимые, по его мнению, ко всем формам жизни на земле, включая и социальную.

«Под антагонизмом, — писал он, — следует разуместь состояние двух сил, из которых каждая, при некоторых условиях, стремится произвести в некотором отношении противоположное тому, которое стремится произвести другая сила. Под борьбу следует понимать такое состояние двух антагонистических сил, при котором каждая в действительности производит результат, в некотором отношении противоположный тому, который производит другая. Из этих определений следует, что антагонизм представляет собою состояние более общее, чем борьба. Антагонизм может

существовать, не проявляясь в борьбе, но борьба не может происходить без существования антагонизма». С точки зрения этих абстрактных идей Делевский рассматривал явления природы, доказывая, что и там имеют место антагонизмы, борьба и солидарность. Путем полного отождествления природы и общества, физических законов и социальных антагонизмов Делевский весьма красочно рисовал картину всеобщей борьбы: «Атомы борются с атомами. Клеточки организма борются с другими клеточками того же организма. Химические элементы и соединения находятся в непрерывной борьбе, то поглощая друг друга, то производя противоположные реакции. Море борется с сушею. Небесные тела борются между собой. . .»

Главное содержание борьбы в живой природе Делевский характеризует как «борьбу за индивидуальность», «за сохранение или усиление индивидуальности»⁵⁰. В подтверждение этой идеи приво­дили­сь примеры из жизни муравьев, диких и домашних животных, стада, стаи, табуна и т. п. Таким образом, живая природа наделялась чертами, присущими социальному организму — обществу, а функционирование общества и человека характеризовалось чертами, свойственными животному миру.

Как известно, подобный подход был весьма распространен в социологической литературе конца XIX в. Марксизм всегда вел с ним непримиримую борьбу, доказывая антинаучность отождествления жизни животных и человека, перенесения биологических понятий на объяснение процесса развития общества.

Примечательно, что при характеристике антагонизмов, присущих обществу, выделялись такие признаки и явления, которые позволяли утверждать идеи об их извечности, постоянном и неизменном характере. Возникновение антагонизмов в обществе объяснялось тем, что «антагонизм между отдельными людьми, как и вообще между организмами-индивидуумами, обусловливается различными признаками, способностями и интересами этих индивидуумов. . .»⁵¹.

Определяя интерес как «удовлетворение потребности» и выделив три категории потребностей («эгоистические, симпатические и смешанные»), Делевский пытался доказывать, что эгоистические потребности могут быть успешно удовлетворены лишь путем кооперации, поэтому они лежат в основе образования «общественных союзов и агрегатов больших и малых, добровольных и принудительных, временных и постоянных родовых союзов, обществ, государств, брачных союзов, партий, классов, ассоциаций, ученых, литературных и эстетических обществ». Таким образом, различные социальные категории и группы различаются друг от друга по субъективному признаку: эгоистические интересы и потребности лежат в основе их образования. Из существования различных признаков и интересов человека Делевский выводил сложность и разнообразие социальных сил и групп, действующих в истории⁵². Он писал, что в истории действуют расы, нации, племена, семейные союзы; различные группы общества, касты,

сословия, классы, корпорации, династии, партии, идейные союзы и другие организации, возникающие «для осуществления тех или других материальных либо идеологических целей». При этом главный («типический») признак социальной группы он выводит не из объективных условий существования в составе определенной структуры, а из идеи солидарности, которая рассматривалась как главный фактор объединения. Основной признак социальной группы Делевский связывал с интересом. Поэтому расе, нации, обществу, классу, государству, религиозному союзу и т. д. «соответствуют типические интересы общества в целом, интересы экономические, классовые, интересы государственные, религиозные, идеологические»⁵³. Таков ход рассуждений народника-субъективиста, игнорирующего значение объективных условий развития общества и сводящего все проблемы объяснения сложных процессов взаимодействия объективных и субъективных факторов в истории к объяснениям, в которых определяющую роль играет сознание, интерес либо отдельной индивидуальной личности, либо определенной группы людей. В этой трактовке народников игнорировался такой существенный факт, как объективная реальность. «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность», — писал В. И. Ленин в конспекте книги Гегеля «Наука логики»⁵⁴. Для народника-идеалиста вся деятельность человека и различных социальных групп определяется лишь сознанием — интересом, целью, которые ставятся и реализуются без учета объективных условий существования. С этих же позиций подходил Делевский к определению таких важных социальных явлений, как государство, класс, классовая борьба. Не случайно трудным и спорным он считал определение групп по экономическому признаку, «в особенности определение социального класса», которое, по его словам, стало предметом полемики между «чистыми марксистами» и «марксистами „народнического оттенка“». Сам автор давал весьма расплывчатые определения понятию «класс». В одном случае он писал, что класс есть «совокупность индивидуумов, обладающих общим экономическим признаком». В другом — предлагал считать классом «совокупность индивидуумов, объединенных общим экономическим признаком и общим экономическим интересом, независимо от существования у них признаков и интересов неэкономических».

Во всех рассуждениях о критериях выделения класса Делевский выступал с большой агрессивностью против главного противника народнической доктрины — марксизма, приписывая ему отсутствие четкости, неясность исходных позиций и критериев, недооценку роли сознания и т. п.⁵⁵ Когда же он переходил к конкретным предложениям относительно главного критерия, все его доводы сводились к доказательству, что таковыми является и источник дохода, и «общий экономический интерес». Конкретные же характеристики различных классов были расплывчатыми и весьма далекими от науки: «Крупные землевладельцы, капита-

листы, пролетарии, имущие и неимущие, богатые и бедные, торговцы, промышленники, военные, чиновники, лица свободных профессий — все это классы как группы, имеющие общий экономический признак и соответственно ему общий экономический интерес». В. И. Ленин не раз возмущался народниками, употреблявшими «без различия слова: трудящиеся, эксплуатируемые, рабочий класс, трудовая масса, класс эксплуатируемых, классы эксплуатируемых»⁵⁶.

И хотя в рассуждениях народников присутствовал «общий экономический признак», однако он был весьма неопределенным и не играл доминирующей роли в их объяснениях классов. Это проявлялось прежде всего в стремлении утвердить идею о том, что, помимо экономических потребностей, людьми руководят чувства и потребности неэкономические — «национальные, религиозные, жажда власти, жажда свободы» и др. Социальные группы — классы, могут, по мнению Делевского, «руководствоваться в своих чувствах интересами других социальных групп, общества, человечества, истины, справедливости, идейными интересами»⁵⁷. Путем подобного рода пространных рассуждений теоретики типа Делевского старались всячески доказать, что сознание, идеи, интересы — главный признак класса, противопоставляя тем самым материалистической теории образования классов свои воззрения, типичные для представителей этого идейного течения. На этом основании с классом отождествлялись различные социальные группы, которые таковыми никогда не являлись, например чиновничество, торговцы, военные, составляющие всегда единое целое с господствующим классом (феодалов, буржуа). Рассматривая сознание в качестве главного критерия в подходе к определению понятия класс, народники характеризовали его как внеклассовое, общечеловеческое, существующее независимо от реальных социальных условий. Они не учитывали конкретной обстановки, исторического характера развития сознания, его изменения в зависимости от социально-экономического базиса. Сознание, писал Делевский, это сумма психологических и моральных свойств индивидуумов, составляющих группу и лежащих в основе «возможного понимания групповой солидарности и возможного проявления энергии, служащей к защите групповых интересов». Оно может быть «классовое, национальное, религиозное, патристическое, моральное или идейное и т. д.».

В этих объяснениях групповое сознание лишено четкой социальной определенности, существует вне времени и конкретно-исторических условий, к тому же автор объединяет в единое целое «внеклассовое сознание» и различные типы и формы сознания, сводя его к психологии и морали. Все эти рассуждения завершались весьма абстрактным выводом о том, что «силы общественной группы представляют ее кинетическую энергию, тогда как сознание относится к ее энергии потенциальной»⁵⁸.

Как уже отмечалось, заявляя о сугубо научном характере своей работы, автор тем не менее по каждому поводу считал

возможным и необходимым дополнить свои рассуждения выпадами против марксизма, в том числе и против марксистской точки зрения относительно сознания масс, и в первую очередь пролетариата. Изображая себя «друзьями народа», истинными выразителями его интересов, народники постоянно находили повод, чтобы представить народ как массу без идеи, воли и самостоятельной мысли. Для этого Делевский приводил многочисленные высказывания различных авторов, стремясь показать широкое распространение подобных взглядов. В противовес марксистам, объективно оценивавшим высокий уровень классового сознания пролетариата, доказавшего это к началу XX в. своими активными выступлениями в Европе и России, народники продолжали обвинять пролетариат, как и «все рабочие классы», в слабом развитии сознания⁵⁹. Возражая против подобных оценок пролетариата, К. Маркс еще в 1871 г. писал, что утописты «не нашли ни в самом обществе материальных условий его преобразования, ни в рабочем классе организованной сознательной силы движения»; они не понимают, что рабочий класс «вышколен и организован ходом развития самого капиталистического общества, чтобы выступить на мировой арене в качестве двигателя истории»⁶⁰.

Для всех теоретиков народничества характерна подмена анализа реальных социальных антагонизмов и выражающей их классовой борьбы истинными схемами, основанными на умозаключениях в духе Михайловского о солидарности и антагонизмах, присущих якобы всем социальным группам на всех этапах развития общества⁶¹. В качестве примера различного типа антагонизмов Делевский приводил факты борьбы между человеком и природой, человеком и животными, между человеком и всеми остальными людьми, борьбы различных групп за идею, истину, «между интересами настоящего и будущего».

Марксистской точке зрения на классовую борьбу как главный фактор социального прогресса Делевский упорно противопоставлял идею о множественном и разнообразном характере социальных антагонизмов, отрицая тем самым решающую роль противоборства классов. С этих позиций он описывал характер и формы проявления антагонизма в истории, усматривал их в борьбе между племенами, нациями, расами, между государствами, провинциями, династиями и олигархиями, управляющими и управляемыми, между классами, сословиями, кастами и различными экономическими группами, религиозными обществами и организациями, идеологическими группами и т. д. Он объяснял эти столкновения различием экономических, политических, национальных, религиозных, идеологических интересов, борьбой «ради сохранения жизни и безопасности, ради сохранения и умножения материального благополучия, ради власти, силы, блеска или славы, ради страсти к приключениям и к разнообразию военной жизни, ради удовлетворения национального, патриотического или религиозного чувства, ради свободы и независимости, ради стремления занимать положение выше других или же ниже других, ради торжества

интересов истины и справедливости»⁶². Труд Делевского — это набор мало связанных между собой искусственных умозаключений и схем, весьма далеких от жизни и реального исторического процесса, с претензией на создание фундаментальной концепции, способной якобы противостоять марксизму. Таково реальное содержание всех писаний народников XX в. по вопросам философии истории и теории исторического процесса. В подобного рода рассуждениях отсутствовал и углубленный анализ фактического материала из истории, и серьезное теоретическое осмысление всей совокупности явлений, присущих обществу и его развитию. Абстрактные, нередко весьма примитивные рассуждения выдавались народниками за научную теорию, якобы верно отражавшую исторический процесс и реальную действительность XX в. Эта мешанина и цветистое фразерство противопоставлялись материалистической концепции классовой борьбы, основанной на действительно научном подходе к истории и ее движущим силам, ко всем формам проявления социальных антагонизмов во всех сферах общественных отношений, определяемых в конечном счете классовой борьбой.

Такой же абстрактный, внеклассовый и внеисторический характер имели все выступления народников о государстве, социальном неравенстве, соперничестве, классовом угнетении. В этих рассуждениях Делевского отсутствовало понимание того, что является в реальной действительности главным и определяющим, а что производным и зависимым, где причина и следствие. Это сказалось в трактовке соперничества и угнетения, когда он писал: «Соперничество и угнетение ведут к социальному неравенству... и к борьбе против социального неравенства». Однако в истории, как и в современных условиях, всегда происходит наоборот, ибо социальное неравенство, основанное на отношении к средствам производства, к накопленным ценностям, порождает угнетение, а следовательно, и борьбу за освобождение. Подобного рода рассуждения весьма характерны для общесоциологических построений народников. Когда же они переходили к анализу и оценке конкретных социальных сил, то в их трудах появлялась нескрываемая враждебность к пролетариату и его борьбе, к марксизму и его концепции социальных движений. Признавая наличие классовой борьбы между капиталистами-предпринимателями и рабочими-пролетариями, Делевский писал, что «рядом с этим экономическим антагонизмом классового характера существует экономическая солидарность рабочих и предпринимателей». Эта «солидарность» в изображении Делевского выступает в виде общего интереса «в успешном ходе промышленного предприятия», в заинтересованности в развитии и процветании промышленности данной страны, в «солидарности против капиталистов и помещиков других стран», в наличии «общенационального или политического интереса (как патриотизм, интерес национальной независимости, политической свободы своей страны)»⁶³. Такой подход к оценке двух классов-антиподов — пролетариата и буржуазии —

свидетельствовал о том, что для теоретиков народничества главное — противопоставить научной концепции классовой борьбы и роли пролетариата в буржуазном обществе свое понимание этого вопроса, основанного на полном отрицании того, что основное противоречие при капитализме разрешается в ходе борьбы двух классов, в отношениях между которыми нет и не может быть компромиссов, «солидарности», «общих интересов». У Делевского же получалось, что противоречия между пролетариатом и буржуазией, как и всякие другие антагонизмы и угнетение, имеют относительный характер, поэтому борьбу между ними не следует считать главным фактором социального прогресса в современном обществе, ибо таких факторов много и они играют якобы весьма существенную и ничуть не меньшую роль, чем классовая борьба.

Как уже отмечалось, большое внимание теоретики народничества уделяли критике марксистской теории классовой борьбы. Делевский специальный раздел своей работы посвятил «теории классовой борьбы Маркса». Следует заметить, что, формулируя весьма далекое от науки определение класса, Делевский тем не менее утверждал, что «нет никакого сомнения, что понимание «класса» в теории Маркса и Энгельса не противоречит данному нами определению»⁶⁴. К подобного рода приемам, связанным с отождествлением своих воззрений с марксистскими идеями, народники нередко прибегали для подкрепления своих позиций путем использования авторитета и популярности марксизма. Приводя многочисленные высказывания из сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса о классах, Делевский упорно старался внушить читателю выгодную для народника идею о том, что «в понятие класса Маркс включает требование некоторой степени сознательности и организованности, иначе говоря, здесь Маркс связывает определение классового признака с некоторою категорию способностей». Такого рода приемами народники нередко пытались изобразить близость своих взглядов марксистской концепции. С этой же целью автор утверждал, что и в марксистской, и в другой литературе исследователи классового состава общества якобы вынуждены проводить классификацию, беря за исходный критерий «то положение в производстве, то профессиональный признак, то величину дохода». Марксу и Энгельсу Делевский приписывал употребление термина «класс» «то в более широком, то в более тесном смысле». Такими средствами утверждалась идея об отсутствии в марксизме единого критерия, что было выгодно народникам для обоснования их точки зрения на классы, главным признаком которых якобы является общность экономических интересов, основанных на источнике дохода.

Критикуя «закон классовой борьбы», открытый Марксом, народники рассуждали, дает ли он одну «общую формулу и одно общее объяснение для всех категорий антагонизмов и для всех типов социальной борьбы, какие только знала до сих пор история»⁶⁵. Приводя доводы pro и contra, Делевский делал опять-таки

выгодный для народников вывод «...произведения как Маркса и Энгельса, так и их последователей, дают материалы, допускающие понимание этого закона то как принципа универсального, то как принципа ограниченного». Для подтверждения своей идеи об ограниченном характере классовой борьбы Делевский прибегал к различным доводам, но в конечном счете в его взглядах преобладала идея о том, что классовая борьба не является важнейшей формой проявления социальных антагонизмов в обществе.

Считая, что экономические причины «обуславливают прежде всего расслоение общества на классы», и будто бы признавая, что «различные формы социальных антагонизмов и социальной борьбы являются результатом определенных экономических причин», автор, однако, сводил все эти идеи лишь к «определенным экономическим способностям»⁶⁶, т. е. к субъективному фактору, игнорируя тем самым объективные экономические условия, отношения, складывающиеся в процессе производства. Излагая и комментируя марксистскую концепцию исторического прогресса, народники дополняли и интерпретировали ее так, что от нее ничего не оставалось: выхолащивалось самое главное — материалистическая сущность объяснения социальных антагонизмов и классовой борьбы.

Марксистское учение о производительных силах и их роли в истории Делевский трактовал таким образом, будто их развитие происходит само по себе, без человеческого фактора, без влияния соответствующих производственных отношений, которые, как известно, являются экономическим базисом любого общества. Извращая марксистскую теорию, Делевский тем не менее заявлял, что марксистские положения «изложены» им в таком виде, «в каком они даны Марксом и Энгельсом».⁶⁷

Выхолащивая из марксизма его суть, народники считали, что это учение не дает ответов на многие вопросы. Однако самым абсурдным по содержанию был вопрос, на который марксизм дает в полной мере определенный и однозначный ответ, — это следует ли рассматривать положения, составляющие содержание теории классовой борьбы Маркса, как «железную необходимость», без «малейшего исключения», или как обобщение эмпирического материала, не могущее «претендовать на всеобщую применимость для всех стран, всех эпох и всех обстоятельств». Подобного рода вопросами, рассуждениями, сомнениями, преподнесенными читателю даже в доброжелательном тоне, лидеры народничества типа Делевского не просто ставили под сомнение отдельные положения марксизма, но полностью отвергали все важнейшие достижения научной концепции развития общества, провяляя весьма последовательно и упорно свою враждебность. А все их сомнения, колебания, доброжелательность, объективность — все это лишь утонченная завуалированная форма неприятия материалистического учения об обществе и классовой борьбе, ее роли в историческом процессе.

И хотя в ряде разделов своей работы Делевский признавал, что классовая борьба является движущей силой истории, тем не менее главная задача его обширного опуса — доказать, что наряду с классовой борьбой существуют другие виды проявления антагонизмов, которые народники не просто учитывают, а еще и правильнее якобы, чем марксисты, оценивают. «Для нас классовые антагонизмы, — пытался доказать он, — являются весьма существенным элементом сложной системы социальных антагонизмов, куда входят вместе с антагонизмами классов антагонизмы национальные, политические, религиозные, антагонизмы пола и возраста, а классовое угнетение — одно из форм социального угнетения национального, политического, религиозного, угнетения пола и возраста». Из подобного рода высказываний следует, что различные формы проявления классового неравенства и угнетения, которые могут существовать в отношениях между нациями, в противоречиях между людьми различных верований, пола и возраста, выдаются за борьбу, имеющую якобы самостоятельное значение и существующую независимо, параллельно с социальными антагонизмами и классовой борьбой. Такое изображение социальных антагонизмов давало возможность умалить значение классовой борьбы, а тем самым и усилия сторонников марксистского учения, реально оценивающих природу и характер социальных антагонизмов в истории. Выступая против монистического характера учения Маркса, Делевский пытался противопоставить ему идею о «множественности форм социальной борьбы», которая не учитывается в теории Маркса⁶⁸.

Таким образом, поверхностное, ограниченное признание классовой борьбы в качестве реальной силы исторического процесса сосуществовало в воззрениях народников в сочетании с постоянным стремлением свести ее роль до «частной формы антагонизма», т. е. доказать, что ее роль в истории не столь значительна. В подтверждение этой идеи приводились самые различные доводы. Однако все они были либо логического характера, либо заминтованы из высказываний и сочинений других авторов, также отрицавших или умалявших роль классовой борьбы в истории. Сам факт отсутствия аргументов из истории человечества в различные эпохи, на углубленном изучении которых теоретики марксизма строили свое учение о классовой борьбе, весьма примечателен, ибо народникам невыгодно было обращение к историческим фактам. Они опровергали марксизм путем риторических вопросов, логических абстрактных рассуждений, наукообразных сомнений и предположений, которые в конечном счете не имели ничего общего с наукой. К стати, к подобным средствам опровержения марксизма и его учения о классовой борьбе нередко прибегают и в наше время, когда серьезный теоретический анализ проблемы подменяется субъективными настроениями и журналистскими пируэтами, рассчитанными на неосведомленную аудиторию.

Когда Делевский пытался обратиться к истории, то его экскурс имел весьма своеобразный характер. Так, он утверждал, что из

всех форм борьбы, известных истории, «наибольшим постоянством и наибольшей степенью непрерывности отличалась борьба обществ и наций», которая якобы предшествовала «появлению классовых антагонизмов». При этом Делевский стремился дать ответ на вопрос: «...исчезнут ли национальные и расовые антагонизмы когда-нибудь после того, как исчезнут классы и не будет места для классовой борьбы»⁶⁹.

В рассуждениях о природе социальных антагонизмов и их роли в истории Делевский, как и другие народники, ставил на первое место «национально-политическую борьбу», переворачивая, таким образом, все вверх дном. «Она предшествовала появлению классовых антагонизмов», — утверждал он. Расовые и национальные антагонизмы объявлялись Делевским важнейшими и определяющими все остальные формы социальных противоречий. «Расовые и национальные антагонизмы могут проявляться и внутри общества или государства, и между обществами и государствами», — утверждал Делевский, проводя идею о том, что «эти чувства лежали в основе антагонизмов еще в первоначальной стадии развития человечества»⁷⁰.

Если в марксистской концепции все формы социальных противоречий в истории объясняются наличием классов, социального неравенства и классовой борьбы, а столкновения наций, государств, политическая борьба рассматриваются лишь как проявления классовых противоречий, то народники выдвинули в противовес марксизму иной подход. Он основан на идее о том, что главнейшим, определяющим фактором является якобы «национально-политическая борьба», которая не исчезает с ликвидацией классов. Такой тип суждений означал полное отрицание органической связи борьбы за социализм с ликвидацией классов и классовых антагонизмов. Народники отвергали научный подход к борьбе за социализм, которая возможна лишь как победоносная борьба трудящихся против эксплуататоров, ибо все остальные формы проявления социальных конфликтов являются производными от классовых отношений.

В подтверждение своей точки зрения народники типа Делевского не приводили убедительных аргументов. Все их доводы сводились, как правило, к вопросам, сформулированным в весьма спекулятивной форме: «Откуда эти беспрестанные антагонизмы между расами, нациями, обществами? Откуда эта вечная борьба в истории? Откуда это вечное стремление к взаимоистреблению или взаимопорабощению? Почему лилась и льется кровь в войнах, наполняющих все содержание истории?» В ответах на все эти вопросы, утверждавшие идеи извечности антагонизмов и борьбы в истории, явно просматривался социолог-идеалист, сводивший все отношения в обществе к интересам личности и социальных групп: «Безусловно движущей силой борьбы является интерес, и часто интерес экономический». Кроме «интереса», Делевский выдвигал понятие «общности признака» расы, национальности, создающей, по его мнению, «чувство солидарности между людьми

одной и той же социальной группы и сознание отчужденности от других социальных групп того же типа»⁷¹. Таким образом, все объяснения характера антагонизмов и их проявления в истории сводились к категориям «интереса» и «чувства» расового, национального, религиозного. Борьбе, развивавшейся на почве религиозных столкновений, уделялось Делевским большое внимание⁷².

Делевский упорно доказывал, что «политические антагонизмы стоят особо от антагонизмов классовых»⁷³, что политические революции, ставящие своей целью «освобождение всего общества, всей страны от политического гнета», являются «народно-политическими», а не классовыми и т. п. В подтверждение этой идеи приводились такого типа доводы: якобы английскую и французскую революции нельзя оценивать «как революции буржуазные». Это были революции, утверждал Делевский, «имевшие в виду и осуществившие не только социально-экономические преобразования, но и главным образом политические; это были, следовательно, революции не только классовые, но и народно-политические». Участие широких масс народа в названных революциях рассматривалось народником Делевским как проявление их внеклассового, общечеловеческого характера: «Что касается революции 1688 г., то о классовой борьбе в ней нет и помину, а принял ее весь английский народ». В подтверждение приводились высказывания буржуазных историков, трактовавших революции в Англии и Франции как общенародные, лишенные классовой борьбы. Весь смысл пространных рассуждений Делевского, его экскурсов в историю европейских народов древнего, средневекового и нового периодов сводился в конечном счете к тому, чтобы отстоять все ту же идею: якобы выводы К. Маркса о тесной связи между политической и экономической, между политической и классовой борьбой являются «либо ложными, либо ведут к недоразумениям»⁷⁴.

Враждебность идеологов народничества к марксистской концепции классовой борьбы, которая подтверждается всей историей человечества, включая и XX в., весьма типична для подобного типа идейных течений не только в России, но и во всем мире, не только в прошлом, но и в современных условиях. К сожалению, мы еще плохо знаем мелкую буржуазию, ее сознание, психологию, возможности и характер осмысления социальных процессов ее идеологами, корни их неприятия марксизма, хотя постоянно сталкиваемся с этой реальной социальной силой и ее влиянием. Поэтому нельзя игнорировать и недооценивать ту борьбу, которую К. Маркс и Ф. Энгельс вели с идеологами мелкой буржуазии в XIX в., а В. И. Ленин и большевики в XX в., ибо эта проблема не потеряла своей актуальности и теоретического значения в современных условиях.

Если эсеры в лице таких идеологов, как Делевский, Чернов, пытались комментировать, оспаривать марксистскую концепцию, противопоставлять ей свое понимание классов и социальных антагонизмов и их проявления, то теоретики правого крыла народничества типа энеса А. В. Пешехонова (1867—1933) считали все

попытки эсеров заменить понятие «народ» понятием «рабочий класс» грубой ошибкой⁷⁵. Выступая против марксистской концепции классов, Пешехонов утверждал, что якобы «по разным признакам группируются люди, и в разные исторические эпохи — даже в разные исторические моменты — преимущественное значение имела то родовая, то национальная, то религиозная, то сословная борьба».

Определяя народ как совокупность трудящихся классов и доказывая внеклассовый характер своей программы, Пешехонов марксистской концепции классовой борьбы противопоставлял идеи о внеклассовом, общечеловеческом характере программы энесов. Для нас, писал он, «не интересы какой-либо группы важны, а интересы каждой человеческой личности, — и мы не видим такого класса, которому можно было бы всецело доверить их защиту». Пешехонов упорно твердил в своих работах о том, что «ограниченный своим групповым кругозором, каждый класс имеет склонность отстаивать только свои интересы, совершенно не считаясь с интересами других, хотя бы и близких классов». Поэтому в «общественных актах» энесы, по утверждению Пешехонова, руководствовались не тем, «выгоден или нет он [акт] для данного класса, а тем, полезен или пагубен он для личности»⁷⁶.

Возражая Пешехонову по вопросу о классовом характере современного общества и борьбы за социализм, представитель эсеровского направления в социологии старался примирить две точки зрения — так называемую «классовую» и внеклассовую (общечеловеческую), сторонниками которой были энесы. Однако эсеры и другие народники в большей мере поддерживали точку зрения Пешехонова, чем ее отвергали. Так, Колосов, приводя весьма далекие от научного объяснения доводы, писал, что «есть только одна группа, которой мы всецело можем доверить борьбу за права всесторонне развитой индивидуальности, эта группа — народ, но, конечно, народ, имеющий правильное представление о своих интересах, народ, сознающий себя единым рабочим классом».

С большим сожалением Колосов констатировал, что точка зрения Пешехонова отлична от «основных руководящих положений Н. К. Михайловского». Главный недостаток Пешехонова виделся Колосову не в том, что правому крылу народников XX в., защищавших либеральные позиции, присущи полное отрицание классовой борьбы и подмена классовой оценки «общенародной», выгодной для буржуазии, а в том, что Пешехонов «классовую точку зрения подчиняет точке зрения всесторонне развитой личности, идею труда ступенькает перед идеей личности». Не видя особенно большой ошибки в такой точке зрения, Колосов тем не менее считал возможным упрекнуть Пешехонова в том, что он, как и вообще народные социалисты, считают себя «верными выразителями взглядов Н. К. Михайловского»⁷⁷. Представители каждого из течений народничества брали на вооружение учение Михайловского, по-разному трактуя его идеи, защищая и классовую в на-

родническом понимании точку зрения, и «общенародную», как это делали энесы. И тем не менее всем им присуще общее — неспособность с научных позиций проанализировать, рассмотреть, и оценить классы и их борьбу в качестве важнейшего фактора социального процесса человечества XX в.

Отвергая материалистическое объяснение прогресса, идеологи народничества тем не менее пытались рассуждать об его объективности, хотя понимали его весьма своеобразно. Так, И. А. Рубанович (1860—1920), в статье о П. Лаврове, защищая его субъективный метод, писал: «Прогресс имеет свои объективные признаки: усиление социальных процессов в личности, усиление солидарности в обществе; расширение этой солидарности на все большее и большее число личностей»⁷⁸. Подобная трактовка вопроса была не признанием объективного характера прогресса, а его отрицанием, либо в ней все сводилось к личности и к отношениям солидарности, тогда как в классовом обществе не эти факторы являются определяющими в развитии. Поскольку роль объективных и субъективных факторов в условиях капитализма и социализма различна, то создается впечатление, что народники в своих теоретических построениях переносили черты социализма на буржуазное общество, т. е. желаемое принимали за действительное. Следует отметить, что для народников XX в. вопросом первостепенной важности стало соединение учения Михайловского с классовой борьбой, ибо полный отказ от нее в новых исторических условиях был уже невозможен. С этой целью Колосов взялся доказывать, что «субъективный метод есть в известном смысле частное выражение классовой точки зрения»⁷⁹.

Научно обоснованному пониманию класса как социально-экономической категории, имеющей четкие признаки и критерии, народники противопоставляли свои весьма далекие от науки понятия типа «социальная группа», лишенные, как правило, реального экономического содержания. По мнению Делевского, признаки социальных групп могут быть биологические (расовые и национальные, различия пола и др.), психологические (религиозные верования), политические (завоевание, покорение, порабощение), гражданские (социальное неравенство)⁸⁰. Изменение этих признаков, «интересов и способностей социальных групп» Делевский рассматривал в качестве главной причины «возникновения, развития, видоизменений, сохранения и прекращения» социальных антагонизмов. Подобные приемы выделения различных признаков — внешних, второстепенных и существенных, а затем их оценка как равнозначных, хотя они таковыми не являются, помогли Делевскому умалить значение главного признака класса. Таким является его место в системе общественного производства, в общественной организации труда, его роль в обмене и распределении общественного богатства⁸¹. В подходе народников явно недооценивались реальные отношения, порождавшие социальное неравенство, господство и подчинение, а отсюда проистекало искаженное представление и о социальной структуре общества

и реальной роли различных социальных сил в общественном прогрессе. При их подходе из теоретических поисков исчезали самые важные проблемы, без понимания которых нельзя было определять основные направления революционной деятельности, стратегию и тактику революционной борьбы, ее возможные результаты.

Под влиянием марксизма в социологической концепции народников XX в. появилась проблема «социального неравенства». Она стала заменять ранее широко освещавшуюся народниками тему о различиях между бедными и богатыми, сильными и слабыми, имущими и неимущими. Однако решали они ее с точки зрения «способностей». Выводя неравенство из неодинаковых способностей организованных групп, из превосходства одних людей над другими, Делевский писал, что это может выражаться «в превосходстве природных способностей (иногда превосходстве антиморальных качеств)», числа, организованности, техники, экономических ресурсов, «в превосходстве, создаваемом благоприятным случаем»⁸².

Дать научно обоснованный ответ на вопрос о происхождении неравенства, его исторических и социальных корнях народники не могли. Все их рассуждения сводились к весьма популярным и распространенным еще в XIX в. в буржуазной и мелкобуржуазной литературе утверждениям, в которых игнорировались исторические реалии, а научный анализ подменялся общими, весьма абстрактными соображениями. Этот подход проявился и у Делевского, который источником неравенства и «всевозможных форм рабощения, гнета, эксплуатации» считал «свободное согласие», т. е. договор между членами общества, политические и экономические связи внутри «индивидуалистического общества», «применение силы и насилия»⁸³. Все эти идеи были развенчаны Ф. Энгельсом еще в XIX в. в его работе «Анти-Дюринг».

К. Маркс и Ф. Энгельс раскрыли научную несостоятельность подобного рода объяснений источников происхождения неравенства, показав, что оно было результатом сложных социальных процессов, имевших не случайный, как это изображалось мелкобуржуазной социологией, а закономерный характер. Народнической социологии, утверждавшей социальное неравенство как постоянное явление, существовавшее на всех этапах развития общества независимо от характера господствовавших социальных отношений, марксизм противопоставлял систему взглядов на исторические условия, характер и формы появления социального неравенства в истории. Однако народники отвергали все эти идеи. И проблему устранения социального неравенства, борьбы за освобождение личности и народа от угнетения, занимавшую одно из центральных мест в народнической социологии, они решали со своих позиций.

Поскольку конечная цель борьбы определялась как утверждение социалистического общества, представители всех течений народничества XX в. считали себя социалистами. В связи с этим

немаловажное значение имеет выяснение таких вопросов: как народники представляли себе будущее социалистическое общество; какие пути и средства для его достижения они считали самыми важными и приемлемыми в условиях России. В теоретическом плане все эти вопросы решались народниками весьма неоднозначно, крайне противоречиво и непоследовательно. И тем не менее в рассуждениях представителей различных течений народничества было много общего и прежде всего в самом главном и принципиальном — в единстве их идейно-теоретических позиций.

Так, Делевский полагал, что социальное неравенство, каковы бы ни были его источники, может быть устранено лишь в обществе, организованном «не на индивидуалистической основе, а на началах гармонии и солидарности»⁸⁴.

Е. Колосов полностью солидаризировался с Михайловским, которого считал главным теоретиком по вопросу социализма, т. е. будущего общества, за которое боролись народники. Цель Михайловского, как и всех народников, писал Е. Колосов, — это «создать социальный строй, при котором всякий труд сделался бы наслаждением, и труд черный уступил бы место труду светлому. Освобождение личности человека будет при этом идти параллельно освобождению труда, а дело народа, осознавшего свое назначение и свою социальную идею, делается делом всего человечества»⁸⁵. Тот же Колосов в 1917 г. так излагал свои представления о будущем обществе: «Нынешнее царство необходимости не вечно. Будет время, когда падет современный мир, и тогда человек делается свободным, тогда не будем знать мы и мучительных столкновений нашей правды-истины объективной с правдой-справедливостью субъективной»⁸⁶. Таким же образом определялась цель борьбы и в программных документах народнических партий, в обосновании их теоретических разделов. Так, Пешехонов, отстаивая идеи программы энесов, утверждал: «Свобода и независимость человеческой личности, ее всестороннее развитие и бесконечное совершенствование — такова цель, которую ставит наша программа. . . найти и создать такие общественные формы, которые обеспечивали бы полноту жизни каждой личности. . . идеал, который мы ставили, должен обнять всю землю, должен осветить и согреть всю дальнейшую историю»⁸⁷. Такие же идеи проповедовали в своих программных документах и лидеры эсеров, доказывая, что социализм — это «создание нового строя на началах солидарности и свободы», общество «гармонического сочетания высшей свободы с высшею солидарностью»⁸⁸. Они повторяли идеи Михайловского о торжестве «правды-истины и правды-справедливости», об освобождении труда, личности, народа, о трудовой республике⁸⁹.

Подобным взглядам на социализм В. И. Ленин постоянно противопоставлял научное понимание этой проблемы, согласно которой «в основу теории социализма кладется объективное развитие экономики и классового деления», поэтому «для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуще-

ствления конечной цели необходимо понимать отношение классов в современном обществе». А социал-демократия должна беспощадно разоблачать всех ратующих за общенародные, общечеловеческие интересы, показывая их классовый характер⁹⁰.

В народнических трактовках социализма при абстрактной постановке вопроса об обществе и его будущем отсутствовали важнейшие аспекты, необходимые для решения этой проблемы. Они игнорировали такие существенные моменты, как социально-экономические и культурные предпосылки социализма в России. Отдельные элементы «нового общества, и материальные и духовные», народники выдавали за изменение общества в целом. В. И. Ленин неоднократно отмечал, что этим идеям необходимо «противопоставлять коренные условия действительного переворота тем частичным штопанием, которые нередко сбивают борцов с истинно революционного пути»⁹¹. Победу социализма они не связывали с ликвидацией частной собственности, социального неравенства и утверждением социалистических общественных отношений, с изменением роли различных классов и социальных сил в сложном процессе перехода от капитализма к социализму. Из теоретических построений исчезали проблемы изменения характера власти и развития новых форм государственности, создания нового типа демократии и развития общественных организаций, без которых нельзя было решать и многие другие вопросы, связанные с осмыслением борьбы за социализм. Конечно, марксисты тоже не могли предвидеть все стороны будущей организации социалистического общества, однако в их концепции было значительное преимущество, ибо по главным вопросам — собственности, политической власти, роли различных социальных сил в борьбе за социализм — они четко и обстоятельно формулировали свои теоретические позиции, что позднее признали некоторые лидеры народничества.

Другим вопросом, важным для оценки сущности различных течений историко-социологической мысли народников, являются их представления о путях и средствах достижения социализма, за торжество, как писали народники, «правды-истины, правды-справедливости». На этот вопрос представители различных политических партий отвечали по-своему, хотя решали его с общих идейно-теоретических позиций.

По мнению Ю. Делевского, классовая борьба — лишь один из видов «того возможного движения, которое ведет к освобождению угнетенных социальных групп, к смене форм гнета и к смене господства классов и социальных групп». Автор привел многочисленные примеры из древней и средневековой истории Европы⁹², якобы подтверждавшие его идеи, при этом игнорируя тот факт, что борьба между различными господствующими социальными группами, например между королевской властью и феодалами, между феодалами и буржуазией, тоже является классовой борьбой, однако никогда целью этой борьбы не было освобождение трудящихся, эксплуатируемых масс от гнета и бесправия.

В результате этой борьбы менялись лишь формы эксплуатации, а сама эксплуатация не ликвидировалась. В изложении же народника Делевского отсутствуют принципиальные различия между борьбой трудящихся против господствующих классов за социальное освобождение и столкновениями различных классов за власть, кончавшиеся изменением характера эксплуатации трудящихся (рабство, крепостничество, наемный труд). С другой стороны, народники явно преувеличивали и идеализировали роль государственной власти в освобождении трудящихся путем проведения «социальных преобразований». При этом государственная власть изображалась как сила, которая якобы «не является ни представительством, ни орудием той или другой из антагонистических сторон»⁹³. Социальные преобразования, проводившиеся в разное время в различных странах правящими классами, означавшие смену одних форм эксплуатации другими, изображались народниками как возможный вариант социального освобождения в условиях классовой борьбы XX в. При этом за исходные брались условия, «при которых полное или частичное освобождение угнетенной группы может быть достигнуто не путем борьбы, а по взаимному соглашению между обеими антагонистическими группами путем договора, например за деньги». В этих утверждениях явно просматривается стремление обосновать идею о предпочтительности «мирного», т. е. реформистского пути развития. Она основывалась на утопических представлениях о возможности соглашения между угнетателями и эксплуатируемыми ради общей выгоды и свободы.

Для народнической литературы начала XX в. характерно полное отрицание наличия материальных предпосылок социализма в недрах капитализма. Однако делали это они в свойственной им манере. Так, Делевский пытался доказать, что «развитие эмансипации социальных групп, смена форм гнета, развитие техники, развитие организации труда и развитие производительных сил общества» не связаны между собой, хотя это не соответствует действительности.

Большое место в рассуждениях народников о путях освобождения угнетенных занимал моральный фактор, роль которого заметно преувеличивалась. Моральные чувства, альтруистические мотивы и идейный интерес, считал Делевский, лежат в основе деятельности индивидуумов и групп в их борьбе с гнетом. Те из них, кто способен добровольно отказаться от привилегий, идут на борьбу за свободу. Эта идея иллюстрировалась примерами из истории, среди которых были такие, как улучшение положения рабов в древности, освобождение крепостных, негров по воле господ, эмансипация женщин⁹⁴. В конечном счете все эти рассуждения сводились к тому, чтобы опровергнуть известное положение из «Манифеста Коммунистической партии», сформулированное в начале этого труда, о непрерывной борьбе классов, кончавшейся революционным переустройством всего общества или совместной гибелью борющихся классов⁹⁵. Отвергая идею классовой борьбы,

подтвержденную опытом всей истории человечества, Делевский считал свои рассуждения убедительными. Приводившиеся Делевским по этому вопросу аргументы как фактического, так и логического характера ничего абсолютно не доказывали; они не отвергали марксизм, а напротив, убедительно свидетельствовали о том, какие путаные, непродуманные, теоретически несостоятельные доводы использовались народниками для опровержения марксизма. При этом, как и в XIX в. это делал Михайловский, позиции К. Маркса извращались, приписывались идеи, которых он нигде и никогда не доказывал, а затем изображалась «теоретическая борьба», в ходе которой марксизм якобы терпит поражение и торжествует народническая теория. Так, народники пытались доказать, что весь сложный процесс общественного развития К. Маркс и его последователи ограничивают якобы развитием производительных сил и борьбой общественных групп, сводя к этим факторам все проблемы науки об обществе⁹⁶. Подобные заявления не соответствовали действительности, однако использовались для борьбы с самыми важными позициями марксистской концепции, которых не могли принять идеологи этого направления.

Марксистской концепции классовой борьбы как единственному реальному фактору освобождения трудящихся от гнета и бесправия народники противопоставляли свои взгляды. Так, для Делевского главным условием осободительного процесса были «отношения социальных групп и классов, это — состояние их сил и сознания». С ним он связывал возможность борьбы, ее исход и «преобразования самого гражданского процесса»⁹⁷. Таким образом, сознанию в теории народников отводилась главная роль в решении проблемы освобождения и личности и народа.

Проблему ликвидации социального неравенства и классового угнетения теоретики народничества нередко подменяли или отождествляли с проблемой эмансипации, т. е. понятием, по своему значению далеко не тождественным такому, как ликвидация классового гнета и коренное изменение всех социальных основ общества.

Борьбу за эмансипацию Делевский рассматривал также с позиций народнической доктрины, где реальные процессы и конфликты подменялись абстрактными искусственными схемами и надуманными коллизиями. «В эпоху борьбы за эмансипацию, — утверждал он, — является тенденция расширять требования и идеалы за пределы частных задач, выставленных данным движением. В подобные эпохи растет сознание относительной солидарности подчиненных групп». В такой форме изображался процесс осободительного движения, в развитии которого активное участие принимали сами народники, пытавшиеся осмыслить его теоретически. Однако все это теоретическое изучение строилось в отрыве от реальной исторической действительности, на почве надуманных, искусственных схем и конструкций. Это особенно наглядно проявилось в рассуждениях о роли сознательности и стихийности в процессе эмансипации. «Сознательный процесс отличается от

⁹⁶ Г. Д. Алексеева

стихийного тем, -- писал Делевский, -- что в первом участвуют сознательные силы, планомерная и целесообразная работа которых развивает энергию, необходимую для того, чтобы направить в определенную сторону движение, характеризующее данный процесс»⁹⁸. Подобное решение проблемы стихийности и сознательности в освободительном движении страдало двумя существенными изъянами. Во-первых, стихийное движение масс лишалось каких-либо элементов сознания вообще, «сознательный импульс» целиком и полностью привносился извне; во-вторых, влиянию сознательного меньшинства отводилась роль постоянно действующего импульса, который все время толкает стихийное движение вперед, не передавая массам этого сознания, не поднимая их до уровня сознательных деятелей.

Если в марксистской концепции проблема стихийности и сознательности решалась с точки зрения оценки уровня сознательности и организованности самих масс — реальной движущей силы революционного процесса, а задача соединения рабочего движения с научным социализмом рассматривалась как воспитание класса, преобразование его сознания, психологии, что позволяло придать классовой борьбе характер сознательного движения во главе с авангардом — партией коммунистов, то в теории народников все эти сложные вопросы имели совершенно иной смысл. Они отражали суть концепции «инициативного меньшинства» и «пассивного большинства», т. е. видоизмененной концепции «толпы и героя». Делевский следующим образом изображал роль сознательного начала в освободительном движении: «Сознательные силы эмансипации берут на себя инициативу движения; если оно отсутствует, отводят движение в надлежащее русло, если оно уже возникло стихийно, работают для усиления движения вширь и вглубь и прилагают свою энергию к наиболее полному решению задачи эмансипации и к успешному достижению цели, при наибольшей экономии времени и сил»⁹⁹. Для Делевского сознательная инициатива — «это источник импульсов и деятельности». Без них невозможно ни стихийное движение, ни какие-либо заметные результаты¹⁰⁰.

В «процессе сознательной борьбы за эмансипацию» автор выделял ряд условий, необходимых для победы движения. Главная роль отводилась народниками не борьбе масс, а активности «инициативного меньшинства». Делевский считал главным условием наличия сил, «сознательной инициативы», способных и к самостоятельной работе, и к управлению стихийным движением. При этом основные качества социальных «сил», «групп», «общественных элементов» Делевский определял по уровню «способностей, обладающих различной степенью восприимчивости к освободительному идеалу»¹⁰¹. Таким образом, все условия эмансипации социальной группы сводились Делевским только к одному единственному фактору — к сознанию, якобы всецело определяющему успех освободительного движения. И хотя он делал ряд существенных оговорок относительно «численности и организации» антагонисти-

ческих групп, борющихся за и против эмансипации, тем не менее это не меняло существа воззрений, ибо через все рассуждения проходила идея о том, что «эмансипация духа, эмансипация сознания масс» должна предшествовать их материальному освобождению. И опять в подтверждение этих идей приводились факты из истории Рима, арабских и норманнских завоеваний, покорения Индии англичанами, которые рассматривались без учета классовых сил и социальной обстановки, без анализа конкретно-исторической ситуации. В конечном счете все эти экскурсы в область абстрактной, далекой от жизни теории и конкретной истории, препарированной в духе народнической социологии, сводились к стремлению опровергать учение К. Маркса о пролетариате и его «влиянии на грядущее крушение капитализма»¹⁰².

Марксистской концепции о решающей роли широких народных масс в истории, в том числе в движении человечества по пути к социализму, народники противопоставляли свои идеи о выдающейся роли личности в истории, способной вести за собой социальные группы и предопределять исход борьбы независимо от конкретных условий.

В связи с такой точкой зрения большая роль в народнической социологической концепции XIX в. отводилась интеллигенции, которая изображалась лидером освободительного движения, просвещающим и ведущим за собой народ, или «рабочий класс». В подобной постановке вопроса просматривается стремление противопоставить теории марксизма, концепции пролетариата свои воззрения об «инициативном меньшинстве», которым якобы является интеллектуальная элита, ведущая за собой малосознательные, способные лишь на стихийный протест массы. Поэтому интеллигенция и ее роль в освободительном движении рассматривалась народниками в самых различных аспектах, занимая достаточно большое место в их социологических построениях. Напомним, что спор об интеллигенции и ее роли в обществе охватил в начале XX в. все идейные направления, существовавшие тогда в России. В полемике с меньшевиками В. И. Ленин сформулировал свое понимание этого социального слоя. В 1904 г. в работе «Шаг вперед, два шага назад» он писал, что в это понятие следует включать не только литераторов, а «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда»¹⁰³. Специальные работы этой теме посвятили лидеры энесов и левонародников¹⁰⁴.

Интересна в этом отношении статья одного из учредителей и идеологов партии энесов С. Я. Елпатьевского (1854—1933), опубликованная в самый разгар революции 1905—1907 гг. Автор отметил, что события 1905 г. вновь поставили проблему русской интеллигенции. Приведя различные взгляды по этому вопросу, Елпатьевский сформулировал свое определение. Сущность его сводилась к тому, что «это есть общественно думающая и общественно чувствующая часть общества, та вооруженная знани-

ем, руководимая общественными импульсами часть общества, которая в своих мыслях и чувствах, в своем миропонимании и в своем общественном поведении отправляется не от узких, личных, групповых, профессиональных или классовых интересов, а от интересов страны вообще, народа вообще, разумея под понятием народа всю сумму трудящихся на всех разнообразных путях человеческого труда людей, как понимал и формулировал это Михайловский. . .». К «кардинальному признаку» понятия интеллигенции Елпатьевский относил «ее духовную сущность». С этой точки зрения он рассуждал о враче, «для которого медицина — ремесло, который является слесарем от медицины, не понимает привходящего в нее элемента общественной миссии, не является гражданином в большом смысле этого слова, — не интеллигенция». К числу интеллигентов автор причисляет всякого (в том числе и слесаря), «который внешкольным путем добыл тот минимум знания, без которого невозможно теперь миропонимание»¹⁰⁵. Следовательно, главный признак интеллигенции — не социальный и профессиональный (работник умственного труда), а сугубо произвольный, связанный лишь с уровнем сознания и ориентацией индивидуума; не зависящий от социальной среды, социального положения. Развивая эту идею и отмечая решающую роль литературы в образовании русской интеллигенции, Пешехов писал, что интеллигенция создана Белинским и Герценом, Чернышевским и Добролюбовым, Лавровым и Михайловским, Салтыковым-Щедриным, Некрасовым и Успенским. Влияние идейного фактора на формирование демократической интеллигенции рассматривалось в качестве решающей причины проявления этого социального слоя, связанного якобы только с народом и служением его интересам¹⁰⁶. Особенно настойчиво идеологи народничества развивали идеи о внеклассовом характере этой интеллигенции, стоящей над социальными группами и классами. «Сверху и снизу, вне сословий, вне классов, не дипломами и рождением народ страны выделяет из себя группу общественно думающих и общественно чувствующих людей, — людей, думающих думами, болеющих болями своей страны, — свою интеллигенцию». Следовательно, понятие интеллигенции Елпатьевский распространял лишь на ту ее часть, которая, в сущности, является выразительницей интересов и настроений широких народных масс, т. е. ее демократический слой. Автор не учитывал того, что в России интеллигенция имела весьма сложный состав, соответствовавший социальной структуре общества начала XX в. Понимая неопределенность и нечеткость выдвинутого критерия, Елпатьевский признавал, что «такое определение интеллигенции очень растяжимо, очень подвижно, мало определено и трудно регистрируемо, и вместе с тем, по моему мнению, оно единственное, верно и точно определяющее понятие интеллигенции, — точно и определено, так как по самому существу интеллигенция не регистрируема, так как она определяется не сюртуками и не академическим значком, а ее не учитываемыми и не регистрируемыми *свойствами общественной думы*».

*общественного чувствования»*¹⁰⁷ (курсив мой. — Г. А.). Выдвинутый критерий и сформулированное определение явилось итогом последовательного проведения принципов, присущих всем идейным течениям народничества как XIX, так и XX в.

В рассуждениях народников об интеллигенции недооценивалась ее роль как главного производителя духовных ценностей общества, разнообразие ее различных групп, а следовательно, социально-психологического склада мышления, поведения, хотя главным критерием выдвигался характер «мышления и переживаний». Углубленный социальный анализ, как правило, подменялся размышлениями подобного рода: «Благо личности как цель, сознательное вмешательство ее в исторический процесс как средство, общественный идеализм как двигатель»¹⁰⁸. Подобного рода идеи в той или иной форме выдвигали все идеологи народничества, демонстрируя свою неспособность обратиться в истинном положении интеллигенции в буржуазном обществе, в ее реальной роли в освободительном и революционном движении. С подобных позиций народники рассматривали деятельность марксистов, свою собственную, правящих классов, т. е. буржуазно-дворянскую интеллигенцию, которая из этой категории вообще исключалась. «Интеллигенция, — доказывал очевидное Елпатьевский, — не состоит только из марксистов и народников, в нее, повторяю, входит все, что есть в России искреннего, общественно думающего и общественно чувствующего».

Особенно активно теоретики народничества нападали на марксистское понимание интеллигенции как социального слоя, имеющего в классовом обществе классовый характер.

Такой же абстрактностью и внеклассовостью страдали оценки деятельности интеллигенции России за последние 40 лет XIX в. Елпатьевский писал, что она «сыграла огромную роль в истории страны, что у нее успели выработаться и теоретическое понимание, и методы общественного поведения, успели уже накопиться традиции; что она, быть может, наиболее „свободная“ интеллигенция. . . свободная от всяких переживаний, от всяких классовых, унаследованных исторических наслоений. Как бы ни расценивать ее, нужно признать, что по сие время она внесловная, внеклассовая интеллигенция, и на ее знамени не написано никаких других классовых интересов, кроме интересов народа».

Будучи неспособными дать научное определение интеллигенции, выявить ее сущность и состав, либеральные народники не могли определить и ее действительного, реального места в классовой борьбе XX в. Примечательно, что именно в 1905 г., когда в полной мере проявились социальные противоречия, а все классы и социальные группы обнаружили свои интересы, реальную роль и потенциальные возможности, народники продолжали проповедовать идеи — о «международной, межнациональной и неклассовой интеллигенции» и ее выдающихся возможностях. С целью их реализации Елпатьевский призывал «временно отказаться от тактики отдельных классовых интересов и объединиться всем гражд-

данам страны во имя таких же реальных, общих, нравственно обязательных всем гражданам интересов и устанавливать «общественное поведение» в строгом соответствии с «историческим моментом» — такова задача всякой интеллигенции страны¹⁰⁹.

В условиях острой классовой борьбы революционного 1905 г. эти утверждения стали призывом к отказу от революционных действий во имя «общих интересов» — от революции. Такова была позиция либеральных народников — убежденных противников классовой борьбы.

На таких же теоретических позициях стояли и левонародники, обращавшиеся к проблеме интеллигенции, ее роли в обществе и в освободительном движении. Они отличались от энесов лишь тем, что у народных социалистов интеллигенция включалась в схему «интеллигенция—народ», а у эсеров она входила вместе с рабочими и крестьянами в понятие «рабочий класс»¹¹⁰. Признавая классовую борьбу как один из факторов развития общества, эсеры тем не менее не могли понять классового характера интеллигенции, ее положения и социальной роли в классовом обществе¹¹¹.

Внеклассовым, надклассовым и «внесловным» трактовкам интеллигенции теоретиками либерально-буржуазного и народнического направлений марксисты противопоставили научное решение этой проблемы, всестороннюю оценку сущности, состава и социальной роли этой общественной силы в обществе, в революционном процессе. Еще в 90-е годы, критикуя позиции Михайловского в работе «Экономическое содержание народничества», В. И. Ленин разъяснял, что с материалистической точки зрения интеллигенция в классовом обществе не может быть внеклассовой и «внесловной», ибо, «не примыкая к классу, она есть нуль». Уже в своих ранних работах В. И. Ленин убедительно показал, что в классовом обществе интеллигенция всегда зависит от тех классов, «из которых она выходила», что она отражает «положение и жизнь» классов русского общества, что народническая идея «о всемогуществе интеллигенции» является нелепой. Резюмируя итоги споров с П. Струве, В. И. Ленин делал вывод о том, что «русская, передовая, либеральная, „демократическая“ интеллигенция была интеллигенцией буржуазной»¹¹². Этого не могли понять теоретики народничества ни в XIX, ни в XX в.

В статье «О задачах союзов молодежи» (1903), называя студенчество частью интеллигенции, В. И. Ленин писал: она «потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе». Рассматривая весь этот социальный слой, Ленин выделял в нем реакционную часть, буржуазно-либеральную, мелкобуржуазную — народническую, пролетарскую — социал-демократическую¹¹³. В. И. Ленин создал замечательные характеристики каждой из этих групп с учетом социально-психологических моментов, типа мышления, поведения, характера самооценки. Он отмечал, что

народнической интеллигенции недостает «ни определенных научных убеждений, ни твердой политической линии», осуждал «эквивалибристику социалистов-революционеров и в научно-теоретическом и практически-политическом отношениях» между марксизмом, западноевропейским оппортунизмом и русским мелкобуржуазным народничеством¹¹⁴.

В. И. Ленин постоянно объяснял ненаучный характер эсеровских попыток противопоставить марксистской концепции классового состава современного общества искусственную схему, в которой «рабочий класс» состоит из интеллигенции, пролетариата и крестьянства; он выступал против «противоположения» интеллигенции пролетариату и крестьянству, против затушевывания социальной определенности буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, что постоянно делали народники, отстаивая свои концепции¹¹⁵. В. И. Ленин не раз выступал против распространения народнических взглядов на интеллигенцию, «которая будто бы в состоянии выбирать более или менее благоприятные пути для отечества и стать внеклассовым судьей капитализма, а не выразителем класса, который порождается как раз в силу разрушения старых форм жизни капитализмом»¹¹⁶.

Если народники в характеристиках и оценках мелкобуржуазной интеллигенции обращали внимание преимущественно на такие ее качества, как высокий уровень сознания, нравственность, гуманизм, служение народу¹¹⁷, то В. И. Ленин, не отрицая этих черт, в противоположность «нелепой народнической идее о всемогуществе интеллигенции», отмечал и такие ее черты, как «двойственную природу», «мечтательный характер», «индивидуализм», непоследовательность, «стихийную анархичность», «обывательское отчаяние», склонность к самообману и иллюзиям, обращая внимание на то, что они нередко наблюдаются и в среде пролетарской интеллигенции¹¹⁸. Особенно заметно это сказалось в поведении интеллигенции в годы реакции, наступившей после революции 1905—1907 гг. В 1908 г. Ленин писал, что разочарование в народной революции проявилось у эсеров в «интеллигентной взвинченности, истеричности, неспособности к выдержанной упорной работе, неумения применить основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам, неумения вести пропагандистскую, агитационную и организационную работу» в новых условиях¹¹⁹. Отмечая эти недостатки народнической революционности, носителями которой была интеллигенция, В. И. Ленин нисколько не умалял ее подвижничества, самопожертвования, индивидуального героизма.

Исследуя теоретические основы народнической доктрины начала XX в., мы убеждаемся в ее ограниченности и примитивизме, в неспособности лидеров мелкой буржуазии создать концепцию, адекватно отражавшую процессы, протекавшие в обществе, роль различных социальных сил в борьбе за демократию и социализм. Популярность народников среди различных слоев населения объясняется не успехами их теории, ее признанием, ибо ее мало

кто знал и понимал, хотя прилагались большие усилия для его распространения. Популярны и привлекательны были не их теоретические выступления, а конкретные статьи в прессе по различным проблемам жизни страны, народа. В них, как правило, разоблачалась антинародная политика царизма и правящей верхушки, безграмотное распоряжение богатствами страны, безмерные налоги, бедственное положение низших слоев общества, безземелье крестьян, тяжелое состояние народного здравоохранения и образования, низкий, убогий уровень питания, ужасные жилищные условия, высокая смертность. На страницах народнических изданий воспроизводились конкретные картины жизни, быта и труда. нищета, забитость, беспомощность рабочих и крестьян. Как правило, все эти выступления сопровождались требованием проведения реформ, способных изменить и улучшить обстановку в стране и жизнь народа¹²⁰. Это была самая положительная сторона в деятельности народников XX в., почти не связанная с их теоретическими поисками, где они выступали как представители утопического социализма и реакционных концепций общественного развития. Разрыв теоретической деятельности и реальной практической работы по просвещению масс был типичной чертой всего народничества XX в.

В процессе осмысления сложных социальных процессов начала XX в. идеологи народничества пытались ставить и решать важные проблемы, имевшие и теоретическое и практическое значение. Они уделяли большое внимание теоретико-методологическим вопросам, пытались развивать теорию познания, определять принципы изучения социальных явлений. В ходе этих теоретических поисков они, естественно, обращались к таким темам, как социальные антагонизмы и классовая борьба, соотношение стихийности и сознательности в освободительном движении, роль интеллигенции и лидеров в руководстве массами, стремились изложить свое понимание социализма и путей его достижения. Однако ограниченные рамки своего философского мышления, будучи приверженцами старых народнических традиций и догм, и прежде всего учения Н. К. Михайловского, они не смогли продвинуться вперед в осмыслении этих теоретических проблем, сформулировать свое понимание, которое способствовало бы объяснению прошлого и современности, помогало бы революционной борьбе масс, которое они стремились возглавлять как демократы и социалисты. Их теоретические воззрения были крайне эклектическими, непоследовательными, в них позитивизм сочетался с вульгарным материализмом, субъективный идеализм с социальным биологизмом и психологизмом, фальсифицированный марксизм с его критикой с позиций реформизма.

В основе их исследования социальных процессов и явлений лежал порочный, в сущности антинаучный принцип, когда под заранее созданную схему подгоняются исторические факты, вместо того чтобы на основе их изучения создавать концепцию общественного развития. Философские позиции и методологиче-

ские принципы народников влияли на освещение всех вопросов истории и современности, проявлялись в объяснениях революционного процесса, классовой борьбы, интеллигенции, социализма и др.

Изучение народнических воззрений по теоретико-методологическим вопросам убеждает нас в том, что их сторонники, хотя и претендовали на идейное руководство российским революционным движением, не могли предложить свою альтернативу, которая бы могла противостоять марксизму и большевизму. В. И. Ленин предсказывал в 1902 г. в связи с появлением партии эсеров, что это течение обречено на поражение: «По нашему мнению, отсутствие теории отнимает право существования у революционного направления и неизбежно осуждает его рано или поздно на политический крах»¹²¹. К этому следует добавить, что наличие неверной теории, которую пытались создать народники в 1905—1914 гг., также обрекало их идейное и политическое течение на поражение. Народники пытались применять свои теоретические установки на практике (тактика индивидуального террора, агитационная работа среди крестьян и молодежи), не понимая того, что все эти усилия не способны принести желаемого успеха и рано или поздно завершатся крахом, как это и произошло в 1917 г. В этом была трагедия целого направления русской общественной мысли, многие ее представители были честными и искренними революционерами, не жалевшими своих сил и жизни в борьбе за победу идеалов крестьянской демократии.

¹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 389, Т. 12. С. 39

² Там же. Т. 11. С. 31

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. С. 30

⁴ Колосов Е. Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. СПб., 1912. С. 264.

⁵ Ранский С. П. [М. Ф. Суперанский]. Социология Н. К. Михайловского. СПб., 1901. С. 22—28 и др.

⁶ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 129

⁷ Там же. Т. 2. С. 528—529

⁸ Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 265

⁹ Михайловский Н. К. Соч. СПб., 1896. Т. 1. С. 55—56, Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 264—265.

¹⁰ Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 265—266

¹¹ Там же. С. 267—269, 286, 287, 289

¹² Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 271

¹³ Колосов не раз цитировал известное изречение Михайловского: «Сущность вещей — вечная тьма» (Соч. Т. 1. С. 105). См.: Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 273, 275—276, 359 и др.

¹⁴ Там же. С. 278, 362.

¹⁵ Там же. С. 270, 280.

¹⁶ Там же. С. 283, 284

¹⁷ Там же. С. 289

¹⁸ Там же. С. 289, 294

¹⁹ Там же. С. 290—292

²⁰ Там же. С. 297, 303 и др.

²¹ См.: Михайловский Н. К. Соч. Т. 1. С. 12, 111—115, Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 297, 298—299 и др.

²² Колосов Е. Е. Указ. соч. С. 299, 302, 366

²³ Там же. С. 303

- ²⁴ Там же. С 308, 310 - 311.
- ²⁵ *Чернов В* Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки // Русское богатство 1901 № 7 С. 240—241, 244, 248.
- ²⁶ *Чернов В* Указ. соч // Русское богатство 1901 № 11. С 136
- ²⁷ Ленин В. И Полн собр. соч Т. 18. С 175.
- ²⁸ Русское богатство 1901 № 11. С 137, 139, 142.
- ²⁹ Там же. С 142. Имеются в виду Мах и др.
- ²⁹ Ленин В И Полн. собр. соч Т 18 С. 98, 13, 100, 101, 104, 92
- ³⁰ Русское богатство 1901 № 11. С. 143, 115.
- ³¹ Русское богатство 1901. № 10. С 155, № 11 С. 116, 119, 122—123
- ³² См.: *Михайловский Н. К.* Соч Т. 1. С 86, Русское богатство 1901. № 11 С. 156
- ³³ Ленин В. И. Полн собр соч. Т. 18 С. 92
- ³⁴ Русское богатство 1901 № 11. С 156, 161, 162
- ³⁵ Там же № 12. С 127
- ³⁶ Там же С. 128, 130
- ³⁷ Там же. С. 130—132
- ³⁸ Ленин В И. Полн собр. соч. Т. 18 С 47, 49, 62.
- ³⁹ Русское богатство. 1901. № 12. С. 135, 137, 138.
- ⁴⁰ Там же С. 138; № 8. С. 232—233, 235.
- ⁴¹ Ленин В. И Полн собр. соч Т 18 С 101, 21
- ⁴² Русское богатство 1901. № 10 С 107
- ⁴³ *Колосов Е Е* Очерки мировоззрения Н. К Михайловского С. 311, 313, 315 316, 317—320.
- ⁴⁴ Ленин В И. Полн собр соч Т 18 С 24
- ⁴⁵ *Делевский Ю.* Диалектика и математика // Русское богатство. 1902. № 6 С 174.
- ¹⁶ *Колосов Е. Е.* Указ. соч. С 322, 348—349, 353, 358
- ⁴⁷ Ленин В И Полн. собр соч Т 2. С. 528—529
- ⁴⁸ См.: *Делевский Ю* [Я Л. Юделевский]. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории СПб., 1910. *Он же* Исторический материализм в его логической аргументации СПб., 1906, *Он же* К вопросу о возможности исторического прогноза СПб., 1906, *Он же* Экономический материализм и история науки СПб., 1907, *Чернов В. М.* Монистическая точка зрения в психологии и социологии М., 1906; *Он же.* Философские и социологические этюды М., 1907; *Сорокин П* Система социологии. М., 1920 Т 1—2; *Он же.* Население, класс, партия // Крестьянская Россия. Прага, 1923. Т. 5/6; *Чернов В М* Конструктивный социализм Прага, 1925; *Он же* The Great Russian revolution N Y, 1936; и др
- ⁴⁹ *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы. . С. 1.
- ⁵⁰ Там же. С 1, 4, 8.
- ⁵¹ Там же С. 11, 15—16, 19 и др.
- ⁵² Там же. С. 21, 22, 26.
- ⁵³ Там же. С. 26, 28.
- ⁵⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29 С 169—170
- ⁵⁵ *Делевский Ю* Социальные антагонизмы. . С 32, 34—36, 83
- ⁵⁶ Ленин В И Полн собр соч Т. 9 С 192
- ⁵⁷ *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы. . С. 35, 36, 39
- ⁵⁸ Там же. С. 41, 45.
- ⁵⁹ Там же. С. 42—43.
- ⁶⁰ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т 17. С. 562
- ⁶¹ *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы. . С. 48.
- ⁶² Там же С. 51, 53
- ⁶³ Там же. С. 59, 64—66, 67—71, 76 и др.
- ⁶⁴ Там же. С. 78, 79, 83
- ⁶⁵ Там же. С. 85, 88—89, 91
- ⁶⁶ Там же. С. 91—93, 95—97 и др.
- ⁶⁷ Там же. С. 99—104, 105, 106.
- ⁶⁸ Там же. С 108.
- ⁶⁹ Там же С. 122.
- ⁷⁰ Там же С. 122, 124
- ⁷¹ Там же. С. 123.
- ⁷² Там же. С. 135, 136—168.

- ⁷³ Там же С 217, 229 и др.
⁷⁴ Там же. С. 229—231
⁷⁵ *Пешехонов А* Программные вопросы. Основные положения. СПб., 1907. С 15—16.
⁷⁶ Там же С 38, 37, 39
⁷⁷ *Колосов Е. Е* Указ. соч. С. 374, 375, 377
⁷⁸ *Рубанович И. А.* П. Л. Лавров как философ // Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 68.
⁷⁹ *Колосов Е. Е* Указ. соч. С. 365.
⁸⁰ *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы. . . С. 322—323.
⁸¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.
⁸² *Делевский Ю* Социальные антагонизмы С. 245
⁸³ Там же. С. 246—247
⁸⁴ Там же. С. 72.
⁸⁵ *Колосов Е. Е* Указ. соч. С. 337.
⁸⁶ *Колосов Е. Н. К.* Михайловский Пг., 1917. С 20.
⁸⁷ *Пешехонов А.* На очередные темы. Основные положения нашей программы // Русское богатство 1906 № 1. С. 107
⁸⁸ *Комов А. И.* [Я. Л. Юделевский]. Вопросы мирозозерцания и тактики русских революционеров. Лондон, 1903. С. 1, 3.
⁸⁹ См.: *Нестроев Гр.* Основные положения максимализма: (Ответ «Революционной мысли») // Нестроев Гр. Максимализм и максималисты перед судом В. Чернова. Париж, 1910. С. 89—90.
⁹⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9 С. 131, 132.
⁹¹ Там же. Т. 11. С. 370.
⁹² *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы. . . С. 334—338
⁹³ Там же. С. 335.
⁹⁴ Там же. С. 336, 298, 338
⁹⁵ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424
⁹⁶ См.: *Делевский Ю.* Исторический материализм в его логической аргументации. С. 2, 8, 11, 15, 24 и др. *Он же.* Экономический материализм и история науки. С. 14, 18, 48 и др.
⁹⁷ *Делевский Ю.* Социальные антагонизмы . С. 345
⁹⁸ Там же. С. 364.
⁹⁹ Там же. С. 264, 364—365.
¹⁰⁰ Там же. С. 385.
¹⁰¹ Там же. С. 365, 367
¹⁰² Там же С. 367, 369—372, 377—378, 380 и др.
¹⁰³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 8. С 309
¹⁰⁴ См.: *И.* Рабочее движение и интеллигенция // Вест. русской революции. 1902 № 2; *Тан.* О народной интеллигенции // Накануне. 1906 № 2; *Пешехонов А В.* К вопросу об интеллигенции. СПб., 1906; *Петрищев А.* Противотеченцы (об интеллигенции) // Русское богатство. 1907. № 8; *Оленин Р.* Крестьяне и интеллигенция // Русское богатство. 1907. № 1/2, Вехи — знамение времени: Сб. ст. СПб., 1908, и др.
¹⁰⁵ *Елпатьевский С.* По поводу разговоров о русской интеллигенции // Русское богатство. 1905. № 3 С. 60.
¹⁰⁶ *Пешехонов А* К вопросу об интеллигенции С. 59.
¹⁰⁷ *Елпатьевский С.* Указ. соч. С 60, 61, Вестник русской революции 1902. № 2. С. 212, 218.
¹⁰⁸ *Пешехонов А В* К вопросу об интеллигенции. С. 66.
¹⁰⁹ Русское богатство 1905. № 3 С. 76, 80—82.
¹¹⁰ См.: *Гоц М* Социализация земли. Одесса, 1906. С. 4.
¹¹¹ Подробнее об этом см : *Щетинина Г. И.* К вопросу о взглядах эсеров на роль интеллигенции в революции // Непролетарские партии в России в 1917 г. и в годы гражданской войны: Материалы конф М., 1980, *Алексеева Г. Д* Критика эсеровской концепции Октябрьской революции М., 1989 С. 65—67.
¹¹² *Ленин В. И.* Полн собр. соч. Т. 1. С. 441—443

- ¹¹³ См.: Там же Т. 7. С. 343, 345, 346, Т. 6 С. 389 Подробнее об этом см.. *Шетинина Г. И. В. И. Ленин о русской интеллигенции // В И Ленин о социальной структуре и политическом строе России. М., 1970. С. 137—155.*
- ¹¹⁴ *Ленин В. И. Полн собр соч Т 7. С 348, 349*
- ¹¹⁵ См.: Там же С. 382.
- ¹¹⁶ Там же. Т. 9 С. 192.
- ¹¹⁷ См. Рабочее движение и интеллигенция // Вестник русской революции. 1902 № 2, 1903. № 3.
- ¹¹⁸ См.: *Ленин В И Полн. собр. соч Т 1. С. 441; Т 9. С. 15, 131*
- ¹¹⁹ Там же. Т 17 С. 142
- ¹²⁰ См. *Пешехонов А. Централизация доходов, ее формы, цели и последствия // Русское богатство. 1902. № 5; Он же. Крестьянское малоземье и проблемы экономической политики // Русское богатство 1904. № 7; Он же. Государственное тягло и его роль в крестьянской жизни // Там же. № 8; Мякотин В Хроника внутренней жизни // Там же 1902 № 1; Анненский Н Несколько цифр о государственном бюджете на 1900—1902 гг // Русское богатство 1902 № 2, Анненский С Народ и книга: Из личных наблюдений и впечатлений // Там же № 6—8; Тимофеев П Чем живет заводской рабочий. СПб, 1906; и др*
- ¹²¹ *Ленин В И Полн собр соч Т. 6. С. 379*

НАРОДНИКИ XX в.
И Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

В начале XX в. народничество в России вступило в последний период своего существования. Его теоретики и лидеры, как и рядовые участники этого движения, не подозревали, какое поражение их ожидает в связи с приближением революции, которая подведет итог их теоретической и практической деятельности. К этому времени произошла смена лидеров и теоретиков движения, появились новые имена в народнической прессе, новые формы организации в виде политических партий, началась и новая полоса полемики народничества с представителями иных идейных течений. Вся эта деятельность рассматривалась народниками как продолжение движения, начатого в XIX в.

Смерть идеологов народничества: П. Л. Лаврова (1900), Н. К. Михайловского (1904), В. В. Лесевича (1905), распад их доктрины под влиянием социальных условий и активного наступления марксизма — все это заставило лидеров народнических партий обратиться к защите идейных устоев народничества, восстановлению его былой популярности. Этим занялись лидеры организованных в начале XX в. народнических партий — эсеров, энесов, эсеров-максималистов, трудовиков — В. М. Чернов, А. Р. Гоц, А. Комов (Я. Л. Юделевский), А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин, Е. Е. Колосов, Н. С. Русанов, В. В. Лункевич, Г. А. Нестроев и др.

В теоретической деятельности этих народников четко просматривается стремление защитить и сохранить основные постулаты народничества XIX в., дополнив их некоторыми новыми положениями.

Игнорируя наличие двух тенденций — либеральной и революционной (в XIX в.), названной В. И. Лениным левонародничеством¹, они стремились соединить воедино эти два течения и выдать себя за последователей В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, семидесятников, землевольцев, народовольцев, за приверженцев и хранителей лучших традиций всего народничества². Подобное отношение к своему собственному идейному наследию позволяло, как им казалось, сохранить единство, сплотиться на общей идейной основе, охватить своим влиянием широкие массы трудящихся, противостоять марксизму, наносившему народничеству один удар за другим. Изображая себя хранителями лучших традиций революционного народничества XIX в., на самом деле народники XX в. были верными преемниками идейного наследия П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловского, защитниками их идеалистических воззрений в со-

циологии и истории, сторонниками субъективного метода. Они выступали рьяными противниками исторического материализма, научного социализма, противопоставляя ему крестьянский утопический социализм.

Называя правое крыло народников представителями «бледно-розового квазисоциализма», В. И. Ленин в статье «Вульгарный социализм и народничество» (1902) писал, что он «украшал собой (да и сейчас еще украшает) господствующее в нашем образованном обществе либерально-народническое направление»³. Эта ленинская оценка позволяет объяснить, почему мелкобуржуазные социалисты XX в., называя себя революционерами и демократами (социалисты-революционеры), в решении теоретических вопросов стояли на позициях либерального народничества, отстаивая идеи Михайловского. Крестьянский демократизм народников XX в. был демократизмом аграриев-собственников, что и отразилось в их воззрениях, идейных платформах, в отношении к марксизму, к классовой борьбе. Лишь крайнее левое крыло этого идейного течения, маловлиятельное и в идейном, и в политическом отношении, отражавшее интересы средних слоев — тружеников, не эксплуатировавших чужой труд, можно считать революционным элементом в народничестве — это левое крыло левых эсеров, эсеры-максималисты, а позднее — народники-коммунисты и революционные коммунисты⁴. Преобладавшими и «господствовавшими» в идейном и политическом отношении в рамках народничества были эсеры и энесы. Их теоретическая и практическая деятельность выражалась в открытом и активном наступлении на марксизм. Необходимо раскрыть идейные истоки народничества XX в., те корни, на которых оно выросло, и ту идеологию, которая его питала.

В выступлениях крупнейших идеологов народничества в начале XX в. по принципиальным вопросам философии, истории и социологии четко проявляются следующие важнейшие черты: во-первых, всеми силами и средствами заштитить и отстоять теоретические позиции своих «классиков», особенно Н. К. Михайловского и П. Л. Лаврова; во-вторых, найти аргументы в защиту идеализма и субъективизма из истории мировой науки; в-третьих, использовать западноевропейских философов и социологов реакционного направления, в которых русские народники видели своих единомышленников, предшественников и союзников в борьбе против материализма и диалектики; в-четвертых, мобилизовать все силы и средства для борьбы против марксизма, материалистического объяснения истории и тех выводов о возможности революционного преобразования общества, которые следовали из этого учения. Наиболее видные идеологи народничества конца XIX — начала XX в., особенно такие, как А. И. Комов (Я. Л. Юделевский), В. М. Чернов, Н. С. Русанов и др., не раз отмечали среди побудительных мотивов своих выступлений рост популярности марксизма, теории классовой борьбы, чего народники не просто не принимали или игнорировали, а стремились «уничтожить», «ни-

спровергнуть», утвердить в массовом общественном сознании свои воззрения. Так, Ю. Делевский заявлял в предисловии к своему толстому фолианту, направленному против марксистской теории классовой борьбы и ее роли в истории: «Пришлось подвергнуть логической и исторической проверке некоторые воззрения, расходящиеся с излагаемой теорией (т. е. народничеством. — Г. А.), — как ввиду их широкой распространенности, так и для лучшего выяснения собственной точки зрения»⁵. В заявлениях народников подобного рода четко просматривается понимание большой популярности марксистского учения в России в начале XX в., признание факта непримиримой борьбы социал-демократов против народнической доктрины и весьма значительных успехов марксистов в этой области⁶.

Следует отметить, что сами народники по-разному оценивали итоги борьбы марксизма с народничеством в 80—90-е годы. Так, Е. Колосов не соглашался с Ивановым-Разумником, считавшим, что в 90-е годы народничество потерпело «частичное поражение от русских марксистов» из-за того, что не обращало достаточно внимания на вопрос о народе как «совокупности трудящихся классов». Иванов-Разумник, — писал Колосов, — в «этом случае просто заблуждается»⁷. Народники пытались осмыслить состояние всей идейной жизни страны, противоборство различных идейных течений конца XIX—начала XX в.

В. М. Чернов писал в 1905 г.: «Последний период деятельности Н. К. Михайловского — 90-е годы — был отмечен расцветом в России марксизма и как теоретического мирозерцания, и как практической программы, под знаменем которой начались попытки „строения“ русской социал-демократии. . . Н. К. Михайловскому приходилось свести счеты с этим направлением, тем более что само это направление торопилось свести счеты со всеми предшествующими направлениями. Со всем пылом неопитов приверженцы нового учения объявили им войну, войну беспощадную, войну на жизнь и смерть»⁸.

Признавая серьезное поражение, нанесенное марксизмом народничеству в 90-е годы, его теоретики сплотились ради борьбы с пролетарской идеологией, сделав ее главным направлением своей идеологической деятельности в начале XX в. Активное наступление марксистов на позиции народников, разоблачение научной несостоятельности исторических и социологических воззрений Н. К. Михайловского заставили последователей Лаврова—Михайловского не только выступить в их защиту, но и заняться более углубленным изучением, изложением и популяризацией воззрений своих идейных предшественников, которых, как оказалось, даже идеологи народничества плохо знали и понимали. Было предпринято переиздание их сочинений⁹, появилось большое количество статей, очерков и книг о Михайловском. Обширная библиография этих трудов включает более 600 названий¹⁰. С изложением учения Михайловского и оценкой его роли как крупнейшего теоретика выступили видные деятели народничества

начала XX в.: В. М. Чернов, Е. Е. Колосов, Р. В. Иванов-Разумник, В. В. Лункевич, Н. С. Русанов и др.¹¹

Николай Константинович Михайловский (1842—1904) считался одной из крупнейших фигур в истории общественной мысли России второй половины XIX в., признанным знатоком общественных наук, социологом, талантливым публицистом и литератором, оказывавшим заметное влияние на идейную жизнь интеллигенции и молодежи 70—90-х годов. Он окончил два курса Петербургского института горных инженеров, откуда был исключен в 1863 г. за участие в студенческих волнениях, поэтому в дальнейшем вынужден был пополнять свои знания путем самообразования, что было весьма характерно для многих деятелей XIX в. Свои важнейшие работы он публиковал в народнических изданиях, а с 1892 г. и до конца дней оставался редактором органа либеральных народников «Русское богатство». Его труды («Теория Дарвина и общественный прогресс», «Что такое прогресс?», «Записки профана», «Борьба за индивидуальность», «Герои и толпа», «Философия истории Луи Блана», «Письма о правде и неправде» и др.) пользовались широкой известностью среди интеллигенции 70—90-х годов, поскольку освещали важнейшие проблемы того времени, волновавшие передовых людей России. Он выступал с критикой зарубежных философов и социологов, защищавших капитализм (Спенсер), в защиту свободы личности и человеческого достоинства, разоблачал самодержавие и различные формы неравенства, отстаивал интересы людей труда и народа. Большой популярностью среди демократической интеллигенции пользовались его яркие выступления по вопросам нравственности, важности осознания личной ответственности и гражданского долга за судьбы страны, долга перед народом, роли социалистического идеала и предназначения интеллигенции в борьбе за свободу и демократию. Выдвинутая им идея прогресса, которую он трактовал как достижение «возможно полного и всестороннего разделения труда между органами и возможно меньшее разделение труда между людьми», а также задача борьбы за «правду-истину» и «правду-справедливость» обычно рассматриваются в советской литературе как абстрактная и бесплодная схема¹².

При всей оторванности этих людей от жизни в них нельзя не видеть стремление теоретика осмыслить сущность и пути освободительного процесса на основе утверждения приоритета достижений науки, знания в соединении с развитием нравственности и социальной справедливости как важнейшего фактора социального прогресса и освобождения личности от угнетения и бесправия. Главная ошибка Михайловского была в преувеличении роли субъективного фактора и недооценке объективных условий развития общества — материального производства, социальных отношений, классово-борьбы. Как отмечал один из исследователей Михайловского Б. И. Горев, наряду с субъективными и утопическими элементами в его сочинениях было много интересных идей,

гипотез, в которых «он нередко сближался с марксистским пониманием истории»¹³.

В нашу задачу не входит детальное рассмотрение всей литературы, посвященной Н. К. Михайловскому. Этим должны заниматься исследователи, изучающие жизнь и деятельность идеолога народничества. Для нас эта литература представляет интерес с точки зрения того, насколько Михайловский был популярен среди народников XX в., в какой мере распространилось это учение и как его сторонники и приверженцы защищали и укрепляли уже заметно пошатнувшийся авторитет крупнейшего теоретика, что они брали из этой концепции. Для ответа на этот вопрос достаточно обратиться к полемике вокруг идейного наследия Михайловского, и особенно по вопросу о субъективном методе в социологии, отстаиванию и развитию которого представители рассматриваемого идейного течения уделяли особенно большое внимание.

Это объясняется в первую очередь тем, что в основе учения Михайловского лежал субъективный идеализм, позиция которого со времени появления марксизма, диалектического и исторического материализма пошатнулись. Другим обстоятельством, побудившим идеологов народничества XX в. выступить в защиту этого метода, его главных теоретиков Михайловского—Лаврова, было стремление обновить ряд социологических догм народничества с помощью модной философии, получившей широкое распространение на Западе. Поэтому столкновения между марксистами и народниками по вопросу об оценке наследия Михайловского не могли не вылиться в борьбу между сторонниками двух противоположных философских лагерей — между материализмом и субъективным идеализмом, между диалектическим методом и субъективным методом в исследовании проблем социологии и истории общества. Указывая на важность опровержения народнических воззрений в статье «От какого наследства мы отказываемся?», В. И. Ленин подчеркивал необходимость критики взглядов, «общих» для всех народников. В их числе он называл «непонимание социального (или исторического) материализма», относя его к главным чертам «целого течения общественной мысли, сыгравшего крупную историческую роль»¹⁴. Без рассмотрения вопросов философского характера нельзя в полной мере раскрыть содержание полемики, проходившей в начале XX в. между марксистами и народниками по вопросам социализма, классовой борьбы и стратегии и тактики революции. Одним из направлений этой борьбы стала дискуссия об идейном наследии теоретика народничества Н. К. Михайловского, значении его учения для революционной борьбы масс в XX в.

Как известно, для марксистов отношение к идейному наследию прошлого всегда было одним из принципиальных вопросов, имеющих не только историческое, но и практически-политическое значение. Народники же сосредоточили свои усилия на доказательстве того, что учение Михайловского является ценным, поскольку

может-де служить теоретической основой для практической деятельности революционных, и в первую очередь народнических партий в их борьбе за социальное освобождение¹⁵. Подобная постановка вопроса дезориентировала революционные силы, внушала иллюзии и веру в возможность победы под знаменем давно отвергнутой жизнью теории. Лидеры и идеологи народничества начала XX в. активно боролись за реанимацию и сохранение этой доктрины.

Важнейшим направлением этой деятельности стала борьба за Михайловского, защита его идейного наследия от критики марксистов, решительно выступавших против реакционной идеологии и мелкобуржуазных иллюзий.

Осенью 1900 г. общественность страны, и в первую очередь народнический лагерь, отмечала 40-летие литературной деятельности Н. К. Михайловского. Пресса народнического и либерального направления посвятила этому юбилею сборники, статьи, приветствия в адрес Михайловского, восторженные описания его заслуг перед русским освободительным движением. Как это нередко бывает в юбилеи, многое выражалось в крайне возвышенной и не всегда достаточно объективной форме, весьма последовательно прослеживалось стремление рассматривать Михайловского как идеолога народнического движения, преувеличивая его реальный вклад в теорию и практику борьбы за освобождение. Особенно типичен в этом отношении сборник «На славном посту», вышедший в 1900 г. В приветственном адресе, открывавшем этот сборник, формулировалась основная идея, которая пронизывала всю юбилейную литературу народнического толка: «На славном посту Н. К. Михайловский остается бессменно уже десятки лет, на котором у него были великие предшественники и славные соратники, на котором — мы всей душой верим в это — у него будут не менее сильные преемники, на этом не только славном, но и трудном посту придется вести жизнь вождя, неустанно борющегося за правду-истину и правду-справедливость»¹⁶. Идея о борьбе «за правду-истину и правду-справедливость» Михайловского и всех представителей течения, к которому он принадлежал, пронизывала всю литературу, вышедшую до 1917 г. и посвященную деятельности этого лидера народничества. В юбилейном сборнике выступили П. Милюков, В. Семевский, Н. Рубакин, В. Лесевич, А. Пешехонов, В. Чернов, М. Рафаилов (Гоц), С. Южаков, Н. Анненский, В. Мякотин — будущие идеологи и лидеры различных народнических партий XX в.¹⁷

Все авторы этого сборника с восторгом писали о том, что целые поколения воспитывались на идеях Михайловского, «и эти идеи можно считать усвоенными всеми образованными русскими людьми». Однако широкая популярность идей Михайловского и «могучее их влияние на самосознание русского мыслящего общества далеко опередили собою понимание и усвоение научно-философской основы его идей», которую видный либеральный

народник, социолог и публицист С. Н. Южаков (1849—1910) называл «социологической доктриной»¹⁸.

Южаков рассматривал воззрения Михайловского в виде «стройной системы, лишь случайно разорванной на клочки ходом журнальной работы». При этом Южаков стремился не просто изложить воззрения теоретика народничества в систематизированном виде, но и указать «на генезис этого замечательного учения и на связь его с другими, предшествующими и современными учениями».

В определении места Михайловского в интеллектуальном развитии и освободительном движении XIX в. (всей Европы, а не только России) Южаков отталкивался от того, что одни мыслители и теоретики видели источник прогресса в скудости средств, другие — в их избытии; одни орудие прогресса считали борьбу, другие — солидарность. Представляя идейную жизнь и борьбу в России и всей Европе в столь превратном виде, Южаков ставил Михайловского в один ряд с выдающимися теоретиками А. Смитом, Н. Чернышевским, К. Марксом, Ф. Энгельсом. Он пытался доказать, что «это основное противоречие двух великих умственных течений эпохи было болезнью века и нуждалось в разрешении и согласовании». По мнению Южакова, эту задачу поставил перед собой Михайловский и «блестательно ее выполнил». Этим мерилом оценивал Южаков «великую заслугу» учения Михайловского и место его «учения среди разностороннего умственного творчества эпохи»¹⁹. Самая большая заслуга Михайловского ему виделась в том, в чем проявлялся фактически главный порок его методологии — отказ от проведения грани между биологией и социологией. «Синтез великих научных завоеваний естествознания и обществоведения — в этом заключается самая характеристическая сторона социологического учения Михайловского, — утверждал Южаков. — В таком объеме и с такою силой и до настоящего времени никто другой во всемирной литературе не только не разрешил, но и не поставил этой проблемы, основной, однако, для современной социологической мысли»²⁰. В писаниях Южакова, как и других идеологов либерального народничества, явно проглядывает стремление включить в оценку «заслуг» Михайловского нечто необычное, выдающееся, отличное от других теоретиков, создав тем самым культ выдающегося мыслителя, стоявшего якобы на уровне достижений мировой социологической мысли XIX и XX вв. Свою недоказуемую в силу ее ошибочности идею Южаков оснащал самыми различными аргументами и доводами. Среди них были и утверждения о том, что Михайловский является якобы «непосредственным преемником школы Добролюбова и Чернышевского», хотя в философии и социологии Михайловский заметно отступил от завоеваний теоретической мысли революционных демократов²¹. А главная заслуга Михайловского изображалась в стиле, весьма характерном для идеологов мелкой буржуазии, — как «разгадка страшной загадки»: «Михайловский ее

разгадал и раскрыл в законах индивидуальности, недостаточно принятой во внимание дарвинистами»²².

Однако наибольшее количество доводов в обоснование своих оценок Южаков приводил из области развития биологического мира, завершая их выводом: «Индивидуальность есть, таким образом, венец органической эволюции, ее высшее и совершеннейшее выражение». Таким способом Южаков поддерживал главную идею социологического учения Михайловского: весь процесс развития человеческого общества, как и живой природы, есть «борьба за индивидуальность». «Появление индивидуальности в истории жизни, глубокое отражение этого факта на развитии и возникающая из него борьба за индивидуальность, — вот чего не досмотрели дарвинисты и эволюционисты в истории жизни на земле»²³. Вслед за Михайловским Южаков пытался доказать, что «борьба за индивидуальность» является универсальным законом, ибо ей подчиняются все остальные факторы — «борьба за существование, дифференциация, дивергенция, совершенствование и деградация и т. п.» Южаков с восторгом поддерживал и пропагандировал идеи Михайловского применительно к истории и социологии. «В истории человеческой, — писал он, — эта борьба за сохранение индивидуальности именно и выражается в тех стремлениях к свободе, к неприкосновенности личности, солидарности, международному миру, которые предлагает обществоведение»²⁴.

Перечисляя многочисленные работы Михайловского, Южаков стремился показать, что проблема «подавления индивидуальности в разных формах и при разных условиях» сделалась излюбленной для Михайловского. Доктрина Михайловского, писал Южаков, в своем конечном выводе объявила индивидуальность и ее развитие, личность и ее счастье «выражением и высшею ступенью органического прогресса, высшим критерием для различения процессов развития и совершенствования от процессов вырождения и упадка»²⁵.

Другую, не менее важную заслугу Михайловского Южаков усматривал в том, что он основал и разработал новую область — «массовую психологию». Все процессы, происходящие в современном обществе, Южаков, как и Михайловский, склонен был рассматривать в двух планах: первый — сохранение индивидуальности членов общества; второй — ее подавление и ликвидация, что проявляется якобы в «тягостных и болезненных» потрясениях. Они «приводят к вырождению индивидов через подавление полноты их индивидуальности и осуждают одобренное эти процессы общество на упадок, нередко на падение». Таковы, заключал Южаков, основополагающие начала социологической доктрины Н. К. Михайловского, такова система социологии, в которой, по его мнению, отсутствовала лишь «социальная статика (морфология и физиология общества)»²⁶.

Через все работы народников о Михайловском, включая и Южакова, проходили сравнения мировоззрений Михайловского

и К. Маркса. Однако выводы из этих сопоставлений различные авторы делали не одинаковые.

Для Южакова социология Михайловского не знает себе равных, хотя и другие теоретики, в том числе и К. Маркс, «имеют определенные заслуги». По мнению Южакова, социологическая доктрина Михайловского «имеет дело почти исключительно с теорией социальной динамики. Это — теория исторического прогресса». Во второй половине XIX в. она представляет собой «самое крупное завоевание обществоведения, подобно тому как в области социальной статистики таким же крупным завоеванием обществоведения эпохи являются экономические исследования Маркса, отлившие в окончательную научную форму труды Смита и Рикардо». Далее шли ничем не обоснованные утверждения об «ограниченности марксизма», его «метафизическом характере», об «условном значении» его отдельных положений, об отличии Маркса от марксизма и тому подобные выпады, рассчитанные на неискушенного и малоподготовленного читателя, принимавшего на веру писания народников. Вслед за Михайловским Южаков повторял идеи о возможности применения учения К. Маркса к странам развитого капитализма и бесперспективности его использования для изучения тех регионов, где «капитализация еще не приобрела значения господствующего процесса»²⁷.

Подобного рода приемами, весьма далекими от науки, Южаков и ему подобные защищали позиции «классического народничества», особенно Михайловского и его социологическую доктрину, заметно пошатнувшуюся к XX в.

И наконец, важнейшей заслугой Михайловского Южаков считал его якобы успешную борьбу с марксизмом, назвав особенно опасным «последовательный марксизм».

Об отношении лидеров и теоретиков народничества XX в. к идейному наследию Михайловского и Лаврова свидетельствуют многочисленные высказывания, которые имели довольно однообразный и вместе с тем весьма типичный для идеологов этого идейного течения характер²⁸. Часто по этому вопросу высказывался лидер партии эсеров В. М. Чернов. Так, в статье о Михайловском он писал: «Слияние реального и идеального, объективного и субъективного, теоретического и фактического моментов — вот ее [доктрины Михайловского] основная черта, которая проходит красною нитью через всю ее архитектуру, начиная от самых общих и отвлеченных положений и кончая самыми частными, конкретными»²⁹. В подтверждение этой идеи Чернов приводил слова Михайловского, дающие представление о типе теоретического мышления этого идеолога народничества: «Безоценно смотреть в глаза действительности и ее отношению — правде, истине, правде объективной, и в то же время охранять и правду, справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни»³⁰.

В апологетике учения Лаврова—Михайловского народники проявили многие важные черты, свойственные идеологам и рево-

люционерам мелкобуржуазного толка (непоследовательность, противоречивость, фразерство), их теоретической и практической деятельности, позволяющие проследить реальное движение этого идейного течения по пути неизбежного идейного краха, который они не смогли предвидеть.

Однако наряду с отмеченными выше мнениями имели место и другие оценки. Так, А. И. Красносельский (1858—1915), один из авторов довольно популярной в начале XX в. книги «Мировоззрение гуманиста нашего времени (основы учения Н. К. Михайловского)», писал, что «и при всей популярности г. Михайловского не будет, кажется, особенной смелостью утверждать, что его мало знают даже многие из тех, среди которых он в большей или меньшей степени пользуется успехом». И далее автор приводил высказывание одного критика: «Я всегда читаю статьи г. Михайловского с большим удовольствием. . . философия г. Михайловского превосходная вещь, но. . . я ее решительно не понимаю». «Мы опасаемся, — писал далее Красносельский, — что у г. Михайловского слишком много подобного рода читателей, которые при всем „удовольствии“, испытываемом ими от чтения г. Михайловского, остаются при непонимании общего смысла его мировоззрения, — того, что связывает его многочисленные работы в одно целое, т. е. в конце концов без понимания самого ценного в его деятельности». Автор считал главной причиной этого журнальный характер всех работ г. Михайловского: «Житейская практика сегодняшнего дня, по его собственному свидетельству, не позволяла ему уделять достаточного внимания внешнему единству в изложении и развитии своих взглядов. Это обстоятельство способствовало склонности читателя ставить в произведениях г. Михайловского очень много на счет таланта писателя и очень мало на счет мирозерцания мыслителя»³¹.

Подобное отношение сторонников народничества к идейному наследию своего теоретика, признание популярности, основанной на незнании и непонимании сущности мировоззрения, свидетельствовали о своеобразном характере этой известности, «безраздельного владения умами», о котором так часто и много писали народники, не понимая истинных причин этого идейного явления. Это удачно подметил один из марксистских критиков Михайловского С. П. Ранский в своей книге «Социология Н. К. Михайловского». Он писал: «Его построения были „желанными“ для интеллигенции. Они воссоединяли воедино „рассыпанную храмину“ ее понятий. Что они не были чужды крупным логическим промахам и противоречий и не всегда были согласованы с фактами, — на это читатели того времени не обращали внимания, как и вообще не особенно глубоко вникали в философские учения и довольно неразборчиво валили их в кучу, лишь бы они „обещали“ им „правду“, а система Н. К. Михайловского именно и „обещала“, „двуединую правду“ — правду-истину и правду-справедливость»³².

Типичный для теоретиков подобного типа стиль мышления и писания — отсутствие цельной, стройной, обоснованной концепции, подмена литературщиной и броской журналистской фразой подлинно научного решения сложных социальных проблем, отрыв теоретических размышлений от реальной исторической обстановки, неумение связать воедино теорию и практику революционной борьбы — все это порождало определенный тип литературы и адекватное отношение к ней мелкобуржуазных слоев российского общества, не склонных предъявлять чрезмерно высокие требования к своим идеологам и лидерам. Это в полной мере отразилось как в приведенных выше высказываниях, так и во всей народнической литературе о Н. К. Михайловском, вышедшей в начале XX в. Главным для этих авторов стало не стремление разобратся в воззрениях Михайловского, сведение его взглядов к системному знанию, а толкование отдельных положений этой концепции «на свой страх и риск», восторженная оценка всего учения в целом и его отдельных элементов с явным преобладанием необъективного отношения и к личности, и к учению Н. К. Михайловского. Так, Красносельский усматривал здесь главное и в том, что « всю совокупность явлений жизни человека можно сгруппировать около одного центрального явления — отношений общественности к личности ». При этом все сводилось Михайловским и полностью поддерживалось Красносельским к формуле « борьба за индивидуальность ». А главную идею этой весьма абстрактной формулы он усматривал в « заботе о личном и человеческом достоинстве ». Следует также сказать, что все основные аргументы в защиту « схемы » Михайловского (слова Красносельского) автор черпает не столько из реальной действительности, сколько из художественной литературы XIX в.³³ Этим приемом аргументации и обоснования своих социологических построений постоянно пользовался сам Михайловский, подменяя серьезный научный анализ процесса общественного развития, примерами из художественной литературы, отражавшей преимущественно психологию личности и ее гуманистическое истолкование. И хотя художественная литература, как известно, является важной формой познания реальной действительности, однако она не может быть основой серьезного научного анализа проблем социального развития, а тем более средством для создания теории революционного преобразования общества на социалистических принципах. Проблема личности, ее развития и борьбы за освобождение решалась апологетами Михайловского, как и им самим, не просто с абстрактных, оторванных от жизни позиций, хотя и этот элемент весьма распространен в народнической литературе начала XX в., а с позиций воинствующего субъективизма и индивидуализма. « Учение о борьбе за индивидуальность, — писал тот же Красносельский, — указывая на полноту и целостность индивидуального существования как на коренной залог самостоятельности и достоинства личности, вместе с тем как на основание истины, красоты, справедливости и счастья, тем самым с необычайной ясностью

указывает, на что должны быть направлены усилия личности в отставании всего, что дорого человеку»³⁴.

Изложению и комментированию учения Михайловского «О борьбе за индивидуальность» идеологи народничества XX в. не случайно уделяли особенно большое внимание — эта идея стала для них главным теоретическим постулатом.

Вопросу «борьбы за индивидуальность» Михайловский, как известно, посвятил серию статей (начиная с конца 1875 г.), будучи уже вполне сложившимся социологом и весьма популярным публицистом³⁵. Однако серия оказалась незаконченной в силу искусственности и нереальности самой идеи, под которую подгонялись факты реальной действительности³⁶. Поэтому об учении или теории можно говорить лишь весьма условно, но поскольку утверждение этих идей заняло довольно заметное место в творчестве самого Михайловского и у его последователей — народников XX в., их нельзя обойти молчанием.

Как и Михайловский, народники XX в. связывали с идеей «борьбы за индивидуальность» объяснение основного содержания всего исторического процесса. Об этом писал и Колосов, подчеркивая, что выполнению этой задачи Михайловский придавал огромное значение, видя основное содержание исторического прогресса, «ту нить, вокруг которой укладывались в стройную и цельную картину все когда-либо интересовавшие его акты и события общественной жизни человека». Он называл «теорию борьбы за индивидуальность» «некоторым философским принципом, способным обнять в единой формуле законы развития мира общественных отношений и мира органического»³⁷.

Если для Михайловского и его современников эти идеи и принципы были в большей мере теоретическим поиском ответов на важнейшие вопросы, которые нередко назывались «практическим стимулом для нашей деятельности», то в условиях XX в. они приобрели иное значение, превратившись в средство борьбы против марксизма, научной концепции классовой борьбы. Именно поэтому народники XX в., несмотря на указанные обстоятельства — незавершенность работы, нечеткость позиций, а главное — опровержение самой жизнью, — продолжали твердить, что учение Михайловского о «борьбе за индивидуальность» остается важнейшим теоретическим достижением народничества, идейной основой их практической деятельности в XX в. Поэтому они защищали свою теорию от нападков³⁸.

Но наиболее распространенным был взгляд на эту схему Михайловского как на цельное законченное учение, имеющее громадное значение для развития всей мировой социологической мысли. Следует, однако, сказать, что сам Михайловский был весьма далек от убеждения, что им создана стройная социологическая система и что он дал ответ на вопрос об отношениях между личностью и обществом. Так, в статье 1903 г. «Новый взгляд на происхождение общества» он писал: «Вопрос о взаимных отношениях, как фактически данных, так и идеальных — личности, индиви-

да и общества, естественно, всегда занимавший мыслящих людей, в последнее время привлекает к себе особенно много внимания». Отметив, что в споре по этому вопросу принимают участие представители различных идейных школ и течений, Михайловский констатировал, что «окончательное и общепринятое решение проблемы, если оно когда-нибудь и будет дано, во всяком случае, еще очень далеко от нас»³⁹.

Следовательно, сам Михайловский в начале XX в. весьма скромно оценивал итоги своей теоретической деятельности в области поиска ответа на вопрос о взаимоотношении личности и общества и считал этот вопрос нерешенным. Народники же вопреки этому мнению своего теоретика упорно доказывали, что Михайловский блестяще справился с этой задачей, выдвинув идею «о борьбе за индивидуальность», заложив этим якобы основы научной социологии XX в.

Учение Михайловского о «борьбе за индивидуальность» рассматривалось народниками XX в. в качестве главного достижения этого социолога, а себя они называли его верными и надежными последователями, претворявшими в жизнь эту концепцию в практике революционной борьбы⁴⁰.

Учение Н. К. Михайловского о прогрессе, о роли различных факторов в эволюции общества, о месте и роли личности в борьбе за социальное освобождение подверглось критике со стороны идеологов самых различных течений общественной мысли, включая и самих народников, пытавшихся приспособить концепцию Михайловского, как и Лаврова, к условиям классовой борьбы XX в. И все же главным направлением борьбы стала полемика народничества и марксизма, начало которой в 90-е годы было положено В. И. Лениным, выступившим по большому кругу вопросов, касавшихся оценки мировоззрения Н. К. Михайловского. В XX в. эта борьба особенно заметно усилилась.

В 1901 г. Н. А. Бердяев (1874—1948), один из видных представителей «легального марксизма», выпустил книгу под названием «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском». Она вышла с предисловием другого видного представителя этого течения П. Б. Струве (1870—1944). И хотя в этой работе не было полного и последовательного научного анализа философских основ народничества, субъективизма, идеалистических воззрений признанного и весьма популярного идеолога мелкобуржуазного социализма — Н. К. Михайловского, тем не менее здесь содержались весьма ценные наблюдения, оценки и замечания, вызвавшие бурю гнева и негодования со стороны самого Н. К. Михайловского и его убежденных последователей.

Н. К. Михайловский разразился весьма хлесткой статьей в «Русском богатстве»⁴¹. В. М. Чернов опубликовал, по-видимому, подготовленную ранее работу «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки». Позднее эта работа в несколько переработанном виде вошла в книгу В. М. Чернова,

вышедшую в 1907 г.⁴² Ею пользовался В. И. Ленин при работе над трудом «Материализм и эмпириокритицизм»⁴³.

В задачу данной работы не входит подробное рассмотрение всех основных положений Бердяева и Струве, выступавших с критикой философской концепции Михайловского, но допустивших в этой полемике ошибки и неточности в трактовке материализма, теории познания.

Остановимся на некоторых положениях, развивавшихся Струве и Бердяевым. Оба автора утверждали, что К. Маркс и Ф. Энгельс «были в философском отношении настоящими материалистами». Однако с этим верным пониманием соседствовали и ошибочные представления о марксизме и его отношении к предшественникам (гегелевской диалектике, к Канту и Фейербаху и др.). И хотя и Струве и Бердяев выступали якобы с позиций «нового идейного течения», т. е. марксизма, тем не менее многие их оценки свидетельствовали о том, что не все в этом учении они понимали и принимали. И это обстоятельство не могло не проявиться в их критическом разборе субъективного метода и учения Михайловского, в оценке отдельных положений марксизма и его метода — диалектического материализма.

Не со всеми положениями книги Бердяева соглашался Струве. Однако в главном — в оценке «субъективного метода» они были единомышленниками. «С точки зрения теории познания, — писал Струве, — „субъективный метод“ есть нелепость и что еще хуже, ложь, стремящаяся подорвать самую возможность познания „человеческого“». Субъективизму народников Струве справедливо противопоставлял идею о расширяющихся возможностях человеческого познания⁴⁴.

Отвергая сведение познания к чувственному восприятию мира, Струве писал: «Познавать — значит в конечном счете только мыслить». Рассматривая «субъективный метод» как отказ от действительно научного, объективного познания, как подчинение субъективному объективному, как сознательное подчинение науки ее материалу — «индивидуально-психологической ограниченности эмпирического субъекта», Струве решительно и бескомпромиссно противопоставлял этим идеям «объективизм» науки. Его Струве усматривал в двух моментах: «во-первых, науке доступна вся область объекта. . . во-вторых, наука — каковы бы ни были вне ее лежащие высшие цели — стремится всегда познать то, что есть, стремится к достижению общеобязательной истины о сущем и сознательно никогда не ставит должное на место сущего, желаемое на место истины»⁴⁵.

Однако наряду с этими в целом верными рассуждениями Струве отрицал значение «классовой точки зрения» в науке, доказывал, что утверждать в науке классовую точку зрения — это значит становиться на позицию сторонников «субъективного метода».

Упрощая марксистское понимание классового подхода, Струве как типичный представитель «легального марксизма» утверждал, что «классовая точка зрения не есть критерий истины»⁴⁶.

Струве специально отскакивал на этом вопросе потому, что Бердяев в своей работе утверждал иной взгляд.

Отвергая ряд оценок Бердяева, Струве в то же время считал: «В книге Бердяева превосходно разъяснено, что социологическая теория г. Михайловского об отношениях между личностью и обществом стоит и падает вместе с органической теорией общества»⁴⁷.

Предисловие П. Струве к книге Бердяева явилось в сущности самостоятельной работой по большому числу философских вопросов, включая и теорию познания, в которой автор высказал свое отношение и к народнической социологии, и к критике ее Бердяевым, и к марксизму.

Бердяев отмечал важность и своевременность «подвергнуть всесторонней критике своеобразный плод русского утопизма, „субъективную социологию“ в лице талантливейшего ее представителя Н. К. Михайловского»⁴⁸. Обращая внимание на ожесточенную полемику народничества с марксизмом в 90-е годы, автор писал: «Теперь достаточно ясно, что победа осталась не за г. Михайловским. В полемике он потерял всякую почву под ногами, совершенно не понял враждебного ему направления и оказался далеко не на высоте своих дарований. Это еще раз доказало ту истину, что талант расцветает, когда защищает идеи, связанные кровными нитями с жизнью, и отцветает, когда эти нити порываются. . . Но теперь уже, кажется, можно подвергнуть объективной теоретической критике и исторической оценке отживающее направление русской мысли, некогда так талантливо представленное г. Михайловским»⁴⁹. Приведенное пространное высказывание позволяет сделать два весьма важных вывода. Во-первых, Бердяев реально оценивал итоги борьбы марксизма против народничества, проходившей в 90-е годы, и безоговорочно признавал, что из этих столкновений победителями вышли представители «нового направления, т. е. марксизма. Во-вторых, выступая критиками учения Михайловского, «легальные марксисты» были убежденными сторонниками мнения, что народничество — «отжившее направление русской мысли». Бердяев пытался одним из первых в литературе рассмотреть вопрос об «общественных корнях мировоззрения г. Михайловского», оценивая «умственный облик этого талантливого публициста-социолога» как «типичного сына своей среды»⁵⁰. Бердяев сравнивал 60-е и 70-е годы, Чернышевского и Михайловского как представителей различных эпох, различных течений общественной мысли. Он высоко ценил просветительство и демократизм Чернышевского: «Бодрый дух его был чужд пессимизма; он был утопистом со смелой утопией в противоположность „субъективистам“ 70-х годов, этим „утопистам без утопии“; его демократизм не заключал еще в себе тех мелкобуржуазных элементов, который придали особую окраску позднему народничеству»⁵¹. И хотя Бердяев не смог всесторонне раскрыть различия между Чернышевским и Михайловским, социальные корни их мировоззрения, тем не менее он приближался к пониманию этой

проблемы, подчеркивая связь «мелкобуржуазных элементов» с философскими воззрениями Михайловского.

Противоречивый характер народничества 70-х годов Бердяев объяснял как типичный легальный марксист, для которого главным вопросом всего общественного прогресса, включая и идеологию, было развитие капитализма в России: «Прогрессивные народолюбцы 70-х годов попали в очень тяжелое и противоречивое положение. Интеллигентные пролетарии, всей душой преданные прогрессу и народному благу, они должны были сделаться во многих отношениях реакционерами». Критикуя отрицательное отношение народников 70-х годов к развитию капитализма, Бердяев постоянно ссылался на работы В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», «Экономические статьи и этюды»⁵². «Общественную почву, на которой выросло мировоззрение г. Михайловского», Бердяев усматривал в развитии в России капиталистического производства, которое «коренным образом изменило всю общественную структуру». По мнению Бердяева, «демократизм народников 70-х годов неизбежно должен был вылиться в форму утопическую, потому что он противоречил тенденциям общественного развития и не имел точки опоры, и мелкобуржуазную, потому что представлял собою преломленные в головах интеллигентов-разночинцев идеалы „народа“, состоявшего из крестьян — мелких производителей». Отношение оппозиционно-демократической интеллигенции 70-х годов к господствовавшему строю, к общественной эволюции отразилось, по мнению Бердяева, в мировоззрении Михайловского в виде «идеи антагонизма личности и общества идеалов человечества и естественного хода вещей». Для того времени эти объяснения были заметным шагом вперед.

«Тут коренится его утопизм, полная невозможность связать свои идеалы с общественным развитием, переоценка роли интеллигенции, мелкобуржуазный характер его идеалов, индивидуализм г. Михайловского, его пессимизм и недоверие к прогрессу, его подчас трогательный лиризм, неумение разграничивать субъективное и объективное, смешение публицистики и науки»⁵³. Перечисленные Бердяевым черты Михайловского отражали важнейшие стороны всего народнического мировоззрения XIX—XX вв., ибо его классовая, мелкобуржуазная природа не изменялась и была главным детерминантом на всех этапах развития. Подход же самого Бердяева к этому сложному вопросу свидетельствовал о том, что анализ, осуществленный им даже с позиций «легального марксизма», несмотря на ограниченность этого идейного течения открывал перед исследователем большие возможности для объективного объяснения весьма актуальных и принципиальных вопросов эволюции народнической идеологии. И хотя легальные марксисты не могли последовательно и до конца провести принцип классового анализа народнического идейного течения, тем не менее по их трудам можно судить об уровне и характере мышления идеологов, тяготевших к марксизму.

В числе идеологов, влиявших на процесс формирования Михайловского, Бердяев называл Д. Писарева, П. Лаврова, П. Прудона, О. Конта, В. Лесевича. С Марксом, как справедливо утверждал Бердяев, г. Михайловский познакомился лишь тогда, «когда его взгляды совершенно сложились, и великий немец не оказал на г. Михайловского никакого влияния; экономические взгляды Прудона продолжали больше говорить его народническому сердцу»⁵⁴. При всей верности этой характеристики Михайловского Бердяев упускает ряд существенных моментов: отсутствие фундаментального научного образования и глубокую несовместимость марксистской теории и метода с мелкобуржуазным типом и складом мышления, свойственного Михайловскому как теоретику. На всех этапах своей литературной деятельности Михайловский, подобно многим его последователям XX в., выступал как дилетант и в философии, и в социологии, и в истории. Он скорее приспособлялся к уровню мышления своих единомышленников, последователей, революционно настроенной молодежи, к их настроениям и эмоциям, чем вел их вперед силой своего научного анализа злободневных вопросов действительности и революционной борьбы. Поэтому прав был Бердяев, отмечавший: «В силу всех этих влияний мы находим у г. Михайловского: слабость и непродуманность философских основ мировоззрения, результат увлечения контовским позитивизмом и игнорирования критической философии; непозволительное злоупотребление биологическими абстракциями и аналогиями и пренебрежение к реальному историческому процессу, результат увлечения биологией и постоянной концентрацией мысли на теориях Дарвина, Спенсера и Геккеля; наконец, настолько отвлеченный характер публицистики, что экономическая форма социальных требований г. Михайловского совершенно исчезает за биологическими формулами». Таков был вывод Бердяева о главных чертах мировоззрения Михайловского, весьма верно отметившего важнейшие моменты, объективно связанные с его социальной природой. Однако Бердяев не увидел того, что Михайловский как идеолог — явление не индивидуальное, а типичное для мелкобуржуазной демократии, и это убедительно подтверждается всей историей Европы XIX—XX вв., в том числе и России.

Большую часть своей работы Бердяев посвятил критическому анализу «субъективного метода», который сторонники Михайловского объявляли «оригинальным продуктом русской мысли», с гордостью заявляя о существовании «русской этико-социологической школы». Бердяев справедливо отмечал, что в последние годы «субъективный метод» стал предметом оживленной полемики между представителями старого направления и «новой струей мысли», т. е. марксизмом⁵⁵. Среди представителей последнего Бердяев называл Г. В. Плеханова, упрекая его в «излишней ортодоксальности», которая якобы «помешала этому талантливому писателю окончательно свести теоретические счета с «субъективистами».

Отметив, что Михайловский является «самым талантливым сторонником субъективного метода» и главным его творцом, Бердяев правильно констатировал, что «было бы совершенно напрасным трудом искать у г. Михайловского сколько-нибудь строгого определения этого оригинального метода. Для нас очевидно, что самому г. Михайловскому характер этого метода был далеко не вполне ясен: его взгляды очень сбивчивы».

Главный порок «субъективизма» мировоззрения Михайловского Бердяев усматривал в стремлении создать «систему правды — правда-истина и правда-справедливость». Сам Бердяев считал, что ошибка Михайловского не в том, что эта проблема формулировалась неправильно, а в том, что эта «прекраснейшая задача» была непосильна для Михайловского. Этому, по мнению Бердяева, не способствовала общественная обстановка и «давал себя чувствовать недостаток философской эрудиции и философской глубины мысли».

Сама позиция, с которой Бердяев пытался разобраться в философии Михайловского, была весьма непоследовательна. Он считал, что «правильно решить эту великую проблему можно только на общей почве кантовского философского и марксовского социального монизма»⁵⁶. Поэтому дать всесторонней критики воззрений Михайловского Бердяев не мог, хотя и высказал ряд серьезных замечаний в адрес идеолога народничества и созданного им «субъективного метода». Так, говоря об отношении Михайловского к субъективному и объективному, Бердяев справедливо отмечал, что Михайловский нигде не дает анализа понятий субъективного и объективного, поэтому его точка зрения остается наивной, некритической; он игнорирует «ту дисциплину мысли, которая одна только и может исследовать объективизм и субъективизм в познании. . . субъективный метод г. Михайловского покоится прежде всего на гносеологической путанице, на грубом смешении логического и психологического».

Сам же Бердяев проблему объективности в познании решает с точки зрения философии Канта. Поэтому и Михайловского он критикует с позиций признания основным признаком объективной истины ее «общеобязательность», т. е. общепризнанность. Отвергая идеи Михайловского, Бердяев пытался выдвинуть основным критерием истины социальную практику, однако показать научную несостоятельность всех рассуждений Михайловского «о правде-истине» не смог. «Михайловский, — утверждал Бердяев, — прошел мимо критерия истины, смешав гносеологическую проблему, отыскивающую логический критерий истины, с проблемой психологической и социологической, отыскивающей те условия (психические и социальные), при которых истина рождается для человека»⁵⁷. Для самого Бердяева главное — логический критерий истины. С этих позиций он отвергал «психологический субъективизм» Михайловского, допускал ряд грубых и необоснованных выпадов против материалистического понимания истории, упре-

кая его сторонников в отсутствии критерия истины в теории познания.

Большое внимание уделял Бердяев критике идей Михайловского о надклассовом характере общественного сознания, о нравственной оценке социальных явлений, о «нравственном идеале», о роли личности в истории, об историческом прогрессе. И хотя по всем этим вопросам марксисты России Г. В. Плеханов, Н. Е. Федосеев, и особенно В. И. Ленин, дали весьма четкие разъяснения, показав теоретическую несостоятельность идеологов народничества, Бердяев пытался со своих позиций раскрыть ограниченность «субъективного метода» в социологии. Когда Бердяев критиковал Михайловского, руководствуясь теорией классовой борьбы, его оценки носили весьма реалистический и достаточно обоснованный характер. Надклассовой «субъективной социологии» Михайловского Бердяев противопоставлял классовый подход к явлениям общественной жизни, доказывая, что «психологический объективизм, бесстрастный взгляд на борьбу общественных групп мы считаем теоретической иллюзией, фиговым листом, которым слишком часто прикрывается „субъективизм“ самого низменного сорта»⁵⁸. Критикуя взгляды Михайловского, Бердяев ссылаясь на достижения основателей материалистического объяснения истории, указавших правильный путь к решению вопроса о соотношении субъективного и объективного в социологии, в познании явлений общественной жизни. «Психология (субъективизм), — писал он, — всякого прогрессивного общественного класса создает наиболее благоприятную почву для объективного (в научном смысле) отношения к явлениям. Идеологам прогрессивного класса нечего бояться, они могут прямо смотреть в глаза истине, потому что их союзником является исторический процесс». На основе этих доводов против Михайловского Бердяев делал вывод: «Высший продукт объективизма — научный прогноз будущего, а субъективизма — идеал будущего». И хотя все эти утверждения сопровождались обилием оговорок, внесением своего, часто неверного понимания (например, о надклассовом характере истины, о правилах мышления и др.)⁵⁹, в условиях начала XX в. подобные выступления способствовали распространению классовой точки зрения на проблемы общественного развития, ослабляя влияние народничества на сознание различных слоев населения.

Выступление Бердяева против Михайловского свидетельствовало о том, что временный союз с легальными марксистами, на который пошла революционная социал-демократия России, способствовал достижению, как писал В. И. Ленин, «поразительно быстрой победы над народничеством и громадному распространению вширь идей марксизма (хотя и в вульгаризированном виде)»⁶⁰. Вместе с тем ленинские оценки легального марксизма и его важнейших представителей (например, Струве в работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве») помогают увидеть те приемы, с помощью которых легальные марксисты боролись с народничеством, их ограничен-

ность и непоследовательность, связанную с социальной природой этого идейного течения⁶¹.

Первым на книгу Бердяева прореагировал сам Михайловский, выступив в журнале «Русское богатство» с большой статьей «О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о себе самом».

Отметив, что в последнее время его труды «были предметом усиленного внимания критики», Михайловский назвал книгу Бердяева «наиболее значительной по размеру и наиболее интересной по содержанию».

Особенно задело самолюбие Михайловского заключение в книге Бердяева, где он писал: «Объективная критика не оставляет камня на камне от мировоззрения г. Михайловского: „субъективизм“ и „индивидуализм“ должен уступить место другим направлениям общественной философии, но произведения нашего социолога-публициста действуют и до сих пор возбуждающим образом на мысль человека»⁶². Бердяев отмечал заслуги Михайловского — блестящего и талантливого публициста, чутко отражавшего лучшие стремления своего времени и занявшего заметное место в истории русской литературы и общественности 70-х годов: «Направление, которому он служил, умерло и новая мысль воздвигает на его развалинах свой храм». Особенно возмутила Михайловского эта мысль Бердяева. Она-то и заставила Михайловского оправдываться. Сделав ряд интереснейших признаний, Михайловский отмечал, что Бердяев читал критикуемые им произведения «внимательно и добросовестно», что разбор взглядов Бердяев проводит с позиций марксизма. Это заявление Михайловского было довольно типичным для споров подобного рода.

Наибольший интерес представляют оценки Михайловским своего творчества: «Критика произведений писателя, так много и бессистемно писавшего, в столь разной форме отзывавшегося на столь разнообразные явления жизни и литературы, как я, представляет большие трудности». Сам Михайловский признавал отсутствие в своем мировоззрении стройности, последовательности, объясняя это поспешностью, недостатком времени для обработки статей. Михайловский откровенно признавался, что «кое-что я теперь, под давлением житейского опыта и навеянных им новых размышлений, сказал бы не так, не только по форме, а и по содержанию»⁶³.

В этих искренних признаниях Михайловский проявился как теоретик, не имевший твердых и последовательных убеждений ни в философии, ни в социологии. Об этом же свидетельствовал и характер ответов Михайловского на критику и упреки Бердяева и марксистов. В них не было сказано ни слова по поводу «субъективного метода» и всех тех вопросов, которые пытался поставить Бердяев. На справедливое утверждение Бердяева о том, что народничество превратилось в отжившее и уходящее идейное направление, Михайловский с присущей ему полемичностью отвечал: «...в непродолжительном времени (и, надеюсь, до моей

настоящей смерти) идеи 70-х годов вновь объединят значительную и, конечно, не худшую часть русского общества, — разумеется, не в буквальном своем повторении, а со всеми теми поправками, которых требует пережитый с тех пор опыт». Защищая теоретические устои народничества, свои идеи «борьбы за индивидуальность», Михайловский отвергал все доводы Бердяева и Струве по поводу несостоятельности «субъективного метода» и обрушивался на марксизм, особенно на марксистскую концепцию классов, классовой борьбы и ее признания в качестве важнейшего фактора исторического прогресса⁶⁴. Михайловский дал определение того, что он считал субъективным методом: «. . . так как метод есть путь, которым мы сознательно идем к определенной цели, так я называю это регулирование субъективным методом»⁶⁵.

Однако ученики Михайловского склонны были трактовать субъективный метод значительно шире, вкладывая в это понятие иное содержание. Так, в 1901 г. В. М. Чернов опубликовал на страницах журнала «Русское богатство» серию статей под общим названием «Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки». Чернов признавал, что русские марксисты давно высказали свое отрицательное отношение к субъективному методу в социологии, предложенному П. Лавровым и Н. Михайловским. Вопреки фактам Чернов заявлял, что марксисты не дали «серьезной критики» субъективизма, охарактеризовав их выступления как «polemические шпильки» и «булавочные уколы». Назвав выступление Бердяева первой попыткой критического рассмотрения субъективного метода, Чернов упрекал его в том, что он «не всегда верно понимает требования субъективного метода»⁶⁶. И хотя к критике субъективного метода марксисты не раз обращались еще в XIX в. (К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. В. Плеханов, а затем В. И. Ленин в работе «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»), тем не менее Чернов, игнорируя эти всем известные, в том числе и народникам, факты⁶⁷, утверждал, что книга Бердяева — это первая попытка серьезного анализа субъективного метода. Следует отметить, что Чернов упрекал Михайловского за то, что тот ни разу не обращался к систематизации своих идей, не дал «философско-социологических воззрений в одном связном и законченном очерке». Поэтому сам Чернов намеревался в этой серии статей дать краткий и систематизированный очерк той системы воззрений, против которой направлена книга Бердяева.

Главное в творчестве Михайловского Чернов усматривал в создании «единой и целостной системы правды» типа древней религии. Она должна, по словам Чернова, отвечать «разом на все струны человеческого сердца. . . теоретическим и практическим, национальным и семейным, эстетическим и этическим». При этом Чернов считал, что в общем идейном багаже современного человека должно быть некоторое «святая святых», к чему следует относиться с «религиозной преданностью и вокруг которого, как вокруг своего естественного центра, должны группироваться в из-

вестном рациональном порядке все его желания, стремления и помыслы»⁶⁸.

Подобным подходом к научной теории как к вере, слепой преданностью «символу веры» отличались и другие идеологи народничества XX в., демонстрируя непонимание важности подлинно научной теории и основанной на ней убежденности в верности избранного пути и средств революционной борьбы за социальное освобождение трудящихся. В. И. Ленин подобное отношение к теории считал одной из черт мелкобуржуазной революционности.

К теоретическим построениям Михайловского Чернов, как и другие народники XX в., относился не просто с большим почтением. В этом учении ему виделось нечто великое и выдающееся, не знающее себе равного, хотя определить конкретнее и четко, в чем состоит величие Михайловского как теоретика, он не мог. Ответ на этот вопрос Чернов подменял словами о том, что это «оригинальная концепция; в которой теория человеческого познания и теория борьбы за существование, эволюции и подбора приводятся между собой в самую тесную связь», что Михайловский является «теоретическим знаменосцем определенного практического общественно-го течения»⁶⁹. С позиций этих крайне абстрактных, оторванных от жизни, чисто умозаключительных суждений обрушивался Чернов на учение К. Маркса и Ф. Энгельса. Главная ошибка материализма виделась Чернову в том, что, «не замечая субъективного элемента уже в самом человеческом познании, материалисты вырывают пропасть между теорией и практикой»⁷⁰. Следует сказать, что всю защиту субъективного идеализма и субъективного метода народники XX в. строили на обвинениях в адрес материалистической теории⁷¹ и на аргументах, заимствованных из западноевропейской реакционной философии и социологии. В то же время ряд известных положений материалистической философии заимствовались и затем сталкивались в выгодном для них свете. Так, известный тезис К. Маркса о том, что «философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его», Чернов комментировал в духе учения Михайловского. Он утверждал, что в этом тезисе следует видеть «объединение правды-истины и правды-справедливости»⁷². Таким образом, Чернов нередко использовал идеи К. Маркса и Ф. Энгельса для защиты и оправдания Михайловского.

Для обоснования субъективного метода Чернов обращался к крупнейшим представителям субъективной философии Запада — Э. Маху, Р. Авенариусу, Г. Зиммелю, А. Рилу, Е. Дюрингу и другим, подобным им теоретикам. Михайловский, доказывая он, «хочет того же, что и Авенариус. Он также стремится сочетать свойственный позитивизму эмпиризм с критической философией, как его надежнейшей опорой и фундаментом». Чернов упорно защищал взгляды Лаврова и Михайловского по вопросу о том, что «все наши знания субъективны», «субъективны все наши понятия, все наши истины»⁷³.

Отмечая сходство взглядов немецкого философа-идеалиста Г. Зиммеля и Михайловского на вопрос истинности представлений, Чернов с гордостью писал, что Михайловский опередил его на 20 лет. В другом месте Чернов с восторгом отмечал «разительное сходство» формулировок Михайловского и Э. Маха, подчеркивая «приоритет» первого по ряду важнейших вопросов теории познания. В конечном итоге Чернов убедительно доказывал абсолютное тождество эмпириокритицизма Авенариуса с философией Михайловского. Однако с особым упорством через все свои статьи этого цикла Чернов проводил идею о том, что важнейшие положения субъективного идеализма Михайловский обосновал задолго до появления этих идей в Европе⁷⁴.

Следует сказать, что приемы, используемые Черновым для защиты народнического учения, довольно примитивны: передергивание фактов и извращение мыслей автора, умалчивание отдельных, невыгодных народникам положений и т. п. А главное — во что бы то ни стало доказать тезис о том, что все учение Михайловского стоит якобы на уровне европейской науки XIX в. и по своей фундаментальности, глубине и верности не уступает лучшим образцам философской мысли, включая и марксизм. Так идеологи мелкой буржуазии «защищали» философские основы народничества, субъективный метод в социологии, родоначальниками которого они считали П. Лаврова и Н. Михайловского.

Немало работ о Михайловском появилось в 1904—1905 гг. в связи с его кончиной, что способствовало оживлению среди народников, популяризовавших учение Михайловского.

«Значение Н. К. Михайловского для русской мысли, для русского сознания, — писал в 1904 г. идеолог левых эсеров Иванов-Разумник, — настолько велико, что едва ли оно выяснится в скором времени во всех своих подробностях». Как и другие народники XX в., Иванов-Разумник видел главное в деятельности Михайловского в том, что он работал «почти полвека на тяжелом, хотя и славном посту», горел «жгучей ненавистью к лжи, насилию и обману», верил «в торжество идеалов — правды-истины и правды-справедливости».

По мнению Иванова-Разумника, Михайловский как идеолог формировался под влиянием шестидесятников, и в первую очередь Писарева⁷⁵. Выйдя на самостоятельный путь, Михайловский создал «цельное и стройное мировоззрение; он стал во главе русской мысли, он сделался признанным вождем русской интеллигенции семидесятых годов». Таким образом Иванов-Разумник вновь пытался обосновать органическую связь Михайловского и его теоретической деятельности с шестидесятниками, тогда как именно в области теории Михайловский сделал шаг назад по сравнению с революционными демократами 60-х годов.

Главным в мировоззрении Михайловского Р. В. Иванов-Разумник считал объединение борьбы за освобождение «реальной личности и всего народа». Отсюда ясен переход к изящной и стройной теории «борьбы за индивидуальность». По мнению автора, этот

закон «борьбы за индивидуальность» Михайловский считал «теорией, обнимающей единым принципом весь мир»; а борьбу реальной личности с обществом — одним из «частных случаев борьбы за индивидуальность». Разъясняя эту весьма искусственную и далекую от реальной жизни формулу Михайловского, Иванов-Разумник усматривал в ней решение главной проблемы — личности и общества. «Дальнейшее успешное развитие теории борьбы за индивидуальность» виделось Иванову-Разумнику в субъективном методе в социологии, в «теории о степенях и типах развития»⁷⁶. И хотя Иванов-Разумник не ставил своей целью спорить с критиками этой теории Михайловского (М. М. Филиппов, П. Струве, Н. Бердяев), тем не менее он пытался опровергнуть известный факт, что в 90-е годы победа в споре осталась не за Михайловским. Иванов-Разумник признавал, что Михайловский отказался от ряда положений своего учения, от иллюзии, что «Россия пойдет своим, особым экономическим путем», и др.

Следует сказать, что авторы работ о Михайловском из народнического лагеря нередко пользовались и таким приемом, как ссылка на высказывания некоторых семидесятников, которые склонны были видеть в Михайловском не просто последователя Писарева, а преемника целого философского направления во главе с Добролюбовым и Писаревым. Излагая мысли Михайловского о «борьбе за индивидуальность» как главным содержанием исторического прогресса, формах кооперации, Колосов, как и другие народники, пытался доказать, что эти идеи являются аргументом в пользу мнения, что их автор был достойным преемником «великого русского учителя и критика Н. Г. Чернышевского, взгляды которого он воспринял и последовательно развил их дальше»⁷⁷. Рассуждениями подобного типа народники пытались приписать Михайловскому заслуги, которых у него не было. Тот же Колосов утверждал, что идеей «борьбы за индивидуальность» и принципом «социальной борьбы» Михайловский один из первых утверждал в России классовую борьбу⁷⁸. Хотя сам Михайловский неоднократно выступал противником классовой борьбы и в теории, и в реальной действительности.

Стремление изобразить Михайловского более революционным, чем он был в действительности, стало одной из важнейших черт народнической историографии начала века. Желая объединить народничество XX в. под знаменем учения Михайловского, идеологи этого направления всячески преувеличивали значение теоретического наследия Михайловского. «Теория Михайловского, — писал Иванов-Разумник, — разбросана клочками на протяжении 500 печатных листов (такое большое наследие оставил нам Михайловский!), но тем не менее эта теория цельная, замечательно выдержанная; это широкое мировоззрение, ценность которого не подлежит сомнению». Иванов-Разумник убеждал читателя «в гармоничности этого мирового мировоззрения... оно строится на двуедином критерии блага реальной личности и блага трудящихся

классов — все связано с этими неразрывно-сплетающимися нитями»⁷⁹.

В 1905 г. к годовщине смерти Н. К. Михайловского «Русское богатство» опубликовало ряд статей с оценкой его роли как мыслителя и политического деятеля. Первой была статья весьма популярного автора, видного деятеля партии эсеров Н. Кудрина (Н. С. Русанов). Называя Михайловского «одним из величайших сынов пореформенной России», подчеркивая громадные заслуги Михайловского во всех областях деятельности, Кудрин отмечал, что все его труды связаны одной идеей — «культом человеческой личности, всесторонне развивающейся внутри солидарного общества».

Сам автор считал главным в жизни общества «выработать возможно совершенные формы коллективного союза между членами, а затем уже философствовать, заниматься наукой, предаваться эстетическому творчеству»⁸⁰. С этих типичных для народничества позиций и рассматривал Кудрин Михайловского и его общественную деятельность. Будучи неспособным подняться до понимания классовой природы и крайне ограниченного характера мировоззрения Михайловского, Кудрин в то же время не мог всецело согласиться с учением Михайловского, его социологическими и историческими воззрениями. Отсюда проистекало его стремление «улучшить», «уточнить», «поправить» в чем-то, конечно не в главном, Михайловского. Так, Кудрин считал, что литературная деятельность Михайловского носила бы более законченный, более строгий характер, если бы этот автор мог отказаться от свойственной ему манеры обрабатывать одновременно «в перемежку и в переплет, две стороны „правды“, правду-истину и правду-справедливость». С подобных позиций Кудрин не мог оценить реального значения деятельности Михайловского, его слабых сторон. И все же он сделал ряд весьма интересных наблюдений. Известно, что народники XX в. считали такие работы Михайловского, как «Что такое прогресс?», «Теория Дарвина и общественная наука», «Борьба за индивидуальность», важнейшими философскими трудами, в которых он изложил свое теоретическое сredo. Кудрин же писал о них как об этюдах, испещренных «всевозможными жизненными отступлениями, экскурсиями, зигзагами нетерпеливой, столь же теоретизирующей, сколько практически воинствующей мысли». Кудрин особенно подчеркивал ценность вклада Михайловского в общественную психологию, в теорию «героев и толпы»⁸¹.

По мнению Кудрина, Михайловский являлся «чутким выразителем и философским обоснователем общественных стремлений наиболее передовой части русской интеллигенции, активно влияющей на ход прогресса». Личность Михайловского в роли теоретика Кудрин рассматривал как закономерное явление, связанное якобы с лучшими традициями «Современника», с возвращением «к деятельности Чернышевского и Добролюбова». Потребность «мыслящих реалистов» в фактических знаниях, особенно в об-

ласти естественных наук, по мнению Кудрина, «блистательно разрешил Н. К. Михайловский, явившись в 1869 г. перед читателями с совершенно определенной оригинальной физиономией писателя, столь же знакомого с выводами естествознания, сколько и с результатами современных общественных наук, столь же жадно стремившегося к познанию истины, сколько и к воплощению справедливости, — словом, удачно сочетавшего требования развития личности и служения общественной солидарности»⁸². На этом основании Кудрин относил Михайловского к числу родоначальников «очень замечательной „русской социологической школы“, школы субъективизма», другим теоретиком которой был П. Л. Лавров. При этом главная заслуга Михайловского виделась в том, что он дал теоретическое решение антиномии «между категориями необходимого и категорией нравственного, между естественным ходом вещей и идеалом». Это мировоззрение, по убеждению Кудрина, соответствовало настроению и удовлетворяло жажду деятельности двух групп тогдашней передовой интеллигенции, «кающихся дворян» и «разночинцев».

Таким образом, Кудрин попытался дать оценку не только мировоззрению Михайловского, но и определить его социальную природу, связь с потребностями определенного социального слоя — интеллигенции 70-х годов. Это было шагом вперед в осмыслении и оценке места учения Михайловского в структуре общественного сознания того времени. Однако дальше этого Кудрин-историк пойти не смог, хотя и пытался объяснить развитие народничества как того идейного течения в общественном освободительном движении 70-х годов XIX в., которое справедливо оценивалось им как «наиболее реальное и насущное движение тогдашней русской действительности», когда «интересы народа и борьба во имя их с врагами трудящихся масс стали общим лозунгом передовой интеллигенции».

Примечательно, что это же время Кудрин называл «медовым месяцем нашего капиталистического „первоначального накопления“, устройства нашей капиталистической хранины»⁸³. Признавая факт вступления России в капиталистическую стадию развития, Кудрин тем не менее вновь с народнических позиций формулировал альтернативу: идти путем капиталистической эксплуатации или «вступить на трудную, но все еще исторически возможную для нее дорогу народного производства?». Для Кудрина, как и для Михайловского, реальное значение имел только один «проклятый вопрос о возможности для России сознательно выбирать между двумя путями прогресса, капиталистическим и народным». Идеологическую сторону этой проблемы он усматривал в том, «какую цену в этот момент для нас могли иметь требования свободы и гражданственности, которые столь часто повертывались на капиталистическом Западе против трудящегося большинства на пользу привилегированных классов?». Не понимая классовую сущность процессов, происходивших в сфере экономики, социальных отношений и политической надстройки, народники типа Кудрина

упорно защищали идеи Михайловского, доказывая, что они якобы делали «величайшую честь самостоятельности их мышления и энергии их практической деятельности».

Считая Михайловского «выразителем и основателем исторических идеалов тогдашней интеллигенции»⁸⁴, Кудрин идеализировал и преувеличивал заслуги Михайловского, затушевывая и умалчивал слабые стороны теоретической деятельности этого идеолога народничества: эклектизм, непоследовательность, противоречивость, реакционный характер философских основ его учения (субъективный идеализм и агностицизм).

Кудрин умалчивал об отношении Михайловского к другим идеологам народничества 70-х годов, пытаясь изобразить, что он был единственным идеологом семидесятников, хотя у него были серьезные расхождения с Лавровым, Бакуниным, Ткачевым, признанными в то время лидерами народничества. В изображении Кудрина только Михайловский определял теоретические позиции и практическую деятельность народников 70-х годов. Подобного рода фальсификацию народники XX в. пропагандировали на страницах своих изданий. Сделав своим теоретиком либерала Михайловского и изображая себя преемниками всего народничества 70-х годов, они стремились доказать отсутствие принципиальной разницы между народниками-революционерами и либералами. Это была не просто спекуляция на революционных традициях прошлого, а стремление укрепить свой авторитет всеми возможными средствами. Однако эти позиции следует оценивать как попытку подвести под народничество XX в. теоретическую доктрину, представлявшую собой смесь идей народников 70-х годов, народовольцев и народников-либералов 90-х годов.

Отыскивая «точки опоры» в воззрениях Михайловского, авторы, подобные Кудрину, пытались идти в ногу со временем, учитывать популярность идей либерализма и использовать их в своих целях. Кудрин упорно отвергал критику марксистов в адрес Михайловского, отстаивая идеи близости его учения теории «экономического материализма». Интерес Михайловского к некоторым экономическим вопросам, к проблеме труда нередко выдавался народниками за серьезное отношение к экономической теории, тогда как на самом деле этого и не было. К тому же во всех высказываниях явно просматривается Михайловский-либерал, о котором Кудрин писал, что этот публицист-гражданин видел в организованной помощи государства и общества народу «надежный путь для осуществления народных идеалов»⁸⁵. Пытаясь поставить и решить вопрос об историческом месте Михайловского в развитии народничества, Кудрин делал это также с сугубо тенденциозных позиций. Выделяя в народничестве XIX в. два течения, Кудрин видел их не в реальных, классовых измерениях — либеральное и революционное, а в поверхностном и примитивном восприятии этого сложного идейного течения. Он усматривал наличие в народничестве двух групп «передовой интеллигенции»: «сторонников пропаганды знаний и развивателей чувства актив-

ности». Заслугу же Михайловского Кудрин усматривал в том, что «во второй половине 70-х годов Михайловский, вооруженный „настоящею наукой“ и в то же время понимающий общественное значение „чувства“, попытался примирить односторонности обоих направлений, призывая обе группы к более трезвому истолкованию тогдашних задач». И далее: «...общественная роль этого писателя состоит в обосновании и выяснении стремлений лучшей части интеллигенции»⁸⁶. Подобные высказывания свидетельствуют о тщетности попыток народников XX в. представить Михайловского идеологом освободительного движения второй половины прошлого века; его принадлежность к либерально-народническому направлению несомненна. Они преувеличивали его реальную роль, игнорировали его слабые стороны и недостатки как теоретика буржуазно-демократического этапа освободительного движения, мелкобуржуазного по своей социальной сути, отражавшего черты этого класса в теоретической доктрине и в практической деятельности. Идеологи народничества не смогли увидеть главного в его учении — отрыва теории от реальной практики борьбы с самодержавием и остатками крепостничества за демократический путь развития страны.

В работе о Михайловском Кудрин высказал ряд интересных соображений об интеллигенции, которую он рассматривал как внеклассовую категорию, как «все растущее по мере прогресса ядро служителей убеждения, значение которого постоянно увеличивается среди современного общества». К числу «заслуг» Кудрин относил борьбу Михайловского «против односторонностей русского марксизма», утверждая, что он якобы «с честью и успехом отстаивал интересы нормального общественного развития».

Вопреки реальным фактам Кудрин упорно твердил об успехах борьбы Михайловского с марксистами, о «цельности» его мировоззрения. Однако он вынужден был признать, что драгоценный полемический талант тратился нередко по мелочам, не дал убедительной критики учения Маркса. Вместе с тем Кудрин пытается доказать «сближение точки зрения Михайловского и центрального пункта марксистской доктрины», чему он собирался посвятить свои «Социологические очерки»⁸⁷: «Михайловский с блистательным остроумием показал, что пресловутое диалектическое развитие есть лишь пустая формула, прием изложения, и что оно как объективный закон действительности не существует, а как чисто логический способ мышления вовсе не связано с теорией Маркса»⁸⁸.

Таким образом, этот видный деятель народничества XX в. в оценке Михайловского и его идейно-теоретического наследия стоял на позициях типичного народника-либерала, для которого идеи Михайловского были вершиной теоретической мысли освободительного движения XIX и XX вв.

В самый разгар революционной борьбы широких народных масс в майском и июньском номерах «Русского богатства» (1905) появилась обширная статья эсера В. В. Лункевича «Н. К. Михай-

ловский. Характеристика-эскиз». Автор статьи весьма скромно формулировал свою задачу: «установить основы социологического мировоззрения Михайловского и показать, как освещал он связь между биологией и социологией и как понимал отношение между методами этих двух наук»⁸⁹. Однако «попутно» автор освещал множество различных проблем, касавшихся основ народнической доктрины и мировоззрения самого Михайловского, который изображался как выдающийся теоретик в области социологии.

Появление подобных работ в условиях первой буржуазно-демократической революции, которая обнажила все социальные противоречия и выявила реальные силы народных масс, способных самоотверженно и решительно бороться против самодержавно-помещичьего строя, свидетельствовало не столько об отрыве их теоретической доктрины от нужд и потребностей революции, сколько о неспособности народников ХХ в. ответить на самые злободневные вопросы современности, осмыслить происходившие события, дать позитивные и перспективные идеи массам в их борьбе против самодержавия и деспотизма.

Объективно все рассуждения Лункевича о «роли субъективно-го элемента в теоретических построениях» и субъективном методе в социологии, о возможности применения учения Дарвина в вопросах общественного развития, о значении теории «борьбы за индивидуальность» показывали, какая теоретическая сумятица была в головах у народников ХХ в., которые вместо объективного анализа реальной классовой борьбы революционного 1905 г. пустились опять в жонглирование народническими идеями. И хотя Лункевич признавал, что статьи Михайловского о борьбе за индивидуальность «остались незаконченными», что из всех видов антагонизмов Михайловский успел рассмотреть только одну проблему — «личность—семья», тем не менее автор считал возможным называть идеи Михайловского серьезной научной теорией⁹⁰. «Учение о борьбе за индивидуальность, — писал Лункевич, — легло в основу всего социологического мировоззрения Михайловского. Усвоивши правильно принципы этого учения, не трудно понять, почему он так, а не иначе освещает различные общественные явления, почему в его воображении рисуется тот, а не иной общественный идеал». Формулу Михайловского о борьбе за индивидуальность Лункевич расшифровывал и преподносил читателю как величайшую идею, с которой не желают считаться марксисты⁹¹. С этих позиций Лункевич нападал на учение о классах, общественном разделении труда, роли кооперации в классовом обществе и др. Причем делал это нередко весьма в завуалированной форме. Реальной классовой солидарности и объединенной борьбе угнетенных масс народники ХХ в. противопоставляли свои обветшавшие идеи об «общечеловеческой солидарности», основанной на «борьбе за индивидуальность», доказывая, что «формула прогресса» Михайловского «является естественным выводом из объективных данных науки о жизни и науки об обществе. Практически это — „хоругвь мятежа“, зовущая к борьбе и определенно

указывающая на те формы общественной организации, которые должны быть с корнем уничтожены во имя попраанных прав человека. . .»

Вторую часть статьи Лункевич посвятил проблеме «героев и толпы»⁹², которая с особой остротой зазвучала в социологии народников в связи с 1905 г. Поэтому эту статью можно рассматривать как реакцию народника на революцию и массовые народные движения. И хотя события начала XX в., классовая борьба должны бы способствовать теоретическому осмыслению многих вопросов, связанных с революционным процессом и ходом буржуазно-демократической революции 1905 г. в России, Лункевич и другие сторонники этого течения продолжали упорно держаться за народническую доктрину, не желая видеть ее научной несостоятельности. Примечательно, что именно тогда проблеме «героев и толпы» Лункевич называл одним из важнейших вопросов общественной психологии. «Можно без преувеличения сказать, — писал Лункевич, — что никто ни до, ни после Михайловского не подвергал ее такому глубокому анализу, и в то же время никто не давал на этот вопрос более удовлетворительного ответа»⁹³. Однако это утверждение противоречило действительности, ибо, поставив проблему лидера и народа, ни Михайловский, ни его последователи не смогли ее решить.

Народники XX в. пытались этот вопрос не столько развить, сколько защитить от марксистов с позиции индивидуализма.

Отражая нападки критиков на Михайловского, упрекавших его в чрезмерном увеличении «героями», Е. Колосов писал, что «по вульгарному представлению большинства критиков Михайловский является ортодоксальным идеологом „героев“, а не „толпы“; индивидуализма, а не социализма; интеллигентского аристократизма, а не принципов социальной демократии рабочих классов общества»⁹⁴. Колосов же пытался доказать, что «толпа, массы, народ» постоянно привлекали его внимание. Он был склонен даже приписать Михайловскому сожаление о том, что «современная общественная и историческая наука иначе относится к этой роли народных масс». Стремясь подтвердить это, Колосов прибегает к аргументам весьма сомнительного свойства, которые фактически отвергали эту точку зрения. Цель Михайловского, писал Колосов, состоит в доказательстве «огромной исторической и социологической роли народных масс». И эту цель, по мнению автора, Михайловский решал двумя путями: «анализируя „идею народа“ и анализируя „идею личности“ и будучи в то же время в области социологии сторонником начала личности, всестороннего развития индивидуальности, воплощающей для него критерий для построения общественной науки». Чувствуя шаткость своих доводов, Колосов старался убедить читателя, что «все эти мысли Михайловского представляют при всей своей оригинальности лишь дальнейшее развитие того, что было в предыдущий период намечено, хотя в самых общих чертах, Добролюбовым и Чернышевским»⁹⁵. Таким образом читателю внушалась идея о полной

преимущества взглядов Чернышевского и Добролюбова Михайловским, который на самом деле ушел назад от понимания роли народных масс, свойственного революционным демократам-шестидесятникам.

Приведем весьма пространные цитаты из различных сочинений Михайловского о личности и «общечеловеческом идеале», а также факты из истории борьбы Г. В. Плеханова с субъективным методом в социологии, Колосов приходил к весьма характерному для народничества XX в. выводу: «Теория личности Михайловского переходит таким образом в теорию демократии, в классовую точку зрения так же, как и теория демократии — «народничество» — является у него опорой для теории истинного индивидуализма». Этот вывод свидетельствовал о том, что рассуждения и Михайловского и Колосова основаны на одном и том же субъективизме.

Так, с помощью Михайловского народники XX в. защищали и отстаивали свои позиции в истории и социологии, прикрывая их цветистыми рассуждениями о том, что это цельная теория «толпы и героев», «массового народного движения», что «двудеиный критерий блага личности и блага народа является центральным пунктом»⁹⁶ мировоззрения Михайловского.

Весьма примечательно, что нередко идеологи народничества приписывали Михайловскому свои воззрения, доказывая, что он рассматривал народ как «единый рабочий класс», хотя в действительности этот тезис выдвинули эсеры, включавшие в понятие «рабочий класс» крестьянство, пролетариат и интеллигенцию⁹⁷.

Таким образом, защищая социологическую доктрину Михайловского, народники XX в. в то же время отстаивали свои идеи, используя для этого авторитет видного народника, «подправляя» его теорию в соответствии с новыми требованиями. Несмотря на глубоко порочный характер этого приема, он был весьма распространен в народнической литературе XX в.

В нашу задачу не входит рассмотрение всей народнической литературы о Михайловском. Однако оценку Михайловского-революционера народниками следует рассмотреть несколько обстоятельнее.

В июльском номере за 1907 г. журнала «Былое» была помещена статья Н. С. Русанова «„Политика“ Н. К. Михайловского», в которой предпринималась попытка показать Михайловского как революционера. Русанов был одним из крупнейших знатоков истории народничества, понимавшего важность изучения борьбы идей и течений внутри этого обширного направления и сумевшего в какой-то мере подняться до оценки и обобщения весьма существенных сторон сложной проблемы, хотя делал это с характерных для него позиций. Большинство народников XX в. считало Михайловского не просто выдающимся теоретиком-социологом, но и идеологом революционного народничества, затушевывая его либеральные воззрения 90-х годов, блестяще раскрытые марксистами. При жизни Михайловского его роль как революционера-народника изображалась крайне скупой, полунамеками, ссылками

на нелегальный характер этой деятельности. И в этом был определенный смысл. После смерти Михайловского в период революции 1905—1907 гг. освещение его заслуг стало не только возможным, но и весьма желательным. В ожесточенной борьбе с марксизмом за последний «оплот» народничества — их идеологических авторитетов (Лаврова и Михайловского), — в обстановке распада народнической идеологии, ускоренного классовой борьбой и революцией, Русанов отвечал на вопрос, как следует понимать революционность их выдающегося теоретика. На основании личных воспоминаний, а также переписки с Михайловским в 1895—1904 гг. (сохранилось более полусотни писем) автор приходил к весьма интересным выводам и отвечал намного честнее других биографов Михайловского, можно ли считать его «революционером». Он без каких-либо сомнений утверждал: «Мне кажется, что назвать его революционером в собственном смысле, т. е. человеком, отдавшим себя практической революционной деятельности, нельзя, не погрешая против истины и против понимания самого типа этой исключительно крупной личности. Михайловский был гораздо обильнее одарен способностями теоретического мышления и литературно-публицистическими талантами, чем свойствами собственно революционного деятеля, что не мешало ему, конечно, „революционизировать“ сознание мыслящей части русского общества, как революционизировали в свое время публику люди вроде Вольтера, Руссо, Дидро, тоже не бывшие и не могшие еще быть при тогдашних условиях практическими революционерами».

Ссылаясь на известное высказывание Михайловского относительно того, что он не может принимать участия в революционной борьбе, а потому не может призывать к ней и других, Русанов предлагал читателю «не видеть в знаменитом философе-публицисте непосредственного участника в революционном движении»⁹⁸. Отрицая практическое участие Михайловского в революционном движении народничества, в каких-либо организациях, автор тем не менее считал возможным говорить о «революционных» заслугах Михайловского⁹⁹. Они ему виделись в том, что Михайловский «помогал пером, советом, указаниями, иногда даже практическими хлопотами уже сложившимся людям, тем героям русской революции, которые завязывали борьбу на жизнь и смерть со старой, официальной Россией». И далее: «...рядом с теоретической работой мысли у этого замечательного писателя был настолько развит интерес к общественной жизни, что он должен был отзываться на ее явления и в особенности на наиболее крупные и знаменательные из них, т. е. на нашу «политику», на нашу «революцию». . . Мнения Михайловского революционеры очень добивались; к его взглядам они сильно прислушивались»¹⁰⁰. Таково было отношение Михайловского к реальной классовой борьбе, таково было отношение участников освободительного движения, революционеров-народников к своему признанному лидеру и теоретику¹⁰¹. Думается, что в этих фактах, весьма правильно подмеченных Русановым, проявлялись черты, свойственные револю-

ционерам второго этапа русского освободительного движения — отрыв революционеров от народа, отрыв теории от практики революционной борьбы. Русанов рассуждал как типичный мелкобуржуазный радикал и демократ, для которого отклик на революционные действия, «моральная» поддержка, «духовная» близость вполне достаточны для того, чтобы считаться лидером и идеологом широкого общественного движения. И хотя Михайловский осуждал Лаврова за его стремление влиять на борьбу в России «издалека», тем не менее и его реальная роль в борьбе революционеров-народников была не столь велика и значительна, как это казалось некоторым его современникам и наследникам, народникам XX в.

Наряду с названными выше оценками в статье Русанова присутствовал и другой важный элемент. Это стремление показать, на какое из народнических течений Михайловский оказывал особенно заметное влияние. Отметив, что уже в начале 70-х годов обозначились «два главных течения — пропагандистское и бунтарское», а несколько позже еще «одно второстепенное — яacobинское, довольно сильно, однако, тронувшее молодежь», Русанов пытался показать, что творчество Михайловского удовлетворяло запросы представителей всех течений народничества. В статьях Михайловского, писал Русанов, «было по большей части то, что у нас, братьев-врагов, было общего, то, что соединяло нас». Это общее виделось Русанову в пропаганде Михайловским идей о противоположности между нацией и народом, о стремлении либералов обездолить трудящиеся массы, «отодрав громаду народа от земли и орудий производства», о преобладающем значении, которое могут приобрести у нас «политические вопросы», или (особенно интересная идея) о целесообразности «государственной помощи для сохранения в народе имеющихся у него орудий производства и приобретения новых». При этом Русанов замечал, что среди «бунтарей», к которым принадлежал он сам, царило убеждение, что «Михайловский исполнен тайной склонности к лавризму»¹⁰². Во второй половине 70-х годов, когда начался кризис идеи «хождения в народ», ожесточились споры между «бунтарями-народниками», лавристами и «набатчиками». В этих условиях, писал Русанов, молодежь жадно искала опоры в статьях Михайловского, «чуть не каждая из которых служила предметом оживленных обсуждений и разбиралась чуть ли не по слову». Далее Русанов называл важнейшие вопросы этих споров: о роли «ума» и «чувства» в эволюции человечества, о пропаганде и «непосредственном бунте», о революционной динамике¹⁰³. Каждая из сторон находила в Михайловском наиболее соответствовавшее их мировоззрению идеи и всячески старалась «вытягивать эти идейные нити сходства до возможно далеких пределов, чтобы иметь возможность видеть в знаменитом публицисте подлинного выразителя своих взглядов». Однако это не всегда удавалось, ибо Михайловский «удовлетворял отчасти каждую из враждующих сторон, но ни одной он не удовлетворял сполна»¹⁰⁴. Все эти оцен-

ки Русановым роли Михайловского в 70-е годы показывали, что и тогда, и в XX в. Михайловский оставался публицистом, удачно, смело, нередко ярко, откликавшимся на злободневные вопросы¹⁰⁵. Его выступления импонировали демократически и революционно настроенной молодежи, вливавшейся в ряды народнического движения и не имевшей серьезной, научной подготовки. Это был мучительный поиск революционной теории, осуществлявшийся в рамках мелкобуржуазной демократии с позиций класса мелких собственников, ограниченных в своем видении мира.

Нетрудно заметить и другое немаловажное обстоятельство — изображение народниками идейной жизни 70-х годов как столкновения трех течений, хотя реально речь может идти о борьбе двух ведущих течений — революционного и либерального. Народники XX в. всячески затушевывали эту борьбу, ибо им было выгодно изображать себя наследниками народничества в целом, не проводя никаких граней между различными тенденциями и течениями¹⁰⁶. Об этом свидетельствовали все их выступления, посвященные своим идейным предшественникам, включая и Михайловского. Так, переход Михайловского в 90-е годы на позиции либерального народничества (когда «либерал взял верх») Русанов объяснял условиями тех лет: «Мизерная действительность, окружавшая его в то время в России, убивает у него веру в благополучный исход великого современного движения». Эту эволюцию идеолога Русанов считал его «личной драмой», игнорируя и не понимая закономерности идейного развития такого мыслителя, каким был Михайловский. К тому же эта «личная драма» Михайловского развивалась в 90- и 900-е годы, когда на политической арене России появился пролетариат, а противоборство марксизма и народничества дало уже определенные результаты. Народники-либералы — Н. К. Михайловский, С. Н. Южаков, С. Н. Кривенко (1847—1906), Н. Ф. Даниельсон (1844—1918), — объявившие поход против марксизма, противопоставляли ему мелкобуржуазную, крестьянскую демократию и крестьянский утопический социализм.

Несколько иначе освещал проблему «Михайловский и революция» Е. Е. Колосов, сетовавший на то, что подлинные радикалы в силу каких-то соображений отказываются признать вполне своими, казалось бы, наиболее близких им по духу писателей, в частности Михайловского. Стараясь доказать, что «идейно и духовно» Михайловский был связан тысячами нитей с одним из наиболее революционных общественных течений России¹⁰⁷, Колосов приводил такие высказывания Михайловского о его отношении к революции, которые опровергали эти идеи и доказывали, что с первых же шагов своей деятельности он был убежденным противником революционных форм борьбы. Среди этих фактов были высказывания Михайловского о том, что он не считает себя революционером: «Я не революционер; каждому свое» (из письма П. Л. Лаврову)¹⁰⁸, что он не разделял мнения семидесятников «о социальном перевороте путем восстания». Однако особенно

импонировали Колосову слова Михайловского: «Я не так боюсь реакции, как революции», о которых Колосов писал: «И он был прав»¹⁰⁹.

Колосов не просто присоединился к этому откровению Михайловского, но и к его доводам против революции. Для успешности переворота, — писал Колосов, — каждый из участников или огромное большинство «должны осознать свое человеческое достоинство и определить характер своих прав, как граждан». Считая главным условием успеха революции развитие сознания народа, Колосов вслед за Михайловским утверждал, что народ — «это какое-то заколдованное царство бессознательности и неприглядной темноты. . . это что-то младенчески-беспомощное в умственном отношении, в деле понимания и сознания», что эти «бородатые дети» (слова Михайловского) не понимают своих интересов и не способны к свершению социального переворота»¹¹⁰.

Как видно из приведенных материалов, народники ХХ в. по-разному относились к роли Михайловского в освободительном движении, к оценке его отношения к революции. Одни (Н. С. Рузанов) считали его революционером, приписывая его публицистической и научной деятельности как теоретика и социолога активное воздействие на революционно настроенную часть народников. Это влияние оценивалось как содействие революции, ее приближению, а следовательно, борьбе за ее торжество. И хотя в трудах Михайловского совсем не было места для проблем революции (как это было в творчестве Лаврова, Ткачева), тем не менее в нем видели представителя революционного народничества, оказавшего заметное влияние на идейную эволюцию и практическую деятельность революционеров-народников.

Другие народники ХХ в., как Колосов, считали Михайловского крупным деятелем и лидером народнического лагеря, заметно повлиявшего на идейное развитие этого течения, но не признававшего революцию реальным и желательным явлением в силу громадной отсталости народа, его неспособности решать социальные проблемы в необходимых формах. Эта точка зрения, основанная на мнении самого Михайловского о себе и на его отношении к революции и ее сторонникам из народнического лагеря, представляется современному исследователю более верной. В 90—900-е годы Михайловский выступает перед нами как последовательный либерал, противник революции и революционных методов борьбы, сторонник реформ сверху, за что его и ценили сторонники правого крыла народничества ХХ в. — эсеры, включая Е. Е. Колосова, В. М. Чернова, Р. В. Иванова-Разумника и др. Оппозиционность по отношению к режиму, свойственную либеральному течению народнического лагеря, некоторые из народников не прочь были порой выдавать за революционность и таким путем увеличивать свой авторитет среди мелкобуржуазных слоев, не всегда отличавших революционность от оппозиционности, тем более когда она выступала в облачении социалистической фразеологии, как это

было у Михайловского. Этот теоретик народничества был «дорог» его последователям в XX в. именно своей умеренностью, они разделяли его боязнь революции, радикальных перемен, широкого движения масс, поднявшихся к революционному творчеству.

Однако особенно активно народники эксплуатировали авторитет Михайловского в борьбе против марксизма, убежденными противниками которого они выступали на всех этапах своей деятельности, вплоть до полного идейного краха в 1917 г. В условиях острой идейной борьбы с начала XX в. пропаганда социологических и исторических воззрений Михайловского, его активных выступлений против марксизма в 90-е годы и позднее — все эти факты стали средством защиты народнической доктрины, борьбы против марксизма как идеологии и практики революционного пролетариата.

Возражая Бердяеву, считавшему, что марксизм — «самое прогрессивное, самое демократическое явление общественной жизни»¹¹¹, Колосов писал: «Марксизм 90-х годов, с которым полемизировал Михайловский, вовсе не был ни самым прогрессивным, ни самым демократическим общественным течением того времени. Для первого ему не доставало правильной постановки вопроса об отношении социализма к политике, для второго — умения анализировать социальную психологию и интересы крестьянской демократии. Напротив, в числе огромных исторических заслуг Михайловского должна быть поставлена как раз его работа по выработке действительно наиболее прогрессивного и действительно наиболее демократического мирозерцания». В числе элементов этого мировоззрения Колосов называл: «Толпа, народ, масса, с одной стороны; личность, борьба за индивидуальность — с другой, и как посредствующее звено между ними — интересы труда, — таковы были основные положения социологической теории Михайловского». Перечислив важнейшие «заслуги» Михайловского, Колосов сделал совершенно не соответствующий действительности вывод, выдавая его учение за «обоснование классовой точки зрения на явления общественной жизни». В подобных заявлениях просматривается и объективная потребность в признании классовой точки зрения, и стремление ее отвергнуть как доктрину враждебного идейного лагеря — марксистов. Оценивая содержание социологической доктрины, Колосов приписывал Михайловскому заслуги, которых у него в действительности никогда не было и не могло быть. Однако народники усматривали их в том, что «взгляды Михайловского сделались с тех пор отправным пунктом всего последующего развития социалистической мысли в России»¹¹². К таким выводам приходил биограф Михайловского Колосов, особенно упорно изучавший и популяризовавший его идейно-теоретическое наследие. В защите и пропаганде идей Н. К. Михайловского народники XX в. видели свой главный долг. Так, выступая против эсеров, заменивших понятие «народ» словами «рабочий класс», Пешехонов упрекал их в измене Михайловскому. Пешехонов постоянно пропагандировал идеи Михайлов-

ского о том, что главное содержание исторического прогресса — это борьба между личностью и обществом за индивидуальность, что учение Михайловского — это «вершина человеческой мысли»¹¹³.

В статье «Народничество и класс наемных рабочих» (1914) В. И. Ленин указывал на факты обращения народников в связи с 10-летием со дня смерти «либерально-народнического писателя» к старому спору: «о значении марксистской борьбы с народниками». Ленин отмечал, что этот спор представляет интерес и исторический, ибо речь шла о возникновении «марксизма», и теоретический, так как «спор касался основных вопросов теории марксизма», и практический, поскольку народники (Ленин называл эсера Н. И. Ракитникова) извращали события, описывая 80—90-е годы. Они умалчивали о споре марксистов с народниками по вопросу о развитии капитализма в России, изображая факты таким образом, словно эта борьба относилась лишь к 60-м и 70-м годам. «Зачем же г. Ракитников *скрыл* от читателей 80-ые и 90-ые годы? — спрашивал В. И. Ленин. — Неужели только затем, чтобы приккрыть ошибки народников и тем облегчить их распространение среди рабочих? Прием этот — весьма плохой, и плохи дела у того, кто такие приемы употребляет»¹¹⁴. К подобного рода приемам народники прибегали постоянно, извращая и подтасовывая факты недавнего прошлого. В юбилейной литературе о Михайловском В. И. Ленин усматривал не просто чествование народниками своего теоретика, а попытки народников распространять и популяризировать это учение среди пролетариата и в XX в. «„Левонародническая“ проповедь сводится на деле к развращению и дезорганизации движения класса наемных рабочих мелкобуржуазными лозунгами. Лучше бы гг. левые народники обратились к демократической работе среди крестьян — для этого годны и *не-социалисты*»¹¹⁵, — писал В. И. Ленин в той же статье.

К 1917 г. относится последняя крупная работа о Михайловском, принадлежавшая Е. Колосову. Казалось бы, острая классовая борьба, революция 1905—1907 гг., годы реакции и новый революционный подъем, империалистическая война, ожесточенные идейные столкновения, критика марксистами народнической доктрины — все это должно было хоть чему-то научить лидера и теоретика эсеров. Однако этого не произошло в силу социальной ограниченности идеологов народничества, их консервативности и инертности. С прежней высокопарностью народники продолжали твердить о том, что на сочинениях Михайловского воспитывались основатели партии социалистов-революционеров, на его идеях строилась программа и тактика этой организации¹¹⁶. С восторгом оценивая теоретическую деятельность Михайловского и его влияние на народников XX в., Колосов пытался подвести итоги борьбы между марксизмом и народничеством в 90—900-х годах. Для марксистов эти годы были временем реальных крупных побед над мелкобуржуазной идеологией, с ее теоретической ограниченностью и практической беспомощностью. Колосову

эти итоги борьбы виделись опять-таки в кривом зеркале: «Шум этих битв и споров остался далеко позади. Нам уже начинает казаться странным, почему этот ураган страстей бушевал когда-то около „формулы прогресса“ Михайловского или вокруг какого-нибудь „субъективного метода в социологии“ или „типов и степеней развития“». Колосов с недоумением спрашивал: почему Михайловский вызвал «такую массу ненависти и озлобления»? По мнению Колосова, все осталось в прошлом, а современный читатель привыкает смотреть на Михайловского, как на «некоторую реликвию старой русской литературы и не считает уже нужным обращаться к изучению его сочинений». Продемонстрировав непонимание сущности принципиальных теоретических споров между народниками и марксистами (автор называл В. И. Ленина и его книгу «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»)¹¹⁷, неспособность осознать поражение народничества и победу марксизма, Колосов, сам того не желая, констатировал факт падения популярности Михайловского. Оно проявилось, по мнению Колосова, в исчезновении интереса к сочинениям, в отношении к бывшему «властителю душ» как к «реликвии старой русской литературы». И хотя это был естественный процесс, изменить который уже никто не в силах, тем не менее он явно не устраивал Колосова. Поэтому он вновь возвращался к теме о значении Михайловского и его наследия для современности. Одна из очередных задач современной литературы виделась Колосову в том, чтобы «снова пересмотреть литературное наследство Михайловского и определить, как оно создавалось, какую роль играло в прошлом, а также, какую роль способна играть в настоящем, несмотря на всю разницу между нашим временем и тем, которое выдвигало людей, подобных автору трактата о прогрессе».

И в 1917 г., как и прежде, народники продолжали утверждать идею о том, что самым крупным достижением в социологии Н. К. Михайловского остается его «замечательная теория „борьбы за индивидуальность“, концентрирующая в себе почти всю работу его мысли». Всюду, утверждал Колосов, Михайловский «давал своеобразные и ценные работы, порой достигавшие границ гениальности»¹¹⁸. Объективная научная оценка творчества Михайловского, выяснение истинного значения его деятельности в качестве литературного критика и идеолога народничества 70-х—900-х годов подменялись в сочинениях его последователей восторженными возгласами по поводу тех идей и мыслей, которые время безжалостно разрушало. Михайловский по-прежнему изображался Колосовым как неустанный борец за народные идеалы — «правды-истины и правды-справедливости»¹¹⁹. Говоря о 80-х годах, он писал, что «по своему таланту Михайловский в это время, да и в позднейшее, является достойным соперником Герцена, а по глубине мыслей, по общему захвату созданной им социологической системы — достойным преемником Н. Г. Чернышевского». Колосов развивал идею о том, что «социологическая

мысль Михайловского достигает своего апогея и он приходит к обобщениям чрезвычайно крупного значения. Отныне Михайловский делается одним из главных представителей научной социологии в России». Идеи Михайловского Колосов назвал вечными¹²⁰.

Защищая и популяризируя Михайловского, народники упорно доказывали, что его «формула прогресса», основанная на субъективизме, стала «настоящим манифестом социально-революционного народничества, а сам Михайловский был теоретиком социально-революционного направления»¹²¹. Активнее других действовали представители правого, либерального крыла народничества, выдавая и себя, и своего учителя Михайловского за выразителей революционного течения, хотя таковыми они не были.

Важное место в последней книге Колосова занял вопрос об отношении Михайловского к К. Марксу, к классовой борьбе, а также сравнение социологии К. Маркса и Михайловского. Однако все эти проблемы решались в народническом духе. Так, говоря о времени первого знакомства Михайловского с теорией К. Маркса и его влиянии на формирование учения о борьбе за индивидуальность, Колосов отмечал, что это произошло тогда, «когда его социологические взгляды окончательно сложились, и Маркс на их выработку не оказал влияния». Это заключение понадобилось Колосову для того, чтобы утвердить свою идею о том, что к пониманию классовой борьбы Михайловский пришел самостоятельным путем, без влияния марксизма¹²². Для этого Колосов прибегал к весьма сомнительному приему, утверждая на основании одного из последних сочинений Михайловского, что «в его теории борьбы за индивидуальность помимо ее общего содержания, концентрирующего всю его социологию, вложено, в частности, признание в той или иной интерпретации идеи классовой борьбы».

Отвечая марксистам, выступавшим против теории борьбы за индивидуальность, Михайловский писал: «И любопытно, что авторы эти возлагают свои надежды на „классовое сознание“, „классовую точку зрения“, „классовую борьбу“». Следовательно, смотрят на классы как на индивидуальность; ибо что такое индивидуальность, как не целое, вступающее в отношения к внешнему миру, как обособленная единица»¹²³. Подобного рода высказываниями автор старался доказать идею о значительном месте классовой борьбы в мировоззрении сформировавшегося Михайловского. Но, желая доказать тождественность теории классовой борьбы с учением Михайловского, Колосов так комментировал «Капитал», что получалось, якобы эти же идеи, близкие Михайловскому, К. Маркс развивал в своем знаменитом труде. Таким образом доказывалась общность этих двух концепций. У К. Маркса — это научно обоснованная теория, тесно связанная с революционной практикой, у Михайловского — это оторванная от жизни схема, не имевшая серьезного научного обоснования и реального практического значения для борьбы в XX в. «Борись за права личности и за права народа, соединяя в своей борьбе отстаивание своей

индивидуальности с отстаиванием интересов социальных и классовых», — приводя подобные призывы Н. К. Михайловского, не имевшие ничего общего с учением о классовой борьбе, Колосов и другие пытались утверждать, что нет основания для противопоставления Маркса и Михайловского¹²⁴. Подобного рода аргументы и доводы Колосова еще раз убедительно доказывали, что народникам XX в. было выгодно спекулировать на идее близости воззрений Михайловского учению К. Маркса в условиях революционной ситуации 1917 г., когда марксизм показал свое реальное значение как теория и практика борьбы пролетариата, возглавившего революцию.

Оценивая объективное содержание и историческое значение учения Михайловского, В. И. Ленин писал в 1914 г.: «Эта теория была теорией утопического, мещанского социализма, т. е. *мечтанием* мелкобуржуазных интеллигентов, которые искали выхода из капитализма *не в классовой борьбе* наемных рабочих с буржуазией, а в *воззваниях* ко „всему народу“, к „обществу“, *то есть к той же буржуазии*». В. И. Ленин обвинял народников XX в. в том, что они «прикрывали» коренную ошибку Михайловского и тем самым запутывали теорию классовой борьбы: «Между тем только эта теория указала рабочим выход из их положения, указала, как сами рабочие могут и должны стремиться к своему освобождению»¹²⁵.

Изложение теоретической доктрины Михайловского Колосов завершал выводом: поскольку политическими реформами нельзя помочь народу, «нам надо все наше внимание направить на изменение материального положения народа, на реформы социальные». Поддерживая эту идею Михайловского, Колосов пытался изобразить дело так, словно «почти вся передовая русская интеллигенция 70-х годов» принимала этот либеральный, реформистский в своей основе тезис Михайловского, чуждый борьбе за преобразование общества революционным путем. Именно этот путь устраивал тех народников XX в., которые верно следовали за Михайловским в трактовке теоретических и практических вопросов современной борьбы¹²⁶. В изображении Колосова и народничество 70-х годов превращалось в заурядное либеральное движение, боровшееся за социальные реформы «сверху».

Следует сказать, что идеи Михайловского о борьбе за «правду-истину и правду-справедливость» пользовались большой популярностью среди народников различных течений, от крайне правых до левых, от энесов до эсеров-максималистов. Так, рассказывая в своих воспоминаниях о поиске путей борьбы, максималист Г. А. Нестроев отмечал влияние на формирование его сознания «Исторических писем» Лаврова, лучших статей Михайловского, Степняка-Кравчинского. «Я с любовью теперь вспоминаю о том, — писал Нестроев в 1910 г., — кто дал мне возможность практически пойти по пути к правде-истине и правде-справедливости». Эти же воспоминания Нестроева показывают, насколько далеки были народники-практики, террористы от споров, происхо-

дивших в «верхах» народничества, от их «теоретической» работы¹²⁷.

В феврале 1914 г. в газете «Путь Правды» была помещена статья В. И. Ленина «Народники о Н. К. Михайловском», в которой содержалась оценка литературы о Михайловском, появившейся к 10-летию его смерти. «Неудивительно, — писал В. И. Ленин в этой статье, — что либералы и буржуазные демократы восхваляют Михайловского, но невозможно оставить без протеста вопиющее извращение и развращение пролетарского классового сознания, когда пытаются выдать Михайловского за социалиста и доказать примиримость его буржуазной философии и социологии с марксизмом»¹²⁸. Этим занимались, как было показано, авторы из народнического лагеря, писавшие о Михайловском в 1900—1917 гг. Они постоянно и упорно преувеличивали заслуги Михайловского в истории русской общественной мысли 90-х годов XIX в., его реальное место в освободительном движении России в силу их классовой ограниченности. Научную оценку этого деятеля народничества дал В. И. Ленин. Он писал: «Великой исторической заслугой Михайловского в буржуазно-демократическом движении в пользу освобождения России было то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками сочувствие и уважение к „подполью“, где действовали самые последовательные и решительные демократы разночинцы, и даже сам помогал прямо этому подполью»¹²⁹. Подобное отношение к историческим заслугам Михайловского позволяло В. И. Ленину сделать вывод о том, что социал-демократы, большевики чествуют Михайловского «за его искреннюю и талантливую борьбу с крепостничеством»¹³⁰. Вместе с тем В. И. Ленин отмечал, что, будучи «горячим сторонником свободы и угнетенных крестьянских масс», Михайловский «разделял все слабости буржуазно-демократического движения» и конкретно показал, в чем они проявлялись. Однако особенно ценна для нас статья В. И. Ленина тем, что она содержала ответ на вопрос, как относятся русские марксисты к учению Михайловского. В 1914 г., отмечая тенденциозное отношение в либеральной и народнической литературе к идейному наследию Н. К. Михайловского, В. И. Ленин излагал свое мнение по этому поводу, которое в условиях идейной борьбы 900—910-х годов имело важное теоретическое, методологическое и практическое значение. В. И. Ленин писал: «Не только в экономической области, но и в философии и в социологии взгляды Михайловского были *буржуазно-демократическими* взглядами, прикрытыми *якобы* „социалистической“ фразой. Такова его „формула прогресса“, его теория „борьбы за индивидуальность“ и пр. В философии Михайловский сделал *шаг назад* от Чернышевского, величайшего представителя утопического социализма в России. Чернышевский был материалистом и смеялся до конца дней своих

(т. е. до 80-х годов XIX века) над уступочками идеализму и мистике, которые делали модные „позитивисты“ (кантианцы, махисты и т. п.). А Михайловский плелся именно за такими позитивистами. И до сих пор среди учеников Михайловского, даже самых „левых“ народников (вроде г. Чернова), царят эти реакционные философские взгляды»¹³¹.

В названной статье В. И. Ленин сформулировал оценку теоретических основ народничества, воззрений Н. Г. Чернышевского, Н. К. Михайловского и его последователей — народников XX в., указав на их реакционный характер и противоположность идеологии революционных демократов-шестидесятников, стоявших на материалистических позициях. В. И. Ленин подвел итог двадцатилетней борьбы марксизма с народничеством по важнейшим проблемам философии, истории, исторического прогресса и факторов, его определяющих. Он указал, что теоретические воззрения народников XX в. по вопросам общественного развития имеют глубоко реакционный характер, а их отношение к классовой борьбе, к социализму и путям борьбы за него не имеют ничего общего с наукой, поскольку строятся на базе утопических представлений либерально-народнического толка¹³².

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 25. С. 155.

² См.: Пешехонов А. На очередные темы: Основные положения нашей программы // Современность (Русское богатство). 1906. № 1. С. 102, 105 и др.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 7. С. 47.

⁴ См.: Алексеева Г. Д. Некоторые вопросы методологии изучения идейной эволюции и краха мелкобуржуазных партий в России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: Материалы конф. М., 1982. С. 36—40.

⁵ Делевский Ю. [Я. Л. Юделевский]. Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910. С. 1.

⁶ См.: Русская мысль. 1904. № 3. С. 133.

⁷ Колосов Е. Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. СПб., 1912. С. 333, 335 и др.

⁸ Чернов В. Памяти Н. К. Михайловского. СПб., 1905. С. 35. В письме к Н. С. Русанову (13 апреля 1896 г.) Михайловский признавал, что «русский марксизм, действительно, очень распространяется» (Былое, 1907. № 7 С. 136).

⁹ Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. СПб., 1904—1913 Т. 1—10; Он же. Последние сочинения. СПб., 1905. Т. 1—2; Он же. Революционные статьи. Берлин, 1906; Он же. Что такое прогресс? Пг., 1922.

¹⁰ См.: Указатель литературы о Н. К. Михайловском // Михайловский Н. К. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 1114—1143.

¹¹ Чернов В. Памяти Н. К. Михайловского; А. Красносельский. О нравственном учении Н. К. Михайловского // Современность. 1906. № 2; Колосов Е. Михайловский и русская революция. Б. м., б. г.; Он же. Взгляды Н. К. Михайловского на государство // Русское богатство. 1910. № 1; Он же. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского; Иванов-Разумник Р. В. Н. К. Михайловский (Центральный пункт мировоззрения) // Русская мысль. 1904. № 3; Русанов Н. С. Михайловский X-го тома // Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. Т. 10

¹² Н. К. Михайловский. Советская историческая энциклопедия. М., 1966 Т. 9. С. 519—521.

¹³ Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский. М., 1931. С. 35.

¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 545.

- ¹⁵ *Пешехонов А.* На очередные темы: Основные положения нашей программы // Современность. 1906. № 1. С. 106, 110, 126 и др.
- ¹⁶ На славном посту: Лит. сб., посвященный Н. К. Михайловскому. СПб., 1900. Предисл. С. 2.
- ¹⁷ В нашу задачу не входит рассмотрение народнической литературы о Михайловском, выходящей в XIX в., хотя она продолжала оставаться фактором острой идейной борьбы и в XX в., поскольку ею пользовались представители всех идейных течений.
- ¹⁸ На славном посту. С. 352.
- ¹⁹ Там же. С. 353, 356, 357, 368 и др.
- ²⁰ Там же. С. 357.
- ²¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 543.
- ²² На славном посту. С. 358—361.
- ²³ Там же. С. 360, 361. Один из организаторов партии эсеров М. Рафаилов основную идею социологической доктрины Михайловского трактовал как систему, в которой главное место занимает «понятие о человеческой индивидуальности, целостной человеческой личности» (Там же. С. 198).
- ²⁴ См.: На славном посту. С. 361—362, 364. Следует отметить, что Южаков один из первых в народнической социологии выдвинул идею конвергенции.
- ²⁵ Там же. С. 362, 364, 365, 368.
- ²⁶ Там же. С. 365—366.
- ²⁷ Там же. С. 366—367.
- ²⁸ Следует отметить, что историко-социологическая концепция Михайловского была предметом острой полемики не только между сторонниками и противниками народничества. С конца XIX в. в ней активное участие принимали представители различных воззрений. См.: *Ранский С. П.* [М. Ф. Суперанский]. Социология Н. К. Михайловского. СПб., 1901. С. 220—221 и др.; На славном посту. С. 353 и др.
- ²⁹ *Чернов В.* Философские основы учения Н. К. Михайловского // Философские и социологические этюды. М., 1907. С. 6.
- ³⁰ Там же. С. 7.
- ³¹ *Красносельский А. И.* Мировоззрение гуманиста нашего времени: (Основы учения Н. К. Михайловского). СПб., 1900. С. 2, 3.
- ³² *Ранский С. П.* Социология Н. К. Михайловского. С. 219.
- ³³ Там же. С. 5, 57—58, 36, 51—55, 63.
- ³⁴ Там же. С. 90.
- ³⁵ *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х—начала 80-х годов XX в. М., 1979. Гл. II. Время идейной зрелости Н. К. Михайловского Русанов определяет концом 60-х—началом 70-х годов. См.: *Русанов Н. С.* Михайловский X-го тома // Н. К. Михайловский. Полн. собр. соч. Т. 10. Стб. VII.
- ³⁶ Как правильно отмечал Колосов, по первоначальному плану статья «Борьба за индивидуальность» должна была иметь характер «цельного социологического трактата», однако таковой она не стала. См.: *Колосов Е. Е.* Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. С. 204. Тем не менее Колосов называл ее «центральной социологической работой Михайловского» (Там же. С. 205).
- ³⁷ Там же. С. 204.
- ³⁸ Там же. С. 206, 219.
- ³⁹ *Михайловский Н. К.* Последние сочинения. СПб., 1905. Т. 2. С. 398.
- ⁴⁰ *Колосов Е.* Михайловский и русская революция. С. 80—81.
- ⁴¹ *Михайловский Н. К.* О книге г. Бердяева с предисловием г-на Струве и о себе самом // Русское богатство. 1901. № 1. С. 77—97; № 2. С. 102—124.
- ⁴² Русское богатство. 1901. № 7, 8, 10—12.
- ⁴³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 98, 431 и др.
- ⁴⁴ *Бердяев Н.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. СПб., 1901. Предисл. П. Струве. С. II, VII, XIX.
- ⁴⁵ Там же. С. XX, XXI—XXII.
- ⁴⁶ Там же. С. XXXIII, XXIV и др.
- ⁴⁷ Там же. С. XXIV.
- ⁴⁸ Там же. С. I.
- ⁴⁹ Там же. С. I—II.
- ⁵⁰ Там же. С. 5.
- ⁵¹ Там же. С. 7.

- ⁵² См.: Там же. С. 8—9 и др.
- ⁵³ Там же. С. 8—10.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 14, 15.
- ⁵⁶ Там же. С. 16, 18.
- ⁵⁷ Там же. С. 20—28.
- ⁵⁸ Там же. С. 30—32, 46.
- ⁵⁹ Там же. С. 48, 49, 53. Эти идеи вызвали справедливую критику ряда авторов, пытавшихся с марксистских позиций оценить эту полемику. См.: *Ранский С. П.* Социология Н. К. Михайловского. С. 170 и др.
- ⁶⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 6. С. 16.
- ⁶¹ См.: Там же. Т. 1. С. 352—353 и др. Подробнее об этом см. *Шириков Л. В.* Разоблачение В. И. Лениным струвизма (1894—1901) // В. И. Ленин — основатель и вождь КПСС. М., 1960; Социологическая мысль в России. Л., 1978. С. 283—301
- ⁶² Русское богатство. 1901. № 1. С. 77.
- ⁶³ Там же. С. 78—85.
- ⁶⁴ Там же. С. 94, 112—113
- ⁶⁵ Там же. С. 122.
- ⁶⁶ *Чернов В.* Субъективный метод в социологии и его философские предпосылки, Н. Бердяев. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии: Критический этюд о Н. К. Михайловском с предисловием П. Струве // Русское богатство. 1901. № 7. С. 231, 232.
- ⁶⁷ Об этом свидетельствует включение в список изданий о Н. Михайловском трудов В. И. Ленина и Г. В. Плеханова. См.: *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. Т. 10. Стб. 1122, 1124, 1132—1133. О работе В. И. Ленина в этом указателе говорится, что это «одна из самых первых и самых резких по тону брошюр против М-го. Автор ее ныне один из лидеров левого крыла русской социал-демократии» (Там же. Стб. 1122).
- ⁶⁸ Русское богатство. 1901. № 7. С. 232, 233.
- ⁶⁹ Там же. № 8. С. 241, 255.
- ⁷⁰ Там же. С. 221.
- ⁷¹ См.: Там же. С. 222—225, 229, 233, 249, 255—257, 261 и др.
- ⁷² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 4.
- ⁷³ Русское богатство. 1901. № 7. С. 249; № 11. С. 118.
- ⁷⁴ Там же. № 1. С. 255, 256; № 7. С. 242—243, 247—248; № 11. С. 131, 132 и др.
- ⁷⁵ См.: *Иванов-Разумник Р. В.* Н. К. Михайловский: (Центральный пункт его мировоззрения). С. 156, 157.
- ⁷⁶ Там же. С. 158, 160, 163.
- ⁷⁷ *Колосов Е. Е.* Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. С. 207, 224, 225
- ⁷⁸ Там же. С. 228.
- ⁷⁹ Русская мысль. 1904. № 3. С. 162.
- ⁸⁰ *Кудрин Н. Н.* К. Михайловский как публицист-гражданин // Русское богатство 1905. № 1. С. 135, 136.
- ⁸¹ Там же. С. 138, 140.
- ⁸² Там же. С. 142, 143, 145.
- ⁸³ Там же. С. 145, 146.
- ⁸⁴ Там же. С. 149, 147, 150.
- ⁸⁵ Там же. С. 148—152.
- ⁸⁶ Там же. С. 156, 172.
- ⁸⁷ Там же. С. 164, 165, 172, 174—178.
- ⁸⁸ Там же. С. 177.
- ⁸⁹ Там же. С. 14.
- ⁹⁰ Там же. С. 18, 19, 22, 23, 39—47, 49, 52, 57.
- ⁹¹ Там же. С. 49—51.
- ⁹² Там же. С. 52, 57, 45.
- ⁹³ Русское богатство. 1905. № 6. С. 45.
- ⁹⁴ *Колосов Е. Е.* Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. С. 325.
- ⁹⁵ Там же. С. 326, 327.
- ⁹⁶ Там же. С. 329—333.
- ⁹⁷ Там же. С. 334, 339.

- ⁹⁸ Русанов Н. С. «Политика» Н. К. Михайловского // Былое 1907. № 7/19. С. 124—125.
- ⁹⁹ Другой биограф Михайловского — Е. Колосов считал, что личное участие Михайловского «в русском социал-революционном движении началось довольно поздно» — не раньше второй половины 70-х годов, когда он выпустил «Летучий листок», посвященный делу В. И. Засулич. См.: Колосов Е. Н. К. Михайловский. Пг., 1917. С. 44.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 125.
- ¹⁰¹ Е. Колосов отмечал, что в первой половине 70-х годов «между Михайловским и так называемой радикальной интеллигенцией были, несомненно, большие принципиальные разногласия, порой приводившие их к взаимным недоразумениям» (Колосов Е. Н. К. Михайловский. С. 45, 74). Однако Русанов считал возможным об этих фактах умолчать, хотя они получили отражение в «Воспоминаниях чайковца» С. С. Синегуба и др. См.: Былое. 1906. № 9/10
- ¹⁰² Там же. С. 125, 126.
- ¹⁰³ Там же. С. 126—128.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 128. Русанов вскользь отмечал крайне враждебное отношение Михайловского к Ткачеву и его воззрениям.
- ¹⁰⁵ Освещая теоретическую деятельность Михайловского в эти годы, Колосов писал, что эта работа доставляла ему, Михайловскому, «большое нравственное удовлетворение, силы его были тут богато использованы, и он не стремился ни к чему иному, как лишь к дальнейшему руководству идейным движением с высоты своей журнальной трибуны» (Колосов Е. Н. К. Михайловский. С. 48).
- ¹⁰⁶ Следует отметить, что сам Русанов называл себя сторонником «идей революционного социализма», не раз отмечая, что они не расходились с Михайловским во взглядах «с социалистической точки зрения». См.: Былое. 1907. № 7/19. С. 135.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 136.
- ¹⁰⁸ Об этом высказывании Михайловского В. И. Ленин напоминал в своей статье 1914 г. «Народники о Н. К. Михайловском». См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 336.
- ¹⁰⁹ Колосов Е. Михайловский и русская революция. С. 75, 81—83.
- ¹¹⁰ Там же. С. 82.
- ¹¹¹ См.: Бердяев Н. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. С. 264.
- ¹¹² Колосов Е. Е. Очерки мировоззрения Н. К. Михайловского. С. 363, 364.
- ¹¹³ Пешехонов А. Программные вопросы. II. Исторические предпосылки. СПб., 1907. С. 15—17, 11.
- ¹¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 320—321.
- ¹¹⁵ Там же. С. 323.
- ¹¹⁶ Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. С. 5.
- ¹¹⁷ Там же. С. 5—7 и др.
- ¹¹⁸ Там же. С. 6, 7.
- ¹¹⁹ Там же. С. 8, 10, 12.
- ¹²⁰ Там же. С. 14—16, 40.
- ¹²¹ Там же. С. 15, 12.
- ¹²² Там же. С. 30—31.
- ¹²³ Е. Колосов ссылался на «Последние сочинения» Н. К. Михайловского. (Т. 2. С. 339). См.: Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. С. 32 и др.
- ¹²⁴ Там же. С. 28, 34—37.
- ¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 321.
- ¹²⁶ Колосов Е. Е. Н. К. Михайловский. С. 42, 58.
- ¹²⁷ Нестроев Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 9, 50, 54.
- ¹²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 333.
- ¹²⁹ Там же. С. 333, 334.
- ¹³⁰ Там же. С. 336.
- ¹³¹ Там же. С. 334—335.
- ¹³² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24. С. 321.

РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг.
И НАРОДНИЧЕСТВО

*

Первая буржуазно-демократическая революция стала серьезным экзаменом для всех идейных течений, политических партий и группировок, существовавших в России в начале XX в. Она не только подвела итоги предшествующей идейно-теоретической работе различных лидеров и идеологов, решительно отвергла утопические идеи о возможности «добраго мира» и соглашения между различными социальными силами, о возможности радикальных реформ «сверху» во имя интересов всего общества и «классового мира», она поставила новые проблемы революционной теории и практики, которые требовали четкого и ясного ответа от лидеров различных политических лагерей. В сфере идеологии и социальной практики такими вопросами стали: оценка самой революции, ее развития, итогов и причин поражения, роль в революционном процессе пролетариата, интеллигенции, различных слоев крестьянства, состояние и поведение различных политических партий, их борьбы за массы, ее итоги и перспективы, будущее аграрного строя России, возможные реформы и радикальные изменения, выбор альтернативы для российского крестьянства, путей аграрного развития страны (роль государственной политики, общины, кооперации, индивидуального и коллективного крестьянского хозяйства и др.). Острее, чем прежде, зазвучали требования демократизации страны, государственного устройства, правового положения личности, вопросы конституции и республики, перспективы развития старых и создания новых социальных институтов (земство, община, Учредительное собрание и др.). Для политических партий первостепенное значение приобрели программные вопросы (аграрный, национальный, политический), программы максимум и минимум, а также проблемы тактики (стачки, вооруженное восстание, террор, демонстрации, петиции, парламентские формы и др.). Идеино-теоретическая полемика среди всех идейных течений приобрела особенно острый характер в 1905—1907 гг. между представителями всех направлений, превратившись в борьбу монархистов, либералов, народников, социал-демократов, анархистов. Столкновения по вопросам экономики и политики оказались теснейшим образом связанными с идейно-теоретическим противоборством различных идейных направлений, что свидетельствовало о характере и достаточно высоком уровне всей интеллектуальной жизни страны и ее идеологов, выражавших интересы различных социальных слоев. По-видимому,

это явление характерно для всех по-настоящему крупных социальных потрясений, включая и революции, которые задевают самые глубинные процессы общественного бытия, и Россия в этом отношении не была исключением.

Для представителей всех идейных направлений того времени был важен вопрос о судьбах крестьянской демократии в России, ее роли в революционном процессе, о перспективах развития народничества и его идеологии, поскольку за крестьянские массы боролись все политические партии, понимавшие их роль в современном обществе. Не были в этом отношении исключением и большевики, рассматривавшие левонародничество как необходимого союзника пролетариата в борьбе за победу не только буржуазно-демократической, но и социалистической революции, тогда как либеральное народничество все больше превращалось в союзника буржуазии, что признавали даже народники, поэтому с ним необходимо было бороться решительным образом ради успеха революции.

Сами народники считали, что в 1905—1907 гг. они пережили один из самых тяжелых периодов, оказавшись в состоянии идейного и организационного распада, который они не смогли ликвидировать до конца своего существования¹.

Оценки, которые давали народничеству В. И. Ленин и большевики в начале века, в полной мере подтвердились в 1905—1907 гг., что еще раз свидетельствовало о научном характере марксистской концепции народничества, о возможности на ее основе предвидеть и прогнозировать перспективы развития различных идейных течений, включая и народничество, чего не хотели признать и понять теоретики крестьянской демократии.

Как уже отмечалось, под влиянием революционных событий партия эсеров распалась. Из нее выделились две самостоятельные партии, получившие название эсеров-максималистов и народных социалистов. Лидеры каждой из них приступили к выработке своих теоретических позиций, программ и тактических установок². Позднее лидер партии энесов А. В. Пешехонов объяснял этот раскол внутренним кризисом партии эсеров, который проявился в расхождениях по ряду спорных вопросов. Среди них он называл программные и тактические расхождения: захват крестьянами помещичьих земель, конспиративное, или легальное существование партии, действия боевиков, применение террора. В том же сочинении он отмечал и такой факт, как переход в партию кадетов части отколовшихся от эсеров энесов, писал, что массовой партией энесы тогда не стали, но могут превратиться в таковую после 1917 г.³

В. И. Ленин внимательно изучал процессы, протекавшие в народническом лагере, что позволяло ему объективно оценивать союзников и противников пролетарского движения. В статье «Эсерствующие меньшевики» (1906) В. И. Ленин рассматривал образование трех партий как появление трех течений: левого — максималисты, центристского — эсеры старого типа, правого —

трудовые народные социалисты, как «идейное и политическое распадение партий с-р». Для В. И. Ленина это было показателем идейной эволюции народников, явлением большого классового значения. «Распадение сторонников „трудового начала“, — писал он, — поклонников Лаврова и Михайловского, на три направления представляет из себя крупный политический факт в истории русского мелкобуржуазного радикализма. Марксисты должны со всем вниманием отнестись к этому факту, проливающему свет косвенно и на то, в каком политическом направлении зреет мысль просыпающегося русского крестьянства». Говоря о поведении народников в кадетской Думе, В. И. Ленин констатировал, что способность «мелкого производителя к политической сплоченности... оказалась несравненно меньше, чем у рабочего класса»⁴.

Изучение идейной эволюции народничества в 1905—1907 и последующих годах имеет два важнейших аспекта. Первый — это отношение народников и их лидеров к событиям 1905—1907 гг., оценка характера и итогов первой народной революции эпохи империализма и перспектив развития революционного процесса в России. Второй — влияние революции на народническую социологическую доктрину, т. е. в какой мере эта теория подтвердилась событиями революционной эпохи, в какой степени она была ими разрушена и какие попытки предпринимались для ее обновления и реставрации идеологами народничества. В связи с этим представляют интерес оценки народниками состояния и перспектив своей теоретической деятельности после поражения революции 1905—1907 гг. Ответы на все эти вопросы дает изучение выступлений видных деятелей народнического движения по проблемам революции и ее итогов и оценки В. И. Ленина революционного периода деятельности лидеров и теоретиков.

Первая реакция народников на начавшуюся в России революцию была весьма своеобразной и далекой от понимания и глубокой оценки бурно развивавшихся событий. По-разному отнеслись к революции и ее насущным проблемам представители либерального течения и левонародники, проявив в полной мере свою классовую сущность. Революция была воспринята многими из народников как историческая аномалия, как нечто случайное, ненужное, мешающее спокойно жить и рассуждать об антагонизмах, «социальной солидарности», о «борьбе за индивидуальность». Особенно характерны были подобные оценки для правого крыла народников — либералов, энесов, правого фланга эсеров, выступавших на страницах журнала «Русское богатство». Реакция этого журнала на события 1905 г. была весьма противоречивой, создавалось впечатление об упорном нежелании освещать революционную борьбу масс. Лишь с конца 1905—начала 1906 г. стали появляться материалы о происходивших в стране революционных событиях, содержавшие некоторые факты и, как правило, их весьма субъективные оценки. Пример того — статья либерального народника С. Южакова «Год 1905», подводившая итоги этого исторического года.

Статья Южакова начиналась весьма примечательными для лидеров этого народнического течения словами: «Тяжелый год завершился 31 декабря, год, полный неопишемого ужаса, крови и слез. Завершился 31 декабря ужасный год и передал кровавое наследство новому году, начало которого также полно неопишемого ужаса, крови и слез. . . 1905 год надолго останется памятен русскому народу». И далее: «. . . закончился год, в полном смысле слова ужасный, через край переполненный позором, страданиями, гибелью, но вместе с тем сияющий неувядаемой лучезарной славой, неоценимыми жертвами, великими подвигами. Лучи этой славы прорезывают тучи злодейства и насилия и далеко вперед освещают исторические пути русского народа»⁵. В подобного рода характеристики, весьма нечеткие, хотя и многословные, включалось все разнообразие событий — и революционная борьба трудящихся масс, начавшаяся мирным походом к царю 9 января, и расправа властей с народными выступлениями, и поражение России в русско-японской войне, и неудачи царизма во внешней политике, и внутренняя политика правительства, сочетавшая мелкие уступки с мерами по сохранению в неизменном виде устоев старого режима. Самым ценным в этой работе было разоблачение самодержавия. Огромная орда, писал Южаков, «мелких и крупных хищников хваталась за последние иллюзии для сохранения своей власти и своей корысти. Ради этого мы продолжали убийственную разорительную войну и пришли к позорнейшему в нашей истории миру». Фактически все события внутренней жизни страны автор связывал лишь с одной проблемой — поражением царизма на Дальнем Востоке.

Освещение всех процессов и событий, предшествовавших 1905 г., сводилось Южаковым к типичному для народника объяснению, основанному на социологической, оторванной от реальной жизни доктрине и мелкобуржуазном патриотизме, проявившемся в оценке «позорного мира». «Всемирно-историческая проблема, — утверждал свои идеи Южаков, — предстоявшая год тому назад тогда новому 1905 году, ясностью математической аксиомы укладывалась в двухчленную формулу: мир на Дальнем Востоке и обновление России, политическое и социальное»⁶. Вторая часть этой формулы содержала столь неопределенную идею, что ее можно было трактовать как сочувствие революционному обновлению России, если бы не другие оценки автора, весьма четко выраженные в этой статье. Они касались, во-первых, поддержки Южаковым политики министра внутренних дел Святополка-Мирского, которая изображалась автором так, словно правительство «осудило существующий режим и заявило о доверии к обществу, которое само уже начало объединяться в движение за реформы». Южаков усматривал его в земском съезде, в банкетах, в оживлении оппозиционной прессы и других фактах такого же типа. При подобном освещении событий естественным являлся вывод о неожиданности 9 января, вызванного якобы неудачными попытками царизма «незначительными уступками и значительными, но неопределен-

ными обещаниями остановить все разраставшееся движение»⁷. В подобного рода оценках предреволюционных событий Южакова отразилось непонимание того факта, что меры и полумеры правительства (Указ 12 декабря 1904 г. и др.) имели целью мелкими уступками ослабить оппозиционное движение, тогда как для расправы с революционным народом оно оставляло пули и нагайки. Это и показали события 9 января 1905 г.

Ряд позиций народников, в том числе и Южакова, имеют принципиальное значение, поскольку они позволяют раскрыть отношение народников к массовой революционной борьбе. Признавая, что 9 января положило начало массовому народному движению, Южаков делал весьма интересный вывод; «С того памятного кровавого дня начинается параллельно с общественным освободительным движением народное революционное движение». Перечисляя важнейшие факты революционной борьбы от июньских событий в Одессе, в частности восстание на броненосце «Потемкин», до аграрных волнений в деревнях осенью 1905 г., Южаков отмечал: «... общественное освободительное движение сказалось в это время рядом съездов и заметным отклонением от народного движения». Желая того или нет, Южаков правильно констатировал факт отрыва деятелей освободительного движения, к которому он относил и все народничество России, от массового революционного движения рабочих и крестьян. Большинство лидеров народничества заняли позиции сторонних наблюдателей, фиксаторов событий, не проявив ни малейшего желания вмешаться и как-то повлиять на их исход. Публикации в народнических изданиях носили, как правило, весьма далекий от жизни характер, привлекались отдельные факты, лежавшие на поверхности, без каких-либо попыток анализа, сравнения и оценки процессов, обобщения опыта и практических выводов на будущее. Об этом убедительно свидетельствуют те проблемы, которые Южаков ставил в связи со стремлением предсказать будущее, ход дальнейших событий в наступившем — 1906 г. В их числе были такие: «Будет или не будет Дума? Будет или не будет новое издание пугачевщины? Будут или не будут деньги для государственного хозяйства? Будет или не будет война? Будет или не будет существовать русское царство после всего, что произошло и что может произойти?»⁸ И все эти вопросы завершались весьма характерным для народников XX в. выводом: «Гибель или спасение — такова дилемма для России, поставленная ныне развивающегося историей 1906 года. Что ее толкает к гибели, все знают, что ведет к ее спасению, все знали вчера; кто знает сегодня?». Эти идеи пронизывали все выступления либеральных народников, писавших о событиях 1905 г.

Ни на один вопрос, поставленный перед политическими партиями и деятелями освободительного движения в 1905 г., народники не могли дать ответа, хотя и предпринимали самые различные попытки. Так, Пешехонов, стремясь определить задачи революции, выступал против марксистской оценки ее буржуазно-демок-

ратического характера. «Нет! — восклицал он. — Русская революция пройдет под знаменем социализма. Для нее есть только один выход: восстановить права человеческой личности и обеспечить интересы трудового народа — такова ее задача»⁹.

В одних случаях итоги и уроки революции сравнивались с пугачевщиной, с событиями в Европе, с Францией XVIII в. и Германией 1848—49 гг., в других — рассматривалась не сама революция, а пресса, «общественное мнение» различных направлений о событиях и возможных итогах революции в России, в третьих — освещение сводилось к правительственной политике, направленной на подавление революционных выступлений масс «в целях окончательной ликвидации революции»¹⁰.

Один из лидеров энесов А. Петрищев так выражал свое отношение к революции: «Мы видели необыкновенный общественный подъем, веру в святыне идеалы свободы, горячую надежду на победу. Теперь — упадок, бессильный скептицизм и безнадежность, граничащая с отчаянием. Это различие мы не только видим, но и чувствуем». С такого же рода заключениями о революционной эпохе, о событиях 1905—1906 гг. выступал и Пешехонов в своих статьях по программным вопросам. Подобные трактовки революции стали наиболее распространенными в работах народников-либералов, где фраза явно преобладала над смыслом.

Типичными для либералов было и отношение к массовому революционному движению, составлявшему главное содержание всего процесса революции. Связывая с выступлениями трудящихся важнейшие события того времени, народники из «Русского богатства» писали о них либо с большой сдержанностью, либо резко отрицательно, изображая революцию в виде «массового аффекта», «ежедневных разрозненных и случайных вспышек»¹¹. Один из организаторов и идеологов партии энесов С. Я. Елпатьевский в статье, посвященной дворянству и аграрному движению в деревне, ставил такой вопрос: «Почему давние соседские отношения окончились поджогами и разрушениями усадеб, грабежом имущества и диким вырезыванием скота, с одной стороны, с казацкими нагайками, пулеметами и пулеметными генералами — с другой стороны». Считая себя выразителями интересов крестьянства, или «трудового народа», либеральные народники типа Елпатьевского старались занять позицию постороннего, объективного наблюдателя событий. «Мне не хотелось быть ни адвокатом, ни прокурором, — писал Елпатьевский, — я желал только спокойно и объективно разобраться во всей той страшно напряженной атмосфере сегодняшнего дня в деревне». Всесторонний анализ и объективную оценку острой классовой борьбы в деревне, стремления крестьян решить аграрный вопрос авторы названного направления подменяли словесной эквилибристикой, рассуждая об особом типе консерватизма русского дворянства, о «человеке чести и совести», воспоминаниями о дворянстве 80-х годов, о городском и земском самоуправлении, о помещичьих усадьбах как культурных уголках.

Поставив вопрос о «характере аграрных движений»¹², Елпатьевский писал обо всем, кроме состояния земельного вопроса, который был главной причиной революционных выступлений крестьян. При этом автор ссылаясь на более или менее распространенное мнение, что «это движение стихийное, мало осмысленное, взрыв отчаяния, с одной стороны, и мало резонное и продуктивное стремление реализовать вековечную крестьянскую мечту о земле — с другой стороны. Более или менее общее мнение, что это только аграрные беспорядки, что под ними лежат только экономические интересы, только экономические запросы». Негативное отношение к аграрному движению проявлялось не только в подобного рода рассуждениях автора, оно выражалось и в том, что он отрицал возможность осуществления аграрных преобразований революционным путем. Революционным средствам он противопоставлял — иное: «единственный путь решения этого вопроса — государственный путь», т. е. посредством реформ, осуществляемых правительством и господствующими классами. Успех этого он видел в сочетании «страстности стремления и воли» с «подъемом личности, с осмысленностью движения, с подъемом политического самосознания». Главная роль в этом процессе, естественно, автором отводилась интеллигенции, которая должна направить свою деятельность «на поднятие политического самосознания крестьянства. Остальное у него имеется»¹³.

И вместе с тем за всей этой пестрой фразеологией скрывалась реальная классовая позиция народников-либералов. Говоря о поведении различных социальных сил, Петрищев отмечал, что интеллигенция «переутомилась», понесла большие потери, тогда как «брожение в массах народа не может улесться, пока не осуществлены жизненно необходимые для страны социально-политические реформы»¹⁴. Вера в возможность проведения царской администрацией социальных реформ, способных изменить ход общественного развития, придать ему «политическое и социальное» обновление — таков главный вывод, который делали народники-либералы, обобщая опыт и итоги борьбы 1905—1907 гг. Такой подход полностью отвергал идею революционного преобразования жизни, радикального изменения всех ее основ. Не революция, а реформа «сверху» — самый приемлемый для либералов-народников путь развития страны.

В апреле 1907 г. по поводу подобного рода рассуждений либералов В. И. Ленин писал: «Не видано еще в истории человечества таких примеров, чтобы господствующие и угнетающие классы добровольно отказались от своих прав на господство, на угнетение, на тысячные доходы от закабаленных крестьян и рабочих»¹⁵. Энесы считали себя партией народного социализма, хотя из всех народнических организаций XX в. они стояли от него дальше всех. Тем не менее они предпринимали попытки для его обоснования, особенно убежденно доказывая, что переход к социализму возможен в России мирным путем, без революции, при активном содействии реформам «сверху». Этими вопросами занимался один

из идеологов и организаторов партии энесов А. В. Пешехонов, часто выступавший на страницах журнала «Русское богатство», ставшего главным партийным органом либеральных народников. Все животрепещущие вопросы революции получили у него весьма своеобразное освещение. Вместо анализа классовой борьбы и хода революции, роли в этом процессе новой партии Пешехонов пускался в весьма далекие от жизни и ее насущных задач рассуждения. Он писал в марте 1906 г.: «Мы знаем, какое громадное расстояние лежит между должным и сущим, между идеалом и действительностью, между тем, что преподносится в нашей мысли, и тем, что окружает нас в жизни. Нам знакома эта глубокая антитеза, которая издавна волнует человеческие сердца»¹⁶.

Выход из этого противоречия между идеалом и действительностью, которому придавалось самодовлеющее значение, Пешехонову виделся в «инстинкте самосохранения» и в превосходстве человека над окружающим миром. Автор усматривал его в способности людей к сотрудничеству, которое, «не ограничено ни временем, ни пространством». В разгар острейшей классовой борьбы, когда в ходе революции до предела обнажились социальные антагонизмы, Пешехонов выступал все с теми же старыми, давно обветшавшими народническими идеями о сотрудничестве как главном факторе социального прогресса, о взаимопомощи и поддержке. Пешехонов уверенно утверждал, что «наступит время, когда все человечество сплотится в одно неразрывное целое и составит одно общество». Главным элементом единения Пешехонов называл сознание. «На это сознание и считает необходимым опереться наша программа, в нем она и видит тот мост, который должен быть перекинут между сущим и должным»¹⁷.

Рассуждая о взаимодействии абстрактного человека с таким же абстрактным обществом, которому человек якобы противопоставляет свою волю, «если естественный ход вещей» нарушает его интересы, Пешехонов пытался утвердить идеи, весьма далекие от реальной жизни и научного объяснения протекавших в обществе процессов. Это проявилось и в его мнении о том, что якобы по отношению к внешнему миру человек «является прирожденным и при том в большей мере, чем какое-либо другое живое существо, — революционером». Так Пешехонов объяснял истоки революционности народных масс, подменяя социально-экономический анализ классовых антагонизмов, характер и формы их проявления рассуждениями о том, что, отстаивая свои интересы, каждый человек противопоставляет себя другим людям. Стремление к удовлетворению своих потребностей за счет других приводит, по мнению автора, к «неизбежной борьбе личных интересов в человеческом обществе». В результате борьбы «личных интересов» появляется дифференциация общества, его распад «на эксплуататоров и эксплуатируемых, господство немногих, сильных, над множеством слабых». Поскольку в дифференцированном обществе человеческая личность не может развиваться гармонично, утверждал Пешехонов, она, естественно, регрессирует. В одних

случаях это происходит от праздности и пресыщения, в других — от изнурения и истощения. Борьба индивидуальными силами не может обеспечить победу человеческой личности. Поэтому, рассуждал Пешехонов, борьба за существование — «фактор биологического порядка — в социальной среде приобретает на почве сотрудничества и объединения общими интересами групповой характер»¹⁸.

Несмотря на революционные потрясения 1905—1907 гг., до предела обнажившие классовые противоречия в обществе, проявившиеся в баррикадных боях в городах и массовом крестьянском движении в деревне, о чем писал и сам Пешехонов, либеральные народники продолжали в теории отстаивать старую социологическую схему «человек—общество», а все отношения характеризовать как групповую солидарность на почве общности интересов, игнорируя реальные классовые отношения и противоборство различных социальных сил. Из весьма далеких от науки рассуждений Пешехонов делал практический вывод: «Использовать эту групповую борьбу в интересах своей конечной цели, осветить ее в этих видах светом коллективного сознания, придать ей, таким образом, революционный характер, — и считает необходимым наша программа». В связи с этими задачами партия, писал Пешехонов, намерена опираться на те общественные группы, интересы которых совпадают с интересами человеческой личности, а «такими в общественной борьбе являются все те группы, которые являются угнетенными и обездоленными».

Эти весьма примитивные рассуждения о бедных и богатых Пешехонов снабжал еще и дополнительными идеями о классовой борьбе, которая «затрагивает интересы труда, т. е. самые существенные интересы личности». Даже такое убогое признание наличия в обществе классовой борьбы народники-либералы типа Пешехонова оговаривали условиями, которые означали ее полное отрицание. Пешехонов делал это утверждениями о наличии в обществе других видов борьбы, об ограничении ее рамками «групповой борьбы — борьбы внутри человеческого общества»¹⁹. Объединенной революционной борьбе широких масс трудящихся народники противопоставляли идеи совместных действий, в которых видную роль должны сыграть и «индивидуальные усилия каждой личности, и объединенные силы всего трудящегося человечества». Так изображались перспективы борьбы за социализм и отвергался классовый характер программы партии энесов, которые считали себя защитниками общечеловеческих интересов. Осенью того же 1906 г. В. И. Ленин писал, что взглядам Пешехонова «нельзя отказать в цельности, стройности, законченности», что идеологи подобного типа выступают теоретиками и защитниками «трудового социализма», что его идеологи «подлаживаются к интересам хозяйственного мужичка, подделывают социализм под его интересы». Подобного рода рассуждения Ленин называл «социализмом мелкого лавочника», а его теоретиков — идейными «выразителями реакционных сторон крестьянского хозяйства»²⁰.

Следовательно, революционные события 1905—1907 гг. ни в коей мере не повлияли на основы социологической концепции правых народников. Как и прежде, они отстаивали идеи о важности сотрудничества, о реформах как главном направлении борьбы за социализм. Социализм для этих народников, — писал В. И. Ленин — это «перспектива, уходящая в даль»²¹. Они ратовали за радикальные изменения, которые могут произойти вне классовой борьбы, вносящей якобы в общество анархию, разлад, нежелательные последствия в виде реакции, последовавшей за годами революционного подъема. Как и другие народники, энесы не понимали того факта, что сменившая революцию 1905—1907 гг. реакция была следствием не самой революции, а реакционной антинародной политики правящих классов, расправлявшихся с народом и его лидерами из-за боязни потерять власть и классовые привилегии. Для народников революция и реакция стали явлениями взаимосвязанными, а потому нежелательными, опасными, которые можно якобы избежать разумной политикой — правительственными реформами. Таков конечный вывод либералов-народников, сделанный из опыта борьбы 1905—1907 гг. Позиции либералов-народников оставались такими же, как и в XIX в., которые В. И. Ленин характеризовал как «политическое лакейство „друзей народа“ и их готовность идти на компромиссы»²². Отрыв от реальной жизни, неспособность преодолеть иллюзии и «искать опоры в действительном, а не в желательном развитии России», бесконечные разглагольствования о «народном строе», «о широких идеалах», «об идеальной постановке вопросов жизни» — таковы характерные черты энесовских теоретических писаний в годы революции²³.

Иные оценки революции давали представители левонароднического течения. Их отношение к проблемам революции, ее задач, характера, значения, возможных и реальных итогов заметно отличалось от либерально-народнических, реформистских воззрений. Главное расхождение было в том, что идеологи левонародничества связывали с революцией надежду на коренные изменения во всех сферах жизни общества. Поэтому раскол, наметившийся в лагере народничества, отражая социальные позиции различных слоев, был связан с отношением к начавшейся революции, с оценкой тактики и роли партии эсеров в бурно развивавшихся событиях.

Проявлением раскола партии эсеров стала группа «Молодых социалистов-революционеров», созданная активным левонародником Е. Устиновым (Лозинским). В 1906 г. они оформились в «Союз социалистов-революционеров максималистов»²⁴. С целью пропаганды своих взглядов, отличных от эсеровских, они стали издавать «Вольный дискуссионный листок», содержание которого в полной мере отразило глубокий идейный раскол среди народников эсеровского толка. Анализ его материалов позволяет раскрыть характер споров и расхождений в среде народнических идеологов в связи с революцией.

В мае 1905 г. вышел первый номер «Вольного дискуссионного листка». В редакционной статье делалось весьма примечательное признание, что события 1905 г. захватили партию эсеров врасплох. К этому времени, отмечалось в статье, партия смогла «наметить лишь кое-какие основные свои решения, но не успела окончательно самоосознаться и разобраться в целом ряде самых сложных и запутанных проблем, выдвигаемых русской революцией». Партия социалистов-революционеров не ответила на них в партийной литературе, поэтому существует «в рядах нашей партии еще большая неясность, неспетость и несогласованность». В статье откровенно ставился вопрос: «Что делать, если последняя [революция] застигает врасплох целую политическую партию, имеющую пока еще не программу, а лишь проект программы, и при том проект, вызывающий в недрах самой партии целый ряд трений и разногласий?»

Здесь же предлагалось обсудить в широкой и свободной дискуссии программные и тактические вопросы, от которых зависит «весь тон и характер нашей деятельности в ближайшую русскую революцию»²⁵. В перечень этих вопросов были включены следующие:

«1) Наше отношение к вопросу об участии социалистов-революционеров в буржуазном парламенте. . .

2) Какую революцию мы, с-р, собственно, намерены совершать: буржуазную или социалистическую, быть может, еще какую-либо третью, гибридную? На этот вопрос еще не дано нашей литературой вполне определенного и ясного ответа.

3) Каково наше отношение к возможности революционной коммуны в городе, наподобие Парижской 1871 г., и какова должна быть соответственно этому наша коммунальная программа?

4) Вопрос о нашем участии во временном правительстве.

5) Вопрос о программе-минимум и максимум, взятый с его самой важной, а именно практической стороны.

6) Наше отношение к российскому либерализму, социал-демократизму и анархизму.

7) Наше отношение к аграрному и вообще экономическому террору и т. д.»

Эти вопросы, отмечалось в «Листке», поставлены самой жизнью, «настойчиво требующей от нас ясных и строго определенных ответов». И хотя вся эсеровская литература всегда пестрела идеями о свободе мысли, тем не менее члены группы молодых социалистов-революционеров не без основания высказывали надежду на то, что и взамен прежней централизации идейной жизни наступает новая благодетельная пора ее децентрализации, под общим, конечно, контролем центральных выборных учреждений партии». Однако эти надежды и намерения «оживить умственную жизнь» путем широкой дискуссии по принципиальным вопросам революционной борьбы не оправдались. Вышло всего три номера «Листка», ибо верхи партии эсеров встретили его враждебно. Несмотря на непродолжительность существования, «Листок»

в полной мере отразил характер эсеровской демократии. Декларируя право на свободомыслие, членов партии эсеров, посмеявших заявить о слабости теоретической работы по вопросам революции, программы и стратегии, максималисты предлагали исключить из партии. «Листок» смог дать некоторые ответы на поставленные в его первом номере проблемы. Одним из таких ответов была статья, подписанная Л. и названная «Буржуазная или социалистическая революция?» В числе нерешенных и неясных были названы важнейшие вопросы: «За что мы боремся? Против кого мы боремся — теперь, в настоящую минуту? Какова наша концепция надвинувшейся на нас вплотную великой русской революции?»²⁶

Отвергая социал-демократическую (меньшевистскую) трактовку революции как буржуазной, предоставляющей якобы простор для развития капитализма в России, максималисты пытались сформулировать свое понимание задач и характера революции. Оно содержалось в тезисе: «Русская революция не должна и не может стать у нас орудием насаждения буржуазного господства, не должна и не может быть революцией буржуазной. У нас революция может быть совершена лишь народными силами, стремящимися прежде всего или преимущественно к полному экономическому освобождению. Настоящая революция имеет в виду не только свержение самодержавия, не только завоевание так называемой политической свободы, но и свержение буржуазного самодержавия, экспроприацию экспроприаторов в аграрной среде и передачу земли в коллективное владение общин. . . мы боремся в один и тот же момент и против самодержавия и против буржуазии: мы предпринимаем великое дело Великой Русской Социалистической Революции».

Разъясняя далее задачи и характер начавшейся в 1905 г. революции, эти левонародники выдвигали идею экспроприации не только земли, но и всех орудий производства, считая, что в условиях буржуазного строя «стомиллионная масса крестьян даже и после социализации останется в кабале у капитализма»²⁷. Эти во многом верные требования максималисты дополняли провозглашением главным средством борьбы террор — аграрный, фабричный, индивидуальный, который мог вызвать только анархию и новые репрессии.

Критикуя эти радикальные требования левонародников, В. И. Ленин писал в 1906 г.: «Сторонники революционных тенденций народничества заявили: почему требовать социализации одной только земли? Мы требуем социализации фабрик и заводов точно так же! Долой программу-минимум! Мы максималисты! Долой теорию товарного производства!»

По сути дела это максималистское течение почти сливается, как и следовало ожидать, с анархизмом»²⁸. Эта ленинская оценка в полной мере подтвердилась в будущем в их концепции всеобщего разрушения, в тактике террора, который они проводили. В целом концепция этой группы левонародников оставалась утопиче-

ской, ибо она была рассчитана на «социализм» крестьянских масс. «У нас, — писалось в „Листке“, — восставший сознательный крестьянин развернет знамя социалистической революции, а несознательный не окажет ей никакого сопротивления. Вся восставшая аграрная Русь покроется бесконечной сетью революционно-социалистических коммун, совершающих еще более смело, чем это делала Парижская Коммуна, великое дело экономической и политической эмансипации, по-своему, по-дурачки, по-мужицки, не дожидаясь чужой указки из Москвы или Питера». Здесь же высказывалась надежда на поддержку этого движения городскими рабочими. Результатом этого будет союз рабочего народа с революционно-социалистической интеллигенцией против дряблой и трусливой буржуазии. Эта борьба, утверждали левонародники, завершится провозглашением «всеобщей революционной коммуны, которая дает возможность приступить к коренным (хотя бы и постепенным) социалистическим преобразованиям», «к экспроприации и коммунализации городских фабрик и заводов».

Развивая идеи о возможности коммунального социализма в России, левонародники утверждали: «Ни сознание народных масс, ни соотношение общественных сил в России в день конечного торжества революции не могут послужить препятствием к постепенному насаждению у нас не капитализма, не буржуазного господства, нет, а социализма, народоправства в истинном, не фальсифицированном смысле этого слова». Авторы этих положений называли свои воззрения «специфической, оригинальной концепцией ближайшего переворота»²⁹. А в подтверждение ее верности приводились не факты, не теоретические и логические доводы, основанные на глубоком анализе реальной действительности, а вера. Об этом свидетельствовала выдвинутая ими альтернатива: «Или мы верим в социалистические, полусоциалистические, общинно-трудовые традиции, воззрения и стремления наших народных масс и тогда мы должны признать готовность к социалистической революции, или не верим и тогда. . . мы не верим в самих себя в самые отчаянные идеи своего политического миросозерцания». Исходя из этих позиций, левонародники предлагали пересмотреть программу, углубить и расширить «внесением в нее пункта об экспроприации и коммунализации городской земли и всех, находящихся на ней фабрик и заводов». С этих позиций левонародники опровергали идеи Мартынова и других авторов из меньшевистской «Искры», отрицавших возможность победы социалистической революции в России³⁰.

Следует отметить, что при всех расхождениях между меньшевиками и эсерами, особенно по крестьянскому вопросу, народники редко выступали против меньшевистских взглядов на революцию в России, лишь самые левые из них, в том числе эсеры-максималисты, решительно осуждали меньшевистские идеи о преждевременности социалистической революции в России. Для этой группы эсеров характерно резко отрицательное отношение к реформам, на которые рассчитывали энесы и деятели правого крыла эсеров.

В одной из статей «Листка» справедливо отмечалось в связи с этим: «Наше убеждение в том, что политические реформы, кем бы они ни были даны, самодержавием или буржуазией, сменившей самодержавие, не могут ни на волос изменить положение трудящихся масс в России». Только один путь они считали реальным и надежным — это «революция самого рабочего народа, совершаемая союзом городской бедноты, городского пролетариата и крестьянства», т. е. «народная революция». В противоположность эсерам, утверждавшим, что главный вопрос революции аграрный, лидеры этой группы были за «экономическое освобождение народа», что неразрывно связано с «необходимостью политического переворота». Это был значительный шаг вперед по сравнению с энесами и правыми эсерами, возлагавшими надежды на реформы сверху и в экономике, и в политической системе.

Для обоснования своих взглядов лидеры группы пытались использовать опыт прошлого — революций на Западе: 1848 г., Парижской Коммуны. При этом их подход к историческому опыту был более реалистичным, чем у эсеров. Главную опасность они видели в том, что итогами борьбы могут воспользоваться враги народа³¹. При обращении к истории Коммуны автор статьи ссылался на К. Маркса. После победы восставших, говорилось в статье, «все понимали, что надо стремиться к экономическому освобождению труда, так как без этого условия, говорит К. Маркс, самое коммунальное устройство немислимо, оно пустой призрак. С освобождением труда, говорит он, каждый человек превратится в рабочего, и производительный труд перестанет быть принадлежностью известного сословия»³². Революционное творчество парижских рабочих рассматривалось как «новое рабочее общество, общество солидарного труда на всеобщую пользу». Во всех этих рассуждениях сохранялась еще большая доля народнических пережитков, однако в целом это был смелый разрыв с реформизмом, свойственный правому крылу этого идейного течения. Правильно отметив такую ошибку Коммуны, как «оторванность города от деревни», левые эсеры делали вывод о необходимости союза пролетариата и эксплуатируемых слоев крестьянства в борьбе за революцию. Они считали, что: «Сельская или деревенская рабочая община и городская рабочая коммуна — таково единственно возможное и единственно правильное практическое решение задачи слияния городского и деревенского революционного движения». В подготовке народа к решению этой задачи максималисты усматривали главное — в «момент диктатуры рабочего народа» проявить наибольшую революционную дееспособность, чтобы плоды революции достались народу.

Признавая возможность победы социалистической революции в России, левонародники, однако, не понимали, что на ее пути еще предстоит буржуазно-демократическая революция, уничтожение самодержавия и пережитков крепостничества.

Раскрывая ошибочность эсеровских воззрений, В. И. Ленин писал в статье «Самодержавие и пролетариат» (январь 1905 г.),

что для пролетариата борьба за политическую свободу и демократическую республику является лишь одним из необходимых этапов «в борьбе за социальную революцию, ниспровергающую буржуазные порядки». «Строго различать этапы, различные по своей природе, трезво исследовать условия их происхождения — вовсе не значит откладывать в долгий ящик конечную цель, вовсе не значит замедлять заранее свой путь. Напротив, именно для ускорения пути, именно для возможно более быстрого и прочного осуществления конечной цели, необходимо понимать отношение классов в современном обществе»³³. Ленинской концепции о перерастании одной революции в другую, о переходе от буржуазно-демократического этапа к социалистической революции противопоставлялись идеи о единой народной социалистической революции, решавшей сразу все задачи.

И хотя эти идеи не могли радикально изменить сущности эсеровских воззрений на революцию, тем не менее в споре между народниками того времени они играли заметную роль, свидетельствуя о наличии существенных разногласий по принципиальным вопросам в этом лагере, об отходе части эсеров от традиционных представлений. Идейные расхождения были показателем слабости народнических позиций, глубокого кризиса идеологии крестьянских социалистов. Споры по теоретическим проблемам перерастали в дискуссии по важным вопросам программы. Так, идеологи группы молодых социалистов-революционеров предлагали включить в программу идею о том, что «вооруженный рабочий народ осилит не только самодержавие с его полицией и войском на земле, но и капиталистов в городе. В то время как существующий проект программы-минимум содержит в себе только одно социалистическое требование — требование перехода земли в руки всего народа, та программа, которую мы должны создать сейчас и которая только и может стать программой русской рабочей революции, должна включать в себя социалистические требования и для города, и для деревни». Здесь же указывалось, что вопрос о программе «есть в сущности вопрос о нашем знамени в ближайшей революции»³⁴, осуществляемой во имя «элементарных социалистических требований» путем вооруженной борьбы всего народа. Эсеровским воззрениям на социализм, сводившимся к проблеме социализации земли и общим рассуждениям о народном благе, свободе личности, всеобщем труде, левонародники названной группы противопоставляли свои идеи о коммунальном социализме. Они предлагали включить в программу требование создания «сельской рабочей общины или коммуны», которое отождествлялось ими с вопросом о социализации земли.

Если эсеры требовали преимущественно социализации земли, то группа молодых социалистов-революционеров предлагала провозгласить «требование городской рабочей коммуны, осуществляя его целым рядом мер, которые должны перевести коммунальное хозяйство в его собственные руки и поставить его на такую высоту, на которой стало бы возможным дальнейшее мирное социали-

стическое творчество». С этим максималисты связывали «победу народной революции и свою реальную помощь народу на пути такого освобождения»³⁵. Под влиянием большевиков они пытались дать обоснование разделению своей программы на программу-максимум и минимум³⁶. Весьма путаные, крайне неопределенные положения эсеров о борьбе за социализм путем постепенных реформ максималисты также подвергли критике, поставив вопрос о важности быть социалистом не только на словах, в теории, но и на практике. Путь к этому они видели в проведении «максимальной программы» «интегрального социализма», ссылаясь на идеи Лаврова о стремлении к «более широкой и далекой правде в мысли и в жизни». Таким образом, в спорах по программным вопросам между эсерами и группой ВДЛ хотя и были серьезные расхождения, тем не менее они развивались на базе народнической теоретической доктрины, в рамках крестьянского социализма.

На страницах ВДЛ были помещены интересные материалы и об отношении к либералам и анархистам. В статье Е. Лозинского «Об отношении к анархизму» автор рассматривал анархизм как опасное для дела революции явление и призывал в момент революции, и особенно на другой день после нее, быть крайне осторожными, так как дезорганизаторские тенденции анархистов могут внести хаос в дело коренного преобразования России на социалистических началах. Статья завершалась выводом о том, что «анархисты сильны лишь нашими ошибками»³⁷. В условиях острой идейной борьбы начала XX в. подобного рода материалы (о либералах и анархистах) играли определенную положительную роль, объясняя читателям реальную опасность этих явлений в революционном процессе.

Стремясь подкрепить свои теоретические позиции, авторы, выступавшие в ВДЛ, стали обращаться к идеям своих предшественников. Так, Устинов поместил статью о Петре Лаврове и социалистической революции в России. Автор не просто излагал взгляды Лаврова на революцию, а старался их так преподнести, чтобы они подтверждали правильность идей, выдвигавшихся эсерами-максималистами. Поэтому его взгляды освещались с точки зрения тех воззрений, которые пропагандировал Устинов и его сторонники. П. Лавров рассматривался как «максимальный социалист». Устинов писал что «лавристы, землевольцы и чернопердельцы были максимальными социалистами, стремившимися к непосредственному социалистическому (а не буржуазно-политическому) перевороту». В подтверждение этого приводились идеи народолюбцев о единстве политического и социального переворота. Передача власти в руки народа, по их мнению, могла обеспечить развитие «в духе народного общинно-федерального мирозерцания». Обращение к этим доводам было признаком теоретической слабости позиций автора и его сторонников из ВДЛ. Отмечая факт появления в партии эсеров двух течений — правого, приближавшегося к социал-демократическому (меньшевистскому), и левого, с его «стремлением слить политический переворот

с социалистическим, хотя бы на первых порах в некоторых частях России»³⁸, Устинов писал: «...в глазах этих товарищей мы, максимальные социалисты-революционеры, являемся утопистами и фантазерами, и все из-за того лишь, что мы не считали бы возможным проливать народную кровь за один лишь „призрак“ и что мы, следуя примеру нашего великого учителя, Петра Лаврова, желаем слить политическую революцию с социалистической и верим в возможность такого слияния». Доводом для этого стало и утверждение о том, что в «готовность России к коммунистическому» перевороту верил даже Карл Маркс, который обуславливал его одной лишь наличностью рабочей революции на Западе; возможность же такого совпадения двух революций (на Западе и на Востоке) никто не отрицает». И хотя взгляды Лаврова и К. Маркса на возможность революции в России имели принципиальные различия, эсеры-максималисты этого не смогли понять.

На вопрос, готова ли Россия к социальной революции, т. е. «к преобразованию своей экономической жизни на социалистических началах», Устинов отвечал положительно (ссылаясь при этом на статьи Лаврова 1876 г. в газете «Вперед»), утверждая, что этот вопрос решен положительно тридцать лет тому назад, хотя экономических предпосылок для социализма тогда не было³⁹. В разделе этой же статьи, названном «Революционная коммуна как новый метод социальной революции», Устинов вынужден был сделать оговорку, что не вся Россия готова «к радикальному социальному перевороту». Провозглашение коммуны в некоторых крупных городах, по мнению Устинова, приведет к «коммунализации (или муниципализации) городской земли, домов и всех фабрик и заводов». Ход русской аграрной революции должен принять, по мнению Устинова, тот же «революционно-коммуналистический характер: каждая сельская община станет сама, на свой страх и риск, осуществлять свое политическое и экономическое освобождение». Появление тысяч таких коммун придаст «социальной революции в России вполне внушительный и реалистический характер». И далее: «...наши коммуны смогли бы удержаться и послужить революционирующим ферментом для всей остальной России».

Если эсеры возлагали все свои надежды по преобразованию России на Учредительное собрание, то максималисты утверждали иные взгляды. «Мы не ждем, — писал Устинов, — от Учредительного собрания преобразования России на социалистических началах, мы против буржуазного централистического метода революции».

Выступая против шатаний, беспринципности, политиканства, дряблого POSSИБИЛИЗМА эсеров, максималисты стремились доказать, что Лавров может служить образцом верного вождя и руководителя: «Он завещал нам лучшие традиции истинно революционного социализма, и, лишь следуя этим традициям, мы не растеемся в той могучей, колоссальной буре, которая будет

называться Русской революцией»⁴⁰. Они пытались убедить себя и других, что учение Лаврова о политической и социальной революции имеет важное теоретическое и практическое значение для борьбы за социальное освобождение и в XX в. Ими не учитывалось главное — обстановка в России по сравнению с 70-ми годами резко изменилась: на политической арене появился пролетариат во главе со своей партией, Россия вступила в стадию империализма, т. е. быстрыми темпами созрели предпосылки для социалистической революции, хотя еще не были решены задачи буржуазно-демократического характера. В этих условиях теория Лаврова не могла обеспечить успех революционной борьбы ни политической партии, ни трудящимся массам в случае выступления их под этим знаменем. Вся эта концепция строилась на старой народнической догме, хотя в ней и было много интересных мыслей, свидетельствовавших об отличии позиций эсеров-максималистов от других народников.

И хотя «Вольный дискуссионный листок» был весьма популярен среди народников, тем не менее по требованию верхов партии эсеров он прекратил свое существование на третьем номере. Его издатели вышли из партии эсеров и образовали самостоятельную организацию «Союз революционеров-социалистов»⁴¹. Не осуществленным остался и замысел издателей ВДЛ выпустить серию небольших брошюр под общим названием «Библиотека революционного социализма» с освещением насущных вопросов современной революции в России.

Значительный интерес представляет брошюра Е. Устинова «Какова должна быть программа русской революции», вышедшая в Женеве в 1905 г. В ней довольно полно освещались такие важные вопросы, как цели революции, движущие силы, пути и средства борьбы, роль политических партий и задачи революционеров. Первая буржуазно-демократическая революция рассматривалась Устиновым как рабочая и крестьянская, а революционный процесс изображался в виде борьбы народа против «векового рабства и угнетения»⁴². Если энесы и большая часть правых эсеров ограничивались лишь констатацией угнетения и несправедливости народа, то левое крыло эсеров и эсеров-максималистов усматривали корень «народной неволи в России, как и в других странах... прежде всего в том, что фабрики и заводы, земля и рудники находятся в частной собственности немногих лиц, помещиков, фабрикантов и других капиталистов. В их руках средства и орудия производства, в их руках жизнь и доля всего трудового народа». Такая постановка вопроса об условиях, вызвавших революционный взрыв в 1905 г., свидетельствовала о стремлении левонародников, по-видимому не без влияния марксизма, связать рассмотрение предпосылок революции с господством частной собственности. В связи с этим задачи революции освещались не в общем плане, как это делали правые эсеры, рассуждая о свободе, равенстве и т. д., а конкретнее — в виде утверждения имущественного равенства как главного условия освобождения трудящихся. Пер-

вой и самой важной задачей народного восстания Устинов считал «уничтожение кабалы рабочих и неимущих крестьян у помещиков и фабрикантов, у кулаков и домовладельцев, у царя и чиновников, а также введение нового строя жизни на началах полного имущественного равенства (социализма) и истинно народного самоуправления». Главную задачу восставшего народа России Устинов усматривал в том, чтобы «не допустить обмана и все силы свои направить к совершению коренного и имущественного переворота»⁴³. Успешное решение этой проблемы Устинов связывал с созданием «возможно более широкой и прочной организации среди крестьян и рабочих всей России».

Главное условие победы революции Устинов видел в изъятии земли и фабрик из рук собственников. Программа борьбы за победу революции включала три части: политическую, экономическую, просветительно-воспитательную. Экономические меры Устинов характеризовал как захват народом всех земель, «переход этих земель в общественное владение и распоряжение самоуправляющихся общин и их союзов на началах уравнительного пользования», исключение всей земли из товарно-денежного обращения, запрещение купли, продажи, залога и т. п. В изложенную программу Устинов включал захват и общее пользование всеми сельскохозяйственными орудиями, а также «содействие переходу крестьян от единоличной к общественной обработке общинных земель». Предусматривались также захват рабочими фабрик и заводов, передача их в распоряжение «местных самоуправлений (городских, сельских, земских) для постепенного переустройства всего промышленного производства, потребления и обмена на социалистических началах». К числу экономических мер автор относил также обращение в общественную собственность денежных капиталов, конфискацию домов и обеспечение жилищем всего населения, отмену всех налогов, обязательное и равное участие всех граждан в несении общественных расходов⁴⁴. Таков был круг экономических мер в ходе проведения которых, по мнению автора, решались все социальные проблемы революции. Хотя в целом в этой программе фиксировались важные меры по ликвидации частной собственности и утверждения общественных форм владения и пользования, из нее было не ясно, какая же форма собственности утвердится в стране после проведения экономической программы революции: государственная, общенародная, групповая или сочетание различных форм. Экономические задачи революции определялись Устиновым, как и другими левонародниками, так, словно в обществе не было классов, острой борьбы между ними, которая характерна для переходного периода, и которая требует определенных условий для их осуществления. Об этом свидетельствует изложение автором политических задач революции. Они виделись Устинову в том, что осуществляется «немедленная организация всех победоносных революционных городов и деревень в самоуправляющиеся общины и их земские союзы в целях конечной замены современного насильственного

государственного строя истинно народной (демократической), союзно-областной (федеративной) социалистической республикой». И хотя выдвинутый принцип федерального устройства был весьма позитивным, однако в целом эта программа страдала серьезными недостатками. Они проявлялись в требовании полного самоуправления всех областей с учетом национальных и исторических особенностей, организации «коммунальных собраний для дел общинных»⁴⁵. Подобный подход к решению проблемы организации государственной власти противопоставлялся марксистскому требованию централизованного государства типа диктатуры пролетариата в переходный период, необходимого для созидания социалистического общества.

В просветительно-воспитательной области автор считал необходимым организацию бесплатного обучения в начальной, средней и высшей школе, бесплатных библиотек, читален, музеев, художественных выставок, концертов, лекций и т. д. В результате победы революции и проведения названных выше мероприятий утвердится, по мнению автора, «царство истинной свободы, братства, равенства, справедливости». Единственным условием успеха этой работы Устинов считал «правильную постановку социально-революционного дела в России»⁴⁶. Этой крайне абстрактной формулой подменялся весь сложный и большой комплекс вопросов о ведущей роли рабочего класса и руководящей роли его партии, о союзе рабочего класса с непролетарскими массами трудящихся, о связи политики и экономики, о классовой борьбе в переходный период.

Все намечавшиеся мероприятия, имевшие объективно значение социалистических, предполагалось осуществить сразу же после победы революции, из которой исключался буржуазно-демократический этап. Это делало программу левонародников утопичной, лишенной реального учета классовой борьбы со всеми ее сложностями и последствиями. Такой же абстрактный характер носили предлагавшиеся мероприятия, необходимые для победы революции. Они виделись автору в создании широкой, тесно сплоченной народно-революционной организации как из рабочих, так и из «трудовых неимущих крестьян». Эта организация должна возглавить восстание народа, которое якобы сделает возможным коренной переворот. Автор даже пытался предсказать время победы революции — в течение ближайших 2—3 лет⁴⁷. В числе возможных средств борьбы автор называл стачки (частные, всеобщие, экономические), бойкот, аграрный террор и др. Этот раздел работы Устинова показывает, насколько различными были воззрения левонародников—сторонников революции и революционных методов борьбы от либеральных народников и эсеров, надеявшихся на возможность мирного, реформистского пути достижения социализма, без революции и обострения классовой борьбы. В то же время эта программа революции страдала рядом существенных недостатков, в том числе «перепрыгиванием» через буржуазно-демократический этап революции.

Левонародники не понимали необходимости и важности переходного периода, игнорировали реальную расстановку классовых сил и возможность их перегруппировки, особенности классовой борьбы в революционную эпоху.

Революция 1905—1907 гг. выявила важнейшие черты левонароднических воззрений, заметно отличавшихся от позиции либеральных народников. Главное — признание необходимости революционного обновления страны как единственно возможный путь прогресса России и освобождения ее народов. Эта позиция была той реальной основой, на которой партия большевиков могла строить свои отношения с левонародниками.

Попытки осветить практическую деятельность левонародников, и в первую очередь максималистов, в 1905—1906 гг. встречаются в воспоминаниях Г. Нестроева⁴⁸. Правда, Нестроев основное внимание уделил террористической деятельности эсеров левого толка, в которой он видел «революционный пафос революции». Именно героям-террористам и посвятил свои воспоминания Нестроев. Главным в революции для эсера-максималиста была не борьба масс, а одиночный террор, т. е. сугубо индивидуалистические формы борьбы. В этой борьбе эсеры-максималисты усматривали высшее проявление революционности и служения делу социализма.

Следует напомнить, что в 1902—1911 гг. эсеры организовали более 200 террористических актов, применяя бомбы и огнестрельное оружие. Однако никаких реальных последствий этот «героизм» не дал, ибо в обществе не происходили существенные изменения, а репрессии против революционеров заметно активизировались, что нанесло большой ущерб общей борьбе против самодержавия.

Крайне незначительное место занимало в мемуарах максималиста освещение общих вопросов революции. Все характеристики революции 1905—1907 гг. ограничивались общими фразами такого рода: «Русская революция показала, что вопрос о социальной революции в России не вопрос далекого будущего, что при благоприятных обстоятельствах трудовой народ может взять в свои руки и политическую и экономическую жизнь страны»⁴⁹.

И хотя максималисты были убежденными поборниками революционного пути, активных средств борьбы (всех видов террора), включая и вооруженное восстание, тем не менее в теории они оказались по ряду вопросов правее самых правых народников. Это продемонстрировал спор между лидерами партии эсеров и эсерами-максималистами, развернувшийся в 1910 г. по большому кругу вопросов. Среди них были и такие, как «психология максимализма», о соотношении теории и эмоций, увлеченности и сознательности, их связи с реальной действительностью, об анархизме и др.⁵⁰ Однако за всеми этими сугубо народническими рассуждениями стоял вопрос о революции и терроре, об отношении к народникам-экстремистам, под действия которых Нестроев пытался подвести «теоретическую базу» для обоснования «боевой такти-

ки»⁵¹. Социализм максималист Нестроев признавал как «этически должное», отмечал сильное влияние на него социал-демократизма, а также Лаврова и Михайловского. Все выступления Нестроева этого времени свидетельствуют о том, насколько трудны были для мелкобуржуазных революционеров ответы на вопросы, поставленные жизнью: «о роли личности в истории, об экономике и политике, об имманентном законе исторического развития, о значении интеллигенции и т. д.». «Я бродил и искал», — писал Нестроев, освещая свой путь к максимализму. Весь характер спора между эсерами и максималистами — убедительное подтверждение идейного распада народничества, устои которого пытались охранять эсеры типа Чернова. Нестроев не без основания видел в резких выступлениях эсеров против максимализма стремление отомстить за уход из партии, застраховать партию от дальнейших расколов, произошедших по вине «еретиков-максималистов» и энесов. Игнорируя социальные причины распада мелкобуржуазной демократии, Нестроев усматривал их в столкновении «руководящих верхов» и «еретиков-оппозиционеров», активно выступавших в период «бури и натиска». Нестроев признавал, что особенно обострились в связи с революцией 1905—1907 гг. разногласия о роли рабочих и крестьян, об общине, о федерализме и централизме и др., о перспективах русской революции, о подготовленности пролетариата к захвату власти, о социализации земли, о «полном социально-политическом перевороте»⁵² и др. Он справедливо заключал, что эсеры не дали ответа ни на один из этих вопросов. «А они необходимы. Надо же знать не только, как бороться с самодержавием, как разрушать, но и как созидать и что созидать»⁵³. Подобного рода признания, появившиеся после революции 1905—1907 гг., были закономерными. И хотя такие откровения были весьма редки в народнической литературе, тем не менее факт их появления говорил о неспособности ведущих теоретиков и лидеров народничества XX в. объяснить содержание революционного процесса, его цели и перспективы, без чего борьба за революцию и социализм не могла быть целенаправленной и успешной. Это поняли в какой-то степени лидеры оппозиции внутри партии эсеров, и их естественной реакцией стало создание Союза максималистов, члены которого стремились разработать теоретические постулаты максимализма. Центральное место заняли вопросы революции и социализма.

Следует отметить, что до 1905 г. все рассуждения левонародников по этим вопросам носили абстрактный, оторванный от жизни характер, к тому же они были приправлены большой дозой воинствующего антимарксизма. С 1905 г. появляется не только сомнение в теоретической слабости эсеровских позиций по вопросам революции, но и желание вырваться за рамки абстрактных рассуждений. Нестроев «не признавал наличности предпосылок для социализации фабрик и заводов даже во время революции». Лишь после декабрьских событий 1905 г., «доказавших высоту сознания народа и обнаруживших глубину его трудовой психики»,

после волнений во флоте и армии, попыток учреждения в разных местах страны республик он пришел к выводу, что для организации трудовой республики имеются налицо «субъективно-психологические предпосылки», а для победы народа «нужна лишь простая физическая сила оружия, способная парализовать силу правительственных войск»⁵⁴. Однако автор этих строк был весьма далек от научного понимания смысла перечисленных им событий. Но признание возможности революции и уверенность в ее успехе в недалеком будущем заметно отличали позицию максималистов от энесов и большинства эсеров, весьма скептически относившихся к перспективам революционных форм борьбы после событий 1905—1907 гг. Называя себя «максималистическим течением в учении социально-революционной школы научного социализма»⁵⁵, максималисты тем самым подтверждали свой отход от народничества в его более распространенной форме в виде эсеровщины и энесовщины. Это проявилось в первую очередь в трактовках проблемы революции, которая рассматривалась ими как непременное условие достижения социализма. Они не были последовательны в объяснении основ и условий победы революции, хотя стремились под влиянием марксизма осветить проблему объективных и субъективных предпосылок. Так, Нестроев к числу объективных предпосылок относил: состояние промышленности и сельскохозяйственного производства, степень развития капитализма, концентрация капиталов, внешние и внутренние рынки, технику производства и т. д.; к числу субъективных — народное право, народную психику и воззрения, революционность народа и его социалистичность, его солидарность и интеллигентность, способность к труду и ведению производства и т. д. Правда, в этом перечне были элементы, не имевшие прямого отношения к революции (внешние рынки, народное право и др.), тем не менее сама постановка этой проблемы заметно отличалась от народнических воззрений, ограничивавших все предпосылки революции уровнем сознания и общинными традициями крестьянства.

На примере максимализма можно проследить глубокий распад идеологии народничества после революции 1905—1907 гг. Одним из его проявлений стала теоретическая деятельность максималистов, которым казалось, что их путь достижения социализма посредством народной революции является более правильным и надежным. Однако все их представления, и прежде всего теоретические, строились все на той же идейной основе — народничестве со всеми его ошибками и слабыми сторонами.

Максималисты считали, что буржуазная демократия «не облегчает социалистический переворот, а лишь его затрудняет». Эти идеи по отношению к конкретным условиям России были неверными, тем не менее в аргументации тезиса максималисты высказали ряд весьма интересных суждений о буржуазной демократии в развитых капиталистических странах — Англии, Швейцарии, Франции, Германии, Америке и др. Если многие народники, особенно эсеровские теоретики, идеализировали успехи буржуазной демок-

ратии в странах Европы и в США, то максималисты доказывали, что «класс капиталистов все более организуется для защиты своих интересов и тем сильнее он организован, чем развитее политические формы демократии»⁵⁶. Из этого положения делается неверный вывод о том, что развитие демократии отодвигает социализм. Так, крайний экстремизм и левачество приводили их к позиции, близкой к правым, отвергавшим значение борьбы за демократию и политические свободы. Максималисты выдвигают тезис о победе в революции всего народа, не выделяя руководящей роли класса-гегемона — пролетариата. «Победа народа над вековыми его врагами есть — при условии наличности революционной воли — вопрос физической силы или, точнее, его технической подготовленности». Таким образом, условия победы революции сводились и ограничивались вопросом овладения «техникой борьбы, уличной борьбы». Даже социалистическое сознание объявлялось незначительным фактором в решении проблемы победы революции, на первый план выдвигалась «революционная воля», опирающаяся на «трудовую психику». При всей несостоятельности подобного рода рассуждений максималисты были убежденными сторонниками того, что социалистический переворот может быть осуществлен исключительно путем социальной революции, к которой ведет восстание народа, руководимого его организованной частью⁵⁷. Выдвигая на первый план такой фактор, как «революционная воля», максималисты считали возможным ее создание «путем слова и действия», включая и разъяснения массам необходимость борьбы за землю и волю. И самодержавие и демократия, писал Нестроев, «одинаково неспособны на радикальные преобразования, если за ними не стоит организованной революционной силы народа, добывающегося силой этих преобразований».

В отличие от энесов и эсеров правого фланга максималисты развивали идеи о классовом характере самодержавия и буржуазной демократии. Серьезные расхождения имелись и по таким вопросам, как социализация фабричной промышленности и сельскохозяйственного производства, возможность определения «момента всенародного восстания», объективные и субъективные предпосылки экономического освобождения трудящихся, задачи сознательных революционеров, «инициативного меньшинства», а также по вопросам о «трудовой республике», «плане будущего устройства», принципах распределения и др.⁵⁸

Максималисты в силу своих возможностей стремились дать на них ответы, выступая против умеренности и осторожности эсеров и энесов.

В статье В. И. Ленина «Революционные дни» (январь 1905 г.) отмечалось, что в ходе революции массы учатся на практике, «проверяя себя и теории всех своих идеологов»⁵⁹. Такой проверке подверглись и теории народников, идеологов крестьянской демократии. Революция 1905—1907 гг. со всей очевидностью показала, что с народнических позиций нельзя объяснить содержа-

ние развивавшихся в стране революционных событий. Весьма симптоматичными было появление в народнических изданиях заявлений об остром разочаровании в революции, а порой о враждебном отношении к прожитому периоду активной борьбы. Раздаются голоса, писала эсеровская газета «Революционная мысль», что «революционное движение было грубой ошибкой, что нужны иные — мирные, легальные — пути для проведения политических реформ». Идеи о мирном пути перехода от капитализма к социализму все чаще появлялись в выступлениях эсеровских теоретиков, особенно правого крыла⁶⁰. Это был отказ от революции, о которой так много писали эсеры в начале века. Причину подобных явлений В. И. Ленин объяснял отсутствием прочных теоретических убеждений, основанных на понимании классовых отношений в современном обществе: «Только разочарования и шатания из стороны в сторону ждут тех, кто чурается якобы односторонней классовой точки зрения, кто хочет быть социалистом и в то же время боится прямо назвать предстоящую нам в России, начавшуюся у нас в России революцию — буржуазной революцией»⁶¹. Революция 1905—1907 гг. заставила идеологов эсеров поставить вопрос о необходимости разработки «философии революции», однако сам подход к этому оставался прежним, поскольку он строился на заведомо ложных основах. И в то же время в эсеровских рассуждениях о революции появилось кое-что новое, явно под влиянием марксистской концепции революции.

Важнейшие задачи осмысления революции эсеры стали усматривать в объяснении причин, «создавших революционное движение», общественные классы, которые вели борьбу со старым режимом, в определении «с возможной ясностью близких и далеких целей революции». Подобная постановка принципиально важных вопросов свидетельствовала о том, что у эсеров не было серьезной теоретической платформы накануне революции. Они не смогли ее создать и после 1905—1907 гг.

Примечательно, что, изучая итоги революции 1905—1907 гг., ее неудачи, которые эсеры объясняли «ошибками программы и тактики русских революционеров», они пытались поставить вопрос о переоценке всей своей теории. «Конечно весь этот „пересмотр“, — писал В. И. Ленин, — все эта „критическая творческая работа“, обещанная новой газетой (речь идет о „Революционной мысли“. — Г. А.), есть чистейшая фраза. На деле ни о каком пересмотре теории нет и не может быть речи, ибо нет у новой газеты никакого теоретического мирозерцания, а есть только перепев на тысячу ладов призывов к террору, да неуклюжее, неумелое, наивное приспособление к этому якобы новому, а на деле старому и очень старому приему взглядов на революцию, на массовое движение, назначение партий вообще и т. д. Поразительное убожество такого „теоретического“ багажа бьет в глаза при сопоставлении с велеречивыми обещаниями пересмотра, критики, творчества»⁶². Вследствие разочарования, отмечал В. И. Ленин, вынесенного из революции 1905 г. мелкобуржуазными

демократами, усилились их идейный разброд и шатания, четко выявился отказ от революционной массовой борьбы, от революционных традиций. Так, в эсеровской доктрине особенно подчеркивалось значение политического террора, царубийства, которые противопоставлялись вооруженному восстанию как безнадежному средству борьбы⁶³. Особое внимание В. И. Ленин обратил на усиление элементов реакционности в теоретической доктрине народников, включая эсеров и энесов. Оно проявилось в рассуждениях некоторых эсеров о том, что революция не нуждается в философии, в противопоставлении научной теории революционного действия, «непосредственного революционного чувства».

Отрицая важность научной теории для революционной борьбы масс за демократию и социализм, идеологи эсеров утверждали, что социалистические идеалы не нуждаются для своего обоснования в «специальной философской системе», что «не философскими построениями можно доказывать, что в России теперь прежде всего нужно биться насмерть с самодержавием, разить Романовых самым чувственным для них образом. Доказывает подобные вещи не философия, а непосредственные чувства и очень простые соображения, доступные каждому, даже не изучавшему Канта, Гегеля и Авенариуса»⁶⁴. В. И. Ленин, высмеивая превознесение эсерами «непосредственного чувства, которое охватывает революционера», отмечал, что эсеры не понимают важности теоретических вопросов для выработки концепции революции, ее стратегии и тактики.

Корни идейного распада народнической теории В. И. Ленин видел в неустойчивости убеждений, разочарованности в народной революции, в непонимании революционного творчества масс, в «интеллигентской взвинченности», в неумении «применять основные принципы теории и тактики к изменившимся обстоятельствам». Все это определялось, подчеркивал В. И. Ленин, «классовой особенностью мелкой буржуазии»⁶⁵.

Научный анализ процессов, происходивших в теоретических и политических основах народнического мировоззрения под влиянием революции 1905 г., позволил В. И. Ленину сделать вывод о том, что народнический социализм в России умирает, что «его вожди чувствуют смутно свой „крах“, как народников, за первую же кампанию народной революции».

Народническим воззрениям на революцию в России, ее итоги и перспективы В. И. Ленин противопоставлял подлинно научный подход к оценке событий 1905—1907 гг., единственно правильный и перспективный путь, позволявший реально определить основные направления дальнейшей борьбы. «А если бы эти люди ценили марксизм, — писал он об эсерах и меньшевиках, — как единственную революционную теорию XX века, если бы они поучились истории русского революционного движения, то они увидели бы различие между фразой и развитием действительно революционных лозунгов»⁶⁶.

От эсеровских воззрений, отмечал В. И. Ленин, ничего не осталось после первой русской революции. «Опыт 1905 года именно потому имеет громадную важность, что он *заставил* проверить теории народников *движением* масс. И эта проверка сразу вызвала распад народничества, крах их теорий»⁶⁷. В. И. Ленин делал вывод о том, что «сгнил народнический социализм вплоть до самого левого». Именно революция 1905 г. показала, как отмечал В. И. Ленин в статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» (1913), что народники не способны «выставить против марксизма хотя чего-либо похожего на цельную, прямую, ясную социальную теорию»⁶⁸.

Идеологи народничества сосредоточили основные силы не на разработке теоретических проблем революции и осмыслении задач дальнейшей борьбы, а на попытках обосновать свои идеи о нервенности марксистской оценки революции 1905—1907 гг., как буржуазной. Так, основным аргументом в пользу этого утверждения были массовые выступления рабочих и крестьян, а также «неспособность русской буржуазии быть движущей силой революции», как это было в прошлых буржуазно-демократических революциях на Западе, в силу ее контрреволюционного характера. Как и прежде, свои оценки русской буржуазии народники строили на идеях об «искусственности» и «хилости» русского капитализма, его слабости и недоразвитости, на утверждении, что он не является заметным фактором экономической жизни России⁶⁹. Слабый русский капитализм, рассуждали эсеры, «не вступил в резкий антагонизм с современными общественными отношениями в России», поэтому он «не мог вызвать буржуазной революции»⁷⁰. Активнее стали нападки народников на марксизм. Так, эсеры выступали против взглядов социал-демократов на революцию, не понимая принципиальной разницы в оценке движущих сил революции между В. И. Лениным и меньшевиками, считавшими гегемоном буржуазной революции не пролетариат, а буржуазию⁷¹.

В отличие от ленинской постановки вопроса о задачах буржуазно-демократической революции — свержения самодержавия и ликвидации пережитков феодализма — эсеровская концепция была лишена конкретного исторического содержания. «В русской революции, — писали они, — политический и социально-экономический элемент тесно переплетались», как это было во Франции в 1789 г. Эти сравнения свидетельствовали о непонимании эсерами новой исторической обстановки, сложившейся в мире и в России в начале XX в., характера российской революции, соотношения классовых сил и их расстановки. Они, как и прежде, пытались реализовать свою концепцию «рабочего класса» (пролетариат, крестьянство, интеллигенция) при рассмотрении вопроса о движущих силах и участниках революции, отождествляя эти различные понятия. В эсеровской схеме пролетариат играл роль застрельщика, интеллигенция возглавляла революцию, а ее главной движущей силой являлось крестьянство, придававшее революции истинно трудовой и народный характер. Широкое массовое движение

различных слоев деревни, требовавших ликвидации помещичьего землевладения и наделения крестьян землей, эсеры рассматривали как единственное главное звено всего революционного процесса, что приводило их к недооценке роли пролетариата в событиях 1905—1907 гг. Борьба пролетариата в этой революции рассматривалась лишь как движение за улучшение экономического и политического положения, которое к тому же связывалось с решением аграрного вопроса в пользу крестьян. Эсеры нередко упрекали большевиков в недооценке важности крестьянской борьбы, в неспособности решать аграрный вопрос, тогда как сами полностью отказывались связать воедино борьбу пролетариата и крестьянства в решении задач буржуазно-демократической революции, не понимая важности этого союза для успеха революции.

Массовое крестьянское и рабочее движение 1905—1907 гг. они рассматривали главным образом как стихийное, анархическое, разрушительное, решительно осуждали захват крестьянами помещичьих земель, их стремление решить аграрный вопрос, не дожидаясь указаний «сверху»⁷².

Говоря о главных расхождениях между марксистами и представителями крестьянского утопического социализма, В. И. Ленин отмечал непонимание эсерами *«действительного»* характера происходящей революции, непонимание *«действительного содержания»* крестьянского движения⁷³. Они не смогли увидеть различия между крестьянским и рабочим движением, рассматривали их как равноценные, хотя выступления пролетариата по размаху, степени организованности и сознательности намного превосходили борьбу крестьян в деревне. Главный вывод эсеров сводился к тому, что революция потерпела поражение из-за слабой сознательности и организованности масс, которые зависят исключительно от деятельности революционной интеллигенции, возглавляющей это движение. Таким образом, эсеровская концепция революции строилась на прежних посылах относительно характера и содержания революционного процесса, сознательным элементом которого является лишь интеллигенция, а массы, толпа следуют по указанному пути, вооруженные лишь верой (без понимания) в правильность предлагаемого выбора⁷⁴. Хотя эсеры много писали о важности сознания в борьбе за обновление общества, однако они явно недооценивали его роль в развитии массового движения, в революционном воспитании сознательного отношения трудящихся к участию в революционном процессе.

Как известно, научная концепция революции 1905—1907 гг. была создана В. И. Лениным и большевиками в ходе ее свершения и подведения итогов революции после ее поражения. Она была закреплена и развита в решениях партийных съездов и конференций, проходивших в 1905—1907 гг.⁷⁵ Большевицкая концепция революции содержала четкие оценки задач, характера, движущих сил, роли пролетариата как класса гегемона и крестьянства как его союзника. Социал-демократы, писал В. И. Ленин в 1905 г., «говорят, что они борются вместе со всем крестьянством

против помещиков и чиновников, а кроме того, они, городские пролетарии вместе с сельскими пролетариями, борются против капитализма. Борьба за землю и за волю есть демократическая борьба. Борьба за уничтожение господства капитала есть социалистическая борьба»⁷⁶.

Если для марксистов опыт борьбы 1905—1907 гг. еще раз подтвердил правильность их научной теории, прежде всего концепции революции, способствовал ее дальнейшему обогащению и развитию, то в ином положении оказались эсеры с их пошатнувшимися теоретическими схемами.

Хотя революция 1905—1907 гг. не повлияла на изменение концепции эсеров, однако она не прошла бесследно. Под влиянием революции и следовавших за ней событий в партии эсеров развернулась полемика по важнейшим вопросам теории: община и ее роль в решении аграрного вопроса, оценка тактики индивидуального террора в связи с массовым революционным движением и теми формами борьбы, которые стали преобладающими в 1905—1907 гг., роль революции в борьбе за демократию и социализм.

В отношении эсеров к революции, к массовому движению, в стремлении рассматривать революцию как акт эволюции в полной мере проявилась реформистская тенденция в их позиции, продиктованная страхом перед народом и массовой революционной борьбой. Это проявилось в поддержке тезиса ренегата Берштейна «Движение все — цель ничто».

Если глубокая убежденность в неизбежном торжестве демократии и социализма у марксистов строилась на научном анализе законов общественного развития и классовой борьбы, то эсеровские прогнозы основывались на надежде, вере в торжество абстрактного социалистического идеала, на утопических представлениях о революции, роли в ней крестьянства и интеллигенции в качестве решающих сил в будущем.

В прямой связи с эсеровской социологической концепцией, с оценками революции и массового движения находились их тактические принципы борьбы⁷⁷. Субъективизм в теории определял эсеровский авантюризм в политике, их понимание методов и средств борьбы за революцию и социализм.

Еще в статье «Революционный авантюризм» В. И. Ленин отмечал, что эсеры не понимают значения массового движения как основы осуществления революции, поэтому они защищают террор, «непригодность которого так ясно доказана опытом русского революционного движения». Считая террор не только бесперспективным и бессмысленным, но и опасным методом борьбы, уводящим от решения действительно революционных задач работы с массами, В. И. Ленин призывал к непримиримой борьбе против «теории поединка и единоборства»⁷⁸.

Для подкрепления своей заметно пошатнувшейся доктрины эсеровские теоретики вновь обратились к наследию своих идейных предшественников — Лаврова и Михайловского. Причем из их концепции брались те положения, которые соответствовали эсе-

ровским установкам, отвечали настроениям и поискам эсеровских идеологов после революции 1905—1907 гг.⁷⁹ Так, Е. Колосов после 1905—1907 гг. неоднократно цитировал известное изречение Михайловского: «Я не так боюсь реакции, как революции»⁸⁰. Эта формула их крупнейшего идеолога отражала отношение и правого течения эсеров к революции, ее признание в теории и отказ от ее осуществления на практике. В полной мере это проявилось в 1917 г. у правых эсеров. Индивидуальный, политический террор рассматривался эсерами как фактор, стимулирующий рост классово-борьбы, как средство ускорения политического переворота.

Революционное творчество масс в 1905—1907 гг. обнаружило перед всеми политическими партиями, включая и эсеров, громадное разнообразие форм борьбы — от широких демонстраций и митингов до всеобщей стачки и вооруженного восстания.

Иногда звучали идеи о том, что революция потерпела поражение из-за ошибок политических партий в тактике, однако и после поражения революции все эсеровские рассуждения по вопросам тактики и форм борьбы сосредоточились вокруг проблемы индивидуального террора⁸¹. Одиноко звучали призывы пересмотреть тактику террора и заменить ее подготовкой к вооруженному восстанию⁸². Иногда в обоснование важности и целесообразности подготовки «всенародного вооруженного восстания» приводилось большое количество различных доводов, нередко звучала и мысль, что с помощью индивидуального террора якобы можно вызвать «всенародное вооруженное восстание»⁸³. Подобные рассуждения эсеров о терроре Ленин рассматривал как «крайний, чисто словесный и бессмысленный, революционаризм эсеров»⁸⁴. Они пытались доказать, что террор — возбудитель революции, связан с массовым движением, что «террор есть борьба с оружием в руках, открытая гражданская война»⁸⁵. Даже те немногие эсеры, которые увидели в вооруженном восстании пролетариата нечто новое и перспективное в революционной борьбе масс, не смогли дать ему правильную оценку, связать с общей проблемой форм и средств революционной борьбы.

Все разговоры эсеров о пересмотре программных и тактических установок свелись к некоторому обновлению старых схем, к незначительным дополнениям, ни в коей мере не изменявшим сущности эсеровской концепции революции, их понимания путей и средств борьбы за нее.

Столь же острая идейная борьба развернулась вокруг общины и ее роли в решении аграрного вопроса. Развал общины заставил теоретиков партии эсеров, рассматривавших ее как одну из форм, с помощью которой крестьянство сможет перейти к социализму, к коллективным формам ведения хозяйства⁸⁶, вновь обратиться к вопросу о ее месте в теоретических и программных построениях партии⁸⁷. Эсеровский журнал «Социалист-революционер» писал о реакции эсеров на разложение общины: «Идейный столбняк, состояние растерянности и недоумения осенило многих из тех, кто еще так недавно не ведал ни колебаний, ни сомнений». У некото-

рых членов партии «поколебалась вера в самые основы нашей аграрной программы». Н. Ракитников, часто выступавший в те годы по вопросу об общине, убежденно доказывал, что «в своем пересмотре наших теоретических положений и нашей программы мы должны исходить из предположения полного крушения общинного землевладения и торжества частной собственности»⁸⁸.

Поскольку подобного рода заявления не были единичными, а предлагавшиеся решения были связаны с пересмотром основ эсеровского мировоззрения и программных требований, то это дает нам основание сделать вывод, что община в эсеровской аграрной концепции играла более значительную роль, нежели ей отводят некоторые советские исследователи⁸⁹. В 1908 г. В. И. Ленин указывал, что «народническое направление нашей общественной мысли связывает основные пункты своего мирозерцания с национальными особенностями этого „уравнительного учреждения“»⁹⁰. При этом В. И. Ленин отмечал борьбу двух основных направлений по этому вопросу — народнического и марксистского, отличавшихся принципиально противоположными подходами к общине. Если марксисты, отмечал В. И. Ленин, рассматривают общину с точки зрения социально-экономических отношений, то народники главное видят в изучении агрикультуры и быта. В. И. Ленин писал, что «подобный прием глубоко неправилен»⁹¹.

Признавая факт разложения общины, эсеры делали весьма оптимистический, но лишенный реального основания вывод: «Община не статическая, а динамическая — является одной из возможных драгоценных точек опоры аграрной политики в с-ром [социал-революционном] духе». Вопреки историческим фактам они продолжали доказывать, что сознание справедливости может приостановить процесс разложения общины, что роль «правосознания общинной массы» так велика, что оно может изменить процесс в обратном направлении. Правительство, рассуждали эсеры, разрушает общину, но оно не способно разрушить психологию крестьянства. Общинная психология крестьянства, заявляли теоретики партии социалистов-революционеров, является основой для движения по пути к социализму⁹². На этом основании делался вывод, что не следует вычеркивать общину из эсеровской программы⁹³. Таким образом, община в концепции эсеров продолжала играть важную роль. С ее помощью они пытались доказать, что община, как и кооперация, делает возможным проведение социализации земли в рамках народно-трудового, а фактически — буржуазного строя. Эсеры уповали на автоматическое перерастание капитализма в социализм после свержения самодержавия и победы социалистического сознания в массах. Именно поэтому эсеры так рьяно защищали общину, не желая видеть ее реакционную роль, на которую неоднократно указывали марксисты, критикуя народнические воззрения⁹⁴. Эсеры стали еще больше писать о психологии крестьянства, о традиционном общинном духе, о сплоченности и коллективизме крестьян, противопоставляя их пролетариату.

Критикуя взгляды народников на общину и тенденции ее развития, В. И. Ленин подчеркивал, что нельзя решать вопрос о ее судьбе, отвлекаясь от сущности социально-экономических отношений внутри общины: «Эти взаимоотношения показывают наглядно мелкобуржуазную природу крестьянского хозяйства в данной исторической обстановке»⁹⁵. Народники отказывались от серьезного социально-экономического анализа процессов, протекавших в общине в начале XX в., как это делали марксисты. На основе своих утопических воззрений они рассматривали общину как зародыш социализма в рамках дореволюционного строя и не могли увидеть главной тенденции развития общины, которую В. И. Ленин охарактеризовал в 1908 г.: «Несмотря на всю уравнивательность наделной земли, несмотря на переделы и т. п., оказывается, что направление действительного хозяйственного развития крестьян-общинников состоит именно в образовании сельской буржуазии и в вытеснении массы беднейших хозяйств в ряды пролетариата», в «ограблении общины богатеями» и «укреплении частной земельной собственности у зажиточного крестьянства»⁹⁶. Следовательно, в годы реакции эсеровские воззрения и программные установки по вопросу об общине и ее роли подверглись серьезной критике. Однако идеологи партии эсеров не смогли сделать серьезных выводов и, вопреки историческим фактам, вплоть до 1917 г. продолжали доказывать, что община и ее традиции — зародыш социализма⁹⁷.

Отвергая марксистскую концепцию классовой борьбы и революции, эсеры вынуждены были признать ее большую популярность. В 1906 г. лидер эсеров В. Чернов писал: «Преимуществом социал-демократов была гораздо большая численность их пропагандистов и агитаторов, зависящая от того, что под исключительным влиянием социал-демократических идей успело воспитаться, со времени падения Народной Воли до выступления с-р партии, уже не одно революционное поколение». Причину этого явления Чернов усматривал в хорошей организации, в преэминентности связей и работы по воспитанию масс, в системе «замкнутых подпольных» кружков, «заботливо оберегаемых от проникновения влияния с-рев., их литературы, их идей». В этих оценках учитывалась лишь одна сторона деятельности социал-демократии по воспитанию масс — их эффективная организация, тогда как самое главное — содержание пропаганды, основанное на научном понимании революционного процесса, эсерами игнорировалось. Любопытно признание Чернова в том, что социалисты-революционеры быстро склоняли на свою сторону «серую массу (особенно из числа не потерявших связи с деревней) и молодежь; зато с-д имели на своей стороне старых, известных на заводе, видных и влиятельных рабочих, убеждения которых успели прочно сложиться под монопольным влиянием прежнего исключительного господства с-дских кружков»⁹⁸. Этот реалистический вывод лидер эсеров сделал тоже под влиянием осмысления итогов

революции, характера деятельности революционных партий, их популярности среди различных слоев населения.

Под влиянием революции 1905—1907 гг. заметно усилилось внимание эсеров к проблеме организации власти. Государство и абсолютизм рассматривались эсерами как результат борьбы с внешними врагами (а не как институты классового господства), как выражение отсталости страны, бескультурья, отсутствия «гражданской сознательности», которые обусловили якобы слабое развитие в русской истории «широких массовых движений». Революция 1905—1907 гг. объявлялась результатом своеобразного исторического развития России. Ее основные задачи виделись эсерам в «требовании политической свободы, национального самоопределения и коренного социально-экономического переворота»⁹⁹. Они пытались дать ответ на вопрос, поставленный революцией, какие изменения произойдут после победы народной революции. Они признавали, что за свержением самодержавия наступит коренное изменение в сущности и форме государственного устройства. При этом следует заметить, что эсеры рассматривали самодержавие и монархию как надклассовые явления, а хозяйственные и общественные порядки — как результат действия выработанных обществом законов. Эсеры не понимали и не хотели признать простого обстоятельства, доказанного всей историей человечества, что общественные и государственные порядки являются основой существующей системы законодательства, а не наоборот.

В эсеровской социологической концепции не было места научным представлениям о государстве и его роли в истории. Если в марксистской концепции происхождение и сущность государства объяснялись наличием антагонистических классов, то в эсеровской теории государство рассматривалось как надклассовая сила. Правовое и конституционное государство, которое, по их мнению, должно утвердиться после свержения самодержавия, будет общенародным государством. Наука утверждает, писал один из теоретиков партии эсеров В. В. Лункевич, что «государство — это весь народ. А потому верховная власть в государстве есть достояние всего народа»¹⁰⁰. Проблема государства и народовластия рассматривалась эсерами идеалистически, абстрактно, вне времени и пространства, на основе отрицания классовой природы государства как общественного института. Утопический характер этой теории проявлялся в том, что в ней не учитывался характер предстоявшей в России революции, конкретная расстановка классовых сил в стране, невозможность ликвидации классов сразу же после революции, какой бы она ни была.

После свержения самодержавия, утверждали эсеры, начнется развитие бесклассового общества, которое будет развиваться по пути народовластия. Весьма типичными для эсеровской концепции были и сами доводы, которые они приводили в подтверждение своих позиций и которые разоблачали их мелкобуржуазную природу. Идеалом таких государств они считали Англию и Швейца-

рию. Следовательно, государства буржуазно-демократического типа, где власть принадлежала буржуазии, рассматривались ими как образец народовластия, как господство всего народа¹⁰¹. Пример народовластия в России эсеры видели в Новгородской республике XV в. Таким образом, в решении проблемы будущего государственного устройства эсеры выступали как типичные социалисты-утописты реакционного толка, они связывали идеал народовластия не с социальным прогрессом и классовой борьбой трудящихся масс, как это делали марксисты, а с отжившими формами правления и власти.

Выразителем народовластия должно было стать, по мнению эсеров, Учредительное собрание. Оно занимало особенно большое место в эсеровской концепции, в трудах известных эсеровских деятелей и теоретиков (М. Вишняка, В. Чернова, П. Сорокина, В. Лункевича, Н. Святицкого, Н. Авксентьева и др.). Не понимая классовой сущности государства, эсеры рассматривали Учредительное собрание как идеальную форму правления для России, выраставшую «из недр русской истории», с созыва которого должно начаться якобы «обновление» страны. Особенно большое внимание эсеры уделяли вопросу выборов. Они изображались как акт, происходящий в бесклассовом обществе, где все население участвует в равном, прямом голосовании, которое позволит обеспечить волю народа. Примечательно, что именно с Учредительным собранием и его действиями связывали эсеры дальнейшее развитие социальной революции, которая и должна, по их мнению, привести якобы к социализму. При этом эсеры сводили основные меры к выработке законов, обеспечивающих свободу личности, развитие демократии, передачу земли крестьянам, законодательную защиту рабочих от произвола фабрикантов и заводчиков, рост национального благосостояния, наведение порядка в государственном хозяйстве, введение бесплатного обучения, реформы суда и местного самоуправления¹⁰². В проведении этих мероприятий эсеры усматривали перестройку государственного здания сверху донизу. Выполнив свои функции, Учредительное собрание должно передать власть Государственной думе, министрам, новому суду. Такова, по мнению эсеров, политическая программа революции. Она должна была проводиться Учредительным собранием, действовавшим вне реальных исторических условий, без учета классов и классовой борьбы. Содержание этой программы было буржуазно-демократическим по своей сущности, с элементами утопизма. В ней игнорировалось главное в социалистической революции — ликвидация частной собственности на средства производства, что является основой изменения всего общественного и государственного строя при переходе от капитализма к социализму. Именно в этой программе социальной революции с наибольшей полнотой проявилась сущность народников как мелкобуржуазных демократов и социалистов, которые видели свой идеал в демократии буржуазного типа, а выдавали его за со-

циализм, прикрываясь словами о всеобщем равенстве, народовластии, демократии, замене классового «общечеловеческим».

Ленин непримиримо боролся с псевдосоциалистической доктриной народников, с шатаниями мелкобуржуазных демократов между пролетариатом и буржуазией. Необходимость усиления этой борьбы в годы революционного подъема определялась тем, что в теоретических и программных взглядах эсеров произошло значительное ослабление мелкобуржуазного радикализма и революционности и был сделан большой шаг в сторону буржуазного реформизма и эволюционизма.

Объяснение сущности исторического процесса основывалось эсерами на полном отрицании объективного характера развития общества и его закономерностей, на абсолютизации роли субъективного фактора. Историко-социологическая концепция эсеров оказалась лишенной научной глубины и обоснованности, крайне односторонней и примитивной. За основу общественного развития брались внешние, поверхностные явления, а не его внутренние процессы и их изменения, связанные с материальным производством, социальными и общественными отношениями, с борьбой классов. Именно поэтому народники нередко отождествляли борьбу социалистов и революционеров XX в. — эпохи пролетарских революций — с выступлениями рабов под знаменем Спартака, участников жакерий и крестьянских войн, якобинцев и монтаньеров, чартистов, коммунаров. Они не смогли увидеть никаких принципиальных отличий в массовых революционных движениях прошлого и современности. И это весьма примечательная черта народнической исторической концепции, лишенной в сущности, как это ни парадоксально, элементарного историзма. Это не мешало Чернову претенциозно заявлять от имени партии социалистов-революционеров: «Наш идеал — результат нашей исторической дальновзоркости». Опираясь на учение Михайловского о выдающейся роли критически мыслящей личности, в обстановке острой классовой борьбы народники пытались доказать надклассовый и внеклассовый характер своего учения, представляя эту черту как достоинство своей доктрины¹⁰³.

Стремление выдать свое учение за надклассовое, а свою партию, отражавшую интересы мелкой буржуазии, за общенациональную было типичным проявлением «мещанского социализма» и «беспартийной революционности». Партия эсеров показала свою неспособность проводить важнейший принцип классового подхода — партийность¹⁰⁴. Буржуазным и мелкобуржуазным проповедам надклассовости и беспартийности В. И. Ленин противопоставлял последовательное проведение принципа коммунистической партийности, постоянно указывая, что он «есть одно из условий, делающих классовую борьбу сознательной, ясной, определенной и принципиальной».

Таким образом, революция 1905—1907 гг. положила начало глубокому кризису народничества, выступавшего в виде теории и практики мелкой буржуазии, боровшейся за свои классовые

интересы. Этот кризис охватил все стороны народничества: его организационные основы и принципы (они вылились в спор между левыми и правыми по вопросам организации партии) и в раскол партии эсеров на три самостоятельные организации. Проявлением глубокого идейного кризиса стали обсуждения вопросов теории: общины, индивидуального террора, роли крестьянства и пролетариата, характера массового движения, роли партии и «инициативного меньшинства». Эти обсуждения свидетельствовали о том, что речь шла не о радикальном пересмотре народнической доктрины, а об ее обновлении и реставрации с целью сохранения прежних позиций и «ведущей» роли в освободительном движении России. И хотя участники этих споров по-разному оценивали состояние идейно-теоретической деятельности лидеров движения, тем не менее все они признавали слабость теоретической работы, ее отставание от практики революционной борьбы, необходимость активизации. Однако правильных выводов на основе углубленного анализа кризисной ситуации лидеры народничества сделать не смогли, что проявилось в неспособности наметить даже пути выхода из кризиса.

-
- ¹ См.: *Пешехонов А. В.* Почему мы тогда ушли? (К вопросу о политических группировках в народничестве). Пг., 1918. С. 2—4.
- ² Подробнее об этих партиях, их программах и тактике см.: *Жуков А. Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979; *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979; *Гинев В. Н.* Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества. 1902—1914. Л., 1983.
- ³ *Пешехонов А. В.* Почему мы тогда ушли? С. 2, 5, 8, 9, 14 и др.
- ⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 396—397.
- ⁵ *Южаков С.* Год 1905 // Современность (Русское богатство). 1906. № 1. С. 60, 61.
- ⁶ Там же. С. 63, 61.
- ⁷ Там же. С. 64.
- ⁸ Там же. С. 65—67.
- ⁹ Там же. С. 67, 77.
- ¹⁰ Современность. 1906. № 6. С. 165; См.: *Кудрин Н.* Уроки истории: (Исторические аналоги и контрасты) // Русское богатство. 1907. № 12. С. 35—41, 77, 79; *Мякотин В.* наброски современности // Русское богатство. 1907. № 12. С. 92.
- ¹¹ См.: *Петрищев А.* Успокоение // Там же. С. 76, 77 и др.
- ¹² *Елатъевский С.* Дворянство и аграрные беспорядки // Современность. 1906. № 1. С. 84—87, 90—91, 96—98, 99, 101 и др.
- ¹³ Там же. С. 97, 99—102.
- ¹⁴ Русское богатство. 1907. № 12. С. 77.
- ¹⁵ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 137.
- ¹⁶ *Пешехонов А.* На очередные темы: Основные положения нашей программы // Современность. 1906. № 1. С. 117.
- ¹⁷ Там же. С. 118—120.
- ¹⁸ Там же. С. 121—123.
- ¹⁹ Там же. С. 123.
- ²⁰ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 13. С. 401, 403, 405.
- ²¹ Там же. С. 398.
- ²² *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 239.
- ²³ Там же. С. 307.
- ²⁴ Подробнее об истории создания этой партии, ее программе и тактике см.: *Жуков А. Ф.* Идеино-политический крах эсеровского максимализма. С. 13—21.
- ²⁵ Вольный дискуссионный листок. Женева, 1905. № 1. С. 1, 2.
- ²⁶ Там же. С. 2, 3.
- ²⁷ Там же. С. 3.

- ²⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 398.
- ²⁹ Вольный дискуссионный листок. 1905. № 1. С. 4.
- ³⁰ Там же. С. 4.
- ³¹ Там же. № 2. С. 6—7.
- ³² Там же. С. 7.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 131.
- ³⁴ Ш. Как быть нам с нашей программой-минимум? // Вольный дискуссионный листок. 1905. № 1. С. 5.
- ³⁵ Там же. С. 6.
- ³⁶ См.: Революционная Россия. 1905. № 40. С. 46.
- ³⁷ Вольный дискуссионный листок. 1905. № 2. С. 5, 7—10.
- ³⁸ Устинов Е. Петр Лавров о возможности социалистической революции в России // Вольный дискуссионный листок. 1905. № 3. С. 1, 2.
- ³⁹ Там же. С. 2—4.
- ⁴⁰ Там же. С. 3, 4.
- ⁴¹ См.: Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. М., 1918. С. 310.
- ⁴² Устинов Е. [Е. У. Лозинский]. Какова должна быть программа русской революции? Женева, 1905. С. 3.
- ⁴³ Там же. С. 4—6.
- ⁴⁴ Там же. С. 7, 8.
- ⁴⁵ Там же. С. 8, 9.
- ⁴⁶ Там же. С. 15.
- ⁴⁷ Там же. С. 10, 12.
- ⁴⁸ Нестроев Гр. Из дневника максималиста. Париж, 1910. С. 35—51 и др.
- ⁴⁹ Там же. С. 53—54.
- ⁵⁰ Чернов В. К характеристике максимализма // Социалист-революционер. 1910; Нестроев Гр. Максималисты и максимализм перед судом Виктора Чернова. Париж, 1910.
- ⁵¹ Нестроев Гр. Основные положения максимализма: (Ответ «Революционной мысли»). Париж, 1910. С. 3, 6, 7, 8—9, 19, 21—27 и др.
- ⁵² Там же. С. 9, 12, 13—14.
- ⁵³ Там же. С. 16.
- ⁵⁴ Там же. С. 18. Нестроев писал, что «предпосылки переворота налицо и революция — единственный фактор, могущий реализовать эти предпосылки в трудовую республику» (Там же).
- ⁵⁵ Там же. С. 90.
- ⁵⁶ Там же. С. 75, 76, 79.
- ⁵⁷ Там же. С. 76—79.
- ⁵⁸ Там же. С. 77, 80—83, 88 и др.
- ⁵⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 208.
- ⁶⁰ См.: Революционная мысль. 1908. № 1. С. 1; Евгенийев [Е. Сталинский]. Движущие силы русской революции // Социалист-революционер 1912. № 4. С. 130—131.
- ⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 131—132.
- ⁶² Там же. Т. 17. С. 10.
- ⁶³ См.: Там же. С. 140—142; Волин А. [Я Л. Юделевский]. Вопросы революции // Революционная мысль 1908. № 1. С. 4—6 и др.
- ⁶⁴ Сиверский [В. К. Агафонов]. Философия и террор // Революционная мысль. 1908. № 2. С. 2.
- ⁶⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 141—143.
- ⁶⁶ Там же. С. 145, 143.
- ⁶⁷ Там же. Т. 22. С. 306, 364—365, 369.
- ⁶⁸ Там же. Т. 17. С. 366.
- ⁶⁹ См.: Бах А. Самодержавие и революция // Народное дело. 1909. Сб. 1. С. 32, Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 141—142, 153.
- ⁷⁰ Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 160.
- ⁷¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 108.
- ⁷² Социалист-революционер 1912. № 4. С. 160, 169, 171—172, 174 и др.
- ⁷³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 409.

- ⁷⁴ См.: Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 160, 174; Народное дело. 1909. Сб. 1. С. 32—34, 36 и др.
- ⁷⁵ КПСС в резолюциях. М., 1970. Т. 1. С. 115—116, 151—157, 208, 212—223 и др.
- ⁷⁶ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 97.
- ⁷⁷ Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 238.
- ⁷⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 380—381, 386.
- ⁷⁹ См.: Колосов Е. Михайловский и русская революция // Социалист-революционер. 1910. № 1; 1911. № 3; Б. А. П. Л. Лавров: (К 10-летию смерти) // Знамя труда. 1910. № 26.
- ⁸⁰ Социалист-революционер. 1910. № 1. С. 81.
- ⁸¹ Там же. № 2. С. 8, 15, 17; № 1. С. 50.
- ⁸² Ович С. К вопросу — что делать? // Знамя труда. 1912. № 39. С. 15—16.
- ⁸³ См.: Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 204; 36, 37, 45; Знамя труда. 1912. № 39. С. 16.
- ⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 351.
- ⁸⁵ Знамя труда. 1912. № 40. С. 13; № 39. С. 7.
- ⁸⁶ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 45—47.
- ⁸⁷ Социалист-революционер. 1910. № 1. С. 131, 135.
- ⁸⁸ Крайний [Н. Ракитников]. Социализация земли как тактическая проблема // Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 162; 1910. № 1. С. 138.
- ⁸⁹ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии. . . С. 46.
- ⁹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 81.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² См.: Б. Ю. Разрушается ли община? // Знамя труда. 1911. № 35. С. 3, 4, 6; Социалист-революционер. 1911. № 3. С. 171, 190—191; Воронов Б. [Б. Н. Лебедев]. К вопросу об основах рабочей программы // Социалист-революционер. 1910. № 2. С. 127—128.
- ⁹³ Знамя труда. 1911. № 35. С. 6.
- ⁹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 118.
- ⁹⁵ Там же. С. 65.
- ⁹⁶ Там же. С. 119, 126, 128.
- ⁹⁷ Чернов В. Земля и право. Пг., 1917. С. 182 и др.
- ⁹⁸ Чернов В. Прошлое и настоящее. СПб., 1906. С. 15—17.
- ⁹⁹ Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 160.
- ¹⁰⁰ Дикий [В. В. Лукевич]. От самодержавия к народовластию // Народное дело. 1911. Кн. 4. С. 131—132, 135.
- ¹⁰¹ Там же. С. 148—149, 155.
- ¹⁰² Дикий. Учредительное собрание // Народное дело. 1909. Кн. 1. С. 145—147, 149—156.
- ¹⁰³ Чернов В. Социалистические этюды. М., 1908. С. 18, 23.
- ¹⁰⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 133, 135, 138.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ТРУДАХ НАРОДНИКОВ

*

Профессиональная народническая историография достаточно объективно освещена в исследованиях советских историков. Выявлен круг изучавшихся проблем, крупнейшие представители и их работы (В. И. Семевский, В. Я. Богучарский, В. Е. Чешихин, Р. В. Иванов-Разумник и др.), дана обоснованная оценка их исторических взглядов, проанализированы подходы и концепции, раскрыто место и значение этого направления в общем процессе развития исторической мысли в России в XIX—XX вв., показано значение борьбы В. И. Ленина против народнических воззрений по вопросам теории и методологии изучения исторического процесса, развития капитализма, эволюции социальной структуры, освободительного движения и др.¹

Задача этой главы — показать отношение к истории общественного развития России видных деятелей народнического движения XX в., выяснить цели их обращения к истории, поставленные ими проблемы и сформулированные ими же выводы, установить их связь с теоретическими и социологическими концепциями и теми изменениями, которые наблюдались в народническом учении в 900-е годы. Ответ на эти вопросы потребовал обращения к историческому наследию народников, к рассмотрению методологических позиций, их отношения к изучению истории, а также освещения ими конкретно-исторических проблем развития капитализма в России, эволюции государства, развития освободительного движения, к которому принадлежали и сами народники XX в. Выделяя эти аспекты исторических трудов народников, пришлось отказаться от других, менее тесно связанных с их философскими и социологическими воззрениями (изучение аграрного строя России, крестьянского хозяйства, кооперации), тем более что по этим сюжетам существуют исследования В. Н. Гинева и др.

Наряду с освещением конкретных исторических проблем народники XX в. предпринимают попытки методологического осмысления истории. Народники включали в это понятие объяснение вопросов: что такое история, каков объект этой науки, ее теоретические принципы и методологические приемы, возможность получения объективных знаний о близком и далеком прошлом, критерии их достоверности и научной ценности. И хотя специальных трудов, посвященных методологическим вопросам, было немного, тем не менее они дают достаточно полное представление об отношении идеологов народничества к истории, историческому познанию. Авторами этих трудов были в основном организаторы

и члены партии социалистов-революционеров: Л. Э. Шишко, А. Комов, В. М. Чернов и др.²

Коренные вопросы теории и методологии истории авторы этого направления решали с позиций субъективного идеализма, руководствуясь стремлением опровергнуть материалистическую теорию и диалектический метод. Даже сама постановка вопроса о главном в истории и в связи с этим о самой важной задаче исследователей исторического процесса ставилась народниками в присущей им манере мышления. Так, Л. Э. Шишко формулировал его в виде вопроса «О конечной причине, об основном первоначальном источнике общественной эволюции», об «отыскании единого всеобъемлющего принципа всего исторического развития»³, отчего зависит «непрерывная смена общественных форм»⁴.

Выступая убежденным противником «теории единого фактора, или основного двигателя «истории», опровергая монизм и в первую очередь исторический материализм, Шишко показал, что главное в марксистском учении об обществе он, как и другие народники, не понял. Приписывая монизму марксистской концепции сведение всего исторического процесса лишь к такому фактору, как развитие производительных сил, народники боролись не с марксизмом, а со схемой, ими самими выдуманной, не имеющей ничего общего с материалистическим объяснением истории. Понятие «производительные силы» Шишко объяснял так, словно марксизм видит в них в одних случаях «искусственные органы человека», в других — географическую среду или «средства и способы производства вообще». Известно, что ни то, ни другое не соответствует марксистскому пониманию производительных сил, которые народники постоянно упрощали и извращали.

И хотя на страницах народнических изданий иногда мелькали высказывания о признании заслуг марксизма в изучении экономических явлений, однако почти всегда они сопровождались утверждениями и оговорками о гипотетическом значении учения об обществе, созданного идеологами пролетариата. Для доказательства этой мысли народники прибегали к различным средствам, ничего общего с наукой не имеющим. Они в извращенном виде излагали историческую концепцию К. Маркса и Ф. Энгельса, спекулировали на их высказываниях о том, что ряд вопросов еще нуждается в изучении, упрекали в абстрактном подходе к решению важных вопросов, приписывали идеи, которых теоретики научного коммунизма никогда не разделяли (например, о «бесплодном характере классово-борьбы»⁵).

С целью умаления значения материалистического объяснения истории Шишко противопоставлял марксизму учение других теоретиков, в том числе и Н. Г. Чернышевского. «Что касается России, — писал Шишко, — то ее публицистам и ученым, руководившим умственным развитием нашего общества, нельзя отказать в этом случае в самостоятельной роли; глубокий анализ политической истории Западной Европы и экономических явлений Черны-

шевского и его последователей дал прочные основы русской общественной мысли и создал свою школу в России». Путем такого рода примеров автор пытался обосновать мысль об отсутствии каких-либо приоритетов в разработке проблем общественной науки у марксистов. С этой же целью использовалась социологическая теория М. М. Ковалевского⁶.

Как уже говорилось, материалистическому монизму в объяснении истории идеологии народничества противопоставляли идейный плюрализм. Прогресс в развитии общества объяснялся совокупностью различных факторов, которые в большинстве своем имели идеологический характер. В их числе назывались религиозные верования, «умственный прогресс», «человеческий разум», «философское движение», «общественная мысль», «социальные эмоции» и «общественные чувства»⁷, «эмоциональные общественные силы». Подобными приемами марксистскому объяснению истории противопоставлялся целый набор «доводов», имевших общий характер, — все они связаны воедино с философией субъективного идеализма, последовательными защитниками которой постоянно выступали народники.

Для утверждения своих весьма далеких от науки идей народники прибегали нередко к утонченным формам борьбы и полемики. Например, свою статью о научном понимании истории, построенную на извращении и полном отрицании материализма, Шишко завершал демагогическими заявлениями: «Мы не отрицаем также борьбы экономических интересов как могучего фактора истории; но мы не видим возможности обнять этой формулой всего содержания, а главное, самого механизма исторического процесса»⁸.

Такой же характер имели попытки народнических авторов разобраться в вопросе о закономерностях исторического развития и значении «субъективного элемента» в истории. Шишко закономерность видела в «известной правильности этого движения, подчинении его известному общему закону, созданному разумом человека». Народники усматривали в идее закономерности такого рода повторяемость явлений, которая фактически исключает движение⁹. Эти мысли нередко иллюстрировались либо статистическими данными, либо примерами из природы. Однако ни те, ни другие факты не имели силы научных аргументов при объяснении методологических основ познания законов истории. Даже само понятие развития в истории нередко бралось под сомнение. Утверждалось, что это лишь «метафора, основанная на некоторых сходных чертах между явлениями движения и развития».

В конечном счете все рассуждения Шишко в области теории исторического процесса исчерпывались весьма примитивным объяснением, характерным для народнического мировоззрения. Понимание сложного и противоречивого исторического процесса Шишко сводил к вопросу: «Каким путем и в каком направлении происходили изменения в самом человеке и в его общественной жизни?»¹⁰ Выдвигая эту проблему в качестве главной для истори-

ческой науки, Шишко полностью отвергал социальный аспект истории, утверждая, что «если бы между обществом и личностью существовала такая же полная и неразрывная связь, то в таком случае изменения в обществе обнимали бы собою все изменения, происходящие в его членах¹¹, а процесс истории мог бы быть отождествлен с развитием общества. Но при действительном положении вещей такое отождествление невозможно»¹².

При подобном подходе общество, личность и история рассматривались в отрыве друг от друга, тогда как в реальном общественном процессе история складывается из развития общества и личности, какие бы извращенные формы их отношения и эта эволюция ни приобретали. В рассуждениях народников отсутствовали важнейшие элементы научного подхода к истории: историзм, социальная определенность различных общественных структур, изменчивый характер отношений между личностью и обществом. Провозглашенные народниками принципы изучения истории исключали углубленное научное осмысление больших и сложных проблем исторического прогресса и факторов, его определяющих, подменяя научное познание социологической эквилибристикой, в которой центральное место занимала проблема «личность и общество». Но их теоретико-методологические позиции заметно расходились с практикой, с освещением конкретного исторического процесса, деятельности социальных групп и организаций, отдельных личностей. Этот разрыв между теорией, методологией и конкретным содержанием исторического исследования был весьма характерным явлением для всей народнической историографии начала XX в., проявляясь в самых различных формах.

* * *

Как отмечалось в первой главе, одним из важнейших вопросов, по которому марксисты вели непримиримую борьбу против народнических теорий, была проблема капитализма и перспектив его развития в России. В работах «По поводу так называемого вопроса о рынках», «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве», «К характеристике экономического романтизма», «Развитие капитализма в России» и др. В. И. Ленин дал обстоятельную критику народнических концепций капитализма вообще и путей его развития в России в частности. На громадном фактическом материале В. И. Ленин убедительно показал, что развитие капитализма в России, как и во всем мире, является исторически неизбежным и закономерным процессом. Он развивался по общим для всех стран законам, а его особенностями в России определялись не его сущностью или «национальным типом», как утверждали мелкобуржуазные теоретики, а остатками феодальных пережитков, сдерживавшими его поступательное движение. Именно поэтому, постоянно отмечал В. И. Ленин, «капиталистическая эксплуатация в России приобретает особенно отвратительные формы»¹³. Ленинская концепция,

созданная на основе исторических фактов, имела первостепенное идейно-теоретическое и практически-политическое значение. Она позволяла с научных позиций определить уровень капиталистического развития страны на рубеже XIX—XX вв., раскрыть основные тенденции эволюции классов, бурный рост пролетариата, объективно оценить его противников и союзников по революционной борьбе за демократию и социализм. Отстаивая научное объяснение коренных экономических процессов, происходивших в России, важнейших направлений развития классовой борьбы, партия большевиков во главе с В. И. Лениным вела непримиримую борьбу с мелкобуржуазными теориями и концепциями. Критика Лениным народнических воззрений на капиталистическое развитие России была обусловлена, во-первых, потребностью разоблачения мелкобуржуазного крестьянского социализма; во-вторых, необходимостью борьбы против народнических объяснений классов и классовой борьбы и характера будущей революции, против мелкобуржуазных вариантов решения аграрного и других вопросов, имевших по своему объективному содержанию буржуазно-демократический характер, а выдававшихся лидерами народнических партий за социалистический путь развития¹⁴.

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что концепция капитализма народников XX в. мало чем отличается от подобных концепций XIX в., хотя сами лидеры народничества признавали, что они вынуждены учитывать вступление России в капиталистическую эпоху развития¹⁵. Правда, они игнорировали реальные исторические условия, не видели сущности происходивших процессов и их закономерностей, поэтому критика народниками капитализма носила примитивный, утопический характер и не могла стать основой серьезной программы революционных действий. Главной целью их критики было «опровергнуть» марксистскую теорию и ее выводы. Так, В. Чернов определял значение этой проблемы не в связи с разработкой теоретических основ социализма (например, решение аграрного вопроса на базе изучения проблемы развития капитализма в сельском хозяйстве), а в связи с полемикой между марксистами и «защитниками идейного наследия 70-х годов», т. е. с эсерами, о «положительных и отрицательных сторонах капитализма»¹⁶.

Не понимая сущности марксизма, учения о капитализме как особой общественно-экономической формации, народники не могли увидеть принципиальную разницу между последовательными сторонниками пролетарского социализма и такими теоретиками, как П. Струве, М. Туган-Барановский, Н. Бердяев и другие представители «легального марксизма», проповедовавшие марксизм, «очищенный от революционности»¹⁷.

Главным в теоретической деятельности лидеров народничества стала защита идей, связанных с апологетикой «некапиталистических» форм развития — мелкого крестьянского хозяйства, общины, артелей, кооперации.

В начале XX в. под влиянием бурного развития капитализма идеологи крестьянской демократии начали пересматривать свои взгляды по различным проблемам и прежде всего по вопросу о капитализме в России.

Следует отметить, что в характеристике капитализма и его роли в России нередко преобладал элемент эмоционально-художественного изображения, подменявший глубокое, всестороннее изучение и создание научно обоснованной концепции. Так, ссылаясь на известного писателя Вл. Короленко, изображавшего капитализм в виде господина не первой молодости, в изрядно поношенном костюме, с плутовато бегающими глазами¹⁸, Пешехонов искусно вплетал в эти характеристики и свою негативную оценку. «Сам по себе это был джентльмен более чем сомнительный, — писал он, — но его роль как проводника технического прогресса казалась столь бесспорной, что государственная власть широко распахнула перед ним двери. Нередко она предоставляла ему честь и место даже тогда, когда в его багаже не было никакого прогресса». И далее: «Прежде, чем население успело выработать нужные навыки для борьбы с ним, он уже широко раскинул свои сети». Подобные характеристики давались не в каких-либо поверхностных журналистских статьях, а в обосновании исторических предпосылок и программы партии энесов. Буржуазный строй изображался так, словно у России был иной выбор, а капитализма можно было якобы при желании избежать. Капитализм, утверждал Пешехонов, «явился в страну не только с согласия, но и по вызову правительства, для которого сословный строй служил опорой». Противопоставляя процесс утверждения капитализма в странах Западной Европы и в России, Пешехонов усматривал его особенность в «дружественном сожительстве» между «самобытным феодализмом и международным капитализмом». Это проявилось, по мнению автора, в том, что, «поддерживая всеми мерами крепостные формы эксплуатации трудового народа, самодержавное правительство не только не препятствовало, но и всячески содействовало развитию капиталистических форм»¹⁹.

При таком изображении проблемы капиталистического развития России игнорировался объективный характер социально-экономического процесса, неизбежность и историческая закономерность перехода страны от феодализма к капитализму. Как и в XIX в., утверждалась идея искусственности капиталистической эволюции в такой стране, как Россия, ее насаждении самодержавием, которое поддерживало и «поощряло» капитализм своей политикой («премии и льготы, субсидии и гарантии, таможенные пошлины и казенные заказы»).

Пешехонов отмечал, что влияние русской торгово-промышленной буржуазии на государственные дела все возрастало, и она становилась властным хозяином всей жизни. В целом верно определив характер взаимодействия буржуазии с самодержавием, народник Пешехонов не смог сделать из этого правильные выводы.

ды, ограничившись характеристиками «ненасытной капиталистической утробы», не вскрыв отрицательные последствия этого «для народного организма».

В процессе капиталистической эволюции страны, имевшей при всех отрицательных явлениях в целом прогрессивное значение, либеральные народники увидели лишь всеобщее разорение, якобы делавшее немислимым даже развитие самой промышленности, и «истощение народного организма»²⁰. На этом основании Пешехонов заявлял об «объективной неизбежности подготовленной самодержавием и капитализмом катастрофы». Чаша народного терпения переполняется и «назревший в общественном организме кризис превращается в революцию. Она вызовет глубокие потрясения в общественной структуре, а их глубина зависит, — по утверждению Пешехонова, — от общественного сознания». Таков путь развития страны к революции, которая изображалась Пешехоновым и другими либеральными народниками в виде приближения страшной катастрофы. Эту альтернативу — осуществление народной революции — либеральные народники полностью отвергали, противопоставляя ей мирный, постепенный, бескровный путь развития, основанный на проведении реформ, как это было в 1861 г. При всей несостоятельности исторических и теоретических рассуждений Пешехонова и др. они имели определенный реальный смысл в отстаивании процесса постепенного развития, который объективно мог быть только буржуазным и никаким другим. В этой схеме общественного развития по пути прогресса решающим элементом объявлялось сознание, которое трактовалось как внеклассовое. Об идеях, привнесенных в народническое движение, Пешехонов писал, что они почерпнуты «из той же общечеловеческой сокровищницы»²¹. Вопреки реальным фактам исторической действительности начала XX в., отмеченной острой классовой борьбой, либеральные народники продолжали развивать старые идеи о борьбе за освобождение народа посредством развития сознания, игнорируя реальные социальные отношения, интересы различных слоев общества, их столкновения, остроту противоборства сил демократии и реакции. Этот подход отразился и в программе партии народных социалистов, сочетавшей в себе утопические иллюзии крестьянского, этического социализма и социальные реалии в виде требования национализации земли, отражавшего интересы собственников, объективно боровшихся за буржуазно-демократический тип развития. На это неоднократно указывал В. И. Ленин, анализирувавший народнические аграрные программы²².

Отстаивая свои теоретические позиции, Пешехонов с пафосом заявлял: «За нашу программу мы можем быть в этом отношении спокойны. Жизнеспособность ее доказана всем прошлым русской общественности, и в историю она уже вписана»²³. По-видимому, их больше волновало то, чтобы «вписаться» в историю, нежели научное осмысление и решение реальных проблем общественного развития.

Для энесовских трактовок капитализма характерны все основные черты народнической теоретической доктрины: игнорирование объективного процесса развития, характера происшедших в экономике изменений, непонимание, каким путем пойдет капиталистическое развитие России в XX в., неспособность связать в единое целое экономические, социальные, политические и культурные процессы; подмена научного анализа и выводов утопическими рассуждениями о возможности социализма на основе высокого уровня сознания, пропаганды социалистического идеала и нравственности. Подобные взгляды развивались в теоретических трудах их крупнейших лидеров — Н. Ф. Анненского, А. В. Пешехонова, В. А. Мякотина и др. и были зафиксированы в программных документах партии народных социалистов²⁴. Энесы, как и другие народники, объявляли себя выразителями интересов крестьянства, защитниками хозяйственного мужика. Однако, признавая факт развития капитализма, они не смогли понять его природу, его особенности в деревне, где капиталистическое производство беспощадно расправлялось с традиционными земледельческими порядками, подчиняя их себе²⁵. Критикуя содержание народнических аграрных программ, В. И. Ленин писал, что капиталистический способ производства застаёт поземельную собственность предшествующих этапов общественного развития (землевание родовое, общинное, феодальное, патриархальное) и переделяет его «соответственно новым экономическим требованиям»²⁶. Не понимая этих глубоких изменений в экономике России начала XX в., энесы выдавали свои утопические идеи и программы за реалистические позиции, на основе которых якобы можно привести крестьянство к социализму, минуя ужасы капиталистической эксплуатации.

Исходные позиции эсеров по проблемам капитализма строились, как и у других народников, на абстрактной постановке вопроса: является ли он благом или злом? Это исключало его рассмотрение в связи с общим историческим прогрессом человеческого общества, с борьбой за революцию и социализм. Эсеры признавали капитализм в России реальным фактом²⁷. Однако они подменяли научный анализ проблем капитализма и его закономерностей, вызревания в его недрах объективных и субъективных предпосылок социализма абстрактными рассуждениями об историческом развитии, которое, по мнению Чернова, «всегда представляет равновесную силу, тянущих влево и тянущих вправо».

Развивая свою псевдонаучную теорию о положительных и отрицательных сторонах капитализма, социалисты-революционеры приходили к выводу о существовании в стране двух параллельных процессов: капиталистического с отрицательными чертами — в городе и некапиталистического с положительными — в деревне. Последнее направление, по их мнению, являлось той линией развития, которое якобы и приведет современное общество к социализму²⁸.

К главным положительным факторам эсеры относили: кооперацию, общину, артели, развивавшиеся якобы вне капитализма, а также сознание, народную психологию²⁹. Все эти идеи были включены в программу³⁰, и теоретики партии эсеров считали их своей большой заслугой. Так, развивая подобные взгляды, А. Козмов писал, что в программе партии эсеров содержится якобы весьма правильное представление о капитализме как системе «элементов положительных и отрицательных, прогрессивных и регрессивных, равнодействующая которых, насколько историческое движение определяется стихийными факторами, может вести к высшим формам общежития, но может также давать компенсацию или даже перевес гибельных сторон над элементами творческими и созидательными»³¹. Вопрос о положительных и отрицательных сторонах капитализма Чернов считал кардинальным вопросом споров между народниками и марксистами, извращая таким способом всю сущность полемики, имевшей место в 80—90-е годы XIX в. и продолжавшейся в XX в.³² Как уже отмечалось, В. И. Ленин критиковал эти идеи эсеровского толка, показывая их искусственность, отрыв от жизни, называя эти утверждения повторением теории старого народничества 90-х годов «особых судьбах капитализма в России»³³.

Для концепции эсеров характерно сильное преувеличение социально-экономической отсталости России, которую они усматривали в слабой степени развития промышленности и городов, в низком культурном уровне страны³⁴. В отличие от марксистов эсеры абсолютизировали отсталость России, не видели процесса бурно развивавшегося капитализма и в городе и в деревне. Если для марксистов главным в оценке отсталости были пережитки феодализма, то для народников основным показателем был низкий уровень сознания масс. Изучение реальной капиталистической действительности эсеры подменяли субъективными трактовками, которые выводились ими из искусственных схем и основывались на отрицании закономерностей развития капитализма как способа производства.

Акцентируя внимание на «своеобразии», искусственном характере развития капитализма в России, эсеры утверждали, что на Западе капитализм развивался постепенно, путем отмирания одних форм и появления других. Это создавало якобы определенную гармонию между разрушительными и созидательными тенденциями капитализма. Тогда как в России этот процесс принял иное содержание и, по утверждению Чернова, был «продуктом чуть ли не вчерашнего дня», когда «от примитивных форм эпохи натурального хозяйства приходилось делать скачок к высшим формам европейской промышленности, взяв их готовыми и пересадив на родную почву»³⁵. Эти идеи мало чем отличались от мнения либеральных народников о насаждении капитализма царским правительством и его политикой. Утверждения об искусственности русского капитализма, отсутствии базиса для его развития уходили своими корнями в старые, народнические схемы о «самобыт-

ном» развитии России, «основывались на субъективно-идеалистических взглядах на законы общественного развития»³⁶. Такой же абстрактный характер имели и сформулированные эсерами законы капиталистической эволюции³⁷. Прогресс производительных сил страны эсеры связывали не с развитием капитализма и победой социалистической революции, а с различными формами кооперации, которые должны якобы привести к социализму³⁸. Критикуя эти воззрения эсеров, В. И. Ленин писал: «Их представление о пути, ведущем к социализму, бесподобно характеризуется заменой классовой борьбы развитием кооперации»³⁹. Эти точки зрения В. И. Ленин называл «мещанской утопией»⁴⁰, ибо в условиях капиталистического развития кооперация не может привести к социализму.

Народники постоянно заявляли о том, что они являются противниками угнетения и неравенства, борются за социальную справедливость, свободу, за социализм. Однако в их трудах отсутствовало глубокое теоретическое объяснение экономических процессов, связанных с капиталистической эксплуатацией и пережитками феодализма в России. Все они стали, по словам Ленина, «внеклассовым судьей капитализма, а не выразителем класса, который порождается как раз в силу разрушения старых форм жизни капитализмом»⁴¹. Согласившись с наличием элементов капитализма в области промышленности, народники XX в. отвергали все марксистские объяснения развития капитализма в деревне, доказывая, что мелкое крестьянское хозяйство, развиваясь вне капитализма, концентрируя в себе черты «народного хозяйства», способно якобы успешно противостоять капитализму. Рассматривая крестьянское хозяйство как экономическую основу для развития страны по пути к социализму, народники были уверены в сохранении крестьянства как класса в его неизменном виде. Они основывали эту уверенность на якобы относительно устойчивом характере мелкого крестьянского хозяйства и его успешной борьбе с капиталистическими земельческими предприятиями⁴². Сложную проблему развития капитализма в сельском хозяйстве теоретики народничества подменяли бессодержательными рассуждениями о том, что «в сельском хозяйстве капитализм по преимуществу развивает свои отрицательные, разрушительные тенденции и весьма плохо выполняет свою положительную, организующую работу»⁴³. Приписывая «устойчивость» мелкому крестьянскому хозяйству, они усматривали в нем носителя социального прогресса как в деревне, так и во всем обществе. Эти идеи свидетельствовали о все усиливающейся реакционной тенденции в утопических теориях идеологов крестьянского социализма. Они связывали победу нового строя с организациями типа общины, индивидуального крестьянского хозяйства и др.⁴⁴ Правда, некоторые теоретики народничества вынуждены были признать разложение общины в начале XX в., однако они с прежней настойчивостью продолжали доказывать, что «общинные инстинкты и навыки» остаются главными для народников, хотя сама

община «искажена и изуродована»⁴⁵. С помощью этих крайне противоречивых трактовок народники пытались критиковать марксизм, экономическую теорию, основанную на объективном познании исторической действительности. Их упреки в адрес марксизма, как показал В. И. Ленин, свидетельствовали о полном непонимании марксизма, теории капитализма и законов его развития, о неспособности теоретиков народнической доктрины «выставить против марксизма хотя чего-либо похожего на цельную, прямую, ясную социальную теорию»⁴⁶. Это было и в XIX, и в XX в. Отвергая существование буржуазных отношений в деревне, народники не могли с научных позиций определить важнейшие тенденции социально-экономического развития страны, а следовательно, и реальные перспективы революционной борьбы в городе и деревне, понять характер революции в России⁴⁷.

Народники не могли объяснить социальную сущность государства, структуру российского общества и ведущие тенденции его эволюции.

* * *

Будущее Русского государства интересовало народников главным образом в связи с перспективами борьбы за освобождение народа от самодержавия. Они пытались дать ответ на вопрос о том, какой тип государства нужен и возможен в России после ликвидации самодержавия. В теоретическом плане эта проблема решалась всеми народниками одинаково: победа народа над самодержавием приведет к утверждению народовластия. Как самодержавие, так и народовластие были лишены в этих рассуждениях реального, классового содержания. Подобный подход лишал возможности рассмотреть историю государства с научных, объективных позиций. Проблема будущего государственного устройства рассматривалась с точки зрения прошлого, а не реальных отношений классов и их позиции. Отсюда обращение к идее Земского собора, которая усиленно муссировалась народниками. Так, один из лидеров партии энесов В. Мякотин выступил с рефератом на заседании Крестьянской комиссии петербургского Вольного экономического общества 23 марта 1905 г. на тему «Идея Земского собора в русском прошлом и настоящем». Отмечая, что бурные события 1905 г. поставили вопрос о государстве особенно остро, Мякотин обращал внимание на появление в определенных кругах общественности «оригинального лозунга о преобразовании форм русского государства путем возвращения к московской старине», т. е. Земского собора «как исконно русского учреждения». И хотя автор постоянно наталкивался на факты, свидетельствовавшие о том, что это был орган господствовавшего класса феодалов, он продолжал рассуждать о «голосе народа», «воле населения», «нравственном авторитете», «групповом представительстве как первоначальной форме представительства» и тому подобных внеклассовых оценках, отражавших идеал народнических мечтаний о надклассовых органах управления. Автор справедливо связывал

воскрешение идеи Земского собора в XIX в. со славянофильством. Однако дать объективную, научную оценку этому социальному институту средневековья он так и не смог. Более того, и выдвинутая им идея Учредительного собрания⁴⁸ как альтернатива Земскому собору не имела реального содержания. Она основывалась не на оценке соотношения классовых сил, их борьбы, а на проповеди важности его признания. «Путь правильного развития для России возможен лишь один — в признании за народом права и власти самому устраивать свою судьбу. Всякое отступление от этого пути влечет за собою серьезную опасность, а полный отказ от него, соединенный с попытками восстановления форм давно отжившей старины, знаменовал бы собой победу реакционных сил, далеких от понимания народных интересов, если не прямо враждебных народу», — таков конечный вывод Мякотина, рассматривавшего проблему власти, роли государства в истории России и в будущем обществе с позиций народнического идеала — народовластия. Поэтому и предлагаемый вариант — Учредительное собрание — не учитывал самого главного — классовой природы этого органа власти, его реальной роли в истории. Объективно идеал будущего общества представлялся народнику Мякотину в виде буржуазной демократической республики, прикрытой громкими фразами о народовластии, конституционном порядке, демократических принципах, что имело место во всех буржуазных государствах. Он считал, что таким образом возможно «мирное разрешение неизбежных в государственной жизни конфликтов» путем «крутой и глубоко идущей реформы, способной обеспечить русской жизни согласное с народными интересами направление»⁴⁹. Прикрываясь словами о благе и интересах народа, энесы утверждали буржуазно-либеральные идеи, совсем не соответствовавшие интересам трудящихся масс.

С несколько иных позиций освещал проблему государства другой лидер либерального народничества А. Пешехонов. Доказывая, что взаимоотношения между личностью и обществом не могут строиться в иных формах, кроме как государственных, Пешехонов развивал идеи, весьма далекие от научной концепции государства и его роли в жизни общества. В нашем мировоззрении, рассуждал он, «забегая мыслью намного вперед, мы можем доходить до анархизма; но в своей общественно-политической программе, обязанной держаться возможно ближе к жизни, мы должны быть и остаемся государственниками». Основным аргументом в пользу этого тезиса Пешехонов справедливо считал то обстоятельство, что «государственная форма общественной организации в истории оказалась наиболее жизненной и в наши дни является наиболее авторитетной. Силою вещей к этой форме должны тяготеть и восходить даже те программы, в основе которых лежит классовая и национальная точка зрения».

Абстрактное государство будущего наделялось такими эпитетами, как «народное», «трудовое», «солидарное», «социалистическое», «справедливое»⁵⁰. Однако за всеми этими характеристика-

ми не было реального, социального содержания и четкого определения пути и средств достижения этой цели. Поэтому все эти рассуждения имели схоластический, оторванный от жизни и социальных отношений характер. Даже провозглашение таких формул, как недопустимость частной собственности «на землю и силы природы», орудия труда, передача продуктов труда в «общее пользование», ликвидация «частной выгоды» и т. п., оставались лишь надеждами, лишенными реального социального содержания в силу отсутствия у народников глубокого теоретического осмысления современного общества и перспектив развития страны. Более того, все сложнейшие проблемы будущего развития России Пешехонов намеревался решать на основе своих утопических представлений о социализме, игнорируя наличие классов и классовой борьбы в современном обществе, демонстрируя этим непонимание социального смысла реальных отношений, опасности для теоретика отвлечения от объективных условий. «Я сознательно устранил элемент междуклассовой эксплуатации, которым проникнуты теперь все хозяйственные отношения, так как теоретически мыслимо, что он может быть существенно ограничен и даже сведен на нет еще до обобществления хозяйства», т. е. до проведения реформы по национализации. Из подобного рода высказывания хорошо видно, что при рассмотрении конкретных событий Пешехонов склонен был признавать наличие классовой борьбы, а в теоретических рассуждениях он старался ее исключить, так как она мешала утверждать народнические представления о государстве, его внеклассовом характере.

Таковы были представления народников либерального направления о государстве. Отказываясь от анализа классовых отношений в прошлом и в современном обществе, народники усматривали главную цель своих теоретических поисков в определении перспективы на будущее: «. . . наступит время, когда все человечество сплотится в одно неразрывное целое и составит одно общество»⁵¹. Этой подменой научного объяснения мечтаниями и верой в светлое будущее народники обрекали себя, как это не раз уже было в истории, на теоретических крах и политическое поражение, что и произошло в 1917 г. Свою идею государственности Пешехонов пытался обосновать историческим материалом. Однако ни на один вопрос, начиная с возникновения государства и до современных проблем его развития, он не мог дать четкий ответ.

Проблему возникновения государственности на Руси он решал с позиций, близких либерально-буржуазной историографии. «На обширной равнине, — писал Пешехонов, — почти повсюду доступной врагу, свыше тысячи лет тому назад возникла русская государственность». Две основные функции автор приписывал государству: раздвигать государственные пределы «до естественных границ» и «выдержать упорную борьбу с кочевниками». Выдвигая на первый план внешнеполитические задачи государства, Пешехонов пытался конкретизировать свою позицию идеей о том, что внешняя безопасность не была единственной потребно-

стью русского народа «как коллективной личности». Однако далее шли рассуждения, которые сводили на нет эти оговорки. Создание государственной организации, отвечающей потребностям обороны, сделалось, по мнению автора, «главной задачей общенародной жизни», что «надолго предопределило собою и характер русского государства, и его форму, и все внутреннее его отношение»⁵². Игнорируя экономические условия и классовый фактор в возникновении государства, реальные исторические и социально-экономические причины его появления, среди которых охрана границ не была главной, Пешехонов как типичный идеолог мелкобуржуазного толка, отстаивал идею «национального характера» этой государственности, что не соответствовало действительности, ибо исторически Россия начала развиваться как многонациональное государство. Автор изображал народ так, словно война была его главным занятием. В течение тысячелетий истории, утверждал Пешехонов, «война ведь была единственным общенародным делом, в котором эта масса принимала активное участие. Лишь в войнах она сознавала свое народное единство, лишь во вражде к другим народам выражались ее общенародные чувства, лишь в борьбе с ними могли найти себе выход ее общенародные стремления»*. С таких позиций описывал Пешехонов многовековую борьбу русского народа за свою независимость, извращая историю развития государственности, которую создавал якобы сам русский народ, оказавшийся в бесправном положении. Игнорируя внутренние, социально-экономические процессы, Пешехонов не смог разобраться в такой сложной проблеме, как формирование феодализма, подменив анализ важнейших явлений поверхностным описанием эволюции государственности в России от татарского нашествия до конца XVIII в. Главной для Пешехонова была идея о том, что самодержавие, установившееся на Руси, является противоестественным состоянием: «самодержавный царь сверху и бесправная масса внизу»⁵³. Поэтому вся русская история «подгонялась» под этот тезис.

Экскурс в русскую историю Пешехонов завершал такого же рода выводом. Он гласил, что «самодержавие или... нынешняя форма русской государственности представляет из себя самодовлеющий институт, хотя и сложившийся под влиянием имевшихся когда-то в народной жизни импульсов, но уже давно функционирующий вне всякой связи с народными интересами и даже в прямой ущерб им». Такими рассуждениями всю историю страны и народа Пешехонов сводил к развитию самодержавия, а в его упрочении, которое отвечало интересам господствовавших классов, хотел того автор или нет, фактически он обвинял народ. И хотя он делал оговорку о том, что в действительности «процесс

* С подобными же рассуждениями нередко выступают «прорабы перестройки» (А. Н. Яковлев и др.), повторяя эти старые мысли давно сошедших с политической арены мелкобуржуазных демократов. — *Ред.*

социального развития страны значительно сложнее», однако это ни в какой мере не меняло его сущности, заимствованной из господствовавшей в начале XX в. государственно-либеральной историографии — государственной школы, которая усматривала главное в эволюции государства, игнорируя историю народов России, их борьбу с бесправием и деспотизмом аппарата насилия с момента его появления.

Самой популярной темой в народнической литературе начала XX в. была история освободительного движения и общественной мысли. Выше было показано, что к изучению идейного наследия народников, особенно Михайловского, их последователи XX в. обращались для укрепления своих идейных позиций, защиты основных постулатов народничества, разрушавшихся в условиях роста классовой борьбы пролетариата и бурного распространения марксизма. Они стремились доказать, что народническая доктрина и основанная на ней программа имеют глубинные корни в истории русского освободительного движения, а сами народники являются истинными хранителями и продолжателями идейного наследия прошлых поколений революционеров. С этим было связано желание представить всю историю классовой борьбы и освободительного движения со своей, народнической точки зрения, несколько подновив ее идеями начала XX в.

И хотя народники пытались осмыслить исторический процесс освободительного движения в России, однако справиться с этой задачей им не удалось, так как они рассматривали его с позиций роли личности в истории, проявления ее индивидуальных способностей. Такой подход, в котором игнорировались реальный процесс освободительного движения и эволюция общественной мысли в их поступательном движении, сводил все сложные проблемы к характеристике отдельных личностей, их мировоззрения, практической деятельности. Это мешало воссоздать эволюцию общественной мысли, роль революционных и передовых традиций, причины появления новых идей и концепций, которые имели глубокие социальные корни, будучи связанными с конкретными социальными силами. Поэтому все выступления народников по вопросам освободительного и революционного движения были пронизаны идеями крайнего эгоцентризма.

Известны многочисленные высказывания лидеров народничества по проблемам освободительного движения. Так, разрабатывая программу партии энесов, Пешехонов доказывал, что она не является чем-то новым, «только что зародившимся в недрах русской общественной мысли и впервые лишь дерзающим заявить о себе на арене русской общественной жизни. И в мысли и в жизни она уже имеет свою более чем столетнюю историю». И далее: «Зародилась она еще на заре русской общественности. Уже у Радищева мы находим основные элементы нашей программы»⁵⁴. Не называя эти элементы и не объясняя их содержания, Пешехонов тем не менее утверждал, что была большая преемственность в развитии освободительной мысли XVIII в. — от Радищева до Ми-

хайловского и народников XIX в. «До нас оно (направление. — Г. А.) дошло уже в виде глубокой исторической традиции, и эту традицию мы приняли»⁵⁵, — заявлял он.

Идею традиции народники пытались соединить с вопросом влияния Запада на развитие русской общественной мысли и освободительного движения. Крайне редки были попытки отдельных представителей русского общества осмыслить собственное мирозерцание на основе вновь приобретенных знаний и взглядов. «Так на почве общения с умственными течениями Запада зарождалось идейное движение в недрах самого русского общества»⁵⁶. Самым крупным деятелем этого движения явился Радищев. Для Мякотина, как и для других представителей этого течения, передовая общественная мысль России представлялась синтезом идей Запада и осмысления русской действительности, что было весьма близко к трактовкам этого вопроса буржуазно-либеральной историографией, отличаясь от нее лишь большим вниманием к внутренним проблемам страны — к борьбе с крепостничеством, бесправием и унижением. Однако Мякотин не смог понять воздействие социальных условий России на становление личности Радищева.

В большей мере автор подчеркивал влияние идей Руссо и Мабли на формирование мировоззрения русских студентов, в том числе и Радищева. Описывая их знакомство с западноевропейской передовой мыслью, Мякотин особо выделял те стороны, которым идеологи народничества всегда придавали первостепенное значение. «Радищев и его товарищи искали и находили в них (сочинениях западноевропейских мыслителей. — Г. А.) не только теоретическую истину, но и этический идеал. Основные черты этого идеала стояли в тесной и непосредственной связи с высоким понятием о значении человеческого разума, определяющего собой всю жизнь». Таким образом, все сложные проблемы формирования философских и политических воззрений Радищева сводились Мякотиным к одной проблеме — роли разума. Этот подход не только упрощал проблему, но и извращал ее в духе народнических представлений о сознании человека как определяющем факторе общественного прогресса, якобы независимом от социальных условий. С этих позиций рассматривал Мякотин и всю литературную деятельность Радищева⁵⁷, не пытаясь проанализировать ее значение с социальной точки зрения. Особенно заметно это проявилось в оценке труда А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором, по мнению автора, Радищев не выступал «самостоятельным мыслителем в строгом смысле слова». Вместе с тем Мякотин утверждал, что Радищев пытался «на фундаменте известных ему философских и политических теорий воздвигнуть здание более или менее цельного мирозерцания, и, принимая во внимание исторические условия, нельзя отрицать за этим мирозерцанием ни продуманности, ни известной стройности». Всю сумму сложных вопросов, связанных с характером и оценкой мировоззрения Радищева, Мякотин свел к весьма поверхностным

заклучениям. Их суть состояла в том, что Радищев не примкнул к «главным выводам философии материализма», что по своим религиозным воззрениям он был деистом, а главным благом считал свободу мысли, не стесняемой никакими внешними рамками⁵⁸.

Особенно высоко Мякотин ценил ту часть книги Радищева, в которой описывался современный русский быт: «Богатство разбросанных в книге типичных бытовых подробностей из жизни различных общественных классов и умелый подбор материала по основным вопросам государственного и социального строя России в еще большей степени обличают в ее авторе пристально вглядывавшегося в окружающую его действительность и хорошо изучившего ее». Эти разделы книги Радищева особенно потрясли изображениями тяжелого положения крепостного крестьянства, бесправия народных масс, отсутствия в общественной жизни «сколько-нибудь высокого этического идеала», злоупотреблений царской администрации. Радищев, писал Мякотин, «горячо убеждает своих современников приступить к освобождению крестьян и набрасывает свой план такого освобождения, отличающийся замечательною для того времени широтой и трезвостью мысли». Идею Радищева освободить крестьян с предоставлением в собственность обрабатываемых ими земельных наделов Мякотин оценивал очень высоко: «Радищев далеко опередил не только всех русских своих современников, но и большинство западноевропейских мыслителей своей эпохи»⁵⁹. Импонировали Мякотину и взгляды Радищева на роль разума в прогрессе человечества, в его освобождении от рабства. «Стихийные стремления народной массы и просвещенное сознание единичных личностей, возвышающее их над узкими личными и классовыми интересами, — таковы, стало быть, были в представлении Радищева те устои, на которых он рассчитывал построить мост через пропасть, лежавшую между действительностью его эпохи и его идеалом». И далее Мякотин утверждал, что «история в общем оправдала эти расчеты» 70 лет спустя после выхода книги и более полувека после его смерти⁶⁰.

Однако для него Радищев был не провозвестником революционных идей в России, а человеком, «глубоко усвоившим главные результаты западноевропейской мысли и сознательно увидевшим в них не только теоретическую истину, но и средство служения благу народной массы на своей родине. Благородный идеалист, далеко опередивший свой век, пал жертвою смелости своей мысли. Но начатое движение не остановилось с его гибелью и деятельность его самого не прошла бесследно. Брошенное семя вошло в почву и следующие поколения увидели его первые ростки». Такова была оценка Мякотиним всей деятельности Радищева как мыслителя, гражданина, писателя. При этом замалчивалось отношение Радищева к революции, искажалось его мировоззрение, особенно материалистическая тенденция, преувеличивалось значение сознания и роли выдающихся личностей, предпочтение явно отдавалось реформе. Таким образом авторы стремились достичь своей главной цели — изобразить Радищева как предшественни-

ка народнической доктрины, сторонника реформ, мирного пути освобождения крестьян с землей.

Весь процесс развития русской освободительной мысли изображался либеральными народниками как процесс борьбы, лишенной какого-либо классового содержания. После расправы с Радищевым, утверждал Пешехонов, идеи возродились и борьба возобновилась. «И вновь мятежная мысль была беспощадно подавлена, и вновь она вспыхнула. Вновь и вновь. . . Появлялись новые и новые мыслители, вырастали все новые борцы и деятели». Народники типа Пешехонова изображали себя верными хранителями «богатого наследства», продолжателями дела декабристов, Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского, Лаврова, Михайловского: «Наша обязанность идти прямо и продлить великую традицию. Наша программа должна явиться новым звеном великой идейной преемственности. . . Великие принципы направления мы должны перелить теперь в жизненные формулы». Однако особенно усиленно брался под защиту Михайловский, которого, по словам Пешехонова, русские социалисты (т. е. марксисты) ниспровергали как «идеолога мелкой буржуазии»⁶¹. Подобными выступлениями в защиту Михайловского пронизаны все работы либеральных народников XX в.

Истолковывая по-своему процесс развития социалистической мысли в России, Пешехонов утверждал: «Идеалы социализма не были видны Радищеву и не совсем ясны даже декабристам; петрашевцы восприняли их как увлекательную, но не доказанную утопию; до нас они дошли в виде научно обоснованной уже доктрины»⁶².

Большое внимание уделялось в народнической историографии освещению роли Герцена в истории русского революционного движения. Он рассматривался как родоначальник русского народничества, заложившего наряду с Чернышевским основы того мировоззрения, наследниками которого стали народники XIX в., а затем лидеры этого течения в XX в. Поэтому на первый план в деятельности и мировоззрении Герцена выпячивались те стороны, которые были близки народникам и задачам их борьбы в XX в. Особенно импонировали им идеи Герцена о роли личности и путях ее освобождения от гнета и несправедливости посредством нравственного совершенствования и всемерного развития образования, об эволюции русской общины как средства достижения социализма, о роли этического идеала в борьбе за освобождение личности и общества. Постоянно подчеркивался бессловесный и внеклассовый характер мировоззрения Герцена, пропагандировались его взгляды на достижение социализма мирным, реформистским путем без революционных потрясений и радикальных изменений⁶³.

Литература об Н. П. Огареве, появившаяся на страницах народнических изданий в 1913 г. в связи со 100-летием со дня его рождения, отличалась крайней противоречивостью и поверхностностью⁶⁴.

Отвергались идеи о чрезмерном влиянии Огарева на Герцена, о роли «второй скрипки при гениальном виртуозе», однако им не противопоставлялась объективная оценка Огарева как революционера и идеолога, внесшего свой определенный вклад в историю освободительного движения России. На первое место авторами народнического направления выдвигались идеи, которые в той или иной мере отвечали народнической доктрине. Называя Огарева, Герцена и Чернышевского лучшими людьми России, Русанов писал, что им принадлежала честь «убедительно и по-своему красноречиво защищать ту формулу решения величайшего вопроса тогдашней России, крестьянского вопроса, которая требовала освобождения сельского населения с землей и с сохранением общинного владения»⁶⁵. Эта идея стала ведущей в статьях об Огареве. Замалчивалось его отношение к революционному переустройству общества, открытые призывы к подготовке крестьянской революции. Зато с восторгом описывались его настроения и колебания накануне отмены крепостного права, его отношение к общине. Огарев, писал Русанов, «рассматривает общину как счастливую особенность русской жизни в данный момент. Он видел в ней и «зародыш», из которого при надлежащих условиях может создаться строй и благоприятный для народа, и удовлетворяющий требованиям западной социалистической науки». Как и в ряде других работ, Русанов противопоставляет Огарева славянофилам, отвергая тем самым идею о генетической связи народничества со славянофильством. Огарев, писал Русанов, выступал «не с точки зрения какого-нибудь славянофильства, умиляющегося перед всяким историческим шлаком, налипшим на русском общественном организме. Он подходит к вопросу об общине с непосредственным знанием жизни и с теоретическими данными европейской науки». И хотя Русанов упрекал Огарева в некоторой утопии⁶⁶, однако ее проявление в главном — в общинном социализме — он не видел, ибо сам принадлежал к этому направлению. Так идеи видных представителей освободительного движения XIX в. брались под защиту идеологами крестьянского утопического социализма XX в., что приводило объективно к их отождествлению, к отходу от историзма и к идеализации.

Следует сказать, что в народнической литературе начала XX в. Н. Г. Чернышевский занимал более скромное место, чем Н. М. Михайловский, П. Л. Лавров и другие народники. И хотя о Чернышевском писали с восторгом, однако серьезного анализа и глубокой оценки его теории в народнической литературе, игравшей роль идеологического *сredo*, было крайне мало. Следование традициям Н. Г. Чернышевского в большей степени провозглашалось и фактически почти не осуществлялось. Народнические авторы постоянно подменяли личностными характеристиками самое главное в деятельности Чернышевского, его передовые демократические позиции, высокий уровень теоретического, философского и экономического мышления, его активное воздействие на революционное движение в России. Либеральные народники

объявляли его «своим святым», пели дифирамбы «правоте великого мировоззрения труда». Однако дать объективную оценку его деятельности как выдающегося русского мыслителя XIX в. они не могли. В основном они отделялись громкими фразами довольно бессодержательного характера о том, что Н. Г. Чернышевский мог «при всей необыкновенной гуманности в столкновениях с людьми всякого рода быть непоколебимым в своих нравственных идеалах и среди самых чудовищных внешних условий жизни проявлять поистине религиозное отношение к задачам человеческой нравственности и служению своему мировоззрению»⁶⁷. Такого рода характеристики Н. Г. Чернышевского были наиболее распространенными в народнической литературе дооктябрьского периода.

С подобных позиций рассматривал развитие революционного движения в 60-е годы XIX в. другой либеральный народник Н. Анненский. Главной чертой общественного движения России этого времени Анненский считал участие в нем широких общественных слоев, называя это время «эпохой общего подъема»⁶⁸. Особенности общественного движения 60-х годов виделась ему в том, что «все эти течения, при всем различии в их силе, глубине и значении шли в одном общем направлении. Все общественное движение представлялось одною широкою, поднимающеюся волною, захватывающею собою и правящие сферы, и средние круги обывателей, не совсем чуждых общественным интересам, и передовые ряды интеллигенции страны». Автор, правда, признает, что во второй половине 60-х годов эта однородность исчезает, между различными элементами обнаруживается разлад, переходящий порой в острые столкновения, «прогрессивные течения замедляются, а затем изменяют и самое направление; начинается и растет реакция». С 1866 г. реакционное течение усиливается и становится господствующим, «глубокое угнетение сменяет бодрое настроение начала преобразовательной эпохи». Подъем 60-х годов Анненский называет «периодом реформ и общественного обновления, в центре которого стоит великий акт освобождения крестьян». Освободительное движение в изображении Анненского выступало как явление, сопутствовавшее реформам, тесно связанное с ними, а не как борьба за решение аграрного вопроса в интересах крестьян. При таком подходе активная борьба Чернышевского и «Современника» за революционный путь решения аграрных проблем, завоевание «земли и воли», т. е. освобождения от крепостничества, растворялась в оппозиционном движении, в «обновительном движении»⁶⁹, сторонниками которого были и авторы и организаторы этой реформы. Такой же характер имели и оценки Анненским идейного движения, связанного с падением крепостного права. Игнорируя факты острой идейной борьбы между либеральным и революционным течением общественной мысли тех лет, автор изображал их как единое целое. «Идейное движение, — писал Анненский, — связанное с падением крепостного права, достигло своего расцвета накануне самого акта эмансипации».

Все общество автор делил на два лагеря — сторонников и противников реформы, «охранителей старых устоев». И хотя автор отмечает, что «освободительная волна составила из очень многих и очень разнообразных течений», тем не менее он в силу своей классовой ограниченности не мог разграничить либералов и революционеров. Крестьянское движение изобразил народником как «глухое брожение», заявлявшее «о своих ожиданиях и своих намерениях». «Единственным организованным общественным элементом», по мнению Анненского, было дворянство, роль которого в реформе была «скорее отрицательная, чем положительная». К числу положительных явлений Анненский относил «неорганизованный» общественный элемент — общественное мнение и его представительницу — печать. Они, по мнению автора, «способствовали созданию той общей нравственной атмосферы и того идейного течения в обществе, которые являются могучею поддержкою освободительной работы и только при наличии которых и возможно было осуществление реформы в размерах, сколь-нибудь отвечающих потребностям времени»⁷⁰. Подобная точка зрения на движение, которое имело место в 60-е годы, мало чем отличалась от восторгов либералов, расценивавших реформу как «великое завоевание» и «великую эпоху»⁷¹. «Крестьянская реформа, — утверждал Анненский, — со всеми перипетиями ее осуществления, являлась несомненно основным, самым выдающимся общественным фактом эпохи шестидесятих годов. Это окрашивало и все идейное течение этой эпохи. Подобного рода характеристики 60-х годов — реформы 1861 г., ее итогов, состояния общественной мысли — свидетельствовали о том, что народники — либералы не способны были объективно оценить ни буржуазный характер реформ, ни их классовую ограниченность, ни сохранение остатков крепостничества, ни их реальные последствия для развития страны. Все сводилось к народническим оценкам ее итогов, которые виделись им в том, что «естественным последствием падения крепостного права должна была явиться перестройка всех отношений и всех ходячих воззрений и положений принятого кодекса общественной морали». Главные сдвиги в общественной жизни автор усматривал в «встрепенувшейся общественной мысли», в «общих основах мирозерцания», «личной морали», в пробуждении «духовной жизни», «общественной совести»⁷².

И хотя народники ХХ в. объявляли себя последователями шестидесятников, однако оценка их роли давалась без глубокого анализа реального значения демократов и их борьбы. И в то же время Анненский не прошел мимо таких черт шестидесятников, как последовательная защита «интересов народной массы». Весьма интересным было наблюдение Анненского относительно демократизма Чернышевского и его позиции. Воззрениям Чернышевского, писал Анненский, «совершенно чужды были некоторые типические черты народничества позднейшего времени. . . В центре его общественного мировоззрения лежали интересы народа — прежде всего интересы крестьянской массы, составляв-

шей главную часть народа; около этих интересов в перспективе располагались все остальные общественные вопросы; но Чернышевский, рационалист до мозга костей, совершенно не склонен был к идеализации тех или иных бытовых форм народной жизни, отличавшей поздних народников». На этом основании автор считал невозможным назвать Чернышевского народником, предпочитая охарактеризовать «стройную систему» его общественных воззрений как «демократическую». Эту демократическую систему общественных воззрений автор считал прочным завоеванием общественной мысли⁷³. Высоко оценивал Анненский и деятельность Чернышевского в «Современнике», который стал «властителем дум поколений». Однако он счел нужным сделать весьма существенную оговорку относительно «односторонности раннего демократизма». Она виделась Анненскому в том, что «слишком преобладал экономический элемент перед всеми остальными». Автор предлагал отказаться от самого значительного достижения общественной мысли 60-х годов — понимания роли экономического фактора в истории. По его мнению, «слишком властно захватывали тогда внимание именно экономические интересы народа...». В такой весьма утонченной форме фактически проводилась идея о том, что народники XX в. отказывались от революционных традиций шестидесятников, хотя постоянно твердили о намерениях продолжать их дело, их борьбу за освобождение народа от пут эксплуатации и бесправия⁷⁴.

Народники XX в. очень часто представляли себя и преемниками революционеров-семидесятников, однако понять и объективно оценить это движение они не смогли. В 1913 г. на страницах журнала «Вестник Европы» появилась статья В. В. (В. П. Воронцова) «„Корни“ народничества семидесятых годов», посвященная книге историка народнического направления В. Я. Богучарского «Активное народничество семидесятых годов» (1912).

Автор статьи упрекал Богучарского в том, что в его сочинении читатель не найдет «ни разносторонней фактической картины движения, ни правильного и полного представления о его социологических основах, происхождении, историческом смысле, ближайших и отдаленных его последствиях»⁷⁵. По мнению критика, Богучарский пошел по линии наименьшего сопротивления, изложив в своей работе наиболее доступную сторону движения 70-х годов — его идеологию, используя для изучения опубликованную литературу. Воронцов считал такой подход предвзятым, так как «составленная на основании односторонних данных схема» повлияла на дальнейший подбор материала и освещение явлений, что привело автора к односторонним выводам. Он упрекал Богучарского в преобладании идеологической точки зрения над социологической, в упрощении и схематизации изучаемого явления⁷⁶.

Из всей совокупности проблем автор избрал для критики в сущности два вопроса: общие черты народничества 70-х годов,

причины неудач «хождения в народ» семидесятников, и «корни», точнее идейные истоки, народничества названного периода.

Резко отрицательное отношение вызвало у Воронцова положение Богучарского о том, что, выдвинув главные идеи анархизма и социализма, народники 70-х годов пошли с этими идеями в крестьянство, будучи уверенными, что это принесет успех, и народ сам освободит себя от рабства. Несоответствием взглядов, с которыми начали свой поход народники 1874 г., идеям самого народа Богучарский объяснял неудачу движения⁷⁷. В. В. категорически возражал против такой трактовки, противопоставляя ей свое мнение. В России, утверждал он, «сравнительная неудача нашего освободительного движения обусловлена главным образом политической неподготовленностью этих масс, а надежда на светлое политическое будущее покоится более на сознании, что массы проснулись, наконец, от векового политического сна». По мнению Воронцова, обращение к этой идее позволило бы Богучарскому поставить «правильно методологически» ряд важных вопросов. Это помогало бы вскрыть не только идейную сторону явления, но и его социологические основы, не только дать описание, но и «объяснение данного явления». Богучарский, считал Воронцов, исследовал только одну сторону движения 70-х годов, но счел возможным давать «такие разъяснения и произносить такие оценки и приговоры движению, как будто оно целиком находится в его руках, исследовано и осмотрено им со всех сторон»⁷⁸. Ответ на вопросы: откуда появилось движение и в чем его «идейные корни»⁷⁹ — Воронцов считал еще более неудачным, ибо он требовал проведения «не только идеологических, но и социологических изысканий». «Игнорируя вопрос о социологических корнях движения 70-х годов и приступив к отысканию его идейных корней, Богучарский применил при этом такие приемы исследования, которые значительно ограничивали возможность достижения удовлетворительных результатов». Воронцов перечислял факторы, которые Богучарский игнорировал при описании идейных истоков народничества 70-х годов: влияние шестидесятников, социалистической мысли Запада, кружки самообразования, пропаганда среди рабочих, знакомство с жизнью и бытом народа. Богучарский пошел другим путем — сравнения народничества 70-х годов и славянофилов. Двигаясь, по словам Воронцова, от одного факта к другому, «дошел до славянофилов, голые, немотивированные идеи которых были сходны с идеями изучаемого им направления. Славянофилов он затем и обратил в действительных родоначальников народничества, увидев в последнем сочетании некоторых славянофильских и социалистических идей»⁸⁰. От славянофилов, по мнению Богучарского, были заимствованы «два признака» — идея о самобытном пути развития России и вера в народ. С Запада и от Бакунина была взята идея социальной революции и анархии. Это сочетание, утверждал Богучарский, и определило мировоззрение семидесятников⁸¹. Особенно воз-

мушали Воронцова утверждения Богучарского, что идеи славянофилов пришли к народникам через Герцена, Добролюбова и Чернышевского. Воронцов считал, что эти утверждения, умаляют идейное содержание и тактическую программу народничества, «выводя народнические идеи из скомпрометированного в глазах русского общества источника». Однако и сам Воронцов, пытаясь ответить на вопрос об истоках и корнях движения семидесятников, делал это все с тех же народнических позиций, отрывая идеологию от социального слоя — мелкой буржуазии, которая его породила и питала на протяжении всего периода существования народничества, вплоть до XX в. В противовес концепции Богучарского Воронцов предлагал свою идею о том, что социальные позиции, вера народников в народ «объясняются свойствами поставленной перед ними историей грандиозной задачи: политического объединения интеллигенции и народа»⁸². Такое весьма нечеткое решение дискутировавшейся проблемы ничего не давало для объяснения социальных и идейных истоков народничества 70-х годов, демонстрируя ограниченность Воронцова как историка и социолога. Взамен одного неверного объяснения предлагалось другое — такое же несостоятельное и примитивное, как и оспариваемое мнение. Хотя точки зрения внешне выглядели различными, однако развивались на одних и тех же позициях.

Как уже отмечалось, особенно обширной была народническая литература о П. Л. Лаврове и Н. М. Михайловском. О характере этих изданий можно судить по статье Н. Е. Кудрина (Н. С. Русанова). В 1910 г. он выступил в «Русском богатстве» в связи с 10-летием смерти Лаврова.

Пытаясь создать образ человека и мыслителя, Русанов откровенно признавался, что о мировоззрении Лаврова «много говорят, с которым даже полемизируют, но которого путем не знают»⁸³. Приводя факты из жизни и деятельности Лаврова, Русанов пытался показать и формирование его мировоззрения как социолога и революционера.

Освещая становление взглядов молодого Лаврова, Русанов писал, что Лавров и его товарищи, члены философского кружка, «не шли дальше идеалов умеренных либералов Запада». Говоря о влиянии Фурье и Сен-Симона на Лаврова, автор писал, что главное внимание в «шедеврах тогдашней социалистической литературы он уделял не экономическому и социальному элементу, а моральному». Автор отмечал также влияние на идейную эволюцию Лаврова и античных философов, а также Канта, Фейербаха, Прудона (к которому Лавров «относился с большой симпатией»), Арнольда Руге, Конта, а также считал, что Лавров «испытал сильнейшее действие могучего учения К. Маркса». Мировоззрение Лаврова в целом Русанов называл субъективистским, «хотя особого критико-позитивного рода». В то же время он не был, по мнению автора, ни идеалистом, ни материалистом. Эта противоречивая оценка философских основ мировоззрения Лаврова бы-

ла характерна для всех народников, писавших о нем в то время.

Русанов оправдывал сотрудничество Лаврова в «умеренно либеральных органах тогдашней прогрессивной мысли», хотя и отмечал отрицательное отношение к этому факту «со стороны радикалов и социалистов той эпохи»⁸⁴.

В Лаврове как «самом типе мыслителя» Русанову виделись такие черты, как строгая последовательность мысли, большая эрудиция, обобщающий характер мышления, беспристрастность мысли, скептическое отношение к преувеличениям борющихся идейных направлений. Объективности ради автор приводил факты обвинения Лаврова радикалами в том, что он «идет с реакционерами в области метафизики против материализма, бывшего тогда в России знаменем раскрепощения в области социальной, политической и личной жизни». Это замечание Русанова свидетельствует о понимании им различий в мировоззрении Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова и Лаврова, хотя сам он оправдывал позицию последнего, будучи сторонником этого же направления, враждебного материализму. Лавров, писал Кудрин, «считает материализм таким же метафизическим построением, как и идеализм, и настаивает на своем праве быть скептиком в метафизике». Эта позиция Лаврова явно импонировала Кудрину, усматривавшему в идейной эволюции идеолога народничества «результаты столкновения русской реакции и русского прогресса» и отмечавшему его решительное движение влево с самого начала 60-х годов⁸⁵. Однако это движение «влево» Кудрин усматривал не в сфере мировоззрения — философии и социологии, а в политической ориентации Лаврова: связь с организацией «Земля и воля», встречи с Чернышевским, сочинение стихотворений, обличавших Николая I и Александра II, за что и последовало наказание — арест, Петропавловка, ссылка в Тотьму. Его идейную эволюцию в ссылке автор связывал с позитивизмом, который воспринимался Лавровым «как исключительная научная важность положительной философии». Изучая эволюцию в мировоззрении Лаврова, Русанов усматривал прогресс и достижение в том, в чем его не было — в факте перехода Лаврова на позиции континентализма, позитивизма, получившего в те годы широкое распространение в России, в идеологии буржуазии и мелкобуржуазных демократов и радикалов. В подтверждение этой идеи автор приводил статьи 1868—1870 гг., включив в их число и знаменитые «Исторические письма», «ставшие скоро евангелием русской передовой, лучше сказать, социалистической и революционной интеллигенции». К этой книге «как к другу, как к лучшему советчику молодежь обращалась за разрешением не только теоретических, но и практических вопросов, но и чисто жизненных задач личного поведения»⁸⁶. Народнические авторы внушали современным читателям — уже XX в. — мысли о важности и нужности для революционного дела сочинений идеологов XIX в. — народников типа Лаврова.

Парижская коммуна, знакомство с европейским рабочим движением, с К. Марксом, «могучая система которого стала оказывать с этого момента сильное действие на выработку мировоззрения у Лаврова», — все эти факты, считал автор, явились важными вехами в жизни русского революционера: «Отныне все существование Лаврова будет посвящено пропаганде социалистических и революционных идей с точки зрения того учения, к которому его привели его обобщающая мысль и его благородное сердце. . .»⁸⁷ В подобном освещении идейной платформы Лаврова и его практической деятельности отсутствовало самое главное — классовый анализ и объективная оценка деятельности П. Л. Лаврова. Она изображалась как надклассовая и внеклассовая, тогда как на самом деле и за рубежом Лавров по-прежнему оставался мелкобуржуазным радикалом и демократом, типичным представителем народнического направления, со всеми присущими ему чертами теоретического мышления и практической деятельности. Русанов привлек обильный материал и дал верные оценки отдельных фактов жизни и деятельности Лаврова. Однако он и не пытался поставить вопрос: почему в условиях Западной Европы, где был высокий уровень рабочего движения, существовал Интернационал, успешно решавший задачу соединения социализма с рабочим движением, личное знакомство с К. Марксом и его учением не стали для Лаврова поворотным пунктом от мелкобуржуазного социализма к пролетарскому? Что мешало этому переходу? На этот вопрос народники XX в., естественно, не отвечали, ибо Лавров был им дорог как их идейный предтеча и мыслитель. С помощью его авторитета они стремились защитить основы своей теоретической доктрины. С этих же позиций освещалась деятельность Лаврова и значение издания «Вперед» (1873—1877 гг.), «центральными идеями» которого «были идеи самого Петра Лавровича, но находившимися под значительным давлением интеллигентских революционных групп, действовавших или собиравшихся действовать в России»⁸⁸. Используя высказывания самого Лаврова, Русанов дает четкую характеристику этого журнала. В программе «Вперед» говорилось: «Социальный вопрос есть для нас вопрос первостепенный. Вопрос политический для нас подчинен вопросу экономическому». Журнал «развертывал знамя „рабочего социализма“, как опирающегося на „реальное начало солидарности“ между людьми, провозглашал, что „двигателем социализма может сделаться лишь рабочий класс“». Но в России, считал он, этим классом может стать не городской, фабричный пролетариат, а «наше крестьянство», «народ с существующей в нем традицией общинной и артельной солидарности». Социальную революцию нельзя создать искусственно. Она продукт исторических условий. Ее совершит сам рабочий класс. «Интеллигентный же класс» может явиться в данном случае лишь «инициатором» народной революции, поскольку он будет уяснять народу смутно живущие и зреющие в нем начала социалистического строя, а главное, вносить в него «чувство солидарности всего

рабочего класса Земли Русской». Эту характеристику идейной позиции Лаврова и журнала «Вперед» Кудрин завершал весьма примечательным выводом о том, что Лавров «был в то время убежденным социалистом, в духе тогдашних народнических стремлений, Лавров, который во главу угла ставил освобождение народа самим народом и с этой точки зрения все вопросы отодвигал на задний план перед вопросом социально-экономической, исходящей из недр народа революции»⁸⁹.

Следовательно, несмотря на западноевропейское движение, влияние марксизма, Лавров оставался идеологом и революционным деятелем народнического типа, тесно связанным с задачами, уровнем и характером духовной жизни самой России, что и доказывала работа Кудрина о Лаврове. Для эсера Кудрина это было важнейшим обстоятельством, ибо своими работами, как и другие народники того времени, он утверждал идеи о преемственности и неразрывной связи народничества XX в. с крупнейшими идеологами XIX в., в том числе и с П. Л. Лавровым.

Передовые идеи того времени, а таковыми были и марксистские воззрения, оказали весьма незначительное влияние на эволюцию народнической идеологии, ее крупнейших представителей, включая Лаврова, Бакунина, Ткачева и др. Следовательно, сама проблема заимствования теоретиками одной страны идей и взглядов у идейных течений других стран является достаточно сложной, нуждающейся в серьезном изучении и теоретическом осмыслении. Она не может решаться лишь путем сопоставления отдельных идей или не обоснованных фактами воздействия того или другого мыслителя на определенное идейное течение и его представителей. Об этом свидетельствует вся народническая литература о П. Л. Лаврове, долгие годы жившего и работавшего в Европе и оставшегося на позициях крестьянского, общинного утопического социализма — учения, отражавшего допролетарский этап общественного движения России. Тем не менее вопрос о влиянии западноевропейских учений, теорий, идеологов на представителей русского освободительного движения в советской литературе освещен весьма противоречиво, с явным преувеличением интеллектуальной отсталости русских мыслителей⁹⁰. Как известно, В. И. Ленин ставил в заслугу русской революционной эмиграции не заимствование, а знакомство с передовым европейским опытом, видел в нем большое положительное значение в процессе поиска революционной теории⁹¹. Следовательно, в объективной оценке нуждаются и явления другого порядка — наличие влияния и отсутствие его значительных результатов, как это было с народническими лидерами, упорно державшимися за свои убеждения не только в XIX, но и в XX в.

Говоря о влиянии на Лаврова различных мыслителей, Русанов останавливался и на таком вопросе, как изменения в мировоззрении Лаврова под воздействием учения К. Маркса. Автор усматривал их в появлении в мировоззрении Лаврова ряда новых элементов, делавших его эклектичным. В числе этих элементов он

называл социализм, обращение к экономике, стремление рассмотреть эволюцию человечества под влиянием материальных потребностей. При этом он приводил пространное высказывание Лаврова (из работы «Задачи понимания истории») о преобладании экономических мотивов во всех эпохах. Чтобы избежать противоречия, Лавров, по мнению автора, не отказываясь от идеи о решающей роли личности, выдвинул идею о том, что в различные исторические эпохи преобладали различные факторы — либо экономические, либо идейные. Эти неверные с точки зрения материалистического объяснения истории взгляды автор рассматривал как «очень удачное сплавление воедино марксистской и лавристской формулы человеческой эволюции». Русанов утверждал, что, став марксистом, Лавров вместе с тем оставался «тем подлинным, дорогим русской интеллигенции „пропагандистом“ — Лавровым», т. е. народником. Ему удалось осуществить, считал Русанов, «в общем очень гармоничное, очень своеобразное соединение объективизма и субъективизма», что являлось «характерною чертою личности мыслителя»⁹².

Однако все эти характеристики Русанов в конечном счете использовал для защиты «субъективного метода», сторонником которого был Лавров. И хотя автор статьи вынужден был привести ряд доводов в защиту идеи о единстве объективного и субъективного в социологии и истории, тем не менее определение самого метода звучало так же, как и во времена Лаврова: «Этот метод заключается в общем взгляде на смысл и ход событий, в нравственной оценке побуждений отдельных людей и групп». А в конечном счете понимание изученных явлений определялось «общим развитием исследователя. . . на которого действует его большая или меньшая чуткость, его слабый или твердый характер, положение, которое он занимает в данном обществе, классе, касте, группе».

Используя идеи и самого Лаврова, и марксизма, народники типа Русанова защищали «субъективный метод» и его право на существование. Лавров, считал автор, «приводит своих читателей к неотразимому убеждению, что и в социологии, и в истории высшее понимание изучаемых явлений должно вызывать фатально применение субъективного метода»⁹³. Автор полностью разделял взгляд Лаврова и на историю. История, писал он, является для Лаврова наукой, в которой речь «идет об изучении неповторяющихся явлений, выражающих рост критически мыслящих личностей и столкновения их с общественными формами». Для этой личности картина общества «должна укладываться в общую формулу, которая удовлетворяет как теоретическим, так и жизненным задачам развитого человека». Все рассуждения Кудрина были направлены в защиту мелкобуржуазного этического социализма, того «широкого прогрессивного мировоззрения», к которому принадлежал «Лавров-социалист», являясь «гармоническим дополнением и развитием Лаврова — демократа и прогрессиста»⁹⁴.

Большое внимание уделяли народники истории русской социалистической мысли. Часто по этим вопросам выступал Н. С. Рusanов. Он обращался не только к истории русского социализма, но и старался связать его с задачами современной борьбы. Причем остроту борьбы между представителями различных идейных направлений Русанов усматривал не в противоборстве классов, а в специфике российских условий, где «близкое торжество социализма» связано с борьбой против царского деспотизма, со свержением самодержавия. Русанов ратовал за объединение и совместные действия различных течений социал-демократии⁹⁵.

Главным в его освещении стала борьба народничества с марксизмом по вопросу о соотношении стихийности и сознательности, роли интеллигенции, о соединении социализма с массовым движением. Русанов пытался доказать, что по этим вопросам нет существенной разницы между марксистами и народовольцами. Все свои идеи о социалистическом сознании, о победе социалистического идеала народник Русанов строил на основе определения сознания как самодовлеющего, независимого от социальных отношений явления, что принципиально отличало народничество от марксизма.

Однако рассуждения о низкой степени сознания рабочего класса, о перевороте, совершаемом «сознательным и организованным меньшинством»⁹⁶, о «полусознательном» отношении к перевороту различных слоев рабочего класса, о роли социалистической партии, оперирующей массами как «материалом» — все эти идеи выдавали Русанова как типичного мелкобуржуазного демократа, не понимавшего важнейших вопросов революции XX в. — ее народного характера. С этих позиций Русанов, как и другие народники, обрушивался на марксизм, упрекая его в недооценке «нравственного принципа» и «общественного аффекта», в котором, по словам Русанова, «выражаются бессознательные, но всемогущие стремления масс к высшим формам человеческой солидарности». С целью подкрепления своих позиций Русанов обращался к истории западноевропейского социализма, ссылаясь на деятельность Сен-Симона, Фурье, Оуэна и др.

В конечном счете весь экскурс в историю европейского социализма понадобился Русанову лишь для того, чтобы утвердить идею о надклассовом характере партии «Народная воля», в которой народники XX в. усматривали ее преимущество. «Народная воля», писал Русанов, «будучи партией социалистов-революционеров, не боялась, однако, указывать, что в политическом смысле она осуществляет стремления всего великого русского народа, всех угнетенных классов, слоев, групп, нации, и что здесь она является общенациональной партией, а потому обращается за помощью ко всем элементам, страдающим от современного гнета»⁹⁷. Подобный взгляд на «Народную волю» был типичен для народников XX в., считавших себя ее последователями, не желав-

ших видеть ее историческую ограниченность, не сумевших объективно оценить социальную природу этой организации.

Обращаясь к историческому прошлому, народники XX в. искали в нем не ответы на жгучие вопросы современной классово-борьбы, а подтверждение своих народнических догм, оправдание таких идей и положений, которые жизнь постоянно разбивала, доказывая их теоретическую и практическую несостоятельность.

Изучение ими исторического прошлого и его освещение в литературе стало средством обоснования и подтверждения народнической теоретической и политической доктрины. Нередко народники прибегали к истории при разработке партийных программ, для оправдания тактики индивидуального террора. Такой подход к прошлому таил в себе ряд серьезных просчетов, ибо исключал углубленное, объективное изучение прошедших событий, познание опыта предшествующей борьбы и его рациональное использование. В истории народники XX в. видели, как правило, то, что им хотелось видеть, используя факты и выводы для своих целей. На основе исторических фактов и их крайне тенденциозной интерпретации народники пытались объяснить происходящие вокруг события, найти их корни в прошлом. Этот «поиск», как правило, осуществлялся на базе теории и методологии, которая исключала объективное познание, мешала решению тех проблем, которые выдвигала эпоха, потребности революционного обновления общества. Однако народники со свойственным им фанатизмом продолжали отстаивать свои прежние позиции, доказывая, что именно народничество более всего отвечает потребностям современной революционной борьбы. Обращение к прошлому показывало полную неспособность теоретиков и лидеров народничества, занимавшихся историей, объективно оценить накопленный опыт, взять из него действительно ценное и нужное для борьбы в новых исторических условиях. И хотя народники XX в. были весьма непоследовательны в своей идейно-теоретической работе, нередко меняли взгляды, переходили с одних позиций на другие (например, В. М. Чернов), тем не менее в защите и отстаивании главных и основных постулатов народничества они проявляли невероятное постоянство и консерватизм. Особенно заметно это сказывалось в их отношении к историческому прошлому России. В нем они искали и находили только подтверждения своих воззрений, своего отношения к задачам и принципам революционной борьбы в XX в. Это прослеживается на всех проблемах истории, к которым обращались народники.

Однако, несмотря на весьма разностороннюю работу в области истории России, народники не смогли успешно решить крупные проблемы, особенно волновавшие их в изучаемый период. Даже история народничества освещалась ими крайне непоследовательно, тенденциозно, с использованием лишь тех материалов и фактов, которые были выгодны, т. е. «укладывались» в их схемы и рассуждения, не нарушая единства и последовательности всей совокупности их теоретических воззрений.

- ¹ См.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3; *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX в. Л., 1977; *Вандалковская М. Г.* История изучения русского революционного движения середины XIX в., 1890—1917. М., 1982; и др.
- ² См.: *П. Б.* [Л. Э. Шишко]. Задачи понимания истории // Русское богатство. 1898. Т. 10; *Он же.* К вопросу о понимании истории // Русское богатство. 1899. Т. 2, 3, 6, 7; *Багин П.* [Л. Э. Шишко]. Человек и общественная среда // Русское богатство. 1900. Т. 1; *Он же.* К вопросу о научном понимании истории; О закономерности и субъективном элементе в истории; Закон развития производительных сил // По вопросам истории и социологии. М., 1909; *Делевский Ю.* [Я. Л. Юделевский]. К вопросу о возможности исторического прогноза. СПб., 1906; *Он же.* Социальные антагонизмы и классовая борьба в истории. СПб., 1910; *Чернов В.* К теории классовой борьбы. М., 1906; *Он же.* К вопросу о капитализме и крестьянстве. Н.-Новгород, 1905; *Он же.* Философские и социологические этюды. М., 1907; и др.
- ³ *Шишко Л.* По вопросам истории и социологии. М., 1909. С. 3. Деятельность Л. Э. Шишко как историка революционного движения достаточно полно освещена в монографии М. Г. Вандалковской («История изучения русского революционного движения середины XIX в. . .»). С. 75—79). Здесь рассматриваются лишь его методологические работы в той степени, в какой этого требует раскрытие темы.
- ⁴ Там же. С. 6.
- ⁵ См.: *Шишко Л.* Закон развития производительных сил // Русское богатство. 1898. Т. 10. С. 47—50, 52, 61, 74—75
- ⁶ Там же. С. 61, 77—86.
- ⁷ Там же. С. 12, 14, 16, 19, 20, 24, 25, 30.
- ⁸ Там же. С. 27, 46.
- ⁹ *Шишко Л.* О закономерности и субъективном элементе в истории // По вопросам истории и социологии. М., 1909. С. 110.
- ¹⁰ Там же. С. 112—114, 115, 117, 118, 120, 134 и др.
- ¹¹ Автор имеет в виду изменения в органах и организме животного.
- ¹² Там же. С. 134.
- ¹³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 192.
- ¹⁴ См.: Там же. С. 191; Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 2.
- ¹⁵ См.: *Чернов В.* К вопросу о «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма // Русское богатство. 1901. № 4. С. 222—254; Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 68.
- ¹⁶ *Чернов В.* Социалистические этюды. М., 1908. С. 51—53, 54, 79 и др.
- ¹⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 26. С. 227.
- ¹⁸ См.: *Короленко В.* О сложностях жизни // Русское богатство. 1899. № 12. С. 345.
- ¹⁹ *Пешехонов А.* На очередные темы: Исторические предпосылки к нашей платформе // Современность. 1906. № 6. С. 160, 161.
- ²⁰ Там же. С. 161, 162, 164.
- ²¹ Там же. С. 164, 165.
- ²² См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 154—157.
- ²³ *Пешехонов А.* На очередные темы: Основные положения нашей программы // Современность (Русское богатство). 1906. № 1. С. 104.
- ²⁴ См.: *Ерофеев Н. Д.* Народные социалисты первой русской революции. М., 1979. С. 10—17 и др.
- ²⁵ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 15. С. 155—157.
- ²⁶ Там же. С. 155.
- ²⁷ См.: Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 2—3; 252—254; 1902. № 2. С. 226 и др.
- ²⁸ См.: *Чернов В.* Социалистические этюды. С. 58—60, 76—80, Русское богатство 1901. № 4. С. 224.
- ²⁹ См.: Русское богатство. 1901. № 4. С. 224, 231, 246.
- ³⁰ См.: Программа партии социалистов-революционеров // Программа русских политических партий перед Учредительным собранием. М., 1917. С. 8.
- ³¹ *Котов А.* [Я. Л. Юделевский]. К вопросу о теоретических основах социалистической программы. СПб., 1907. С. 17.

- ³² См.: Русское богатство. 1901. № 4. С. 222, 225, 231.
- ³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 192.
- ³⁴ Быховский Н. Я. Русская община и земельная реформа. М., 1917. С. 15.
- ³⁵ См.: Вестник русской революции. 1901. № 1. С. 3; Революционная Россия. 1904. 1 янв.
- ³⁶ См.: История русской экономической мысли. М., 1966. Т. 3, ч. 1. С. 389, 394.
- ³⁷ Чернов В. Социалистические этюды. С. 65—66.
- ³⁸ Социалисты-революционеры и кооперация // Социалист-революционер. 1912. № 4. С. 258—263.
- ³⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 397—398.
- ⁴⁰ Там же. Т. 24. С. 60.
- ⁴¹ Там же. Т. 9. С. 192.
- ⁴² Подробнее об этом см.: Камушкина М. В., Курпнянов П. М. Критика экономических теорий мелкой буржуазии России в эпоху империализма. М., 1966, с. 24—26.
- ⁴³ Социал-демократы и социалисты-революционеры // Революционная Россия. 1903. № 16. С. 4.
- ⁴⁴ Гинев В. Н. Аграрный вопрос и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г. Л., 1977. С. 24, 25.
- ⁴⁵ Крупов Н. [А. И. Потапов]. По поводу одной брошюры // Вестник русской революции. 1903. № 3. С. 286.
- ⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 366.
- ⁴⁷ См.: Там же. Т. 7. С. 381; Т. 9. С. 191 и др.
- ⁴⁸ Мякотин В. Идея Земского собора в русском прошлом и настоящем. СПб., 1905. С. 65—67, 69, 72—79, 88 и др.
- ⁴⁹ Там же. С. 88.
- ⁵⁰ Пешехонов А. На очередные темы // Современность. 1906. № 1. С. 111, 112.
- ⁵¹ Пешехонов А. На очередные темы // Современность. 1906. № 6. С. 139, 140, 147.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же.
- ⁵⁴ Пешехонов А. На очередные темы // Современность. 1906. № 1. С. 102.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Мякотин В. А. На заре русской общественности // Из истории русского общества: Очерки и этюды. СПб., 1902. С. 184—186, 197—199 и др.
- ⁵⁷ Там же. С. 193—194, 196—200 и др.
- ⁵⁸ Там же. С. 202—205.
- ⁵⁹ Там же. С. 209—213, 215, 216.
- ⁶⁰ Там же. С. 217, 248.
- ⁶¹ Русское богатство. 1906. № 1. С. 102, 103.
- ⁶² Пешехонов А. На очередные темы // Современность. 1906. № 6. С. 138.
- ⁶³ О роли А. И. Герцена в истории русского революционного движения см.: Вандалковская М. Г. История изучения русского революционного движения середины XIX в., 1890—1917.
- ⁶⁴ См.: Русанов Н. С. Памяти П. Н. Огарева. Огарев как политический деятель и публицист // Русское богатство. 1913. № 11; Лункевич В. Н. П. Огарев — друг трудового народа. 1813—1877—1913 // Северная мысль. 1913. № 3.
- ⁶⁵ Русское богатство. 1913. № 11. С. 384.
- ⁶⁶ Там же. С. 386, 387.
- ⁶⁷ Русское богатство. 1912. № 6. С. 153.
- ⁶⁸ Анненский Н. Сорок лет назад // На славном посту (1860—1900). Пг., (1901). С. 432.
- ⁶⁹ Там же. С. 432, 433, 437.
- ⁷⁰ Там же. С. 433, 438, 440, 441, 443.
- ⁷¹ Там же. С. 443, 446.
- ⁷² Лишь одно небольшое замечание делал автор по этому поводу, говоря о том, что «переход от первобытного натурального хозяйства крепостной эпохи к хозяйству денежному, со всеми его неизбежными последствиями» выдвинул глубокие противоречия. См.: Там же. С. 450, 447 и др.
- ⁷³ Там же. С. 449.
- ⁷⁴ Там же. С. 450, 449.

- ⁷⁵ В. В. [В. П. Воронцов]. «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 148.
- ⁷⁶ Там же. С. 148, 149.
- ⁷⁷ См.: Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. М., 1912. С. 197; Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 149.
- ⁷⁸ Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 151—152.
- ⁷⁹ См.: Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. С. 5.
- ⁸⁰ Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 153—155.
- ⁸¹ См.: Богучарский В. Я. Активное народничество семидесятых годов. С. 24, 49; Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 155, 159—160.
- ⁸² Вестник Европы. 1913. Кн. 4. С. 158—163, 172.
- ⁸³ Кудрин Н. Е. [Н. С. Рusanов]. Лавров, человек и мыслитель // Русское богатство. 1910. № 2. С. 220, 221.
- ⁸⁴ Там же. С. 224, 226, 242, 244—245.
- ⁸⁵ Там же. С. 227, 239—241.
- ⁸⁶ Там же. С. 229—231.
- ⁸⁷ Там же. С. 231—233 и др.
- ⁸⁸ Там же. С. 234.
- ⁸⁹ Там же. С. 234.
- ⁹⁰ См., например: Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983.
- ⁹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 7—8.
- ⁹² Там же. С. 247—251.
- ⁹³ Русское богатство. 1910. № 2. С. 252, 253.
- ⁹⁴ Там же. С. 254—255.
- ⁹⁵ Рusanов Н. С. Эволюция русской социалистической мысли. СПб., 1902. С. 1—4.
- ⁹⁶ См.: Там же. С. 8—11, 23—24, 28, 36 и др.
- ⁹⁷ Там же. С. 12—13, 14—17, 28—29, 31 и др.

ОКТЯБРЬ И ПОЛНЫЙ ИДЕЙНЫЙ КРАХ НАРОДНИЧЕСТВА

*

Пролетарская революция в России стала суровым экзаменом для всех идейно-политических течений, политических партий и организаций, для деятельности их лидеров и теоретиков, а в конечном счете и классов, существовавших в России накануне и в 1917 г. Одним из таких течений было народничество, встретившее революцию дальнейшим организационным распадом, проявившимся в развале партии социалистов-революционеров, в образовании новой партии — левых эсеров¹. Но и в рамках вновь возникших организаций и группировок появились разногласия и противоречия, выразившиеся в спорах, дискуссиях, а в большей мере в противоборстве, носившем весьма обостренный характер².

Вместе с тем этот распад сопровождался призывами народников к объединению, рассуждениями о важности сплочения, организации совместных действий для «защиты» интересов народа.

Как известно, революционные события 1917 г. привели в движение громадные массы трудящихся, все классы и социальные слои, заметно активизировалась деятельность политических партий и организаций. Четко определилась расстановка классовых сил по обе стороны баррикад — пролетариата и буржуазии. Социальное положение мелкой буржуазии, колебания ее различных слоев в условиях острой классовой борьбы между революционным пролетариатом и буржуазно-монархическим лагерем закономерно находили отражение в политических позициях и практической деятельности народнических партий, их функционеров, теоретиков, лидеров. К сожалению, эта проблема — взаимодействия класса — партии — масс в период острых революционных кризисов, в том числе и в 1917 г., — остается менее всего изученной в марксистской историографии Октября, особенно применительно к мелкобуржуазным слоям. А между тем эта проблема имеет важное теоретическое и практическое значение для стран, где средние слои представляют реальную классовую силу и способны заметно влиять на ход и результаты революционной борьбы. История России в этом отношении дает большой материал для теоретического осмысления проблемы, обобщения исторического опыта всех революций прошлого, и особенно 1905—1907 гг., 1917 г., которые показали потенциальные возможности всех классов общества, выявив объективное значение деятельности различных партий, включая и мелкобуржуазные.

Как было показано в предыдущих главах, к революции 1917 г. народники пришли с теорией, которая не помогала, а мешала им понять и объяснить смысл, характер и значение Февраля и Октября, явившихся закономерным итогом развития классовой борьбы, завершившейся сначала победой над царизмом, а затем ликвидацией власти буржуазии. Даже Февральскую революцию 1917 г., которая была им близка по своей буржуазно-демократической сущности, народники не способны были оценить правильно. Фактически крах их теории и политики начался с Февраля. Теоретическая доктрина народников оказалась бессильна в объяснении происходивших событий, в политике началась полоса колебаний, сомнений, а затем соглашательства с буржуазией. Оно имело решающее значение для будущего народничества, лидеров правого течения, ибо привело их к предательству революции и народа. В этих условиях народническая идеология вступала в полосу полнейшего распада.

Перед теоретиками правого крыла народничества вставали две несовместимые задачи: оправдать измену революции и доказать, что они верны ей, служат народу, борются за его интересы. На деле они переставали быть «народниками», а на словах они вынуждены были оставаться таковыми, ибо у народничества был большой исторический авторитет, от которого нельзя было отказываться, который, как казалось лидерам и теоретикам, еще можно было использовать в политической и идейной борьбе со своими противниками — большевиками. На этот путь и встали крупнейшие деятели народнических партий, энесов и правых эсеров: А. Ф. Керенский, В. М. Чернов, Н. Д. Авксентьев, А. В. Пешехонов, В. А. Мякотин и др.

Следует обратить внимание на такой факт, что ни один из видных деятелей народничества XX в. не принял безоговорочно, без колебаний Октябрьскую революцию, не встал на ее защиту. Все без исключения крупнейшие деятели народничества, его теоретики оказались в лагере противников революции, в белой эмиграции. Лишь функционеры и весьма невлиятельные фигуры типа Буревого, Семенова, Святицкого после долгих раздумий перешли от враждебности к поддержке Советской власти, хотя и делали это с большими оговорками, колебаниями, сомнениями.

Октябрьская революция в полной мере выявила несостоятельность народнической теоретической доктрины, утопический характер и примитивизм программ всех партий, авантюризм тактики, непоследовательность практической деятельности. Крах народнических партий, их лидеров и теоретиков стал всеохватывающим, т. е. идейно-теоретическим, политическим и организационным.

Октябрьская революция не только подвела итог большому периоду общественного развития, но и поставила перед революционерами и их идеологами новые задачи, от решения которых зависел ход дальнейших событий. Однако идеологи народничества не видели и не хотели видеть этих проблем, сосредоточив свои усилия на борьбе с марксизмом, большевиками, Лениным. В об-

ласти социологии такой реакцией на революцию и марксизм стала «Система социологии», над которой один из идеологов правых эсеров Питирим Сорокин работал в годы революции, опубликовав ее в 1920 г.³

Марксистской теории о классах, социальной структуре общества, классовой борьбе как важнейшему фактору социального развития П. Сорокин противопоставил «систему социологии», которую он определял как «науку о поведении взаимодействующих людей и его результатах». Такая постановка вопроса исключала подход к явлениям общественной жизни с классовой точки зрения. Ему противопоставлялся иной тип социологического мышления, основанный на народническом понимании роли личности как первейшего и важнейшего фактора прогресса. При этом человек рассматривался вне социальной среды, как явление абстрактное и независимое, вступающее во взаимодействие либо с такими же людьми, как он сам, либо с группами лиц. При таком подходе учитывались лишь формальные связи, которые носят, как правило, случайный, временный характер, исключалось углубленное социальное объяснение рассматриваемых фактов. Об этом свидетельствует определение, которое Сорокин давал поведению «взаимодействующих» людей. Он писал: «Когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями и внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют»⁴. Выделяя различные типы взаимодействия, автор объяснял их и стремился подтвердить «фактическим» материалом, подменяя внутренние, закономерные общественные отношения, присущие обществу, механическими, случайными, незначительными связями, которые ни в коей мере не раскрывали социальной сущности ни самого человека, ни отношения с окружающими его людьми и их различными группировками. Они имели, как правило, либо случайный, либо временный характер. Понятно, что такой подход к обществу и личности исключал всесторонний научный анализ социальных процессов и явлений. Поэтому вся система питиримовской социологии как теория общественного развития имела весьма искусственный характер, в которой реальные социальные и исторические связи подменялись схемой, где в центре стояла абстрактная личность и ее либо временные, либо случайные отношения с существующим миром. Вся эта система была логическим итогом развития народнической социологии XIX в.

Как уже отмечалось, победа Октябрьской революции способствовала дальнейшему размежеванию в лагере народничества. Одна часть идеологов, теоретиков, лидеров этого течения связала свою судьбу с внутренней буржуазно-помещичьей контрреволюцией, иностранной интервенцией. Другая часть, хотя и с большими колебаниями, встала на сторону Советской власти. Это было левое крыло народничества. И в том и в другом направлении были

колебавшиеся и метавшиеся между революцией, победившим народом и лагерем реакции.

В советской исторической литературе предпринимались попытки объяснения этих колебаний поведением крестьянства, его различных слоев, неодинаково реагировавших на Советскую власть, особенно в связи с решением аграрного и продовольственного вопросов. При всей сложности изучения этого аспекта и его важности не следует игнорировать и другое весьма существенное обстоятельство, влиявшее на поведение идеологов и лидеров народничества. Эпоха революции характеризовалась отходом масс от соглашателей, поддерживавших Временное правительство. Народ разочаровался в его политике продолжения войны, откладывания на неопределенное будущее решения вопроса о земле⁵. С потерей своего влияния соглашатели в лице эсеров и энесов теряли социальную опору в крестьянстве, а в связи с этим их деятельность — и идеологическая и политическая — приобретала иной характер. Она отражала уже не интересы крестьянства и его социальные устремления, а отношение к революционным событиям в стране интеллигентских групп всяческого толка⁶, по-разному встретивших пролетарскую революцию и связывавших надежды на будущее с различными социальными силами — одни с революционными, другие с реакционными, третьи — колебавшиеся, хотя на словах все изображали свои позиции как стремление отражать интересы народа, крестьянства, «трудовой демократии»⁷. Поэтому переход части народников на позиции контрреволюционного лагеря означал их полный разрыв с движением, к которому они себя причисляли. Таков был закономерный итог развития правого, либерального крыла народничества, лидеров, идеологов и функционеров, ушедших в лагерь реакции.

Измена крестьянству привела не только к отрыву народнических партий (эсеров и энесов) от масс, но и к другому весьма важному итогу. Произошел отрыв вождей и лидеров от самих партий, которые они возглавляли, что проявилось в решениях руководящих органов народнических партий и в отказе в поддержке этой линии ее рядовыми членами. Разрыв с демократией заметно отразился в теоретической деятельности, в народнической литературе по политическим вопросам, и в первую очередь по проблемам Октября и политики Советской власти. Издания, вышедшие после победы пролетариата в октябре 1917 г., стали в значительной степени отражать индивидуальные позиции Чернова, Керенского, Авксентьева, Пешехонова, их реакцию на события в России с позиций обанкротившегося народничества. Об этом неоднократно заявляли члены партии, осуждавшие в той или иной мере их измену революции и народу, переход на сторону буржуазии⁸. Поэтому обилие «точек зрения» на Октябрьскую революцию и перспективы развития России после 1917 г., различные оценки одних и тех же событий отражали не только и не столько классовые позиции тех или иных слоев крестьянства, которое тогда и не знало об этой деятельности, сколько настроения мелкобуржуазной

интеллигенции, защищавшей уже свои интересы; ее представители страдали к тому же непомерным самомнением, жаждой власти, амбициями политических банкротов, а некоторые превратились из политиков в политиканов и злопыхателей. Это важное обстоятельство не всегда в достаточной мере принимается в расчет при оценке позиции вождей народных партий, отдельных лидеров и идеологов мелкобуржуазного направления в условиях пролетарской революции. Особенно сильно это проявилось в народнической литературе об Октябрьской революции правого направления.

Как уже отмечалось, те из народников, которые в феврале—октябре связали свою судьбу с буржуазией, заняв соглашательские позиции, перешли в конце 1917 г. в лагерь противников Октября, порвав с народом и его интересами. Это были в основном лидеры энесов, эсеров, трудовиков, правого крыла левых эсеров.

«Мелкобуржуазно-демократические предрассудки и иллюзии (насчет „равенства“ классов, насчет „последовательной“ или „чистой“ демократии, насчет решения великих исторических вопросов голосованием и т. п.), — писал В. И. Ленин, — они ставят на место *классовой борьбы*. Не хотят понять, что завоевавший государственную власть пролетариат не прекращает этим свою классовую борьбу, а продолжает ее в иной форме, иными средствами»⁹. Те деятели народничества, которые порвали с соглашательством, осудив его как измену революции, заняли позиции поддержки победившего пролетариата, встали на путь сотрудничества с Советской властью. Этот путь был единственной реальной возможностью для мелкобуржуазных демократов и радикалов посвятить себя народу, его борьбе за социальное раскрепощение. На этот путь встали остатки партии эсеров-максималистов, левое крыло левых эсеров, из которого вышли две партии — народники-коммунисты и партия революционного коммунизма. И хотя революция в октябре 1917 г. заставила народнические партии и их лидеров занять более или менее четкие позиции, определить отношение к лагерю революции и реакции, в поведении мелкой буржуазии постоянно проявлялись колебания. Они получили отражение в появлении и деятельности группы «Народ», части левых эсеров¹⁰. Тем не менее главное было в том, что Октябрьская революция исключала «третий путь», за который ратовали лидеры партии эсеров¹¹.

Сложный процесс распада мелкой буржуазии, противоречивое поведение ее слоев, групп, партий, лидеров получил более или менее адекватное отражение в их отношении к победе пролетариата, к партии большевиков. Поэтому народническая литература, посвященная Октябрю и связанным с ним проблемам, носила крайне сложный характер. В ней сказывались противоречивые позиции различных социальных слоев мелкой буржуазии, ставших по воле случая участниками событий 1917 г., которых они не смогли ни предвидеть, ни понять, ни объяснить, хотя пытались это делать.

Для историков, изучающих идеологию народничества XX в., эта литература интересна тем, что она отражает не только процесс глубокого кризиса, охватившего это течение еще в 1905—1907 гг., но и его полный идейный крах, проявившийся в развале теоретических основ народнической доктрины. Это прежде всего выявилось в оценках народниками событий 1917 г., характера и итогов классовой борьбы, в определении перспектив развития страны. Стремясь ликвидировать организационный развал народничества, особенно политических партий, лидеры движения стали с большим упорством призывать к объединению. Эти призывы раздавались как справа, так и слева. Однако смысл их был различен: одни стремились укрепить народнический лагерь, другие преследовали цели борьбы против революции, третьи настаивали на поддержке Советской власти для ускоренного движения вперед — к социализму. Так, со страниц органа Союза социалистов-революционеров максималистов «Максималист» эти призывы звучали постоянно. В апреле 1918 г. на страницах этого издания выступал А. Залетный, призывая к объединению сил, ратовал за «широкое сплочение всех трудящихся и эксплуатируемых в единый союз социальной революции в целях создания нового строя на чисто трудовых началах»¹². Этот призыв был обращен к левым эсерам, в которых максималисты видели своих возможных союзников. Доказывая, что верхи левых эсеров искажают сущность максимализма, чтобы закрыть дорогу для объединения, Залетный видел возможность объединения на основе признания трудовой республики, социализации фабрик и заводов, немедленного объединения всех социально-революционных сил под флагом «проведения в жизнь строя трудовой республики»¹³.

Как уже отмечалось, представители существовавших в 1917 г. течений народничества по-разному отнеслись к Октябрьской революции. Диапазон колебаний оценок лидеров народничества был весьма широк — от восторженных дифирамбов революции и народу до отрицания ее исторического значения, искажения ее сущности в сочетании с враждебными выпадами против пролетариата и Советской власти. Однако все течения народничества были объединены общими чертами, среди которых следует отметить важнейшие, имевшие принципиальное значение. Во-первых, это непонимание народниками социальных отношений в обществе, состава и расстановки классовых сил на политической арене, реальных целей борьбы участников освободительного и революционного движения, неспособность объяснить характер Февральской и Октябрьской революций; во-вторых, образование новых идейных течений, усиление противоречий между ними, обилие разнообразных суждений и мнений, которые к тому же нередко изменялись в рамках одного и того же течения, претерпевая коренную трансформацию без каких-либо существенных теоретических обоснований. Они отражали, с одной стороны, углубление теоретического кризиса народничества, а с другой — его разнородную основу, различные интересы социальных слоев, их отношение

к Октябрьской революции и перспективам развития страны, к решению аграрного, продовольственного вопросов, к проблемам войны и мира, свободы печати, демократии, местного самоуправления и др.

С победой Октябрьской революции обнаружилась неспособность лидеров и идеологов всех течений народничества, всех политических партий четко сформулировать основные принципы подхода к оценке происходивших перемен, разобраться в быстро изменявшихся событиях, дать адекватную их значению оценку, определить характер изменений и их тенденции после октября 1917 г. с учетом нового соотношения в расстановке классовых сил, их борьбе за власть. Если большевики во главе с В. И. Лениным продолжили углубленную теоретическую разработку вопросов классовой борьбы и смогли с этих позиций реалистически оценить ситуацию и противоборство различных классов, то народники продолжали отстаивать свои прежние взгляды, рассуждая о народовласти, демократии, всеобщем избирательном праве, Учредительном собрании, защите интересов всего народа и т. д. Произошло дальнейшее углубление разрыва между теоретической доктриной народников и действительностью революционной эпохи, между программными требованиями и реальной политикой народнических партий, которую В. И. Ленин охарактеризовал, как «полный крах идеи коалиции»¹⁴. Напомним, что В. И. Ленин предвидел подобный исход эволюции народнических партий, в частности эсеров, еще задолго до революции 1917 г. В октябре 1917 г. этот прогноз В. И. Ленина в полной мере подтвердился, что еще раз показало возможность с позиций творческого марксизма прогнозировать сложные процессы общественного развития, включая итоги эволюции различных политических партий на основе анализа их теоретической платформы, программы, тактики борьбы, конкретных практических действий.

В. И. Ленин постоянно говорил о важности разоблачения измышлений кадетов, эсеров и меньшевиков, выступавших единым фронтом против Октябрьской революции с нападками на Советскую власть, диктатуру пролетариата, партию большевиков и ее политику. «Называя себя социалистами, — писал В. И. Ленин в 1919 г., — меньшевики и эсеры на деле — *пособники белых*, *пособники помещиков и капиталистов*. Это доказали на деле не отдельные только факты, а две великие эпохи в истории русской революции: 1) керенщина и 2) колчаковщина. Оба раза меньшевики и эсеры, на словах будучи «социалистами» и «демократами», на деле сыграли роль *пособников белогвардейщины*»¹⁵.

Отмечая колебания мелкобуржуазной демократии, В. И. Ленин писал, что сознательные рабочие и крестьяне России «поняли, что меньшевики и эсеры суть *пособники белогвардейцев*, одни — сознательные и злостные, другие — по неразумию и по упорству в старых ошибках, но все — *пособники белогвардейцев*»¹⁶.

Разоблачению враждебных интерпретаций Октябрьской революции и ее исторического значения В. И. Ленин посвятил не-

сколько статей: «Пролетарская революция и ренегат Каутский», «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата», «Все на борьбу с Деникиным!», «О диктатуре пролетариата», «В лакейской», «О нашей революции» и др. Они стали важным фактом идейной жизни того времени, средством разъяснения широким массам трудящихся подлинной роли мелкобуржуазных демократов и социалистов в революционных событиях. Следует сказать, что обострение идейного противоборства между марксистами и народниками, большевиками и эсерами после 1917 г. происходило не из-за желания большевиков расправиться со своими политическими конкурентами, как это нередко изображается в зарубежной литературе, а из-за активного участия народников, особенно правых энесов и части левых эсеров, в борьбе против Советской власти на стороне сил контрреволюции. На это обстоятельство постоянно указывал В. И. Ленин, возглавлявший борьбу Советской власти против сил реакции и интервенции. Так, в Письме ЦК РКП(б) «Все на борьбу с Деникиным!» (1919) В. И. Ленин писал: «Английские и французские империалисты провалились, наконец, и со своим планом захвата Петрограда посредством контрреволюционного заговора, в котором участвовали русские монархисты, кадеты, меньшевики и эсеры, не исключая и левых эсеров». За открытой контрреволюцией, реакционерами и кадетами, связанными с империалистами Антанты, «плетутся, как всегда, колеблющиеся, бесхарактерные, словами прикрывающие свои дела меньшевики, правые эсеры и левые эсеры»¹⁷.

В. И. Ленин внимательно следил за процессами, происходившими в народническом лагере, что позволяло ему объективно и реалистически оценивать их позиции, различные повороты, возможные акции против Советской власти. Так, в 1919 г. он отмечал: «. . . в данный момент мелкобуржуазная демократия с эсерами и меньшевиками во главе, бесхарактерная и колеблющаяся, как всегда, держит нос по ветру и колеблется в сторону победителя Деникина. Особенно это верно по отношению к «политическим вождям» левых эсеров, меньшевиков (вроде Мартова и К⁰), правых эсеров (вроде Чернова и К⁰) и вообще их „литературных групп“, члены которых, помимо всего прочего, сугубо обижены их полным политическим крахом и поэтому имеют едва ли искоренимое „влечение“ к авантюрам *против* Советской власти»¹⁸. Изучение ленинских трудов в сопоставлении с выступлениями народников по вопросам Октября, с учетом острой классовой борьбы 1917—1920 гг. позволяет понять резкость ленинских суждений и оценок народнической литературы, с которой он постоянно знакомился, поскольку она позволяла видеть настроения и позиции мелкобуржуазной демократии.

Перечисляя авторов народнических изданий — Мякотина, Пешехонова, Бунакова, Вишняка и др., В. И. Ленин давал им следующую оценку: «Образованные интеллигенты, мнящие и называющие себя социалистами, насквозь пропитанные буржуазными

предрассудками и лакействующие перед буржуазией, — такова, в сущности, вся эта писательская компания. Оттенков среди этой публики очень много, но они никакого серьезного значения, с политической точки зрения, не имеют, ибо сводятся к тому, насколько лицемерно или искренне, грубо или тонко, аляповато или искусно исполняют они свои лакейские обязанности по отношению к буржуазии»¹⁹. В. И. Ленин оценивал эти писания как ренегатство политических деятелей, «которые всю жизнь распинались в верности революции, чтобы оказаться в лагере буржуазии против пролетариата, когда революция пришла»²⁰.

В процессе борьбы с эсеровскими и меньшевистскими концепциями революции В. И. Ленин развивал дальше марксистское учение о классовой борьбе в новых социальных условиях, после взятия власти пролетариатом. Эта ленинская концепция Октября, основанная на глубоком знании хода событий, осмыслении поведения классов и партий, ведущих политических деятелей, стала идейно-теоретическим фундаментом, который мог обеспечить создание научной историографии Октябрьской революции.

Следовательно, острая идейная борьба между марксистами и народниками, имевшая место в начале XX в., продолжалась и после победы пролетарской революции. И хотя в этих столкновениях двух концепций социализма и революции оставалась прежняя основа, ее характер существенным образом изменился. Октябрьская революция подтвердила правоту основных идей марксизма. Она еще раз, как и революция 1905—1907 гг. и Февральская 1917 г., показала преимущество теории, руководствуясь которой партия во главе с В. И. Лениным возглавила революцию и победила. Это признали и сами народники. Следовательно, весь ход революции в 1917 г., ее победа и первые социальные и политические результаты стали подтверждением верности марксистской концепции общественного развития, ее громадных потенциальных возможностей при условии серьезного отношения к ней как к науке.

В ином положении оказались народники, стоявшие на принципиально иных теоретических позициях. Октябрьская революция опровергла все народнические догмы, иллюзии их политических лидеров относительно революции и социализма, минуя классовую борьбу. Октябрьская революция ответила на многие вопросы, волновавшие и марксистов, и народников до 1917 г. Политическое банкротство, дальнейший организационный развал стали закономерным результатом эволюции социально-политических и идейно-теоретических позиций народников в условиях открытой борьбы классов. Политическое поражение народников выразилось в потере влияния на широкие социальные слои, в их отходе от партий, в политике которых массы разочаровались. Однако самый сокрушительный удар Октябрьская революция нанесла народническим воззрениям на социализм, классовую борьбу, роль народных масс в революции, концепцию партии и ее участие в революционной борьбе. Именно это обстоятельство придавало всем выступлениям народников против марксизма,

большевиков и В. И. Ленина особый характер. Это были нападки идейных и политических банкротов, не способных трезво оценить свое положение, пересмотреть прежние взгляды и теории, сделать реалистические выводы из уроков истории на будущее. И хотя у различных групп и теоретиков народничества появлялись порой сомнения относительно правильности позиций, они стремились их преодолеть доказательствами все тех же положений, клятвами верности прежней доктрине, уверениями в ее непреходящем значении для будущего²¹.

С позиций идейно-политических банкротов, не способных объяснить победу социалистической революции в России, приступили мелкобуржуазные идеологи и историки к описанию событий 1917 г.

Стремясь выработать свое понимание и объяснение Октябрьской революции и начального этапа социалистических преобразований, доказать свою правоту, эсеры-максималисты постоянно обращались к авторитетам прошлого, пытались найти в их учении опору, теоретическую базу для своих оценок событий, выдвигавшихся ими лозунгов и идей. Так, Второе Всероссийское совещание Союза социалистов-революционеров максималистов приняло воззвание «К трудящимся всего мира». В нем говорилось: «Эти лозунги, выработанные максималистами, людьми не теории, а революционной практики, на основе учения вождей революционной мысли в России — Чернышевского, Лаврова и Михайловского, которым реалистический метод исследования, любовь к трудовому народу и огромный талант дали возможность наметить жизненные цели революционного движения и способ искания путей к социализму, — эти лозунги оказались настолько действенными, что партии, не принявшие их (минималисты) (имеются в виду энесы и правые эсеры. — Г. А.), были отброшены за рубеж нашей революции, а партии, которые стремились удержать власть, были вынуждены принять их даже вопреки своему мировоззрению». С этих позиций они упрекали тех эсеров и народников, которые, изменив народу, ушли в лагерь контрреволюции, предав народническую доктрину. Противники Октябрьской революции (энесы и правые эсеры), напротив, объясняли соглашение с Советской властью части левых эсеров и максималистов изменой народничеству, переходом на позиции большевиков²². И при этом те и другие утверждали свои идеи, руководствуясь народническими догмами о социализме, народной революции, трудовом народе и т. п.

Идейный плюрализм, свойственный народничеству и до 1917 г., после Октябрьской революции получил еще больший размах, достигнув своего апогея. По-разному оценивали Октябрьскую революцию и ее важнейшие проблемы не только представители различных течений, партий, но и отдельные деятели народничества, нередко выдавая свои личные взгляды за платформу своей партии, группы и, конечно, всего народничества²³. Вопреки фактам упорно утверждались идеи о том, что события 1917 г. по-

казали правоту народнических лидеров, их предсказаний, что народничество успешно утверждается в сознании масс, что ему принадлежит будущее. Подобные оценки, не соответствовавшие реальному положению дел, также свидетельствовали об идейном крахе народничества, а лидеры и теоретики этого течения изображали революционные завоевания 1917 г. как свое торжество. Как и прежде, иллюзорное и желаемое выдавалось за реальное, а поражение расценивалось как триумф, как великая победа народничества²⁴.

Изучение взглядов крупнейших народников на исторические события 1917 г. и последовавшие за ними в стране изменения дают нам все основания выделить два важнейших течения в народнической идеологии этого периода — контрреволюционное (бывшее либеральное), представленное лидерами и теоретиками энесов и эсеров, небольшой частью левых эсеров. Они изображали себя по-прежнему вождями народнических партий, хотя таковыми уже не являлись, а партии переродились в мало организованные образования. Так, лидер энесов А. Пешехонов, описывая свою жизнь в годы революции, замечал, что все вокруг него превратилось в беспартийных, а он продолжал писать, что является членом ЦК партии энесов²⁵. Для многих народников принадлежность к партии, руководящим органам стала фикцией. Многие народники не могли объективно оценить реальное положение на политической арене, свою действительную роль в борьбе двух лагерей — революции и контрреволюции. Деятельность народнических лидеров в условиях пролетарской революции не могла быть самостоятельной. Они могли лишь усиливать или ослаблять борющиеся лагеря, отнюдь не определяя основных тенденций классовой борьбы. В сентябре 1917 г. В. И. Ленин писал, что «во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?»²⁶. Лидеры мелкой буржуазии оказались не в состоянии понять характер классовой борьбы в 1917 и последующие годы гражданской войны, изображая себя сторонниками «третьего пути», не пролетарского и не буржуазного, а народно-трудового, мирного²⁷. Ленин видел «специфическую узость или специфическую тупость мелкобуржуазного демократа, который не может вырваться из своей экономической, политической и идейной зависимости от буржуазии. . .»²⁸. Именно в таком положении оказались лидеры и теоретики либерального крыла народничества, связавшие с 1917 г. свою судьбу с буржуазией.

В 1920 г. в речи на заседании Московского Совета В. И. Ленин говорил, что вместо «старого деления рабочего движения возникли новые, во главу угла стало отношение к Советской власти, к диктатуре пролетариата»²⁹. Отношение к пролетарской революции, к Советской власти с октября 1917 г. становится главным критерием оценки поведения всех политических деятелей без исключения, в том числе и народнических. Как правило, признание Октябрьской революции народной, положившей начало

радикальным революционным преобразованиям, приводило народников в лагерь революции, враждебное отношение — в лагерь реакции и контрреволюции. Обилие оттенков и нюансов среди народников партия большевиков всегда учитывала и умело использовала в борьбе против контрреволюции, в том числе и идеологической. Лагерь сторонников Советской власти тоже не был однородным, ибо он состоял из нейтрально, лояльно и оппозиционно настроенных, поддерживавших не все мероприятия Советской власти и признававших лишь отдельные революционные преобразования. Среди эсеров-максималистов весьма распространенным типом были деятели, признавшие Октябрь, но считавшие политику Советской власти в РКП(б) недостаточно революционной, т. е. они стали оппозиционерами левого толка.

Союз социалистов-революционеров максималистов, выступавший в 1917—1918 гг. под лозунгом «Вся власть, земля, фабрики, заводы — трудящимся! Да здравствует трудовая республика!», опубликовал довольно значительное количество литературы с изложением своей позиции.

Эсеры-максималисты, активно участвовавшие в Октябрьской революции³⁰, объявляли себя передовым отрядом революционного движения, глашатаями трудовой революции³¹. Рассматривая Октябрь как трудовую революцию, максималисты справедливо называли себя революционерами, звавшими массы и лозунгами, и действиями «на борьбу с царизмом во имя трудовой революции, звали бить сразу по обеим головам хищной птицы — двуглавого орла — по царизму и по капитализму». Столь общие рассуждения о характере борьбы в 1917 г. максималисты наполняли самым различным содержанием. Однако все они были уверены в том, что их идеи являются «властителями дум» «могучим двигателем огромных социальных сил», свершавших трудовую революцию. «Теперь под нашими лозунгами, — писал Светлов, — творится русская революция, теперь наиболее могущественные из социалистических партий идут по пути, предначертанному нами еще в эпоху первой русской революции». И далее: «Под нашими лозунгами пошли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, пошла партия большевиков и левых социалистов-революционеров, пошел весь трудовой народ». Однако это совершенно не соответствовало действительности. Более того, революция показала полную несостоятельность идей эсеров-максималистов, весьма далеких от научной теории революции. А в освещении максималистов именно их идеи и обеспечили победу народа в Октябре. Таким образом, за признанием революции стояла совершенно определенная концепция, весьма далекая от реальной действительности. Такой же характер имело освещение максималистами и других проблем революции. Так, признавая большевиков сильной и влиятельной партией, максималисты утверждали, что они разделяли лозунги большевиков. Однако сами выдвигали совершенно иные лозунги типа «Свободный труд!», утверждая, что это требование — главная цель стихийного движения трудовых масс. И хотя

эсеры-максималисты были активными участниками и свидетелями событий 1917 г., понять классовые основы Октябрьской революции, ее пролетарский характер они так и не смогли. «Самодержавно-капиталистический строй» рухнул, в их понимании, под ударом «дружного натиска почти неорганизованного трудового народа». Стихийное движение трудового народа — таково главное содержание Октябрьской революции в изображении максималистов. В других статьях авторы этого направления утверждали, что в революции рабочий класс ведет за собой трудовое крестьянство. Это противоречивое освещение движущих сил и роли пролетариата было характерно для всех утверждений идеологов максимализма, не понимавших характера Октября.

При всей классовой ограниченности максималисты правильно оценивали соглашательскую политику эсеров и меньшевиков. Авксентьевы, Даны, Гоцы, Черновы, писал М. Селиванов, своей соглашательской политикой предали революцию; они братались с буржуазией, защищая мещанский идеал «буржуазно-парламентской республики», а не трудовую Советскую республику³².

И хотя Советы максималисты считали органами власти трудового народа, однако классового характера этих органов они не понимали, и не признавали. Власть в Советской республике — не орудие классового господства, — это «трудовое новое государство». Советы, говорилось в одной из статей, «являются проводниками Власти труда, меньшевики и правые социалисты-революционеры под лозунгом Учредительного Собрания проводят власть капитала».

С большим революционным энтузиазмом и убежденностью максималисты утверждали идеи о том, что «социализм в данный момент есть неизбежный и единственный спасительный шаг». Провозглашая социализм главной целью борьбы и созидания, максималисты трактовали его со своих народнических позиций. Он рассматривался как «трудовая республика», «борьба за индивидуальность», «развитие творческих сил личности». В связи с этим рассматривалась роль Советов, которые нужны трудящимся для «осуществления своих чисто трудовых целей, для полного уничтожения всех устоев буржуазного строя и для водворения на Земле царства труда». Главный признак социализма одному из лидеров максимализма А. Залетному виделся в «налаженности общественно-планомерного хозяйства». По словам Н. Полянского, «социализм предполагает единое общественное хозяйство, ведущееся согласно определенному плану»³³. Путь к такому обществу Залетный усматривал в осуществлении таких мер, как «конфискация и обобществление всего достояния эксплуататоров трудового народа (социализация фабрик и заводов), введение всеобщей трудовой повинности, уничтожение классов и, следовательно, теперешней классовой борьбы и буржуазии». В перечне этих мероприятий реальное и возможное сочеталось с утопией — пожеланием уничтожения классов и классовой борьбы сразу же после победы революции. Тогда как для марксистов эта задача может

быть решена только в ходе социалистического строительства, постепенного изменения классов, охватывающего весь переходный период, который в концепции максималистов отсутствовал. По их мнению, социалистическое бесклассовое общество утверждалось сразу же после революции в результате радикальных мероприятий, главным в которых была социализация.

В программе максималистов ведущим типом собственности становилась не государственная, утверждавшаяся в процессе национализации фабрик и заводов, а групповая — коллективная, когда собственниками средств производства становились трудовые коллективы. Эти идеи были весьма популярны у ряда мелкобуржуазных социалистов Запада, у народников XIX в., усматривавших в мерах по социализации путь, который способен утвердить коммунистический строй без классов и классовой борьбы³⁴. Это была утопия, основанная на иллюзиях о возможности достижения социализма посредством суммы мер, проведенных сразу же после революции. Анализируя проблему соотношения экономики и политики в эпоху диктатуры пролетариата, В. И. Ленин отмечал, что подобные взгляды характерны для идеологов этого направления. «Мелкобуржуазным демократам свойственно отвращение к классовой борьбе, мечтания о том, чтобы обойтись без нее, стремление сгладить и примирить, притупить острые углы. Поэтому такие демократы либо отмахиваются от всякого признания целой исторической полосы перехода от капитализма к коммунизму, либо своей задачей считают выдумку планов примирения обеих борющихся сил вместо того, чтобы руководить борьбой одной из этих сил»³⁵.

Со своих радикальных позиций максималисты обвиняли большевиков в непоследовательности, в отказе от решительных мер, в соглашении с буржуазией. В числе доводов против большевиков был и рабочий контроль, который рассматривался как полумера, ничего не дающая народу; они выступали против использования буржуазных специалистов, обвиняли в отказе от национализации средних и мелких предприятий³⁶ и др. Вся эта позиция, на первый взгляд весьма радикальная, в действительности была мелкобуржуазно-социальной, приправленной солидной дозой левачества, опасного экстремизма и социальной демагогии. Ультрареволюционные меры, предлагавшиеся, а чаще требовавшиеся максималистами вели не к укреплению их союза с большевиками, а к усилению разногласий, к превращению максималистов в оппозиционную группу левацкого толка.

В. И. Ленин не раз отмечал в те годы, что критикующие политику большевиков, упрекающие его в утопизме и авантюризме сами навязывают «задачу утопическую, чтобы организационные вопросы нового социалистического строя и борьбы со старыми привычками, которые нельзя уничтожить никакой отменой учреждений, чтобы эти вопросы были решены — в обстановке, когда у нас связаны руки гражданской войной — в срок, в какой они никакими земными силами решены быть не могут»³⁷.

Насколько сложны и противоречивы были позиции эсеров-максималистов свидетельствуют идейные расхождения, имевшие место на 4-й Всероссийской конференции Союза (2—10 декабря 1918 г.).

Один из лидеров этой партии Рив (Н. И. Ривкин), утверждая старые народнические идеи, обвинял большевиков в недооценке роли личности. «Наша основная политическая задача, — говорил он, — признать трудовую личность центром и бороться против всех посягательств на нее, против всякого насилия и оскорбления ее, против всякого гнета и ненужного раздражения ее, дабы не отталкивать от революции»³⁸. Ривкину возражал Зак, доказывавший, что выдвижение идеи защиты трудовой личности является искажением и принижением максимализма. Это обывательская идея, говорил Зак, она соответствует «тому примитивному и индивидуалистическому пониманию социализма, когда последний рассматривается как отрицание капиталистической эксплуатации, как воздаяние каждому работнику полного продукта его труда, как система трудовых ассоциаций, каждая хозяйственно-автономная». Отвергая эти максималистские воззрения, Зак доказывал, что эта идеология трудовой личности «хороша для анархизма или для оправдания продовольственных привилегий крепкого трудового крестьянства, но она несовместима с принципами революционной Советской власти и неприемлема для максимализма». Зак называл крохоборнической идею защиты трудовой личности и противопоставлял ей тезис о том, что максималисты являются борцами «за интересы всех трудящихся, эксплуатируемых и угнетенных, а не за предрассудки или частный эгоизм трудовых личностей». А главным в максимализме ему представлялась борьба за «интересы полной, неурезанной социальной революции, понимаемой, конечно, в мировом масштабе». Выступая против распространенных народнических идей о правах и интересах трудовой личности, Зак тем не менее не смог вырваться за пределы мелкобуржуазных воззрений того же максималистского толка. Так, задачи «социально-экономического строительства, как и большинство эсеров-максималистов, он усматривал в социализации фабрик и заводов. . . В этой работе, — говорил он, — мы должны дать максимум приближения к коммунистическому социализму».

Отвергая все важнейшие мероприятия Советской власти, ее экономическую политику, внешнедипломатические акции (заключение Брестского мира), лидеры максималистов не раз выступали с призывами к борьбе с большевиками, хотя и доказывали, что террор и саботаж в пределах Советской России недопустимы, что главный враг революции — мировой империализм. Сформулированные на конференции цели Союза эсеров-максималистов в «Основных положениях максимализма» свидетельствовали о том, что это течение народничества находилось тоже в глубоком кризисе, выход из которого его лидерам виделся в разработке взглядов максималистов, в развитии самостоятельности трудовых масс и активности «революционного меньшинства», в налаживании отноше-

ний с большевиками, «на началах взаимного доверия, уважения и равенства» и др.³⁹ Подобная мешанина, зафиксированная в виде резолюции 4-й Всероссийской конференции, сопровождалась весьма ценными для нас признаниями, которые прозвучали в докладе Берда. Ошибочно думать, говорил он на конференции, «будто в наших рядах имеется одна лишь народническая или какая-то специфически эсеровская идеология. У нас есть и марксистские элементы. . . есть люди, совершенно чуждые и трафаретов марксизма, и идеологии какого бы то ни было народничества».

Подобного рода оценки состояния идейных основ максимализма убедительно демонстрировали распад народнической доктрины, хотя еще и продолжали звучать уверения в том, что они являются «единственными настоящими левыми народниками»⁴⁰. Будучи не в состоянии понять происходившие в народничестве процессы идейного распада, максималисты пытались утешать себя весьма сомнительными доводами, обнажавшими их теоретическое бесплодие. «Теперь в идеологии все перепуталось, — говорил Берд, — и большевики — не марксисты, и максималисты — не народники». Идеологическая конфронтация признавалась бесплодной, вредной и невозможной. Из этого делался и вывод, характерный для народнических деятелей левого толка послеоктябрьского периода: «Не создавать идеологические фронты — марксистов и народников — это анахронизм и белиберда. Дело сейчас не до таких пустяков, как объединение или противопоставление идеологий, а тем более идеологий устаревших. На советской работе мы должны идти рука об руку со всеми революционно-советскими организациями». Подобного рода призывами народники старались скрыть глубокий крах своей доктрины, непонимание важности теоретической работы. Им было выгодно свалить в одну кучу марксизм, превратившийся в государственную идеологию господствующего класса — пролетариата, и устаревшее и обанкротившееся народничество, оказавшееся в состоянии полного краха, объявив и то и другое устаревшим. Объективно, подобные выступления левонародников оставались одной из форм борьбы с научным коммунизмом, утверждавшимся в стране в качестве государственной идеологии.

Проведенный анализ убеждает нас в том, что стоявшие на советской платформе левонароднические партии — эсеры-максималисты, а также народники-коммунисты, члены партии революционного коммунизма в области идеологии, по-прежнему придерживались народнических догм, хотя иногда и заявляли об устарелости народничества, необходимости пересмотра прежних взглядов. Но эти позиции были менее опасны взглядов правых. В обстановке острой борьбы с контрреволюцией левонароднические выступления о важности сплочения масс для отпора реакции и защиты революции, разоблачения правых эсеров и меньшевиков, вставших на путь сотрудничества с реакцией, о контрреволюционной сущности лозунга Учредительного собрания, о необходимости организации отпора иностранной интервен-

ции⁴¹ — все эти идеи помогали понять массам, особенно мелкобуржуазным слоям, сложность обстановки и настоятельную необходимость сплочения сил для защиты революционных завоеваний. Говоря об идейно-теоретической деятельности лидеров Союза эсеров-максималистов, следует подчеркнуть, что, не соглашаясь, возражая и протестуя против политики РКП(б) в сфере социально-экономических отношений, отвергая марксистскую концепцию диктатуры пролетариата, руководящей роли рабочего класса, эсеры-максималисты не могли противопоставить ничего эффективного и существенного ни в теории, ни в политике для продвижения по пути к социализму. Все их нападки на политику Советской власти и большевиков носили крайне противоречивый, необоснованный характер. Чувствуя несостоятельность народнической теории, одни пытались ликвидировать этот недостаток, другие признавали, что народничество устарело и от него следует отказаться, третьи — призывали к объединению с левыми эсерами и народниками-коммунистами на прежней идейной платформе. И хотя некоторые максималисты склонны были признавать влияние марксизма на их идеологов, однако дальше этого они пойти не смогли, так как в целом оставались в плену народнических воззрений.

С иных позиций подошли к оценке Октябрьской революции лидеры и теоретики партии социалистов-революционеров. Их выступления стали средством сведения счетов с большевиками и победившим пролетариатом, служили оправданию политики, которую стала проводить партия эсеров с осени 1917 г., поддерживая силы реакции.

Деятельность партии правых эсеров как выразительницы интересов той части мелкой буржуазии, которая враждебно встретила социалистическую революцию, позволяет понять классовую сущность и политическую направленность их выступлений по вопросам пролетарской революции в России, объективную роль в ожесточенной идеологической борьбе послереволюционных лет.

В. И. Ленин постоянно призывал к разоблачению меньшевиков и эсеров, действовавших единым фронтом с помещиками и капиталистами, с международной реакцией против Советской власти⁴².

Не поняв характера Октябрьской революции, авторы эсеровского толка сосредоточили свои главные усилия на описании фактов и явлений, которые, по их мнению, смогли бы оправдать и реабилитировать действия партии социалистов-революционеров в глазах широких масс трудящихся и идейных единомышленников. Извращение истинной картины революционных событий 1917 г. и особенно Октября стали главной чертой эсеровской литературы.

Обращаясь к истории Февраля и Октября, эсеровские идеологи не раз заявляли о том, что главное в их литературной деятельности — это привлечение масс на свою сторону, убеждение их в необходимости борьбы против Советской власти с целью возвра-

щения Февраля. После раскола партии социалистов-революционеров наиболее крупные теоретики, историки, публицисты связали свою деятельность с правыми эсерами. В. Чернов, М. Вишняк, В. Лункевич, Н. Русанов, М. Гендельман, Д. Розенблюм, И. Ракитников и др. стали авторами сочинений о революциях 1917 г.

В общем потоке мелкобуржуазных изданий эсеровская литература по различным вопросам Октябрьской революции была особенно заметна. Этой литературой постоянно интересовался В. И. Ленин, изучение которой он считал одним из необходимых условий успешной борьбы против идейных противников.

Обращение эсеров в 1917 г. к прошлым этапам борьбы, к лозунгу «Земля и Воля», к революционным традициям А. Герцена и Н. Чернышевского⁴³ было признаком теоретической слабости и беспомощности, неспособности разобраться в закономерностях и ведущих тенденциях классовой борьбы XX в. Причины революции в России эсеры усматривали лишь в тяжелом положении народа, в его недовольстве войной, в недостатке продовольствия, в разрухе⁴⁴. Внешние формы проявления кризиса социальной системы, а также факторы, ускорившие приближение революции (войну), они рассматривали как внутренние пружины революции, без разграничения, как уже отмечалось ранее, предпосылок и условий совершения буржуазно-демократической и социалистической революции. Отрицая предпосылки и закономерности революции эсеры ограничивались лишь изложением хода событий, предшествовавших 1917 г.⁴⁵ В этом был главный порок их концепции и методологии. Свои основные усилия, как и меньшевики, эсеры сосредоточили на доказательстве отсутствия в стране условий для социализма, для социалистической революции. Победу социализма они связывали не с экономическим его обоснованием, не с пролетарским, а с крестьянским движением. На этой основе строилась их концепция отсталости России, в основе которой были не передовые формы хозяйства (промышленность), а отсталые — аграрный строй. Это позволяло эсерам сделать вывод о том, что в России якобы отсутствовали и объективные и субъективные предпосылки для социализма и победы социалистической революции.

М. Я. Гендельман (Якобий), один из видных теоретиков и член ЦК партии правых эсеров, утверждал в 1918 г., что в России для социализма не созрели «объективные и психологические предпосылки», отсутствует промышленность, малочислен сознательный и дисциплинированный рабочий класс⁴⁶. В. И. Ленин, считая подобные взгляды заблуждением народнических теоретиков, в работе «Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата» писал: «Сила пролетариата в любой капиталистической стране несравненно больше, чем доля пролетариата в общей сумме населения. Это — потому, что пролетариат экономически господствует над центром и нервом всей хозяйственной системы капитализма, а также потому, что пролетариат, экономически и полити-

чески, выражает действительные интересы громадного большинства трудящихся при капитализме»⁴⁷. После победы революции эта сила пролетариата намного возрастает, что позволяет ему привлечь на свою сторону многочисленных союзников из непролетарских слоев населения. Этого не могли понять идеологи народничества, постоянно выдвигавшие против марксистов один и тот же довод о малочисленности рабочего класса и неспособности его возглавить трудящиеся массы в борьбе за демократию и социализм.

Для эсеров социалистическая революция была вопросом не современности, а далекого и неопределенного будущего. К вопросу о социализме, писал В. И. Ленин в 1917 г., эсеры и меньшевики подходят схоластически. Они представляют «социализм чем-то далекий, неизвестным, темным будущим»⁴⁸.

Социалисты-революционеры старались утвердить идею о несовременности социалистической революции, ее исторической неподготовленности, отсутствии широкой социальной основы у диктатуры пролетариата, несоциалистическом характере мероприятий Советской власти. Это давало возможность, как им казалось, убедить массы в обреченности революции и ее неизбежной гибели⁴⁹. Эсеры старались внушить народу идеи бесперспективности и опасности борьбы за социализм в России, неизбежности поражения революции и бессмысленности поддержки партии большевиков.

Эсеры стремились доказать, что социалистическая революция не нужна, что капитализм может перерасти в социализм якобы автоматически. Эти идеи, заимствованные из реформистской западноевропейской литературы, особенно усиленно проповедовались ими в работах об Октябрьской революции⁵⁰. Эсеры стали упорно пропагандировать взгляды о возможности перехода от капитализма к социализму путем «естественного вращивания первого в последний, путем автоматического краха капитализма»⁵¹.

Главные усилия они направили на обоснование отсутствия субъективных предпосылок революции, культурной отсталости народа, низком уровне сознания рабочего класса. Эти рассуждения они дополняли своими утопическими доводами о возможности подготовки личности к социализму, о воспитании социалистических качеств в условиях капиталистического строя. Новый строй, писал Чернов, нуждается в новом человеке, в социалистической культуре, которая может развиваться в рамках капитализма, что обеспечит якобы «легкое, безболезненное и успешное рождение» нового общества⁵². При осуществлении событий февраля—октября 1917 г. эсеры не хотели видеть бурно развивавшегося революционного процесса, охватившего всю страну, роста революционной активности широких народных масс, гегемоном которых стал российский пролетариат во главе с партией большевиков. Весь сложный процесс развития революции, перехода от буржуазно-демократического этапа к социалистическому они сво-

дили к таким сюжетам, как «разгул анархии, кризис власти, самоорганизация демократии», «ошибки» и просчеты Временного правительства. Эти ошибки, по мнению правозэсеровских авторов, явились причиной гибели Февраля и привели к победе большевиков в октябре 1917 г., которая воспринималась как заговор, верхушечный переворот, авантюра. В ноябре 1918 г. в освещении Октябрьской революции главной у эсеров стала идея о том, что она не является революцией, что это удачный заговор большевиков, которые якобы воспользовались благоприятно сложившимися обстоятельствами и вероломно захватили власть, нарушив все законы демократии⁵³. Утверждения о заговорщическом характере Октября стали центральной идеей всей эсеровской концепции, в которой не было места таким важным вопросам, как движущие силы революции, замена диктатуры буржуазии диктатурой пролетариата, формирование власти Советов в центре и на местах. Все сводилось к эсеровским рассуждениям о несоциалистическом, непролетарском, а следовательно, ненародном характере Октябрьской революции. Идеи о несоциалистическом характере революции подкреплялись аргументами из народнической социологии: о психологических основах революции, социалистическом идеале, появлении новой личности, — которые якобы необходимы для победы революции и продвижения по социалистическому пути⁵⁴. Подобные доводы отражали существо социалистических воззрений эсеров, этический характер социалистической доктрины народников, продолжавших отстаивать свои прежние позиции.

В. И. Ленин отрицал подобное отношение к Октябрьской революции: «...Факты мировой истории показали, что превращение нашей, русской, революции в социалистическую было не авантюрой, а необходимостью, ибо иного выбора не оказалось»⁵⁵ (курсив мой. — Г. А.).

Объективный анализ исторических событий 1917 г. правые эсеры постоянно подменяли тенденциозными характеристиками, раскаяниями в ошибках и просчетах, сетованиями на неблагоприятные обстоятельства, упреками, постоянной клеветой в адрес большевиков, очернительством, третированием, т. е. приемами, присущими политическим банкротам, не способным к реалистическим оценкам своего поражения. Естественно, что такой подход не мог привести к научной концепции революции, поэтому все выводы и оценки носили случайный, примитивный, неубедительный характер, что неоднократно отмечалось левыми эсерами.

Таким образом, активная контрреволюционная деятельность правых эсеров против Советской власти сочеталась с соответствующим освещением истории Октябрьской революции, со стремлением доказать широким массам населения неизбежность краха большевиков в силу узости их социальной базы, утопичности социальной программы, созданной якобы на основе «нереально оцениваемой действительности»⁵⁶. Из негативных

оценок партии большевиков, узости их социальной базы делался вывод о якобы скором падении Советской власти, об обреченности революции на гибель из-за ее несвоевременности.

Работами об Октябрьской революции эсеры пытались утвердить идеи об опасности революции, которая якобы обостряет классовые противоречия, тогда как стране нужен классовый мир, который могут дать социалисты и демократы типа эсеров, при условии падения Советской власти. Такова суть всех эсеровских писаний об Октябрьской революции, Советской власти, диктатуре пролетариата. Они оправдывали и отражали их политические позиции, их борьбу против Советской власти.

Отношение к Октябрьской революции левых эсеров заметно отличалось от взглядов и энесов, и правых эсеров. Идее «краха Февраля» в октябре левые эсеры противопоставили свои трактовки, которые не отличались ни большой глубиной осмысления событий, ни единством взглядов на Октябрь. С враждебностью относился к Октябрю Р. В. Иванов-Разумник⁵⁷. Другие деятели этой партии старались связать Февраль и Октябрь в единое целое, не видя существенных различий. Большинство левых эсеров оценивало Октябрь 1917 г. как народную, демократическую, трудовую, социальную революцию в России⁵⁸. Однако в эти понятия они вкладывали весьма неопределенное содержание. Истоки Октября им виделись не во внутренних социально-экономических процессах, классовой борьбе в России накануне 1917 г., а в несостоятельности Временного правительства, его нежелании удовлетворить интересы народных масс, в отказе дать народу мир и землю. Для концепции левых эсеров характерны непоследовательность и противоречивость, и хотя в ней содержались некоторые верные взгляды на социалистическую революцию и ее роль в истории, основывались они на народнических представлениях о социальном прогрессе, социализме и революции.

Так, социалистический характер Октябрьской революции левые эсеры усматривали в возможности проведения социализации земли и развития по социалистическому пути. Ее движущими силами большинство левых эсеров считало трудовое крестьянство и пролетариат: «Рабочий класс и трудовое крестьянство, спаянные общими задачами, являются в данный момент единственной реальной силой, которой должно принадлежать политическое господство, а следовательно, и власть в стране». Разделяя эти верные взгляды, эсер Камков старался доказать, что никогда в истории не было такого класса, который бы мог отражать интересы других классов. Таким приемом он хотел опровергнуть марксистское понимание ведущей роли пролетариата. Камков понимал, что «процесс русской революции совершенно ясно определился как процесс социалистического переустройства общества. Государственная власть поэтому, естественно, может быть только в руках угнетенных классов — пролетариата и трудового крестьянства». Советы рабочих, крестьянских, казачьих и солдатских депутатов левые эсеры рассматривали как истинно народную власть. Однако

все дальнейшее развитие страны по социалистическому пути эсеры видели в усилении роли трудового крестьянства, в перемещении, как они утверждали, социальной базы революции в деревню⁵⁹. Подобные рассуждения были логическим итогом идейного развития народников, утверждавших свои неверные идеи, основанные на вере в способность крестьянства привести массы к социализму. Это проявилось и в трактовках проблем диктатуры пролетариата, которую большинство левых эсеров рассматривало как явление отрицательное, нежелательное и ненужное для дальнейшего развития революции в России. Несколько позднее левые социалисты-революционеры стали утверждать, что после Октябрьской революции установилась «диктатура трудового народа», «диктатура трудящихся», демократизм которой они усматривали в сочетании полноты власти Советов с ее децентрализацией на местах. Непонимание роли пролетариата в социалистической революции приводило левонародников к мысли, что установление диктатуры пролетариата грозит «сужением социальной базы революции»⁶⁰. Этот тезис был проявлением поверхностного понимания проблемы союза рабочего класса и крестьянства, необходимого для развития социалистической революции⁶¹, и в то же время левые эсеры нередко писали об этом союзе на страницах своих изданий и даже выступали против Каутского, доказывавшего невозможность союза рабочего класса и крестьянства⁶².

Изображая себя партией, борющейся вместе с большевиками за социализм, эсеры не могли понять главного: программы и путей борьбы. Неслучайно они выступали против национализации банков и промышленности, которую В. И. Ленин считал главной в числе мер социалистического характера⁶³. Эсеровская литература об Октябре свидетельствовала об отсутствии у них четкого представления о характере движения страны к социализму после свершения социалистической революции⁶⁴.

Не все мероприятия революционной власти принимались и одобрялись мелкобуржуазными демократами. Они отрицательно отнеслись к закрытию контрреволюционной прессы, проведению мер по борьбе с контрреволюцией и др.⁶⁵

Так же противоречиво относились левые эсеры к враждебным силам, боровшимся с революцией, не понимая в полной мере опасности выступления контрреволюции, стремившейся свергнуть Советскую власть и вернуть старые порядки⁶⁶.

Однако при всех расхождениях между правыми и левыми эсерами у них сохранялась общая идейно-теоретическая платформа, враждебность по отношению к марксизму. Об этом еще в 1905 г. писал В. И. Ленин: «Старинное народничество, подновленное модным европейским оппортунизмом... составляет весь оригинальный идейный багаж так называемых социалистов-революционеров»⁶⁷. Так, с резкими выпадами в адрес марксизма выступал П. Прошьян, заявлявший, что жизнь якобы опровергла это учение, а большевики ему изменили, признав роль «трудового крестьянства»⁶⁸. Правда, среди левых эсеров были и такие, кто

занимал в этом вопросе нейтральные позиции, а позднее признали Советскую власть и диктатуру пролетариата, оставаясь противниками марксизма.

Не пытаясь вникнуть в ленинскую теорию империализма и социалистической революции, левые эсеры грубо фальсифицировали ее, приписывали Ленину то, что он никогда не разделял и не отстаивал. Так, Трутовский обвинял В. И. Ленина в пропаганде «субъективного метода в социологии», упрекал в отрицании союза рабочего класса и крестьянства, в нечеткости позиций, в бланкизме и максимализме⁶⁹.

Левые эсеры боролись за утверждение своих идейных позиций, опираясь на народническую утопию и веру в ее осуществление.

Весьма близкими к эсеровским были воззрения лидеров и теоретиков партии энесов на Октябрьскую революцию и связанные с ней события. Как и эсеры, энесы встретили революцию враждебно, забыв о всех своих клятвах верности народу и борьбе за его экономическое и духовное раскрепощение. В отличие от эсеров они были менее активны, меньше писали, но своими выступлениями об Октябре энесы поддерживали идейно силы реакции и контрреволюции.

Победу Октябрьской революции Пешехонов воспринял как хаос, разруху, гибель государственности⁷⁰. Обращаясь к прошлому, к событиям 1906—1907 г., Пешехонов в своей статье «Почему мы тогда ушли? (К вопросу о политических группировках в народничестве)» стремился ответить на вопрос о судьбах народничества. Раскол народничества, выразившийся в отходе от партии эсеров, энесов и максималистов, а затем левых эсеров, объясняется мелкобуржуазным характером всего народнического направления, тем не менее для большинства народников, точнее его лидеров, он оставался неясным. А между тем многие из них связывали раскол с поражением народнических партий в 1917 г., с потерей власти, которую они имели накануне Октября в Советах и Временном правительстве. Примечательна и сама постановка проблем Пешехоновым, который начинал свою статью с заявления о том, что причина раскола, «раздробившего силы народничества» на несколько политических партий, до сих пор многим не ясна. Отметив, что этот процесс продолжается и в 1917 г., о чем свидетельствуют «политические перегруппировки»⁷¹, Пешехонов пытался объяснить разрыв группы «Русского богатства» с социалистами-революционерами в 1906 г. Мелкобуржуазной природы народников Пешехонов и другие не хотели ни видеть, ни признавать, ограничиваясь взаимными обвинениями, претензиями и упреками. Эта ситуация, характерная для народнического движения в целом, проявлялась и в различии взглядов на народничество и его будущее. Так, причину упадка народничества, Пешехонов усматривал не в природе этого направления, проявившегося особенно ярко в 1917 г., а в политике большевиков. «Одна из важнейших задач, какие ставило себе

народничество, всегда состояла в том, чтобы сблизить интеллигенцию с народными массами, уменьшить пропасть между ними, какая вырыта была историей. И в этом отношении народничество, несомненно сделало достаточно много, — во всяком случае в значительной части интеллигенции желание слиться с народом, отдать все свои силы на служение ему было им воспитано. Однако эти утверждения о желании служить народу не соответствовали действительности, ибо самая интеллигентная часть народничества — лидеры и теоретики народнических партий, больше всего кричавшие о любви к народу и верности своему долгу, и предали его, встав на сторону противников Октябрьской революции.

Вместо того чтобы объективно проанализировать свои позиции и сделать правильные выводы, народники типа Пешехонова обвиняли большевиков в неспособности привлечь на свою сторону работников, «нужных трудовому народу». Оправдывая измену революции, они изображали дело так, словно по воле большевиков часть народников «помимо своего желания оказалась по другую сторону пропасти». Такой же необъективный характер носили объяснения возможных перспектив партии энесов. Вопреки реальным фактам, демонстрировавшим полный развал народничества, Пешехонов продолжал твердить, что собранные партией «интеллигентные силы сыграют еще свою роль при организационной работе в массах»⁷².

История не подтвердила этого прогноза Пешехонова, ибо Октябрьская революция подвела черту под всей их деятельностью.

Ранее уже отмечалось, что в своих теоретических и программных работах лидеры энесов весьма редко упоминали слово «революция», ибо были ее убежденными противниками, отстаивая и защищая «мирный» путь преобразования общества, т. е. реформы сверху. Однако Февральская, а затем Октябрьская революции заставили эту часть народников задуматься над вопросом о том, что такое революция, в чем ее причины, где ее корни⁷³. Энесы оказались совершенно не подготовленными к пониманию ее хода и характера, бурно развивавшихся событий, тем не менее их выступления весьма интересны и для объяснения эволюции народничества, и для понимания взглядов участников и свидетелей исторических перемен, пытавшихся не только осознать их смысл, но и объяснить читателям «Русского богатства» свое отношение к происходившим потрясениям.

Для А. Петрищева, организатора и члена ЦК партии энесов, революция вообще — явление нежелательное, тяжелое и в то же время при известных условиях неизбежное. Однако с ней приходится считаться, над ней следует размышлять. В серии очерков о событиях 1917 г., опубликованных в «Русском богатстве», Петрищев это и делал в свойственной ему журналистской манере. Он писал: «Задолго до революции вдумчивые люди, ожидая ее, надеясь на нее, и даже работая над тем, чтобы она пришла возможно

скорее, не скрывали, однако, что очень рады были бы избежать ее, если бы это было возможно. Бывают исторические условия, при которых революция неизбежна как единственный спасительный выход. Но она все-таки болезнь и притом очень тяжелая». К числу этих «вдумчивых людей» относились и сами энесы, для которых революция всегда была нежелательным явлением, «тяжелой болезнью».

В отличие от идеологов других течений народничества энесы пытались рассуждать об объективных основах революции, ее противоречиях, об отношении к революции народа, особенно «низов». Петрищев обвинял их в невежестве, в «темноте умов», в неспособности разобраться в свершившихся событиях, разумно влиять на них, а тем более взять власть в свои руки, ибо «серы, неграмотны, некультурны». Упрекая низы в социальной несостоятельности и ограниченности, Петрищев демагогически рассуждал: «У нас есть в низах люди, которым ход революционных событий кажется простой сменой лиц, — был Николай, потом стали Родзянко, потом Львов, потом Керенский»⁷⁴. И хотя революционное творчество масс даже в изображении энесов было в 1917 г. самым убедительным доводом в пользу их понимания классовой сущности развивавшихся событий, неспособности Временного правительства удовлетворить требования народа, Петрищев, как и другие энесы и эсеры, старался убедить читателя в том, что «далеко стоит невежественный ум от событий», «плохо он видит их», «несовершенны его органы восприятия» и т. п. Он оправдывал деятельность Временного правительства и третировал массы, напрасно ждавшие от него решительных мер. Стараясь объяснить сложившуюся в стране ситуацию, он писал, «что народ, шедший в революцию и принявший ее, между прочим, во имя идей „народного правления“, оказался в оппозиции к революционной власти, которая по необходимости сохраняет абсолютистский, самодержавный характер». В рассуждениях Петрищева вопреки фактам Временное правительство изображалось революционной властью, а народ, свершивший революцию в феврале 1917 г. и самоотверженно боровшийся за ее дальнейшее развитие, как оппозиция «революции» Керенского, т. е. сила нереволуционная. Главным итогом событий 1905—1907 гг. была, по мнению Петрищева, мысль о «народном правлении», с которой массы пришли к 1917 г., получившая якобы свое реальное воплощение во Временном правительстве. И хотя энесы постоянно выдавали себя за народных радетелей, борцов за всеобщее счастье, однако это не мешало им упрекать советы, действовавшие при Временном правительстве, в том, что «эти организации получили значительное, даже чересчур значительное влияние на дела», а массы — в том, что они не способны, не умеют управлять страной⁷⁵. Так лидер энесов, известный деятель народнического движения XX в. оценивал революционное творчество масс, выражал свое в сущности враждебное отношение к Февральской революции и ее главному герою — народу.

Со свойственной энесам наблюдательностью Петрищев отмечал факт отрыва представителей «революционной демократии», т. е. мелкобуржуазных деятелей, от народа, отсутствие «твердой опоры в нем». Петрищев упрекал их в неспособности реально оценить ход событий, якобы сдерживаемых культурной отсталостью страны. Он осуждал деятельность эсеров и меньшевиков, участвовавших в органах власти, не за их нерешительность и соглашательство с буржуазией, а за чрезмерные надежды на возможность установления демократии. «И эти деятели, — писал Петрищев об эсерах и других левонародниках, — понимая, что народ не готов и не склонен идти за ними, относятся к нему подозрительно, предполагают в нем контрреволюционную опасность». Естественно, возникло стремление к диктатуре, к «организации революционной демократии», к неограниченной абсолютной власти активного революционного меньшинства, чтобы Россию, явно не подготовленную к «царству социализма», насильственно, за уши втащить, если не в это царство, то хоть в преддверие к нему». Следовательно, даже половинчатые нерешительные действия эсеров после Февральской революции осуждались энесами как ненужные, чрезмерные, опасные для страны и «нормального хода вещей»⁷⁶.

Альтернатива сложившемуся образу правления в 1917 г., т. е. двоевластия, при котором Советы постоянно сдавали свои позиции, обеспечивая тем самым установление диктатуры буржуазии, Петрищеву виделась в том, чтобы вокруг правительства сплотилось «лишь образованное и государственно настроенное меньшинство нации». Для такой громадной страны, как России, «эта демократическая по убеждениям, реалистически и государственно мыслящая часть образованного меньшинства очень не велика и не очень сильна». Его позиция фактически ничем не отличалась от кадетской. Это было то самое «меньшинство нации», которое представляли ранее господствовавшие классы, и власть которых полностью исключала участие народа в управлении страной. Так «инициативное меньшинство» превратилось в «образованное» господствующее меньшинство, для которого народ стал необузданной стихией, толпой, разрушающей все на своем пути к «народовластию».

Таков логический итог рассуждений энеса Петрищева, продемонстрировавшего свое резко отрицательное отношение к Февральской революции, которая по своему содержанию более всего соответствовала классовой природе энесов как мелкобуржуазных демократов. Однако для них и эта революция оказалась слишком «революционной», приведшей общество к «бесформенному и хаотическому», к «бессвязному и рассыпанному» состоянию, к разгулу стихии, к «социальному пожару», который, по мнению Петрищева, никому не нужен и опасен⁷⁷. Массы вышли из повиновения и кричат: «Долой правительство, долой советы, долой каких-то буржуев». Особенно возмущало Петрищева такое настроение масс, которое «чрезвычайно благоприятно для больше-

вистских ораторов». С особой досадой и раздражением он констатировал то, что «на этом поприще большевистские ораторы почти не имеют соперников». Отмечая весьма важные для понимания революции в России факты, и особенно ее всенародный характер, роль большевиков, возглавивших борьбу, завершившуюся победой пролетариата в октябре 1917 г., Петрищев и другие народники этого течения не смогли объяснить реальный ход событий, поражение мелкобуржуазных демократов. Петрищеву революция виделась лишь как «жажда народного правления», соединенная с «темнотою» масс, превращение России в «мужицкую страну»⁷⁸.

Даже Февральская революция при всей ее ограниченности и нерешенности важнейших задач, «бескровности» не устраивала бывших либеральных народников, испугавшихся размах революционного движения, решительности народных масс в 1917 г. Правому крылу народничества импонировал лишь мирный, спокойный путь развития, который, по их мнению, мог привести к нужным стране изменениям. Образцом для подражания они считали европейские страны. Известный В. В. (В. П. Воронцов) писал по этому поводу: «Государственные преобразования в европейских странах углублялись постепенно, народные права и свободы расширялись постепенно, по мере того, как трудящиеся классы научились лучше понимать общественные отношения, лучше организовывались, стали посылать в парламент уже настоящих своих представителей; а эти представители были уже настолько образованны, что могли не только заявлять о нуждах народа, но и участвовать в составлении законов». Идеал для народников типа Воронцова — преобразование самодержавного государственного строя «не малосведущими в государственных делах трудящимися массами, а просвещенной буржуазией». Постепенные реформы, проведенные буржуазией, — таков идеал либеральных народников, полностью совпадавший с кадетскими воззрениями на развитие России и ее будущее. И хотя все эти размышления энесов прикрывались громкими словами о том, что «революционные партии на первое место выдвигали интересы трудящегося народа и требовали для народа Земли и Воли», тем не менее антидемократическая, антинародная сущность всех этих выступлений обнаружилась в 1917 г. в полной мере. Такова была идейная эволюция правого крыла народничества, доведенная до этого реального итога логикой классово-борьбы, завершившейся Февральской, а затем Октябрьской революцией. «И вот русский народ очутился вдруг без всякой власти, получил полную свободу, и ему — невежественному и неорганизованному — предстала великая задача выполнить в ближайшее время такое преобразование государственного быта, какое в других государствах выполнялось в течение многих десятилетий и выполнялось оно там не одним только простым народом, а под руководством просвещенной буржуазии»⁷⁹, — писал Воронцов.

Революционные события 1917 г. в полной мере раскрыли сущность правого крыла народничества, представители которого выступили в лагере противников революции. Произошло именно то, о чем писали марксисты еще в 80—90-е годы XIX в.: либеральные народники защищали интересы не народа, а собственников, враждебных в силу своей классовой природы революционному освобождению масс. В условиях классовых битв 1917 г. они открыто встали на сторону реакции. Негативная оценка Февральской революции переросла затем во враждебное отношение к победе пролетариата в Октябре 1917 г. Если свержение самодержавия расценивалось энесами как распад государства⁸⁰, то ликвидация власти буржуазии как конец и неудача революции, ее полное поражение. Октябрь — это загубленный Февраль. Причины такого развития событий Мякотину виделись в утомлении народа трехлетней войной, низком культурном уровне всех слоев населения, в неспособности двоевластия оказать положительное влияние на ход революции, противостоянии Советов и Временного правительства. Большевики воспринимались как организаторы удачного военного заговора, а новая власть — как диктатура Советов, как «мужицкая диктатура». Победа большевиков объяснялась их умелыми действиями и ошибками других партий, оказавшихся не в состоянии им противостоять, завоевать доверие и популярность масс. Главной чертой Октябрьской революции Мякотин считал преобладание «местных, классовых и личных интересов над интересами общегосударственными и общенародными». Он упрекал большевиков в последовательности осуществления их замыслов и прямолинейности, в защите классовых, а не общих интересов, в содействии развитию центробежных, а не центростремительных сил, в неспособности рабочего класса к «самоограничению» и «самопожертвованию» во имя «общенародного блага».

Соответственно своим народническим представлениям он видел выход из создавшегося положения на пути восстановления «во всей ее чистоте и неприкосновенности идеи общенародного блага, идеи общенародной воли, идеи народовластия». Мякотин призывал русскую интеллигенцию не уничтожать плоды «векового государственного строительства». Энесы осуждали соглашение левых эсеров с большевиками и создание коалиционного правительства, которому противопоставлялась идея Учредительного собрания как орган подлинного народовластия⁸¹. Петрищев признавал, что деятельность Советов как органов власти развивалась по большевистской линии. «Это была линия Ленина». С неприязнью отмечалось большое влияние большевиков на массы. Новый период в возможном развитии революции Петрищев усматривал в поиске пути «в сторону народовластия», которое якобы избавит страну от хаоса и диктатуры. При этом цитировались известные слова Керенского о том, что в 1917 г. Россия превратилась в страну «взбунтовавшихся рабов»⁸².

Из всего сказанного видно, что в концепции энесов переплетались и сочетались оценки событий 1917 г., свойственные, с одной

стороны, правым эсерам, а с другой — кадетам, что еще раз подтверждало ленинские высказывания относительно близости этого течения народничества либеральной буржуазии.

Анализ взглядов представителей различных политических партий на Октябрьскую революцию убеждает нас в их большом разнообразии при общности исходных теоретических позиций, свойственных народничеству. Однако эти мировоззренческие основы были окончательно разрушены революционными потрясениями 1917 г., что признали сами народники. Так, один из видных деятелей левых эсеров Г. Д. Закс, выступавший от имени партии народников-коммунистов, писал, что Октябрь убедительно показал несостоятельность эсеровских воззрений, их опасность для революции, призывал к отказу от идеи социализации. От народничества былого, «боевого, революционного, ставившего себе крупные исторические задачи. . . не осталось и следа»⁸³. И хотя не все народники были столь категоричны, тем не менее подобные факты свидетельствовали о многом: это было осознание исторического поражения народничества, наступившего после долгих поисков, колебаний и разочарований, после громадных ошибок и жертв, завершившихся крахом. Это была большая трагедия многих из видных деятелей и народничества, оказавшихся банкротами в силу непонимания происходивших в стране событий, неспособности стать выразителями интересов крестьянства в условиях диктатуры пролетариата и влиться в новые социальные структуры. Крестьянство потеряло идеологов, многие из народнических деятелей перестали играть роль политических лидеров, а некоторые оказались в эмиграции, не желая сотрудничать с Советской властью. Поражение и крах народничества связаны и с другой важной проблемой — с перспективой утверждения в стране однопартийной системы, ибо, потерпев поражение и признав Советскую власть защитницей интересов народа, левые народники — члены партии левых эсеров, народники-коммунисты и революционные коммунисты добровольно, по собственному желанию, без какого-либо давления вошли в состав РКП(б).

Следовательно, «полный идейный крах» (слова В. И. Ленина) народничества в России наступил в 1917 г. и был связан с победой пролетарской революции. Он проявился в образовании различных точек зрения на события 1917 г. и перспективы развития страны по социалистическому пути; в противоборстве лидеров и теоретиков различных народнических течений, в идейной конфронтации, отражавшей не просто различные позиции, как это было раньше, а острую идейную борьбу по вопросам революции и социализма; в сближении позиций левых народников с большевиками, что явилось основой для заключения соглашений, а затем их добровольного вступления в партию большевиков; в признании самими народниками ошибочности их теоретической доктрины, партийной программы и тактики, их политики в 1917 г., а затем в период гражданской войны и интервенции; сокращение масштабов влияния народнической идеологии среди различных слоев населения,

широкое распространение марксизма и его утверждение в качестве единственной теоретической доктрины; отказ лидеров и теоретиков народничества от дальнейшей разработки теоретической платформы крестьянской демократии. Понять и принять марксизм (к чему неоднократно призывал В. И. Ленин) они не захотели, а создать свою, новую теорию не смогли. Большевики же в лице народников потеряли достаточно «злых» оппонентов и противников, что впоследствии отразилось на развитии марксизма в России. Таков был реальный итог идейной эволюции и краха народнической доктрины, существовавшей в России более полувека в виде теоретической основы идеологии крестьянской демократии.

-
- ¹ См.: *Гусев К. В.* Крах партии левых эсеров. М., 1963. С. 80—90
- ² См.: *Непролетарские партии России: Урок истории.* М., 1984. С. 253—260, 294—305, 307—309.
- ³ *Сорокин П. А.* Система социологии. Пг., 1920. Т. I. Социальная аналитика, Ч. I: Учение о строении простейшего (родового) социального явления; Т. II: Социальная аналитика, ч. II: Учение о строении сложных социальных агрегатов. В 1923 г. эта работа вышла в Праге в сокращенном виде.
- ⁴ Там же. Т. I. С. 44.
- ⁵ Подробнее об этом см.: *Спирина М. В.* Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров. М., 1987. С. 59—89.
- ⁶ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 139, 416; Т. 40. С. 13.
- ⁷ Там же. С. 446.
- ⁸ См.: *Буревой К. [К. С. Сопляков].* Распад. 1918—1922 гг. М., 1923. С. 81—86.
- ⁹ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 18.
- ¹⁰ Подробнее см.: *Алексеева Г. Д.* Критика эсеровской концепции Октябрьской революции. М., 1989. С. 138—146, 179—190.
- ¹¹ См.: *Чернов В. М.* Война и «третья сила». Пг., 1917. С. 15—17, 39—40.
- ¹² *Залетный А. [Г. Ф. Устинов].* Об объединении максималистов и левых эсеров // *Максималист.* 1918. № 24.
- ¹³ Там же. С. 28.
- ¹⁴ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 87.
- ¹⁵ Там же. С. 156.
- ¹⁶ Там же. С. 157.
- ¹⁷ Там же. С. 44.
- ¹⁸ Там же. С. 59—60.
- ¹⁹ Там же. С. 139.
- ²⁰ Там же. С. 144.
- ²¹ См.: *Зензинов В. М.* Диктатура или народовластие // *Народовластие.* 1918. № 2. С. 21; *Лункевич В.* На своем посту // *Дело.* 1919. № 1. С. 1; Современный момент в оценке партии социалистов-революционеров. Париж, 1919. С. 22.
- ²² *Максималист.* 1921. № 20; 1918. № 7; Воля народа. 1918. 15 мая.
- ²³ См.: Выступление Бабушки (Е. К. Брешковской) на IV съезде партии эсеров (29 ноября 1917 г.) // *Дело народа.* 1918. 1 дек.
- ²⁴ Воля народа. 1918. 15 мая.
- ²⁵ См.: *Пешехонов А. В.* Почему я не эмигрировал. Берлин, 1923. С. 21.
- ²⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 83—84.
- ²⁷ *Чернов В.* Война и «третья сила». С. 4, 30 и др.
- ²⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 34. С. 82.
- ²⁹ Там же. Т. 40. С. 207.
- ³⁰ См. об этом в кн.: *Жуков А. Ф.* Идейно-политический крах эсеровского максимализма. Л., 1979. С. 46—63.
- ³¹ *Светлов Ф.* Задачи максималистов и текущий момент // *Максималист.* 1918. № 1.
- ³² Там же; *Светлов Ф.* Победа труда // Там же. № 2; № 11; 8.

- ³³ Полянский Н. А. Организация власти // Максималист. 1918. № 20—24; № 31.
³⁴ Максималист. 1918. № 31, 32.
- ³⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 272.
- ³⁶ См.: Максималист. 1918. № 3; 18; 26.
- ³⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 122.
- ³⁸ Максималист. 1919. № 8/9. С. 15.
 С такими же идеями Ривкин выступил в статье «Путь к идеалу (Освобождение личности)». См.: Максималист. 1919. № 14/15. С. 3—12, 16.
- ³⁹ Там же. С. 4, 7, 12, 16—19, 21.
- ⁴⁰ Максималист. 1919. № 8/9. С. 21, 22.
- ⁴¹ См.: Кольский Н. К переговорам с партией социалистов-революционеров // Максималист. 1919. № 8/9. С. 23; Б. а. К вопросу объединения революционно-народнических сил // Там же. № 13. С. 3, 4; Нестроев Г. Государство и переходный период // Там же. 1920. № 14/15. С. 13—14 и др.
- ⁴² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 145; Т. 39. С. 169.
- ⁴³ См.: Ракитников Н. Маркс и русская революция: (К 100-летию со дня рождения) // Дело народа. 1918. 4 мая.
- ⁴⁴ Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. Пг., 1918. С. 18; Из недавнего прошлого. Пг., 1918. С. 174.
- ⁴⁵ См.: Гизетти А. Борьба со старым правительством и переворот 27 февраля 1917 г. Лекции 1, 2. С. 23—25 и др.
- ⁴⁶ См.: Год русской революции. Сб. статей. Пг., 1918.
- ⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 23.
- ⁴⁸ Там же. Т. 34. С. 193.
- ⁴⁹ Розенблюм Д. С. Социально-психологические основы большевизма // Большевики у власти. Пг., 1918. С. 6—9.
- ⁵⁰ См.: На перевале // Грядущий день. 1919. № 1. С. 1—2; Лункевич В. О наших днях // Мысль. М., 1918. № 1. С. 173 и др.
- ⁵¹ Большевики у власти. М., 1919. С. 275, 276.
- ⁵² Мысль. 1918. № 1. С. 215—217.
- ⁵³ Из недавнего прошлого. С. 179.
- ⁵⁴ Мысль. 1918. № 1. С. 217—218 и др.
- ⁵⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 191.
- ⁵⁶ См.: Социалист-революционер. 1918. Кн. 1. С. 8; Год русской революции. С. 206; и др.
- ⁵⁷ Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 79.
- ⁵⁸ См.: Карелин В. Перспективы революции // Знамя труда. 1918. 1 янв.; Трутовский В. Особенности русской революции // Там же. 28 сент.; Протоколы Первого съезда партии левых социалистов-революционеров (интернационалистов). М., 1918. С. 35—36.
- ⁵⁹ См.: Камков Б. Две тактики. М., 1918. С. 18, 20, 24; Карелин В. Борьба с голодом. М., 1917. С. 30; Знамя борьбы. 1918. 7, 24 июня; Знамя труда. 1918. 9 мая.
- ⁶⁰ Знамя труда. 1918. 11 янв., 19 апр., 27 июня; Знамя борьбы. 1918. 24 июня.
- ⁶¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 315.
- ⁶² Знамя труда. 1917. 24 сент.
- ⁶³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 100, 122, 185 и др.
- ⁶⁴ Там же. Т. 34. С. 193.
- ⁶⁵ См.: Там же. Т. 35. С. 51—52; Т. 36. С. 198; Иванов-Разумник Р. В. Год русской революции. С. 87; Он же. Свое лицо. Пг., 1922. С. 19—20.
- ⁶⁶ См.: Камков Б. [Б. Д. Кац]. Две тактики. С. 8; Мстиславский В. Не война, но восстание. Пг., 1917. С. 19, Борьба социальных сил // Знамя труда. 1918. 27 янв.
- ⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 40.
- ⁶⁸ Прошьян П. Российская революция и Карл Маркс // Знамя борьбы. 1918. 8 мая.
- ⁶⁹ См.: Трутовский В. Переходный период между капитализмом и социализмом. М., 1918. С. 8, 11, 12, 14, 19—21, 23—25, 30 и др.
- ⁷⁰ См.: Пешехонов А. В. Почему я не эмигрировал. С. 21—28, 61
- ⁷¹ Пешехонов А. Почему мы тогда ушли? (К вопросу о политических группировках в народничестве) // Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 327.

- ⁷² Там же. С. 335, 336.
- ⁷³ См.: *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1917. № 8—10; *Мякотин В. А.* Великий переворот и задачи момента. М., 1917; и др.
- ⁷⁴ *Петрищев А.* Хроника внутренней жизни. С. 301—303, 315, 317 и др.
- ⁷⁵ Русское богатство. 1918. № 8—10. С. 302—304, 309.
- ⁷⁶ Там же. 1917. № 8—10. С. 304.
- ⁷⁷ Там же. С. 299—306, 305—309, 311, 313.
- ⁷⁸ Там же. С. 305—306.
- ⁷⁹ *Воронцов В.* Русская революция и трудовой народ. Пг., 1918. С. 8, 9.
- ⁸⁰ *Пешехонов А. В.* Почему я не эмигрировал. С. 51.
- ⁸¹ См.: *Мякотин В. А.* Годовщина // Русское богатство. 1918. № 1—3. С. 284—287, 289, 291; Русское богатство. 1917. № 11/12. С. 276.
- ⁸² *Петрищев А.* Завершение первого периода // Русское богатство. 1917. № 6/7. С. 274, 276—278.
- ⁸³ Знамя трудовой коммуны. 1918. 6 нояб.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение идейно-теоретических основ народничества последнего этапа его развития позволяет ответить на ряд важных вопросов, связанных с осмыслением сущности мелкой буржуазии как класса, его роли в революционном процессе XX в., характера и форм функционирования идеологии, имеющей весьма широкое распространение и влияние. В России народничество стало идеологией крестьянской демократии, активно борющейся против помещичьего землевладения, за ликвидацию остатков феодализма, за Землю и Волю. Однако народники нередко изображали свою деятельность как борьбу за интересы всего народа, что отражалось и на содержании их выступлений по вопросам общественного развития.

Вся история русского народничества XX в. убеждает в том, что теоретики и лидеры этого массового общественного движения, как бы высоко они ни оценивали свои заслуги, какими бы фантазиями они ни питались, были не способны разобраться в ходе событий, предвидеть результаты своей деятельности, объективно определить свое место и роль в социальных процессах, итоги и возможные последствия социальной борьбы. Успех и популярность оказались иллюзией и химерой, в которую деятели этого движения верили как в нечто неизменное и вечное. Однако по мере развития революционного процесса жизнь ставила перед народниками все новые и новые проблемы, требовала их безотлагательного решения, а они продолжали манипулировать давно устаревшими народническими догмами, которые не отражали сущности происшедших событий. И даже крестьянству, которому они служили и в революционные возможности которого безгранично верили, народники не смогли помочь в борьбе за землю, а часть их (энесы и эсеры) предали его в 1917 г., встав на защиту интересов земельных собственников, отстаивая «законный» путь решения аграрного вопроса. Особенно заметно распад идеологии и ущербность их политики обнаружились в период и после революции 1905—1907 гг., когда кризисные явления проявлялись в идейных спорах, расхождениях и даже в сомнениях отдельных левонародников в правильности избранного пути и возможности достижения успехов посредством традиционных форм борьбы — пропаганды идей народничества и тактики индивидуального террора. Обострение классовой борьбы и революционная ситуация, а затем Февральская революция 1917 г. обеспечили приход к власти мелкобуржуазных радикалов и демократов, однако Февраль и предопределил

их полное банкротство. Соглашение народнических партий (энесов и эсеров) с буржуазией, отказ от своих программ, поддержка политики господствовавших классов, неспособность понять развивавшийся революционный процесс, решить аграрный вопрос, враждебное отношение к пролетариату и его борьбе — все это привело народничество на грань «полного идейного краха», который разразился осенью 1917 г. в условиях победы Октябрьской революции. Октябрь, который главные лидеры и идеологи народничества не поняли, осудили и встретили враждебно, расколол это идейное и политическое течение на две враждебные силы — одна часть народников ушла в лагерь контрреволюции и реакции, другая — встала на сторону революции, поддерживая ее в целом, но не во всем. В этой связи встает вопрос, была ли альтернатива у лидеров этого течения, был ли иной путь по сравнению с тем, который избрало большинство лидеров народников? Вместо защиты интересов народа, соглашения с большевиками они избрали сотрудничество с буржуазией, измену крестьянству. Переход от соглашательства к контрреволюции правого крыла народничества стал логическим завершением идейно-политической эволюции, определявшейся социальной природой зажиточных аграриев и кулаков, враждебно встретивших революцию, ее радикальные меры в решении аграрного и продовольственного вопроса в России.

В ином положении оказались левонароднические деятели, поведение которых было особенно противоречивым, сложным и непоследовательным. Народники, признавшие Советскую власть, отличались друг от друга существенными чертами. Среди них были такие, которые принимали лишь факт революции, но осуждали диктатуру пролетариата во главе с большевиками, другие стали временными попутчиками. Эти позиции отличались большим разнообразием оттенков и неустойчивостью. Например, левые эсеры сначала поддерживали революцию, а затем подняли мятеж в июле 1918 г. Значительная группа левонародников встала на позиции признания Советской власти и диктатуры пролетариата, однако с оговорками, отстаивая идеи о необходимости замены ее диктатурой пролетариата и крестьянства или диктатурой народа. Эсеры-максималисты считали, что политика Советской власти недостаточно революционна и это грозит гибелью революции. Таким образом, приходится констатировать, что все без исключения народнические группировки от крайне правых до левых не смогли понять смысла и значения Октябрьской революции, марксистской концепции об исторической закономерности и необходимости диктатуры пролетариата — важнейшего условия и средства продвижения по пути к социализму. В отрицательном отношении к диктатуре пролетариата, в примитивном понимании этой сложной проблемы, как и в утопических воззрениях на социализм и пути его достижения, проявилась социальная природа этого идейного и политического течения, его классовая ограниченность. Даже те из народников, которые отличались «глубокой преданностью революции и социализму», как П. П. Прошьян

(1883—1918), член ЦК партии левых эсеров, народный комиссар почт и телеграфов, член ВЦИК 2-го созыва, превратились в противников Советской власти¹. Отмечая классовую природу деятелей типа Прошьяна, В. И. Ленин объяснял эволюцию к враждебности в его идейных воззрениях тем, что «разногласия в общих основах мирозерцания с неизбежностью проявили себя при трудном повороте истории». «Субъективизм народников, — отмечал В. И. Ленин, — привел к роковой ошибке даже лучших из них. . . Только в обстановке горячих революционных битв ошибка более жестоко отомстила за себя и толкнула Прошьяна на путь вооруженной борьбы с Советской властью»². Представителей левонароднических партий В. И. Ленин называл «наиболее радикальными, наиболее революционными, наиболее близкими к пролетариату из буржуазно-демократических идеологов крестьянства»³. Однако далеко не все народники заняли такие позиции, ибо большинство наиболее крупных деятелей, лидеров и идеологов этого течения проявляли резко враждебное отношение к Октябрю. Эта политическая полярированность, отражавшая не только неоднородность класса крестьянства, но и характер отношений между его различными социальными слоями, а следовательно, противоположность их классовых устремлений в условиях пролетарской революции, отражалась и в теоретических воззрениях, в объяснениях смысла и значения событий 1917 г.

При всем разнообразии подходов народников, обилии взглядов, предлагавшихся решений, оттенков и нюансов в освещении событий социалистической революции, внутренней и внешней политики Советской власти происходившие в стране изменения они рассматривали с позиций народнической социальной доктрины. Она определяла противоречивость, непоследовательность, сумбурность, беспомощность взглядов даже самых левых народников, пытавшихся разобраться в происходивших событиях с позиций доброжелательного отношения к Советской власти и признания Октябрьской революции, программы обновления страны, предложенной большевиками.

Некоторые советские исследователи (в частности, В. Хорос) склонны считать, что «народники 900-х годов (главным образом эсеры) активно соперничали с революционной социал-демократией за влияние на рабочее движение, проповедовали собственное истолкование марксизма»⁴. Однако подобные утверждения искажают реальную картину того времени. Народники, видя рост популярности большевиков, распространение марксизма, фактически оказались от борьбы за влияние на пролетариат. Более того, они упорно доказывали, что марксисты отражают интересы пролетариата, а народники — крестьянства, стремясь предотвратить влияние идеологов рабочего класса на средние слои. Внимательное ознакомление с народнической литературой 900-х годов показывает, что они и не пытались давать «собственное истолкование марксизма». Их главные усилия были направлены на борьбу с марксизмом, на опровержение его основ — философских, эконо-

мических, социологических. И в этом противоборстве начиная с 90-х годов XIX в. народники терпели поражение. Это признавали и сами реально мыслившие представители этого течения, и «легальные марксисты». Они, правда, не смогли объяснить причины этого процесса бурного вытеснения народничества марксизмом, показать связь социальных и гносеологических основ эволюции народнической доктрины, предвидеть его конечный результат. Их признания особенно важны, ибо они основывались на наблюдениях, свидетельствовавших о том, что с первых шагов борьбы марксизма с народничеством оно неспособно было успешно ни конкурировать, ни соперничать с пролетарским учением. Его лидеры оборонялись, защищались, отступали «с боями», стремясь сохранить былые позиции, теряя их одну за другой. Это закономерное поражение даже в 1917 г., когда идейно-политический крах стал для всех очевидным, не хотели видеть идеологи энесов и правых эсеров.

Вызывает серьезное возражение и другое утверждение В. Хороса, сделанное им на основе сопоставления народничества и марксизма, об относительности грани между научным и ненаучным знанием⁵. Думается, что это неверное мнение могло появиться у автора из-за неглубокого знания народнической концепции, особенно XX в., что привело его к отрицанию коренной противоположности марксистской теории общественного развития и народнической утопии. Воззрения народников в условиях классовой борьбы XX в. были обречены на поражение, и это произошло по мере приближения пролетарской революции и ее победы. Изучение идейной эволюции народничества начала XX в. убеждает нас еще раз в том, насколько сложна эта проблема, как слабо она еще изучена, как много остается спорных вопросов, неверных мнений в нашей литературе, особенно в оценке идейно-теоретических основ народничества.

Изучение воззрений русских народников начала XX в., их сравнение с подобными течениями в других странах, осуществленное Хоросом, позволяет сделать вывод о том, что характер теоретического мышления идеологов мелкой буржуазии является адекватным положению средних слоев в современном обществе, в системе определенных общественных и идеологических отношений. При различных социальных условиях одни и те же идеи повторяются и утверждаются, как правило, определенными слоями интеллигенции, меняя лишь форму изложения, а отнюдь не содержание и аргументацию. Это наблюдается и в наше время в выступлениях лидеров различных неформальных организаций, народных фронтов, народных депутатов СССР, деятелей межрегиональной группы. Такие черты, как отсутствие четких представлений о социальной базе движений и организаций, незнание реальной жизни различных слоев общества, отказ от классового подхода и провозглашение общенародных интересов, свободы личности, развития индивидуальности, призывы к всеобщему единению в условиях роста имущественного расслоения, социального

неравенства и антагонизмов, заставляют задуматься о глубинных истоках этих явлений, появившихся в конце XX в. У ряда лидеров движений наблюдается отсутствие четкости в определении целей и программ развития, увлечение митинговыми и лозунговыми формами действия, философский и экономический нигилизм в сочетании с историческим невежеством, отказ от «марксистских догм» и нежелание разобраться в классическом недогматизированном марксизме и ленинизме, в оценке подобных движений теоретиками пролетариата. Все это получило в нашем обществе достаточно широкое распространение и обращает на себя внимание. Эти явления нуждаются в серьезном изучении и объективной оценке с учетом опыта прошлого, функционированием и крахом подобных идей в начале XX в., о чем повествуется в этой книге. В выступлениях некоторых современных лидеров мы все чаще встречаемся с полным отрицанием значения научных знаний, с требованиями свободы личности и частного предпринимательства, осуществления права труженика на «полный продукт труда» (утопичность этого требования К. Маркс объяснил еще в середине XIX в.), с провозглашением идеи о защите всего народа, хотя становится все очевиднее, что он состоит из различных социальных слоев: трудящейся интеллигенции, рабочих, крестьян, малообеспеченных пенсионеров, студентов, многодетных семей, — интересы которых не имеют ничего общего с социальными устремлениями миллионеров-спекулянтов, кооператоров-расхитителей, представителей верхних эшелонов власти. Такой же абстрактный характер приобретают призывы к духовному возрождению народа, нации. Предлагаются элитарные духовные ценности (Пастернак, Набоков, Булгаков и др.) при отсутствии нужных народу изданий, способных поднять его культуру и духовность, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Чехова и др. О какой демократизации культуры может идти речь, если она коснулась лишь верхних слоев интеллигенции, которым доступны лучшие театры, выставки, концерты. Нередко за словами об интересах народа скрывается корпоративная и групповая заинтересованность, а забота о народе и его духовности сочетается с необоснованными обвинениями в бескультурье, примитивизме, царистской идеологии⁶, которые якобы породили культ личности, тогда как он был создан и навязан народу партократией и определенными слоями интеллигенции, активно участвовавшей в идеологической обработке общественного мнения в 30—40-е годы. Да и сами объяснения феномена Сталина во многом напоминают народнические рассуждения о всеисилии выдающихся личностей, способных в силу своих индивидуальных особенностей вершить судьбы народов и стран.

Создалась парадоксальная ситуация: при отсутствии в стране мелкой буржуазии в процессе перестройки и демократизации идеологической жизни под флагом деидеологизации происходит тот же самый процесс распространения концепций и воззрений, полностью тождественных тем взглядам и позициям, которые имели распространение в начале века и выразителями которых

были и народники — идеологи мелкой буржуазии, крестьянские демократы и революционеры. Что это такое? Почему наше духовное возрождение приобрело, мягко говоря, такой странный характер? Пока еще никто не ставит этих вопросов и не пытается на них ответить. Может быть, это претензии некоторых слоев интеллигенции, малообразованной молодежи на руководство движением любыми средствами, претензии интеллигенции, не потерявшей или возродившей свою мелкобуржуазную природу в условиях нашего социалистического бытия? Думается, об этом следует серьезно подумать, ибо призывы к возрождению мелкого крестьянского хозяйства, свободы торговли, семейного подряда в условиях, когда весь мир переходит на индустриальное сельскохозяйственное производство с использованием новейших достижений компьютерной техники, сельскохозяйственной и биологической науки, раздаются от людей, никогда не живших и не работавших в современной деревне. Опять нашему крестьянству предлагается альтернатива старонароднического типа. Непонятно, откуда на митингах, в газетах и журналах появляются лозунги народнического типа: «За вашу и нашу свободу!», «Земля и воля!»⁷, громко звучавшие в начале XX в. Что это? Сознательное возвращение к прошлому на базе его знания и понимания или произвольное возрождение идей и лозунгов (от которых отказались сами народники), связанное с определенными социальными слоями, разбуженными к политической жизни после долгой спячки и возрождающими в конце XX в. идеи и призывы широкого общественного движения XIX—начала XX в., имевшего по своей социальной природе мелкобуржуазный характер? Сможем ли мы с помощью этих идей обновить наш социализм? Рано или поздно нам придется на эти вопросы ответить!

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 377 С. 384—385.

² Там же. С. 385.

³ Там же. С. 326.

⁴ Хорос В. Г. Идеинные течения народнического типа в развивающихся странах. М., 1980. С. 51.

⁵ См.: Там же. С. 240.

⁶ См.: Зевелев А. И. Из истории утверждения единовластия Сталина. М., 1989.

⁷ См.: Согласие (Орган литовского движения за перестройку). 1990. 12—18 февр.; Сельская жизнь. 1990. 25 янв.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

3

Глава первая ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

9

Глава вторая МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НАРОДНИЧЕСТВА

18

Глава третья ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НАРОДНИКОВ

49

Глава четвертая НАРОДНИКИ XX в. И Н. К. МИХАЙЛОВСКИЙ

93

Глава пятая РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 гг. И НАРОДНИЧЕСТВО

138

Глава шестая НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ В ТРУДАХ НАРОДНИКОВ

176

Глава седьмая ОКТЯБРЬ И ПОЛНЫЙ ИДЕЙНЫЙ КРАХ НАРОДНИЧЕСТВА

209

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

241

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Алексеева

Галина Дмитриевна

НАРОДНИЧЕСТВО

В

РОССИИ

в XX в.

(Идейная эволюция)

Утверждено к печати
Институтом истории СССР
Академии наук СССР

Редактор издательства

Г. В. Моисеенко

Художник

Ф. Н. Буданов

Художественный редактор

М. П. Храмцов

Технические редакторы

Т. В. Полякова, Н. Н. Плохова

Корректоры

Т. П. Вдов, Л. И. Николаева

ИБ № 46013

Сдано в набор 04.05.90

Подписано к печати 28.12.90

Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная № 1

Гарнитура литературная

Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,5. Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 18,3

Тираж 2500 экз. Тип. зак. 380

Цена 4 руб.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»

117864, ГСП-7, Москва, В-485

Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени

Первая типография издательства «Наука»

199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

